Ахмед Рашид

ТАЛИБАН

Ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии

Annotation

Книга известного пакистанского журналиста-международника Ахмеда Рашида посвящена истории движения «Талибан», которому в ходе кровопролитной гражданской войны почти удалось захватить власть в Афганистане. События 11 сентября 2001 года, однако, поставили точку в победоносном марше талибов. Особая ценность книги в том, что ее первое издание вышло до 11 сентября, и читатель может видеть события так, как видел их внимательный и хорошо информированный наблюдатель в 90-х годах прошлого века. Особое внимание в книге уделено геополитическим и геоэкономическим факторам, обусловившим взлет и падение талибов. Книга подробно рассказывает о соперничестве нефтяных корпораций за влияние в Афганистане и о той роли, которую великие и малые державы сыграли в истории Центральной Азии за последние 10 лет.

- Предисловие и благодарности
- Новое предисловие
- Введение. Солдаты священной войны
- Часть 1
  - Глава 1. Кандагар, 1994
  - Глава 2. Герат, 1995
  - Глава 3. Кабул, 1996
  - Глава 4. Мазари-Шариф, 1997
  - Глава 5. Бамиан, 1998–1999
- Часть 2
  - Глава 6. Вызов исламу
  - Глава 7. Тайное общество
  - Глава 8. Однополое общество
  - Глава 9. Ставка на героин
  - Глава 10. Глобальный джихад
- Часть 3. Новая Большая игра
  - Глава 11. Диктаторы и нефтяные магнаты
  - Глава 12. Роман с Талибаном — 1
  - Глава 13. Роман с Талибаном — 2
  - Глава 14. Хозяин или жертва
  - Глава 15. Шииты и сунниты
- Заключение. Будущее Афганистана
- Приложения
  - Приложение 1. Образцы указов Талибана в отношении женщин и других культурных проблем, изданных после захвата Кабула в 1996

году[337]
    - Приложение 2. Структура Талибана
    - Приложение 3. Хронология движения Талибан
    - Приложение 4. Новая Большая игра
    - Приложение 5. Словарь афганских терминов
    - Приложение 6. Библиография
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35

- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77

- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119

- 120
- 121
- 122
- 123
- 124
- 125
- 126
- 127
- 128
- 129
- 130
- 131
- 132
- 133
- 134
- 135
- 136
- 137
- 138
- 139
- 140
- 141
- 142
- 143
- 144
- 145
- 146
- 147
- 148
- 149
- 150
- 151
- 152
- 153
- 154
- 155
- 156
- 157
- 158
- 159
- 160
- 161

- 162
- 163
- 164
- 165
- 166
- 167
- 168
- 169
- 170
- 171
- 172
- 173
- 174
- 175
- 176
- 177
- 178
- 179
- 180
- 181
- 182
- 183
- 184
- 185
- 186
- 187
- 188
- 189
- 190
- 191
- 192
- 193
- 194
- 195
- 196
- 197
- 198
- 199
- 200
- 201
- 202
- 203

- 204
- 205
- 206
- 207
- 208
- 209
- 210
- 211
- 212
- 213
- 214
- 215
- 216
- 217
- 218
- 219
- 220
- 221
- 222
- 223
- 224
- 225
- 226
- 227
- 228
- 229
- 230
- 231
- 232
- 233
- 234
- 235
- 236
- 237
- 238
- 239
- 240
- 241
- 242
- 243
- 244
- 245

- 246
- 247
- 248
- 249
- 250
- 251
- 252
- 253
- 254
- 255
- 256
- 257
- 258
- 259
- 260
- 261
- 262
- 263
- 264
- 265
- 266
- 267
- 268
- 269
- 270
- 271
- 272
- 273
- 274
- 275
- 276
- 277
- 278
- 279
- 280
- 281
- 282
- 283
- 284
- 285
- 286
- 287

- 288
- 289
- 290
- 291
- 292
- 293
- 294
- 295
- 296
- 297
- 298
- 299
- 300
- 301
- 302
- 303
- 304
- 305
- 306
- 307
- 308
- 309
- 310
- 311
- 312
- 313
- 314
- 315
- 316
- 317
- 318
- 319
- 320
- 321
- 322
- 323
- 324
- 325
- 326
- 327
- 328
- 329

- 330
- 331
- 332
- 333
- 334
- 335
- 336
- 337
- 338
- 339

Моей матери, она научила меня видеть то, что я видел.

Надеюсь, я оказался хорошим учеником.

И моей Анджелес.

Предисловие и благодарности

Эта книга писалась 21 год — все то время, пока я писал об Афганистане как журналист. Война в Афганистане заняла значительную часть моей жизни, хотя как пакистанскому журналисту мне хватало работы и дома, а потом я писал о Средней Азии и о распаде Советского Союза.

Почему Афганистан? Всякий, кто знаком с афганцем или хоть раз побывал в Афганистане в военное или в мирное время, поймет меня, если я назову эту страну и ее народ одними из самых удивительных в мире. Афганцы оказались жертвой одной из самых больших трагедий нашего времени — самой долгой гражданской войны, принесшей им неисчислимые бедствия.

Их история и характер сотканы из противоречий. Храбрые, прекрасные, достойные, великодушные, гостеприимные, грациозные, красивые мужчины и женщины Афганистана могут быть также и бесчестными, алчными и кровожадными.

На протяжении веков попытки понять Афганистан и его народ уже стали высоким искусством и тонкой политической игрой в руках персов, монголов, англичан, Советов, а в последнее время — пакистанцев. Но никто из чужестранцев не может претендовать на то, что когда-либо покорил их и расположил к себе. Только афганцы смогли в этом столетии защитить себя от двух империй — Британской и Советского Союза. Но за 21 год войны они заплатили неимоверную цену — более 1,5 миллионов убитых и полное разрушение страны.

Что касается меня, то в моих афганских приключениях мне часто сопутствовала удача. Много раз я оказывался в нужном месте в нужное время. Я видел, как танки прокладывали себе путь во дворец президента Мохаммада Дауда в 1978 года во время переворота, положившего начало распаду Афганистана. Через год я пил чай на кандагарском базаре, когда туда въехали первые советские танки. Когда я писал о войне Советского Союза против моджахедов, моя семья уговаривала меня написать книгу, как многие журналисты тогда делали. Но я не стал этого делать. У меня было слишком много чего сказать, и я не знал, с чего начать.

Я твердо намеревался написать книгу после нескольких месяцев, проведенных в Женеве на изматывающих переговорах при посредничестве ООН, которые закончились подписанием Женевских соглашений и выводом: советских войск из Афганистана. Мне повезло, будучи среди 200 других журналистов, оказаться свидетелем внутренней борьбы между дипломатами из ООН, США, Советского Союза, Пакистана, Ирана и Афганистана. Но эта книга так и не была написана: афганцы, моя первая любовь, немедленно после

Женевы начали кровавую, бессмысленную гражданскую войну, которая длится и поныне.

Вместо этого я направился в Среднюю Азию, чтобы увидеть предков афганцев и стать свидетелем распада Советского Союза, который был описан мною в книге с точки зрения новых независимых государств. Но Афганистан снова тянул меня к себе.

Мне стоило бы написать еще одну книгу в 1992 году, когда я провел месяц под пулями в Кабуле, наблюдая падение режима Наджибуллы и захват города моджахедами. Но затем афганская эпопея привела меня в Москву, Вашингтон, Рим, Джидду, Париж, Лондон, Ашхабад, Ташкент и Душанбе. В конце концов уникальность Талибана и отсутствие литературы о его молниеносном взлете побудили меня написать книгу о нем как продолжение последних 21 года афганской истории и истории моей жизни.

Долгие годы я был единственным пакистанским журналистом, серьезно занятым Афганистаном, хотя война шла совсем рядом и именно Афганистан придавал смысл пакистанской внешней политике и позволял режиму генерала Зия-уль-Хака удерживать власть. Еще в 1982 году я был уверен, что афганская политика Исламабада будет иметь критическое значение для национальной безопасности Пакистана, его внутрепней политики и создаст угрозу исламского фундаментализма внутри страны. Сегодня, кода Пакистан стоит на краю политической, экономической и социальной пропасти, а культура наркотиков, оружия, коррупции и насилия разъедает страну, происходящее в Афганистане приобретает еще большее значение для Пакистана.

Пакистанские политические деятели не всегда были согласны с тем, что я пишу. А быть несогласным с Зия-уль-Хаком не так-то просто. В 1985 году меня несколько часов допрашивали в разведке и запретили писать в течение шести месяцев из-за высказанной мною критики. Я продолжал писать под псевдонимами. За мной следили, мои телефоны прослушивались.

Афганистан, как и сами афганцы, это страна противоречий, и это не может не сказаться на жизни репортера. Гольбуддин Хекматьяр, экстремистский лидер моджахедов, приговорил меня к смерти за симпатии к коммунистам — вместе с Джорджем Эрни из *BBC* — и целый год печатал мое имя в своей партийной газете как преступника, находящегося в розыске. Позднее в Кабуле толпа чуть не растерзала меня, когда я оказался на месте взрыва ракеты, выпущенной Хекматьяром и убившей двух малышей в Микройане[1]. Афганцы думали, что я агент Хекматьяра, посланный посмотреть на результат обстрела.

В 1981 году, когда Наджибулла был главой знаменитого ХАДа, коммунистической секретной службы, созданной по образу и подобию КГБ, он лично допрашивал меня после того, как я был арестован за чтение запрещенного журнала *Time* на Кабульском почтамте. Став президентом, он дал мне несколько интервью. Он думал, что я могу быть посредником между ним и премьер-

министром Беназир Бхутто. Я сказал ему, что она не станет меня слушать. Так оно и произошло.

Много раз я попадал в перестрелки — между афганскими коммунистическими войсками и моджахедами, между разными группами моджахедов, между танками Талибана и Ахмад Шаха Масуда. Я никогда не был воякой и почти всегда старался спрятаться.

Мой интерес к Афганистану не мог быть удовлетворен без помощи многих людей, и прежде всего афганцев. Я приношу благодарность муллам Талибана, полевым командирам, воевавшим против Талибана, военачальникам, простым солдатам, таксистам, интеллектуалам, социальным работникам и крестьянам — их слишком много, чтобы назвать их поименно, да это и небезопасно для них.

Я получил большую помощь от пакистанских министров, дипломатов, генералов, чиновников и офицеров разведки, которые либо хотели использовать меня, либо искренне сочувствовали моим взглядам. Многие из них стали моими друзьями.

Многие годы учреждения ООН и неправительственные благотворительные организации давали мне приют в моих странствиях по Афганистану и снабжали меня идеями, информацией и поддержкой. *Я* очень благодарен руководителям Управления ООН по координации гуманитарной помощи Афганистану: Мартину Барберу, Альфредо Витски-Честари, Эрику де Мулу и Бриджитте Нойбахер, которая занимается Афганистаном почти столько же, сколько и я. Я признателен сотрудникам Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев: Роберту ван Леувену, Шамсусу Бари, Шри Виджаратне, Жаку Мюше, Руперту Колвилу и Монике Малха. Неутомимый Адан Адар из Мировой продовольственной программы понимал Талибан лучше, чем любой другой сотрудник ООН.

Я должен поблагодарить сотрудников Специальной Миссии ООН в Афганистане: Фрэнсиса Окело, Джеймса Нгоби, Хироси Такахаси, Арнольда Шиффердекера и Эндрю Тезориере, а также Бекона Севана и Эндрю Гилмора из Нью-Йорка; Томаса Гартнера и Оливера Дурра из Международного Комитета Красного Креста, Фредерика Руссо и Мари-Пьер Кале из АКТЕД, Эндрю Уайлдера и Софи Элейссен из Фонда спасения детей. Эта книга не могла появиться на свет без дружеской поддержки Лахдара Брахими, специального представителя Генерального секретаря ООН по Афганистану.

В течение 16 лет я писал об Афганистане для *Far Eastern Economic Review*, и я бесконечно признателен его редакторам, в особенности Найану Чанде, за то, что мне предоставляли место в журнале, оплачивали командировочные расходы и поддерживали интерес к незнаменитой войне на задворках Азии. Бывший редактор международного отдела В. Г. Кулкарни пошел на огромный риск, убедив начальство поставить мой рассказ о войне из-за нефте — и газопровода Средняя Азия-Афганистан на первую полосу. Оттуда и пошло знаменитое

выражение «новая Большая Игра». Его преемники Эндрю Уоллер и Эндрю Шерри продолжили эту традицию.

Я благодарен редакторам международного отдела *Daily Telegraph* Найджелу Уэйду, Патрику Бишопу и Стефану Робинсону за то, что они не совсем забыли про Афганистан. А также моим коллегам-журналистам *BBC World Service, Radio France International* и *Radio Australia* за возможность высказать мою точку зрения по радио.

В Пакистане редактор газеты *Nation* Ариф Низами всегда защищал меня, когда я исписывал горы бумаги на афганскую тему. Он всегда давал мне место на первой полосе и принимал удар на себя, когда звонили вечно недовольные люди из правительства. Шерри Рахман, бывшая редактор *Herald,* охотно позволяла мне заполнять журнал моими фотографиями и статьями.

Этот труд не был бы закончен без колоссальной дружеской поддержки и веб-сайта Барнетта Рубина, чьи познания об Афганистане превосходят познания любого другого известного мне человека. Я сердечно признателен сообществу афганистов — ученых, журналистов, защитников прав человека, которые, как и я, не могут оставить эту тему и у кого я столь многому научился. Среди них Оливье Руа, Нанси Хач Дюпре, Ашраф Гани, Уильям Мэйли, Андерс Фанге, Чита Маас, Икбал Ахмад, Пэтти Гроссман, Аббас Фаиз, Стив Левин, Тони Дэвис, Эдвард Жираде, Садао Сакаи, Тим МакГирк, Боб Никлсберг, Малия Лоди, Рахимулла Юсуфзай, Лесли Кокберн, Франсуа Шипо, Дженнифер Гриффин и Гретхен Питерс.

Я искренне признателен Кати Ганнон, начальнику бюро *Associated Press* в Исламабаде и Кабуле, которая заслуживает нескольких Пулитцеровских премий за свою многолетнюю превосходную работу, не говоря уж о ее щедрости и скромности. Приношу благодарность начальникам бюро *Reuters* в Исламабаде Джейн Макартни, Алистеру Лайону и Энди Хиллу. Я благодарен Саре Хант Кук, моему редактору из I.*B.Tauris*, которая верила в этот проект с самого начала и терпеливо относилась к моим отклонениям от графика.

Эта книга не была бы написана без терпения, любви и понимания моей жены, Анджелес, и моих детей, которые мирились с моими долгими отлучками и долгое время разделяли мои чувства к Афганистану.

Ахмед Рашид. Лахор

Новое предисловие (после нападения террористов 11 сентября 2001 года)

Начиная с 1989 года США и Запад не обращали внимания на идущую в Афганистане гражданскую войну. 11 сентября 2001 года мир изменился навсегда. В этот день Афганистан напомнил миру о себе самым жестоким и трагическим образом. Девятнадцать самоубийц угнали четыре самолета и затем протаранили ими башни-близнецы Всемирного Торгового центра в Нью-Йорке и Пентагон в Вашингтоне. Эти люди входили в организацию *Аль-Каида*, которую возглавлял Усама бин Ладен. Она базировалась в Афганистане, где хозяйничал Талибан. Террористы целились в самое сердце «мира после холодной войны», в нервный центр глобализации и попыток сделать мир якобы лучше и безопаснее.

Через несколько часов после нападения президент Джордж В. Буш объявил, что Америка находится в состоянии войны с международными террористами. «Те, кто начал войну с Соединенными Штатами, сами избрали свою гибель», — сказал он 15 сентября, объявив по всей стране чрезвычайное положение. Он предупредил, что ответ США будет войной «без фронта и тыла» и что война «скоро не кончится». Он обещал создать международный альянс при помощи НАТО и других союзников и покарать *Аль-Каиду* и Талибан.

Это обещание принесло плоды. Через месяц после сентябрьских атак США с помощью некоторых союзников (в основном, Великобритании) начали бомбить Афганистан. Северный Альянс, состоящий из таджиков, узбеков и хазарейцев, взял Мазари-Шариф, затем Герат и, наконец, Кабул. Сопротивление талибов было подавлено американским господством в воздухе и прямой американской помощью Северному Альянсу. Более прагматичные пуштунские полевые командиры, служившие Талибану, теперь, по доброй традиции, перешли к новым господам. Даже падение твердыни талибов — Кандагара — оказалось обделено событиями, за исключением захватывающего бегства лидера Талибана Муллы Омара на мотоцикле.

А что же *Аль-Каида* и Усама бин Ладен? Несмотря на интенсивные бомбардировки восточного Афганистана, никаких признаков бин Ладена так и не нашли. Ходили слухи, что он погиб или бежал в Пакистан, в Кашмир и даже в Ирак. Большая часть уцелевших бойцов *Аль-Каиды* была захвачена в плен и, после отчаянного, но безнадежного восстания в тюрьме Мазари-Шарифа, несколько десятков их было переброшено в Гуантанамо, американскую военную базу на Кубе, а остальные находятся в заключении в Афганистане. На политическом фронте спешно собранная конференция представителей

различных афганских фракций 27 ноября в Бонне избрала Хамида Карзая главой временного правительства до созыва Лойя Джирги — собрания старейшин племен под опекой бывшего короля Захер Шаха. Карзай пользовался большим успехом у западных политиков, его визит в Вашингтон и встреча с президентом Бушем должны были знаменовать окончательную победу над Талибаном. Но власть Карзая над его собственной страной признавалась не слишком широко, а соперничество племен и полевых командиров грозило нарушить хрупкое равновесие. И в подтверждение того, насколько неустойчив мир, остатки непримиримых талибов и бойцов *Аль-Каиды* в начале марта 2002 года возобновили сопротивление в районе Гардеза, и снова американские самолеты сбрасывали на них свои жуткие вакуумные бомбы, убивая сотни талибов и их союзников, засевших в горных пещерах.

Какое бы будущее ни ожидало Афганистан, нельзя не признать огромного значения событий 11 сентября, приведших к падению Талибана. Пилоты-самоубийцы, получившие летные навыки в США и Германии, происходят из нового поколения боевиков-исламистов. Они образованны, принадлежат к среднему классу, у них есть работа, семья, любимые женщины. Но они исполнены гневом и ненавистью, они терпеливо копили его несколько лет, думая лишь о том, как бы им убить 4000 человек, многие из которых были верующими американскими мусульманами. Понять эту ненависть, понять ту организацию, которая их воспитала и вдохновила, — одна из задач этой книги.

Понятно, что *Аль-Каида* не могла спланировать и организовать этот акт, если бы не располагала надежным убежищем, в котором имелось все: возможность учиться, деньги, связи и духовная поддержка. За то время, пока США и Великобритания не обращали на него внимания, Талибан превратил Афганистан в прибежище для экстремистских групп из более чем двух десятков стран. *Аль-Каида*, имевшая в Афганистане от двух с половиной до трех тысяч штыков, набранных в тринадцати странах, и располагавшая сетью в тридцати четырех странах, — это всего лишь верхушка очень большого айсберга. Талибан давал приют и другим исламским группам — из России, Пакистана, Китая, Бирмы, Ирана, Средней Азии и нескольких стран Дальнего Востока. Все они воевали на стороне талибов и потихоньку осуществляли собственные политические планы у себя дома. Афганистан стал ядром всемирной террористической сети, хотя в этом и нет вины его нищего народа, страдавшего от засухи, голода, гражданской войны и лишений, вызванных войной между Талибаном и его противниками из Северного Альянса.

Предвестником акта 11 сентября было убийство лидера Северного Альянса Ахмад Шаха Масуда, наиболее вероятного вождя оппозиции. Два марокканца с бельгийскими паспортами, проделавшие путь из Брюсселя в Кабул через Лондон и Исламабад, выдавали себя за журналистов. Бомбу они спрятали в видеокамере. Едва приступив к интервью с Масудом, они взорвали и Масуда, и себя. Раненный осколками в голову и в туловище, Масуд прожил всего

несколько часов. Почти нет сомнения, что этот теракт был организован *Аль-Каидой* для того, чтобы укрепить свои тесные связи с руководством Талибана и лишить Северный Альянс его самого одаренного лидера. И в то же самое время *Аль-Каида* готовила намного более крупный теракт, который наверняка навлечет американское возмездие на Афганистан. Бин Ладен и лидер Талибана Мулла Мохаммад Омар, казалось, были уверены в том, что они поступят с американскими силами вторжения так же, как моджахеды поступили с Советской Армией.

Гнев талибов против Запада усилился в начале года[2]. 19 января Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1333, которая накладывала санкции на Талибан. Санкции означали полный запрет на поставку оружия, конфискацию активов Талибана за пределами Афганистана, запрет на поездки членов Талибана за границу и прекращение международных рейсов авиакомпании Ariana. Совет Безопасности объявил контролируемый талибами Афганистан центром мирового терроризма и потребовал выдачи бин Ладена. Талибы с гневом отвергли это и заявили, что никогда не выдадут его. Талибы были еще более рассержены тем, что поставки оружия их противникам не попали под запрет, и Северный Альянс продолжал получать военную помощь из России, Ирана, Индии и республик Средней Азии.

Пакистан, главный поставщик оружия и топлива Талибану, оказался в затруднении, но обещал выполнять решение о санкциях. Однако ежегодный доклад госдепартамента США о глобальном терроризме, вышедший 30 апреля, гласил, что Пакистан продолжает предоставлять талибам «топливо, деньги, техническую поддержку и военных советников». В то же время неправительственная организация *Human Rights Watch* опубликовала разоблачительный отчет, где говорилось, что Пакистан нарушает режим санкций и по-прежнему снабжает Талибан военным имуществом и живой силой. По мере того, как подозрения в отношении Пакистана росли, Совет Безопасности ООН принимает 31 июля резолюцию № 1363. В соответствии с ней на границах с Афганистаном должны быть размещены наблюдатели для контроля за соблюдением эмбарго. Талибы и поддерживающие их пакистанские исламские партии заявили в ответ, что будут убивать всех наблюдателей ООН, если они появятся на границе.

На протяжении первых девяти месяцев 2001 года было много признаков надвигающегося теракта. 5 февраля в Нью-Йорке начался суд над четырьмя арабами — сообщниками бин Ладена. Они обвинялись во взрыве двух американских посольств в Африке в 1998 году. 29 мая все четверо были признаны виновными по 302 эпизодам обвинения и приговорены к длительным тюремным срокам за терроризм. В апреле алжирец Ахмад Рессам был осужден за перевозку взрывчатки из Канады: в США. С помощью этой взрывчатки он собирался в 2000 году взорвать аэропорт в Лос-Анджелесе. С января по август в Италии, Германии, Испании и Великобритании было арестовано двадцать

алжирцев, которые якобы планировали совершить ряд терактов в Европе. Они были тесно связаны с бин Ладеном и прошли подготовку в Афганистане. 23 июня американские ВМФ в Аравийском море были приведены в состояние самой высокой боевой готовности из-за угрозы теракта. В нескольких странах Африки и Персидского залива были закрыты американские посольства. Вашингтон предупредил Талибан, что тот будет нести ответственность за любое нападение, совершенное бин Ладеном.

В результате санкций ООН режим талибов оказался в международной изоляции. Но талибы перешли в наступление, думая бросить вызов давлению со стороны Запада. Начавшаяся год назад засуха продолжалась, гражданская война и коллапс сельского хозяйства усугубляли гуманитарную катастрофу, число беженцев возросло еще на миллион человек. Тяжелые бои продолжались в Хазараджате, населенном шиитами-хазарейцами, к которым талибы-сунниты относились с отвращением. 8 января талибы вновь овладели Чагчараном. Позднее защитники прав человека установили, что талибы убили 210 мирных жителей в городе и окрестностях. Северный Альянс вновь захватил город Бамиан 13 февраля, но талибы быстро отбили его.

26 февраля Мулла Омар, желая наказать хазарейцев и принудить их к покорности, приказал своим войскам разрушить две гигантские статуи Будды, более 1800 лет возвышавшиеся над долиной Бамиана. Пока талибы собирали танки и динамит, это решение вызвало широкий международный протест. Многие страны, в частности Япония, Шри-Ланка и Египет, направили делегации к талибам с просьбой остановить уничтожение статуй. Во многих столицах мира прошли демонстрации буддистов, афганцев и любителей искусства, но Талибан не снизошел, и 10 марта статуи были разрушены огнем танковых орудий и взрывами. Талибы уничтожили также около 40 статуй из Кабульского музея и массивную древнюю статую лежащего *Будды* в Газни. Талибан обвинил весь мир в том, что их режим находится в изоляции и голодающий народ значит меньше, чем эти статуи, хотя самих талибов участь народа заботила меньше всего.

Разрушение Будд пробудило некоторые страны от летаргии и показало им опасность, которую представляет режим талибов. Лидер Северного Альянса Ахмад Шах Масуд *впервые* посетил Европу в апреле. Он выступил с речью в Европейском парламенте в Страсбурге, был принят в штаб-квартире Европейского Сообщества в Брюсселе и французским министром иностранных дел в Париже. Позиции Северного Альянса укрепились после возвращения в страну генерала Рашида Дустома, который с помощью Турции создал базу на севере Афганистана и попытался объединить вокруг себя всех узбеков, воюющих против талибов, и Исмаил Хана, бывшего правителя западного Афганистана, создавшего при поддержке Ирана очаг сопротивления в провинции Гор. Северному Альянсу удалось открыть два новых фронта и рассредоточить силы талибов во время летней кампании.

Глава Кабульской Шуры, или правительства, и заместитель главы движения, мулла Мохаммад Раббани, умер от рака в госпитале в Карачи 16 апреля. Раббани считался умеренным и был сторонником диалога с Масудом. Его смерть знаменовала собой отказ умеренного крыла Талибана от сопротивления «твердолобым», которые были полны решимости противостоять Западу и создать наиболее чистое исламское государство в мире.

Твердость талибов привела и к усилению противостояния с ООН и другими гуманитарными организациями, а также к принятию законов, грубо нарушающих права человека и оттолкнувших от движения многих афганцев. 19 мая талибы закрыли итальянский госпиталь в Кабуле и вынудили европейских врачей бежать, так как их обвинили в сожительстве с афганскими женщинами. Через два дня Талибан отказался делать детям прививки от полиомиелита в рамках кампании, организуемой ООН. 22 мая Талибан объявил, что все индусы в стране обязаны носить желтые нашивки на одежде, чтобы их всегда можно было опознать. Это вызвало осуждение во всем мире, и через несколько недель Талибан отступил, ограничившись тем, что индусы обязаны носить удостоверения личности. В Афганистане до сих пор остается приблизительно 1700 индусов и сикхов. 31 мая Талибан запретил всем иностранкам — сотрудникам благотворительных организаций — водить машины.

Наиболее серьезный конфликт Талибана с благотворителями произошел после того, как Мировой продовольственной программе ООН было запрещено проводить опрос получателей дешевого хлеба в принадлежащих МПП кабульских булочных. После нескольких месяцев безуспешных переговоров МПП пригрозила закрыть 157 булочных в Кабуле 15 июня. Талибан попросил о помощи несколько арабских и мусульманских благотворительных организаций, но помощь оказалась незначительной. 15 июня МПП все-таки закрыла свои булочные, вынудив Талибан два дня спустя пойти на компромисс. 13 июля Талибан запретил пользование Интернетом. Через неделю Талибан запретил ввоз в страну тридцати наименований товаров, в том числе игр, кассет с записью музыки и губной помады. 5 августа конфликт с благотворительными организациями обострился: Талибан арестовал восьмерых иностранцев и шестнадцать афганцев, принадлежащих к организации *Shelter Now International*, обвинив их в распространении христианства, — а за это полагалась смертная казнь. Суд над восемью иностранцами, четверо из которых были немцами, начался в кабульском Верховном Суде 4 сентября.

Ежегодное весеннее наступление талибов началось 1 июля, когда 25 тысяч талибов (в том числе около 10 тысяч неафганцев — арабов, пакистанцев, средиеазиатов) атаковали позиции Северного Альянса под Кабулом, в провинции Тахар на северо-востоке страны и в Хазараджате. Северному Альянсу не удалось захватить новые территории, но он успешно оборонялся и смог, благодаря открытию новых фронтов на севере и на западе, распылить силы Талибана. В августе в своем докладе Совету Безопасности Генеральный

секретарь Кофи Аннан выступил за новый «всеобъемлющий подход» к установлению мира в Афганистане, назвав прошлые попытки «бесплодными предприятиями» и предложив новую стратегию поощрений и наказаний, а также план восстановления страны. Аннан упомянул о том, что сейчас на стороне талибов воюет больше иностранцев — радикальных исламистов, чем когда-либо прежде.

За время этого политического кризиса страдания афганского народа возросли неимоверно. Афганистан был назван первым среди гуманитарных катастроф 2001 года. Афганцы дали миру самое большое число беженцев — 3,6 миллиона, из них 2,2 миллиона в Пакистане и 1,2 миллиона в Иране. К сентябрю их число увеличилось более чем на миллион: 800 000 перемещенных лиц внутри страны, 200 000 новых беженцев в Пакистане и 100 000 в Иране. Затянувшаяся засуха согнала миллионы сельских жителей в города, где благотворительные организации уже не справлялись с работой из-за нехватки ресурсов и домогательств Талибана. Только в январе 2001 года сто афганцев умерло от переохлаждения в шести лагерях беженцев в Герате, в которых собралось более 80 000 человек. В северном Афганистане, где было более 200 000 беженцев, люди ели траву, корм для животных, мелких грызунов. Они продавали своих дочерей за бесценок, чтобы купить еду.

ООН была не в состоянии справиться с кризисом в сельском хозяйстве, Обзор 24 провинций, изданный МОП в апреле 2001 года, гласил, что количество обрабатываемой земли сократится в 2001 году вдвое сравнительно с предыдущим годом из-за засухи и недостатка семян, а 70 процентов поголовья скота уничтожено из-за нехватки воды и пастбищ. В июне ООН объявила о возможности массовой гибели людей от *голода* в случае, если международное сообщество не увеличит размеры помощи. Однако из-за отношения талибов к благотворительным организациям многие западные страны-доноры помогали неохотно. МПП заявила, что ей потребуется прокормить 5,5 миллионов обездоленных зимой 2001–2002 годов вместо 3,8 миллионов в 2000 году. Участь афганцев привлекла внимание всего мира в августе, когда *Австралия* отказалась предоставить убежище 438-ми беженцам, в большинстве своем афганцам, спасенным норвежским контейнеровозом с *тонущего* индонезийского судна, на котором они пытались добраться до Австралии. Афганцы составляют самую большую общину среди нелегальных иммигрантов в Европе.

По иронии судьбы, единственное требование международного сообщества, которое Талибан наконец исполнил, — запрет возделывания опиумного мака — *усугубило* экономический кризис. Маковые головки превращаются в опиум и героин, бывший главным источником дохода для всех воюющих сторон в Афганистане. Мулла Омар запретил возделывание мака в июле 2000 года, и этот запрет строго соблюдался. В марте 2001 года ООН и США признали, что талибам удалось полностью уничтожить посевы мака, а несколько стран пообещали оказать помощь тысячам фермеров, которые потеряли все, так как не

имели ни семян, ни удобрений для выращивания каких-либо культур, кроме мака. Множество новых беженцев было крестьянами, потерявшими источник дохода. Несмотря на это, запасы опиума, оставшиеся от прошлых урожаев, по-прежнему нелегально вывозились из Афганистана в соседние страны — в Таджикистан, в Иран и дальше через Россию в Европу. В 2000–2001 годах цена опиума выросла в десять раз.

Перед 11 сентября были все основания говорить о том, что Афганистан является большой угрозой для безопасности во всем мире и в регионе. Засуха, гражданская война, массовые миграции, контрабанда наркотиков, жесткая политика Талибана и рост числа террористических групп, действующих в стране, — всего этого вполне хватало для того, чтобы Запад осознал — кризис близок. Но мир понял это лишь тогда, когда ясным нью-йоркским утром два самолета влетели в башни Всемирного Торгового Центра. Теперь, когда США и их западные союзники завершили свою атаку на Талибан и на *Аль-Каиду* установлением светской власти, остается лишь вопрос: последует ли за этим политическая и экономическая стратегия поддержки нового правительства Афганистана, способная преодолеть отчуждение и экономический кризис, служащий питательной средой для экстремизма и терроризма.

Введение. Солдаты священной войны

Теплое весеннее утро в южном городе Кандагаре. Лавочники опускают ставни в лавках, готовясь к выходным. Длиннобородые пуштуны, крепкого телосложения, в черных тюрбанах, туго обмотанных вокруг голов, прокладывают себе путь по узким, пыльным переулкам в сторону футбольного поля, лежащего сразу за главным базаром. Дети, многие из которых — беспризорные оборванцы, бегают взад и вперед по переулкам, размахивая руками и крича от возбуждения при мысли о зрелище, которое их ожидает.

Дело происходит в марте 1997 года. Уже два с половиной года прошло с тех пор, как Кандагар стал столицей движения Талибан, свирепых воинов ислама, завоевавших две трети Афганистана и теперь сражающихся за оставшуюся часть. Некоторые талибы сражались против Советской Красной Армии в 80-х годах, немногим больше было тех, кто воевал с режимом президента Наджибуллы, державшегося у власти в течение четырех лет[3] после ухода советских войск из Афганистана в 1989 году, но большинство никогда не сражалось с коммунистами. Это были молодые люди, взятые из религиозных школ, или *медресе*, организованных в лагерях афганских беженцев на территории Пакистана.

После своего внезапного появления на сцене в конце 1994 году талибы принесли относительный мир и спокойствие в Кандагар и близлежащие провинции. Талибы разгромили враждующие племена, перевешали их вождей, отобрали оружие у всех, кто его прежде имел, и открыли дороги для прибыльной контрабандной торговли между Пакистаном, Ираном и Средней Азией, ставшей основой местной экономики.

Талибы, в большинстве своем набранные из пуштунов, составляющих примерно 40 процентов двадцатимиллионного населения Афганистана, также оживили пуштунский национализм. Пуштуны правили Афганистаном в течение 300 лет, но в последние годы начали уступать другим народностям, меньшим по численности. Победы талибов привели к возрождению надежды на то, что пуштуны вновь будут править в Афганистане.

Но вместе с тем Талибан проводил в жизнь предельно жесткое толкование шариата, или исламского права, что изумило и опечалило многих афганцев и весь мусульманский мир. Талибы закрыли все школы для девушек, а женщинам почти не позволялось выходить из дому — даже за покупками. Талибан наложил запрет на все мыслимые развлечения, включая музыку, телевидение, видео, карты, воздушных змеев и большинство игр и спортивных состязаний. Исламский фундаментализм, избранный талибами, ударился в такую крайность, что совершенно дискредитировал весть о мире и веротерпимости, которую

несет ислам, и породил недоверие к способности мусульман жить в мире с другими народами и религиями. Талибам предстояло породить новую форму исламского экстремизма, которая распространится по всему Пакистану и Средней Азии и которая не пойдет на компромисс с традиционными ценностями ислама, общественными структурами и государством.

За несколько недель до этого дня в Кандагаре талибы отменили свой давний запрет на футбол. Благотворительные учреждения ООН, ухватившись за редкую возможность организовать какое-нибудь публичное зрелище, бросились чинить поле и трибуны стадиона, разрушенного при бомбежке. Но никто из иностранцев — сотрудников благотворительных организаций — не был приглашен на открытие стадиона в этот сладостный вечер четверга (начало выходных у мусульман). Никакого футбола не было. Вместо него ожидалась публичная казнь — жертву расстреляют в воротах.

Я едва успел сойти с ооновского самолета, как иностранцы, удрученные и потрясенные, рассказали мне о предстоящей казни. «Едва ли это побудит международное сообщество выделять больше средств для помощи Афганистану. Как мы объясним то применение, которое Талибан нашел для отремонтированного нами стадиона?» — говорил один из иностранных благотворителей.

Они также нервно поглядывали на мою коллегу, американскую журналистку Гретхен Питерс. Высокая, выразительная блондинка с широким лицом и четкими чертами, она была одета в *шальвар камиз* на один размер меньше, чем нужно. *(Шальвар камиз* — местная одежда, состоящая из мешковатых хлопковых штанов, длинной рубахи ниже колем и длинного шарфа, покрывающего голову.) Но этот наряд совершенно не скрывал ни ее роста, ни ее вызывающего американского вида, явно угрожающего всему, что так дорого талибам. Согласно их учению, женщин не должно быть ни видно, ни слышно, так как они сводят мужчин с пути, предписанного исламом, и ввергают их в ужасные искушения. То ли из страха перед женщинами, то ли из ненависти ко всему женскому лидеры Талибана часто отказывались давать интервью женщинам-журналисткам.

Еще с весны 1994 года, когда загадочные талибы впервые появились на свет, чтобы захватить Кандагар, и затем устремились на север и в сентябре 1996 года захватили Кабул, я писал о феномене Талибана, много раз побывав в твердынях талибов — Кандагаре, Герате и Кабуле. Мне всегда было интересно понять, кто они, что ими движет, кто их поддерживает и как они пришли к своей предельно жестокой интерпретации ислама.

Вот и еще один сюрприз талибов, одновременно и кошмар, и подарок для репортера, — ужасное событие, заставившее меня затрепетать от страха и предвосхищения. За время войны я повидал немало смертей, но это нисколько не делает зрелище гибели человека легким. Видеть же, как смерть становится

развлечением для тысяч людей, символом исламского правосудия и торжества талибов, было еще тяжелее.

Талибы сначала отказались пустить нас на стадион, но затем позволили мне войти при условии, что я буду смирно стоять у кромки поля и не буду ни с кем разговаривать. Гретхен Питерс тоже проскользнула было внутрь, но была быстро изгнана группой перепуганных вооруженных охранников-талибов, которые подталкивали ее в спину прикладами своих Калашниковых.

К середине дня все места на стадионе были заполнены, и больше десяти тысяч мужчин и мальчиков заняли все проходы и постепенно выливались на футбольное поле. Дети показывали свою смелость, выбегая на поле, пока сердитые стражники не выпихивали их прочь за кромку поля. Казалось, все мужское население города в сборе. Женщинам запрещалось показываться на любом публичном мероприятии.

Внезапно гул толпы смолк, и на поле появились две дюжины вооруженных талибов в пластмассовых пляжных сандалиях, черных тюрбанах и мужском варианте *шальвар камиз.* Они бежали вдоль кромки поля, расталкивая заигравшихся детей стволами автоматов и крича на толпу: «Тихо, молчать!» Толпа вскоре повиновалась, и щелканье сандалий талибов осталось единственным звуком, который был слышен.

Затем, как по команде, несколько двухдверных пикапов *Datsun* — любимый транспорт талибов — выехали на футбольное поле. На одном из пикапов был укреплен маленький громкоговоритель, похожий на те, что стоят на сотнях мечетей в Афганистане и в Пакистане. Пожилой белобородый человек в одной из машин встал во весь рост и начал речь. Кази Халилулла Ферузи, судья созданного талибами Верховного суда Кандагара, говорил больше часа, рассказывая народу о достоинствах Талибана, преимуществах исламского наказания и истории разбирательства данного дела.

Абдулла Афган, молодой человек двадцати с небольшим лет, якобы несколько раз украл лекарства у Абдула Вали, фермера, жившего в одной с ним деревне, неподалеку от Кандагара. Когда Вали стал сопротивляться, Абдулла застрелил его. После нескольких недель поисков родственники Вали отыскали Абдуллу, арестовали и отдали на суд талибов. Абдуллу судили и приговорили к смерти — сначала Верховным судом Кандагара, а затем в апелляционной инстанции — Верховным Судом Талибана. Это был процесс без адвоката, когда обвиняемый заранее считается виновным и должен сам защищать себя.

В соответствии с талибской интерпретацией шариата, убийца должен быть казнен семьей убитого, но лишь после того, как судья в последний раз обратится к родственникам с просьбой пощадить убийцу. Если родственники соглашаются, то семья убитого должна получить «цену крови» — денежную компенсацию. Но вытекает ли такое толкование из шариата или из *пуштунвали* — племенного кодекса поведения пуштунов — этот вопрос не дает покоя многим мусульманским законоведам как внутри, так и вне Афганистана.

Более двадцати мужчин — родственников убитого присутствовали на поле, и кази обратился к ним. Поднимая руки к небу, он призывал их пощадить Абдуллу в обмен на «цену крови». «Если вы пощадите этого человека, вы сможете десять раз совершить паломничество в Мекку. Наши руководители обещают заплатить вам большую сумму из *Байтул Мал* [исламского фонда], если вы дадите ему прощение», — сказал он родственникам. Когда родственники покачали головой в знак несогласия, стражники направили автоматы в толпу и предупредили, что будут стрелять в любого, кто двинется с места. Трибуны смолкли.

Абдулла, просидевший все это время в другом пикапе, был выведен из машины. В ярко-желтой тюбетейке и новой одежде, с ногами, закованными в кандалы, и руками, скованными за спиной, он получил приказание идти в сторону ворот. Дрожа от страха, он побрел через поле, его цепи бренчали и поблескивали на солнце. Когда он дошел до ворот, его поставили на колени, повернув лицом в сторону от толпы. Стражник шепнул ему, что он может помолиться напоследок.

Стражник передал автомат одному из родственников убитого. Тот быстрыми шагами приблизился к Абдулле, вскинул автомат и с расстояния в несколько футов трижды выстрелил ему в спину. После того как Абдулла упал на спину, палач подошел к его извивающемуся телу и выстрелил в упор еще три раза — в затылок. Через несколько секунд тело бросили в багажник пикапа и увезли прочь. Толпа быстро и бесшумно разошлась. Когда мы ехали обратно в город, тонкие струйки дыма уже поднимались над базаром — в шашлычных и чайханах разводили огонь, готовясь к вечеру.

Страх, покорность, полное истощение и опустошенность после долгих лет войны, унесшей более полутора миллионов жизней, вынудили многих афганцев смириться со справедливостью по-талибски. На следующий день в кишлаке под Кабулом женщина была забита камнями насмерть за то, что хотела бежать из Афганистана с мужчиной, который не был ее кровным родственником. Отрубание руки, ноги или обеих рук или ног — таково обычное у талибов наказание для всякого, кто пойман за воровство. Когда в сентябре 1996 года талибы захватили Кабул, люди сначала приветствовали их как освободителей, но многие жители Кабула, а затем и весь мир отвернулись от них с омерзением после того, как они пытали и публично повесили бывшего президента Наджибуллу, в прошлом коммунистического вождя, жившего в течение четырех лет в представительстве ООН под защитой Объединенных Наций.

После окончания холодной войны ни одно политическое движение в исламском мире не привлекло к себе такого внимания, как Талибан в Афганистане. Для некоторых афганцев Талибан нес надежду на то, что движение, созданное простыми студентами *медресе* с тем, чтобы принести мир своей стране, может наконец избавить ее от враждующих партий, которые не давали людям жить по-человечески после падения коммунистического режима в

Кабуле в апреле 1992 года. Другие полагали, что Талибан быстро выродится в еще одно бандформирование, стремящееся навязать свое деспотическое правление отчаявшемуся афганскому народу.

Пуштунский Талибан выдвинул на первый план вопрос о межэтнических отношениях в многонациональной стране, равно как и другие проблемы, например, соотношение ислама с родоплеменными и феодальными структурами, или вопрос о модернизации и экономическом развитии в традиционном исламском обществе. Понимание Талибана как явления затруднялось еще и крайней секретностью, окружавшей его властные структуры, его лидеров и процесс принятия решений внутри движения. Талибан не издает пресс-релизов, не проводит регулярных пресс-конференций и не делает публичных заявлений о своей политике. Из-за запрета, наложенного на фотографию и телевидение, никто даже не знает, как выглядят его лидеры. Одноглазый вождь талибов Мулла Мохаммад Омар остается загадкой. После камбоджийских «красных кхмеров» Талибан остается наиболее засекреченным политическим движением в современном мире.

При этом Талибан неожиданно открыл новую страницу для исламских радикалов целого региона, достигая своей ударной волной всех соседей Афганистана. Неудивительно, что Иран, Турция, Индия, Россия и четыре из пяти среднеазиатских государств — Узбекистан, Казахстан, Киргизия и Таджикистан — поддержали противостоящий талибам Северный Альянс оружием и деньгами, пытаясь остановить продвижение Талибана. Напротив, Пакистан и Саудовская Аравия поддержали Талибан. Это создало беспрецедентную после окончания холодной войны поляризацию в регионе. Победы талибов в северном Афганистане летом 1998 года и захват ими более 90 процентов территории страны породили еще более сильный региональный конфликт: Иран угрожал вторжением в Афганистан и обвинял Пакистан в поддержке Талибана.

Сердцевиной этого регионального противостояния является борьба за огромные нефтяные и газовые кладовые в лишенной доступа к морю Средней Азии — единственные нетронутые энергетические резервы современного мира. Не меньшее значение имела ожесточенная конкуренция между государствами региона и западными нефтяными компаниями за то, кто будет строить высокоприбыльные трубопроводы, необходимые для передачи энергии на рынки Европы и Азии. Это соперничество стало Большой игрой нашего времени — возвращением к Большой игре между Россией и Британией за контроль и лидерство в Средней Азин и Афганистане.

С конца 1995 года Вашингтон усиленно поддерживал американскую компанию *Unocal* в ее намерении построить газопровод из Туркмении в Пакистан через Афганистан, находящийся под контролем талибов. Но в Большую игру вступил новый, неожиданный игрок. Это случилось в тот самый день, когда я приехал в особняк муллы Мохаммада Хасана, губернатора

Кандагара, чтобы взять у него интервью. Идя по дороге следом за вооруженными стражниками-талибам и, я вдруг окаменел. Из приемной губернатора вышел седовласый красавец-бизнесмен, одетый в безупречный голубой пиджак с золотыми пуговицами, желтый шелковый галстук, и в дорогих итальянских туфлях. Его сопровождали два других бизнесмена, безупречно одетые, с толстыми портфелями в руках. Они выглядели так, как будто заключили сделку на Уолл-Стрит, а не вели переговоры с бандой исламистов в пыльных закоулках Кандагара.

Это был Карлос Бульгерони, президент корпорации *Bridas*, аргентинской нефтяной компании, которая с 1994 года вела тайные переговоры с Талибаном и Северным Альянсом о постройке того же самого трубопровода через Афганистан. *Bridas* жестоко соперничала с американской компанией *Unocal*, а в иске, поданном в калифорнийский суд, даже обвиняла *Unocal* в том, что она украла у них идею.

Целый год я пытался понять, зачем аргентинская компания, никому не известная в этой части света, собирается вкладывать деньги в таком рискованном месте, как Афганистан. Но и *Bridas*, и *Unocal* скромно помалкивали. Бульгерони совершенно *не* хотелось быть замеченным журналистом в момент, когда он выходит из приемной лидера Талибана.

Он извинился и сказал, что корпоративный самолет ждет его в аэропорту, чтобы лететь в Мазари-Шариф, столицу Северного Альянса.

По мере обострения борьбы за трубопроводы и Запад, и исламский мир забеспокоились и о другом — действительно ли Талибан собирается провести в жизнь свою агрессивную, воинствующую и бескомпромиссную версию ислама, заставив афганцев жить так, как, по их разумению, жили на Аравийском полуострове во времена Пророка Мухаммада. Кроме того, на Западе опасались расширения афганской наркоторговли и того, что Талибан предоставлял убежище международным террористам вроде Усамы бин Ладена, возглавляющего организацию *Аль-Каида,* которая взорвала в августе 1998 года американские посольства в Кении и Танзании, что привело к многочисленным жертвам.

Помимо сказанного, эксперты размышляли, не является ли «возвращение к истокам ислама» в версии Талибана исполнением пророчества некоторых американских интеллектуалов, которые предсказывали, что после окончания «холодной войны» воинствующий мир Ислама противопоставит себя Западу, и начнется новая «холодная война», новое столкновение цивилизаций.[4]

Быть в центре подобного конфликта — совсем не в новинку для Афганистана. Талибан — просто последний в долгой цепи завоевателей, вождей, проповедников, святых и философов, которые промчались по афганскому коридору, разрушая прежние цивилизации и религии и утверждая новые. Древние цари полагали, что Афганистан находится в центре мира, и эта точка зрения дожила до сих пор. Знаменитый индийский поэт Мохаммад Икбал

назвал Афганистан «сердцем Азии», а лорд Керзон, вице-король Индии в начале двадцатого века, определил Афганистан как «капитанский мостик Азии».[5]

Мало в какой другой стране география настолько повлияла на историю, политику и характер народа. Геостратегическое положение Афганистана на перекрестке дорог, соединяющих Иран, Аравийское море и Индию, а также Среднюю и Южную Азию, определило значение его территории и горных перевалов, начиная с ранних арийских нашествий 6000 лет назад. Каменистая, неровная, засушливая и пустынная почва рождала лучших в мире бойцов, а вид величественных гор, зеленых долин и фруктовых рощ, наполненных плодами, издавна вдохновлял поэтов.

Много лет назад старый мудрый афганский моджахед рассказал мне историю о том, как Бог создал Афганистан. «Когда Аллах создал весь остальной мир, у Него осталась большая куча ни на что не годного мусора, разных кусков и обрезков. Он собрал все их вместе и сбросил на землю. Так получился Афганистан», — сказал старик.

Современный Афганистан занимает 245 000 квадратных миль. Горный хребет Гиндукуш разрезает ее на северную и южную части. Хотя в двадцатом веке народы сильно перемешались, но приблизительно можно сказать, что к югу от Гиндукуша большинство составляют пуштуны и некоторые народности, говорящие на иранских языках, а к северу от него живут персидские и тюркские народы. Сам Гиндукуш населен говорящими по-персидски хазарейцами и таджиками. В дальнем северо-восточном углу, в горах Памира, которые Марко Поло называл «крышей мира», сходятся границы Таджикистана, Китая и Пакистана.[6] Недоступность Памира обуславливает отсутствие связи с разнообразными и экзотическими народами, населяющими его заснеженные высокогорные долины.

В южных предгорьях Гиндукуша лежит Кабул, в соседних с ним долинах находятся самые плодородные земли страны. Западный и южный Афганистан является восточной оконечностью Иранского нагорья — плоской, голой и сухой земли, с немногими городами и редконаселенной. Большую часть этого края афганцы называют «регистан», или пустыня. Исключение составляет оазис Герат, который еще 3000 лет назад был центром цивилизации.

Севернее Гиндукуша начинаются степи и пустыни Средней Азии, тянущиеся на тысячи километров к северу до самой Сибири. Испытав на себе суровость климата и ландшафта, тюркские народы северного Афганистана отличаются столь же суровым характером, из них выходят самые неустрашимые воины. На востоке Афганистана лежат горные цепи поменьше, в том числе Сулеймановы горы, протянувшиеся вдоль границы с Пакистаном. По обе стороны их живут племена пуштунов. Здешние перевалы, в том числе знаменитый Хайберский проход, многие века открывают завоевателям путь к плодородным долинам Индии.

Только 10–12 процентов земли в Афганистане пригодно для сельского хозяйства, и большинство участков, многие из которых расположены на горных склонах, требуют приложения огромных усилий для их обработки. До 1970-х годов процветало кочевое животноводство — разведение коз и длинношерстных афганских овец, и племена кочи каждый год откочевывали на многие сотни миль по Пакистану, Ирану и Афганистану в поисках хороших пастбищ. Хотя война с Советами в 1980-х годах разрушила культуру и жизненный уклад кочи, но животноводство остается необходимым для выживания обедневших фермеров. Вчерашние афганские кочевники — это сегодняшние торговцы и водители грузовиков, образующие социальную базу Талибана и основной источник его доходов.

Дороги и караванные тропы были сердцем Афганистана с незапамятных времен. Его земля, не имеющая выхода к морю, была перекрестком Азии, местом встречи и полем битвы двух великих цивилизационных воли — персидских империй на западе, основанных на городской культуре, и тюркских кочевых империй на севере, в Средней Азии. В результате Афганистан весьма богат археологическими памятниками.

Для этих двух древних цивилизаций, попеременно затмевавших друг друга величием и завоевательным порывом, контроль над Афганистаном был жизненно необходим. В одни времена Афганистан был буфером, разделявшим эти две империи, в иные — он оказывался коридором, по которому их армии двигались с севера на юг или с запада на восток, собираясь вторгнуться в Индию. На этой земле расцветали древние религии — зороастризм, манихейство, буддизм. Балх, чьи руины до сих пор можно видеть в нескольких милях от Мазари-Шарифа, является, по мнению ЮНЕСКО, одним из древнейших городов на земле и был местом расцвета буддистского, персидского и тюркского искусства и архитектуры.

Именно через Афганистан паломники и купцы, шедшие по древнему Шелковому Пути, донесли буддизм до Китая и Японии. Завоеватели проносились по этой земле, подобно метеорам. В 329 году до н. э. македонцы под предводительством Александра Македонского, завоевав Афганистан и Среднюю Азию, пошли в поход на Индию. Греки оставили после себя новое, полное жизни Греко-Бактрийское царство и цивилизацию в горах Гиндукуша — единственный пример исторического синтеза европейской и азиатской культуры.

К 654 году н. э. войско арабов прошло через Афганистан и достигло реки Оке, или Амударьи, на границе со Средней Азией. Они принесли с собой новую религию — ислам, который со своей проповедью равенства и справедливости быстро распространился по всему региону. Будучи частью империи Саманидов, правивших в 874–999 годах, Афганистан пережил возрождение персидской литературы и искусства. Династия Газневидов правила в 977–1186 годы, захватив индийский Пенджаб и часть восточного Ирана.

В 1219 году Чингисхан во главе монгольских орд пронесся по Афганистану, разрушив города Балх и Герат и оставив за собой горы трупов. Но и монголы внесли свой вклад, создав современных хазарейцев — результат браков между монголами и местными племенами.

В следующем столетии Тимур, или Тамерлан, как его называют на Западе, потомок Чингисхана, создал: новую обширную империю от России до Персии, которой он правил из своей столицы в Самарканде, на территории нынешнего Афганистана. Тимур захватил Герат в 1381 году, а его сын Шахрух переместил столицу империи Тимуридов в Герат в 1405 году. Тимуриды, будучи тюрками, обогатили персидскую цивилизацию тюркской кочевой культурой, превратив Герат в один из наиболее культурных и утонченных городов мира. Такое смешение среднеазиатской и персидской культур имело огромное значение для Афганистана. Столетием позже император Бабур, потомок Тимура, посетил Герат и написал, что «во всем обитаемом мире нет города, подобного Герату».[7]

В течение последующих 300 лет восточные афганские племена периодически вторгались в Индиго и основывали обширные индо-афганские империи. Афганская династия Лоди правила в Дели с 1451 по 1526 годы. В 1500 году потомок Тимура Бабур был изгнан из своей родины в Ферганской долине. Тогда он сначала завоевал Кабул в 1504 году, а затем и Дели. Он основал династию Великих Моголов, правившую Индией до прихода англичан. В то же время Персия переживала упадок, и Герат был завоеван узбекскими ханами Шейбанидами. Но к шестнадцатому веку западный Афганистан снова оказался под властью персидской династии Сефевидов.

Череда вторжений породила сложную смесь народов, культур и религий, что сильно затруднило образование афганской нации. В западном Афганистане преобладали говорящие на персидском, или дари, — таково название афганского диалекта фарси. На дари говорят и хазарейцы в центральном Афганистане, которые, переняв у персов шиизм, стали самой большой группой шиитов на территории, населенной по преимуществу суннитами. На западе таджики, хранители древней персидской культуры, также говорят на дари. В северном Афганистане узбеки, туркмены, киргизы и другие народы говорят на тюркских языках Средней Азии. А пуштунские племена юга и востока говорят на своем собственном языке пушту, смеси индийских и иранских языков.

Именно южные пуштуны создали современное государство Афганистан в момент, когда персидские Сефевиды, индийские Великие Моголы и узбекские Джаниды переживали в восемнадцатом веке период упадка. Пуштуны делятся па два больших союза племен, гильзаи и абдали (позднее называвшиеся дуррани), которые часто соперничали друг с другом.

Пуштуны ведут свое происхождение от Кайса, сподвижника Пророка Мухаммада. Поэтому они считают себя семитами, хотя антропологи относят их к индоевропейцам, за долгое время растворившим в себе множество других этнических групп. Дуррани утверждают, что происходят от старшего сына

Кайса, Сарбанара, а гильзаи возводят себя к его второму сыну. Третий сын Кайса считается предком различных других пуштунских племен, таких, как какары в Кандагаре или сафи вокруг Пешавара. В шестом веке индийские и китайские источники пишут об афганцах/пуштунах, живущих восточнее Газни. Эти племена в пятнадцатом веке начали двигаться на запад, в сторону Кабула, Кандагара и Герата. В следующем веке гильзаи и дуррани уже оспаривали друг у друга участки земли под Кандагаром. Сегодня родина гильзаев лежит к югу от реки Кабул между Сулеймановыми горами на востоке, Хазараджатом на западе и Кандагаром на юге.[8]

В 1709 году Мир Ваис, вождь гильзайского племени хотаки, восстал против сефевидского шаха. Отчасти это было результатом попыток шаха обратить пуштунов — воинствующих суннитов — в шиизм. Эта историческая враждебность возродится в ходе борьбы талибов против Ирана и афганских шиитов три века спустя.

Через несколько лет сын Мир Ваиса наносит поражение Сефевидам и завоевывает Иран. Но в 1729 году афганцев изгоняют из Ирана. По мере того как сила гильзаев убывает, их традиционные соперники из Кандагара, абдали, создают конфедерацию, и в 1747 году, после девятидневной Лойя Джирги, или совета вождей племен, они избирают Ахмад Шаха Абдали своим королем. Вожди повязали ему на голову тюрбан и вложили в него листья травы в знак лояльности. Лойя Джирга становится традиционным правовым инструментом для узаконения новых правителей, что позволяет избегать наследственной монархии. Сами правители могут утверждать, что они избраны племенами, представленными на Джирге. Ахмад Шах переименовал конфедерацию абдали в дуррани, объединил всех пуштунов и приступил к завоеваниям, быстро овладев большей частью современного Пакистана.

К 1761 году Ахмад Шах Дуррани нанес поражение индийским маратхам и завоевал делийский трон и Кашмир, создав таким образом первую афганскую империю. Ахмад Шах Дуррани считается отцом афганской нации и погребен в богато украшенном мавзолее в своей столице Кандагаре, куда афганцы до сих пор приходят молиться. Многие афганцы считают его почти святым. Его сын Тимур Шах перенес столицу империи из Кандагара в Кабул, чтобы облегчить контроль за вновь завоеванными землями к северу от Гиндукуша и к востоку от Инда. В 1780 году дуррани заключили договор с бухарским эмиром, главным сувереном Средней Азии, согласно которому река Окс, или Амударья, стала границей между Средней Азией и новым пуштунским Афганистаном. Это была первая демаркация северной границы нового Афганистана.

В следующем столетии дуррани утратят свои завоевания к востоку от Инда, поскольку междоусобная борьба между различными кланами подорвет их силы. Но тот или другой клан дуррани останется у власти до 1973 года, когда король Захер Шах будет смещен своим двоюродным братом Мохаммадом Дауд Ханом и Афганистан станет республикой. Между тем жестокое соперничество между

гильзаями и дуррани будет продолжаться и усиливаться после советского вторжения и в ходе появления Талибана.

Слабым и враждующим друг с другом королям из династии Дуррани предстояло сдерживать натиск двух новых империй, Британской на востоке и Российской на севере. В девятнадцатом веке англичане, опасаясь, что постоянно расширяющаяся Российская империя захочет получить в Афганистане плацдарм против Британской Индии, предприняли три попытки завоевать Афганистан, пока не поняли наконец, что афганцев намного проще купить, чем победить. Англичане платили денежные субсидии, превращали вождей в марионеток и в итоге сделали Афганистан своим клиентом. Затем последовала Большая игра между Россией и Британией: война, которая велась острым словом, взятками и иногда — военным давлением, при этом обе стороны держались друг от друга на почтительном расстоянии, сохраняя Афганистан в качестве буфера.

Междоусобицы среди правящего племени, которые подогревались британскими разведчиками, гарантировали сохранение зависимости афганских королей от британских щедрот, компенсировавших отсутствие собственных доходов. Вследствие этого непуштунские народы Севера пользовались всевозрастающей автономией от центральных властей в Кабуле. Кроме того, пуштуны были ослаблены британским завоеванием: северо-западной Индии, за которым последовало первое в истории разделение пуштунских племен Афганистана и Британской Индии. Раздел пуштунов был оформлен «линией Дюранда», официальной границей, установленной англичанами в 1893 году.

После второй англо-афганской войны англичане поддерживали претензии эмира Абдур Рахмана на престол. «Железный эмир» (1880–1901), как его прозвали, использовал помощь англичан для централизации и укрепления афганского государства. Эмир пользовался британскими субсидиями и поставками вооружений для создания эффективной бюрократии и постоянной армии. Он подчинил мятежные пуштунские племена и двинулся на север, где безжалостно покончил с автономией хазарейцев и узбеков. Используя те же методы, что и Талибан столетием позже, он проводил этнические чистки, уничтожая враждебных ему непуштунов, переселял пуштунов на север и, выделяя им земли, создавал очаги лояльного пуштунского населения среди других народов.

Абдур Рахман подавил более 40 мятежей непуштунских народов за время своего правления. Он создал первую в истории Афганистана жестокую тайную полицию, предшественницу коммунистического ХАДа[9] 1980-х годов. Хотя эти действия объединили афганцев и сделали афганское государство крепким как никогда прежде, причины межнациональной вражды на севере Афганистана, приведшей после 1997 года к резне, коренятся в политике Железного эмира. Среди прочих его заветов, оказавших косвенное влияние на Талибан, назовем изоляцию Афганистана от западных и вообще модернистских тенденций, включая образование, усиление ислама через укрепление власти пуштунских

мулл и утверждение идеи божественного права короля, в отличие от традиционных выборов на Лойя Джирге.

Преемники Железного эмира в начале двадцатого века были сторонниками модернизации в широком смысле. Они провозгласили полную независимость от Британии в 1919 году, утвердили первую конституцию и приступили к созданию небольшой городской образованной элиты. Но успешные покушения на двух афганских королей и периодические восстания племен указывают на трудности, с которыми сталкивались правители, пытаясь превратить многонациональное племенное общество в современное государство.

Конец династии Дуррани настал тогда, когда Захер Шах, правивший с 1933 года, был смещен своим двоюродным братом и шурином по имени сардар Мохаммад Дауд. Последний отправил Захер Шаха в изгнание в Рим. Афганистан был провозглашен республикой, а Дауд стал ее президентом. Чтобы подавить нарождающийся исламский фундаментализм, Дауд опирался на помощь левых армейских офицеров и небольшой партии *Парчам*, состоящей из горожан, во главе с Бабраком Кармалем. Лидеры исламистов бежали в Пешавар, нашли поддержку у тогдашнего премьер-министра Пакистана, Зульфикара Али Бхутто, и продолжили борьбу против Дауда. Эти лидеры — Гольбуддин Хекматьяр, Бурхануддин Раббани и Ахмад Шах Масуд — позднее станут вождями моджахедов.

Дауд обратился за помощью к Советскому Союзу и пытался модернизировать государственное устройство. В 1956–1978 годах размер экономической помощи Советского Союза Афганистану составил 1,26 миллиардов долларов, а военной помощи — 1,25 миллиардов долларов. В разгар холодной войны Советский Союз пытался включить Афганистан в сферу своего влияния. За то же время США оказали Афганистану помощь всего на 533 миллиона долларов, и то в основном в 50-е годы, после чего они потеряли интерес к Афганистану. Ко времени прихода к власти Дауда Афганистан стал государством-рантье, 40 процентов государственных доходов которого поступали из-за границы. Но Дауду, как и его предшественникам на троне, не удалось построить прочную институциональную структуру. Вместо этого рыхлая центральная администрация была наложена на традиционное общество. Никакого народного представительства не было, за исключением Лойя Джирги, члены которой в основном назначались.[10]

Пять лет спустя, в 1978 году, армейские поклонники марксизма, получившие образование в Советском Союзе, устроили кровавый переворот и свергли Дауда, которому они сами помогли прийти к власти. Дауд, его семья и президентская охрана были перебиты. Но коммунисты были расколоты на две фракции — *Хальк* (народ) и *Парчам* (знамя), а непонимание ими сложного племенного устройства Афганистана привело к многочисленным восстаниям против них. Тем временем как муллы и ханы объявляли коммунистам джихад, сами коммунисты погрязли во внутренних разборках. Первый

коммунистический президент Нур Мохаммад Тараки, халькист, был убит, а его преемник Хафизулла Амин — застрелен в декабре 1978 года во время вторжения советских войск, которые привели к власти лидера *Парчам* Бабрака Кармаля.

После нескольких драматических месяцев Афганистан оказался в центре «холодной войны» между Советским Союзом и США. Афганские моджахеды превратились в ударный отряд антисоветской борьбы, поддерживаемый США. Но для афганцев советское вторжение было лишь очередной попыткой иноземцев покорить их и заменить испытанную временем религию и общество на чужую идеологию и социальную структуру. Джихад разгорался с новой силой по мере того, как США, Китай и арабские страны давали все больше денег и оружия моджахедам. Эта война, унесшая жизни 1,5 миллионов афганцев, породит второе поколение моджахедов, которые назовут себя талибами, или «студентами, изучающими ислам».

Часть 1
История движения Талибан

Глава 1. Кандагар, 1994
Происхождение Талибана

Мулла Мохаммад Хасан Рахмани, губернатор Кандагара при талибах, имеет странную привычку двигать стоящий перед ним стол своей единственной здоровой ногой. К концу любой беседы деревянный столик успевает описать дюжину кругов вокруг его кресла. Привычка Хасана, возможно, вызвана психологической потребностью постоянно чувствовать, что у него еще есть нога, или он просто упражняется, постоянно двигая своей единственной здоровой ногой.

Вторая конечность Хасана — деревянная, в стиле одноглазого Джона Сильвера, пирата из «Острова сокровищ» Стивенсона. Это старый обрубок дерева. Покрывавший ее прежде лак давно стерся, во многих местах появились царапины и откололись куски дерева — несомненно, от частого хождения по каменистой земле рядом с губернским правлением. Хасан, один из самых старых вождей Талибана и один из немногих, кому еще довелось воевать против советских войск, принадлежит к числу основателей Талибана и считается вторым человеком в движении после своего старого друга, Муллы Омара.

Хасан потерял свою ногу в 1989 году под Кандагаром, перед самым началом вывода советских войск из Афганистана. Несмотря на широкую доступность новых протезов, в изобилии поставляемых благотворительными организациями для миллионов афганских калек, Хасан говорит, что предпочитает свою деревянную ногу. Кроме ноги, он лишился кончика пальца, оторванного шрапнелью. Руководство талибов может по праву считаться имеющим в своем составе наибольшее число инвалидов, и его гости не знают, плакать им или смеяться. Мулла Омар потерял глаз в 1989 году от близкого взрыва ракеты. Министр юстиции Нуруддин Тораби и бывший министр иностранных дел Мохаммад Гаус тоже одноглазые. Мэр Кабула Абдул Маджид потерял ногу и два пальца. Другие лидеры, даже армейские командиры, имеют похожие увечья.

Раны талибов постоянно напоминают о двадцати годах войны, стоивших стране полутора миллионов жизней и опустошивших ее. Советский Союз тратил по 5 миллиардов долларов в год, чтобы покорить моджахедов, или около 45 миллиардов за все годы, — и проиграл. США вложили 4–5 миллиардов долларов в помощь моджахедам в течение 1980–1992 годов. Столько же потратила Саудовская Аравия, а вместе с помощью других европейских и исламских стран моджахеды получили более 10 миллиардов долларов.[11] Большая часть этой помощи имела вид современного смертоносного оружия, переданного простым крестьянам, применявшим его весьма эффективно.

Боевые ранения лидеров Талибана также отражают жестокость боев в районе Кандагара в 1980-е годы. В отличие от гильзаев на востоке и вокруг Кабула, пуштуны-дуррани, населявшие юг и Кандагар, получали намного меньше помощи от ЦРУ и Запада, которые снабжали моджахедов оружием, боеприпасами, деньгами и организовывали тыловое и медицинское обеспечение. Распределением помощи ведала разведывательная служба Пакистана *ISI*[12], считавшая Кандагар менее важным театром боевых действий и относившаяся к дуррани с подозрением. Вследствие этого ближайшим местом, где раненые кандагарские моджахеды могли получить медицинскую помощь, был пакистанский город Кветта, в двух дневных переходах на верблюде-костотрясе. Даже сейчас первая помощь среди талибов — редкость, докторов слишком мало, а полевая хирургия отсутствует. Единственные практикующие врачи в стране — в госпиталях Международного Комитета Красного Креста.

Мне довелось быть в Кандагаре в декабре 1979 года и видеть, как в него вошли первые советские танки. Молодые советские солдаты в течение двух дней проехали из Советской Туркмении до Герата, а оттуда до Кандагара по мощенному металлом шоссе, построенному Советами в 1960-х годах. Многие солдаты были родом из Средней Азии. Они вылезли из своих танков, сняли комбинезоны и пошли в ближайшую лавку, чтобы выпить зеленого чая — основной напиток как в Афганистане, так и в Средней Азии. Афганцы на базаре стояли и смотрели, остолбенев. 27 декабря советский спецназ штурмовал дворец президента Хафизуллы Амина в Кабуле, убил его и поставил президентом Бабрака Кармаля.

Сопротивление, начавшееся под Кандагаром, опиралось на племенную структуру дуррани. В Кандагаре борьба против Советов была племенным джихадом под руководством вождей и *улемов* (высшего духовенства), а не идейным джихадом, ведомым исламистами. В Пешаваре было семь партий моджахедов, которые признавались Пакистаном и получали долю помощи, поступавшей от ЦРУ. Знаменательно, что ни одна из этих партий не возглавлялась пуштунами-дуррани. В Кандагаре были сторонники каждой из семи партий, но наибольшей популярностью пользовались те, кто основывался на племенных отношениях, а именно *Харкат-и-Инкилаб Ислами* (Движение исламской революции), во главе с маулави Мохаммадом Наби Мохаммад и, и другая, *Хизб-и-Ислами* (Партия ислама), во главе с маулави Юнусом Халесом. До войны оба лидера были хорошо известны в зоне племен и руководили своими *медресе*, или религиозными школами.

Для полевых командиров юга партийная принадлежность определялась тем, кто из пешаварских вождей давал деньги и оружие. Мулла Омар примкнул к *Хизб-и-Ислами* Халеса, а мулла Хасан вступил в *Харакат*. «Я знал Омара очень хорошо, но мы сражались в разных отрядах и на разных фронтах, хотя иногда мы сражались вместе», — говорил Хасаи.[13] Популярен был и Национальный Исламский Фронт *(Махаз-и-Милли)* во главе с пиром Саид Ахмадом Гелани,

стоявшим за возвращение бывшего короля Захер Шаха и за то, чтобы король возглавил афганское сопротивление — чему резко противились Пакистан и ЦРУ. Бывший король жил в Риме и был по-прежнему популярен среди кандагарцев, надеявшихся, что его возвращение утвердит руководящую роль дуррани.

Противоречия между пуштунским руководством моджахедов привели к ослаблению позиции пуштунов в дальнейшем ходе войны. *Улемы* высоко оценивали раннеисламские идеалы и редко бросали вызов традиционным афганским институтам, таким, как Лойя Джирга. Они намного более дружелюбно относились к национальным меньшинствам. Исламисты осуждали племенное устройство и следовали радикальной политической доктрине, проповедовавшей исламскую революцию в Афганистане. Их политика, исключавшая всех несогласных, рождала подозрение у меньшинств.

Харакат не располагала устойчивой партийной структурой и являлась скорее непрочным союзом полевых командиров и вождей племен, многие из которых получили лишь начатки образования в *медресе*. Напротив, Гольбуддин Хекматьяр превратил *Хизб-и-Ислами* в тайную, строго централизованную политическую организацию, чьи кадры набирались среди образованных городских пуштунов. До воины исламисты почти не имели общественной поддержки в Афганистане, но, получая деньги и оружие от ЦРУ и Пакистана, они довольно быстро приобрели ее и пользовались огромным влиянием в стране. Традиционалисты и исламисты настолько беспощадно боролись друг с другом, что к 1994 году традиционная элита в Кандагаре была полностью уничтожена, освободив таким образом место для исламистов еще более радикального толка — талибов.

Битва за Кандагар определялась также и историей этого города. Кандагар — второй по величине город Афганистана, насчитывавший до войны примерно 250 000 человек населения, а сейчас — вдвое больше. Старый город существует с 500 года до н. э., но всего в 35 милях от него находится Мундигак, поселение бронзового века, датируемое 3000 годом до н. э. и принадлежавшее к древней цивилизации долины Инда. Кандагарцы всегда были выдающимися торговцами, так как их город лежит на пересечении древних торговых путей — на восток через Боланский проход в Синд, к Аравийскому морю и в Индию, и на запад, на Герат и в Иран. Город был традиционным местом встречи искусств и ремесел Индии и Ирана, а многочисленные городские базары славились на протяжении веков.

Новый город мало переменился с тех пор, как он был заложен — с большим размахом — в 1761 году Ахмад Шахом Дуррани, основателем династии Дуррани. То, что кандагарские Дуррани создали афганское государство и правили им в течение 300 лет, обеспечивало кандагарцам особое положение среди пуштунов. В знак уважения к своему родному городу кабульские короли освободили кандагарцев от обязательной военной службы. Мавзолей Ахмад

Шаха возвышается над центральным базаром, и тысячи афганцев до сих пор приходят сюда, чтобы помолиться и отдать дань уважения отцу нации.

Рядом с его усыпальницей стоит святилище Плаща Пророка Мухаммада — одно из самых священных мест в Афганистане. Плащ выносят из храма в очень редких случаях, например, выносили в 1929 году, когда король Аманулла пытался объединить племена вокруг себя, или в 1935 году, в разгар эпидемии холеры.[14] Но в 1996 году, чтобы утвердить себя в качестве Богом данного вождя афганского народа, Мулла Омар извлек Плащ и показал его большой толпе талибов, которые присвоили ему титул Амир-уль-Муминиин, или Вождь правоверных.

Но главное, чем знаменит Кандагар среди прочих городов, — его фруктовые сады. Кандагар лежит в оазисе, находящемся посреди пустыни, где летом безумно жарко, но вокруг города раскинулись зеленые поля и тенистые сады, где растут виноград, дыни, тутовые ягоды, фиги, персики и гранаты, славящиеся по всей Индии и всему Ирану. Кандагарские гранаты изображались в персидских рукописях, написанных тысячу лет назад, и подавались за обедом у вице-королей Британской Индии в девятнадцатом: веке. Кандагарские водители грузовиков, оказавшие решающую финансовую поддержку талибам в их борьбе за завоевание страны, начали свою деятельность в прошлом веке, перевозя кандагарские фрукты в Дели и Калькутту.

Сады имели сложную систему орошения, которая содержалась в большом порядке до тех пор, пока Советы и моджахеды не заминировали поля, после чего сельские жители бежали в Пакистан, и сады были заброшены. Кандагар остается одним из самых заминированных городов мира. Среди плоского рельефа фруктовые сады и ирригационные каналы давали укрытие моджахедам, быстро овладевшим сельской округой и изолировавшим советский гарнизон в городе. Советы в ответ срубили тысячи деревьев и уничтожили систему орошения. Когда после 1990 года беженцы вернулись в свои разоренные сады, им пришлось выращивать опиумный мак, чтобы заработать на жизнь. Так возник один из основных источников дохода для талибов.

За уходом Советов в 1989 году последовала долгая борьба с режимом президента Наджибуллы, продлившаяся до его свержения в 1992 года и занятия Кабула моджахедами. Одной из основных причин последовавшей за этим гражданской войны было то, что Кабул попал не в руки хорошо вооруженных и вечно ссорящихся пуштунских партий из Пешавара, а под контроль лучше организованных и обладающих единым командованием таджиков Бурхануддина Раббани и его главнокомандующего, Ахмад Шаха Масуда, и узбеков севера, руководимых генералом Рашидом Дустомом. Для пуштунов это стало страшной психологической травмой, поскольку впервые за 300 лет они потеряли контроль над столицей. Гражданская война началась почти сразу же, когда Хекматьяр попытался объединить пуштунов и осадил Кабул, безжалостно обстреливая его.

Афганистан находился в стадии практически полного распада, когда в 1994 году появился Талибан. Страна была разделена на удельные княжества полевых командиров, которые воевали, перебегали с одной стороны на другую и воевали снова в бесконечной череде союзов, измен и кровопролития. Состоящее по преимуществу из таджиков правительство президента Бурхануддина Раббани контролировало Кабул, его окрестности и северо-восток страны, а три западные провинции с центром в Герате подчинялись Исмаил Хану. На востоке три пуштунские провинции на границе с Пакистаном управлялись независимым советом (Шурой) моджахедов, размещавшимся в Джелалабаде. Небольшой район к югу и востоку от Кабула контролировался Гольбуддином Хекматьяром.

На севере узбекский полевой командир генерал Рашид Дустом правил шестью провинциями, и в январе 1994 года он изменил правительству Раббани и объединился с Хекматьяром, чтобы напасть на Кабул. В центральном Афганистане хазарейцы контролировали провинцию Бамиан. Южный Афганистан и Кандагар были поделены между множеством мелких полевых командиров из бывших моджахедов и главарей банд, которые грабили и разоряли народ по своему произволу. Поскольку племенная структура и экономика были разрушены, согласие между пуштунскими вождями отсутствовало, а Пакистан не желал оказывать дуррани такую же помощь, которую он давал Хекматьяру, южные пуштуны находились в состоянии войны всех против всех.

Даже международные благотворительные организации боялись работать в Кандагаре, потому что сам город был разделен между враждующими группировками. Их главари продавали пакистанским торговцам все, что можно, снимали телефонные провода и столбы, рубили деревья, продавали целые фабрики с их оборудованием и даже асфальтовые катки на металлолом. Бандиты захватывали дома и земельные участки, вышвыривали их владельцев вон и раздавали их своим сторонникам. Командиры творили произвол, похищали молодых девушек и мальчиков для удовлетворения своей похоти, грабили торговцев на базаре и устраивали побоища на улицах. Беженцы не только не возвращались из Пакистана, наоборот, новые потоки их устремились из Кандагара в Кветту.

Для могущественной мафии грузоперевозчиков, базировавшейся в Кветте и Кандагаре, такая ситуация была непереносимой. В 1993 году я ехал из Кветты в Кандагар и на протяжении 130 миль нас остановили более 20 различных банд, которые натягивали цепи поперек дороги и требовали плату за свободный проезд. Транспортная мафия, пытавшаяся открыть торговые пути между Кветтой, Ираном и недавно получившим независимость Туркменистаном, оказалась не в состоянии делать бизнес.

Для тех моджахедов, кто сражался против режима Наджибуллы, а потом вернулся домой или продолжил учиться в *медресе* Кветты или Кандагара, обстановка была особенно раздражающей. «Мы все были знакомы — Мулла

Омар, Гаус, Мохаммад Раббани (не родственник президента Раббани) и я — поскольку все мы родом из провинции Урузган и воевали вместе, — говорил мулла Хасан. — Я ездил в Кветту и обратно, учился там в разных *медресе*, но когда мы собирались вместе, мы все время обсуждали страшную жизнь нашего народа под управлением этих бандитов. Мы разделяли одни и те же убеждения и хорошо ладили друг с другом, поэтому мы быстро пришли к решению, что надо что-то делать».

Мулла Мохаммад Гаус, одноглазый министр иностранных дел Талибана, говорил примерно о том же: «Мы долго сидели и обсуждали, как изменить это ужасное положение. Перед тем как начать, у нас было лишь самое общее представление о том, что нужно делать, и мы думали, что у нас ничего не выйдет, но мы трудились ради Аллаха, мы были его учениками. Мы столько го достигли потому, что Аллах помогал нам», — сказал Гаус.[15]

Другие группы моджахедов на юге обсуждали те же проблемы. «Многие люди искали решение. *Я* приехал из Калата в провинции Забуль (85 миль на север от Кандагара) и поступил в *медресе*, но дело было настолько плохо, что мы забросили учебу и вместе с друзьями проводили все время в разговорах о том, что нужно делать, — говорил мулла Мохаммад Аббас, ставший позднее министром здравоохранения в Кабуле. — Прежнему руководству моджахедов не удалось установить мир. Тогда я с группой друзей поехал в Герат на Шуру, которую созвал Исмаил Хан, но она не пришла ни к какому решению, а дела шли все хуже и хуже. Тогда мы приехали в Кандагар, поговорили с Муллой Омаром и присоединились к нему».

После долгих обсуждений эти разные, но глубоко озабоченные положением в стране люди выработали повестку дня, которая и теперь остается программой Талибана: восстановить мир, разоружить население, установить законы шариата и обеспечить единство и исламский характер Афганистана. Так как большинство из них учились в *медресе*, выбранное ими название было вполне естественным. *Талиб* — это ученик, студент, тот, кто ищет знания[16], в отличие от муллы, который дает знание. Выбрав такое имя, Талибан (множественное число от *талиб)* отделил себя от политиканства моджахедов и давал понять, что они — движение за очищение общества, а не партия для захвата власти.

Все, кто собрался вокруг Муллы Омара, были детьми джихада, глубоко разочарованными фракционной борьбой и бандитизмом, которому предались почитаемые ими в прошлом вожди моджахедов. Они видели себя теми, кто должен спасти и очистить общество от грязи партизанщины и коррупции, коррумпированных социальных структур, и вернуть его на путь истинного ислама. Многие из них родились в лагерях беженцев в Пакистане, учились в пакистанских *медресе* и узнали военное ремесло в партиях моджахедов, базировавшихся в Пакистане. Поэтому юные талибы плохо знали свою собственную страну, ее историю, но зато в *медресе* они услышали об идеальном

исламском обществе, созданном Пророком Мухаммадом 1400 лет назад, — и именно его они хотели построить.

По словам некоторых талибов, Омар был выбран вождем не за свои политические или военные способности, а из-за благочестия и неуклонной приверженности исламу. «Мы выбрали Муллу Омара главой этого движения. Он был первым среди равных, и мы дали ему власть возглавить нас, а он дал нам силу и авторитет, чтобы решать проблемы народа», — сказал мулла Хасан. Сам Мулла Омар так объяснил пакистанскому журналисту Рахимулле Юсуфзаю: «Мы взялись за оружие, чтобы достичь целей афганского джихада, спасти наш народ от дальнейших страданий в руках так называемых моджахедов. Мы глубоко верим во Всемогущего Бога. Мы всегда помним об этом. Он может благословить нас на победу или низвергнуть в пучину поражения», — сказал Омар.[17]

Никто из глав государств не окружен сегодня такой завесой тайны, как Мулла Мохаммад Омар. Достигнув 39 лет, он ни разу не сфотографировался и не встречался с западными дипломатами или журналистами. Первая его встреча с сотрудником ООН состоялась в 1998 году, когда он беседовал со специальным представителем ООН Лахдаром Брахими, чтобы предотвратить грозившее Талибану военное нападение Ирана. Омар живет в Кандагаре и приезжал в столицу только дважды и весьма ненадолго. Простое собирание фактов о его жизни стало постоянным занятием для многих афганцев и западных дипломатов.

Омар родился приблизительно в 1959 году в селении Нодех под Кандагаром: в семье бедных, безземельных крестьян из племени хотаки гильзайской ветви пуштунов. Вождь хотаки, Мир Ваис, захватил Исфаган в Иране в 1721 года и создал первую афганскую империю гильзаев в Иране, но был вскоре заменен Ахмад Шахом Дуррани. Омар не занимал высокого положения в племени и в обществе, и благородные кандагарцы говорили, что никогда не слышали о его семье. Во время джихада 80-х годов его семья переехала в город Таринкот в провинции Урузган — одно из наиболее отсталых и труднодоступных мест в стране, куда редко проникали советские войска. Его отец умер, когда он был еще молодым человеком, и он остался единственным защитником своей матери и всей семьи.

В поисках работы он переехал в селение Синджезар уезда Майванд провинции Кандагар, стал деревенским муллой и открыл небольшое *медресе*. Его собственная учеба в кандагарских *медресе* дважды прерывалась, сначала советским вторжением, а затем — созданием Талибана.[18] Омар примкнул к партии *Хизб-и-Ислами* Халеса и сражался под командованием Мохаммада Нека против режима Наджибуллы с 1989 по 1992 год. Он получил четыре ранения, одно из них в глаз, который после этого перестал видеть.

Несмотря на успехи талибов, Синджезар похож на любой другое пуштунское селение. Дома из сырого кирпича стоят за высокими заборами —

традиционное пуштунское оборонительное сооружение. Узкие, пыльные переулки, заполняемые в дождь жидкой грязью, соединяют дома между собой. *Медресе* Омара до сих пор действует — это глинобитная хижина, где на грязном полу лежат матрацы, на которых спят ученики. У Омара три жены, они по-прежнему живут в селении и совершенно скрыты под покрывалами. Его первая и третья жены — из Урузгана, но его вторая жена-подросток, Гюльджана, которую он взял в 1995 году, родом из Синджезара. У него пятеро детей, и все они учатся в его *медресе*.[19]

Высокий, ладно сложенный мужчина с длинной черной бородой и в черном тюрбане, Омар обладает саркастическим остроумием и тонким юмором. Он весьма стесняется посторонних и в особенности иностранцев, но доступен для талибов. Когда движение начиналось, он произносил пятничную проповедь в главной мечети Кандагара и встречался с народом, но потом стал затворником и почти не покидал здание администрации в Кандагаре, где он жил. Во время редких приездов в родное селение его сопровождают дюжины телохранителей на дорогих японских джипах с тонированными стеклами.

На заседаниях Шуры Омар говорит мало, больше слушает, что говорят другие. Из-за своей застенчивости он плохой оратор и, несмотря на окружающие его легенды, не обладает особой харизмой. Весь день он занимается делами в маленьком офисе в здании администрации. Сначала он сидел на полу вместе с посетителями, но теперь он сидит на кровати, а остальные на полу — это подчеркивает его статус. У него есть несколько секретарей, которые записывают его разговоры с командирами, простыми солдатами, духовенством и просителями, в комнате стоит треск от радиостанций, по которым он общается с командующими войсками по всей стране.

Дела ведутся так: после длительных обсуждений сочиняется «чит» — обрывок бумаги, на котором написан либо приказ идти в атаку, либо указание талибскому губернатору помочь просителю, либо письмо ооновскому посреднику. Официальные письма в иностранные посольства в Исламабаде часто диктуются пакистанскими советниками.

В начале движения я собрал большую коллекцию «читов», написанных на сигаретных пачках и оберточной бумаге, которые разрешали мне ездить из города в город. Теперь документы пишутся на более приличной бумаге. Рядом с Омаром стоит цинковый ящик, из которого он достает кипы банкнот-афгани и раздает их командирам и просителям. В *дни* успеха появляется еще один цинковый ящик — с долларами. Эти два ящика заключают в себе казну движения Талибан.

На важных встречах рядом с Омаром сидит его доверенное лицо и официальный представитель — мулла Вакиль Ахмад. Вакиль, родом из племени какар, был студентом *медресе* и учился у Омара, потом стал его адъютантом, водителем, переводчиком, стенографистом и дегустатором пищи на случай

отравления. Он быстро продвинулся по службе, стал беседовать с приезжающими иностранными дипломатами, ездить по стране, встречаться с командирами Талибана и пакистанскими представителями. Как пресс-секретарь Омара, он отвечает в Талибане за связи с иностранными журналистами и карает их, если они, по его мнению, слишком сурово критикуют Талибан. Вакиль — это глаза и уши Омара и его привратник. Ни один афганец, какое бы положение он ни занимал, не может попасть к Омару, минуя Вакиля.

Сейчас сложился уже целый цикл мифов и рассказов о том, как Омар собрал небольшую группу талибов на борьбу с насильничающими полевыми командирами. Наиболее достоверный рассказ, повторяемый многими, таков: весной 1994 года соседи из Синджезара сказали ему, что полевой командир похитил двух девочек, увез их в лагерь, обрил им головы и отдал солдатам для забавы. Омар поднял 30 учеников, вооруженных 16-ю винтовками, и напал на лагерь, освободил девочек и повесил главаря на стволе танкового орудия. Они захватил много оружия и снаряжения. «Мы воевали с мусульманами, которые впали в заблуждение. Как мы могли оставаться спокойными, видя насилия, творимые над женщинами и бедняками?» — говорил Омар в последствии.[20]

Несколько месяцев спустя два полевых командира вступили в бой на улицах Кандагара из-за мальчика, которого каждый из них хотел растлить. В бою погибло несколько мирных граждан. Группа Омара освободила мальчика, и люди стали звать Талибан на помощь в других подобных случаях. Омар стал героем наподобие Робин Гуда, защищающим бедных людей от насильников. Доверие к нему росло, поскольку он не требовал платы с тех, кому помогал, но просил их присоединяться к нему и строить справедливое исламское общество.

Одновременно посланцы Омара прощупывали настроение других полевых командиров. Его коллеги посетили Герат и встретились с Исмаил Ханом, а в сентябре Мохаммад Раббани, один из основателей движения, побывал в Кабуле и говорил с президентом Раббани. Находившееся в изоляции Кабульское правительство было готово помочь любым пуштунам, которые могли бы выступить против Хекматьяра, продолжавшего обстреливать Кабул, и пообещало помочь талибам деньгами, если они обратят оружие на Хекматьяра.

Но в основном Талибан был связан с Пакистаном, в котором многие из его представителей выросли, учились в *медресе*, руководимых быстрым, как ртуть, мауланой Фазлур Рахманом и его фундаменталистской партией *Джамиат-и-Улема Ислам (ДУИ*), пользовавшейся большой поддержкой среди пуштунов Белуджистана и Северо-Западной Пограничной Провинции (СЗПП). К тому же маулана Рахман был политическим союзником премьер-министра Беназир Бхутто и имел доступ в правительство, в армию и разведку, которым он и расписывал появившуюся спасительную силу.

Афганская политика Пакистана находилась в затруднительном положении. После распада Советского Союза в 1991 году сменявшие друг друга пакистанские правительства пытались открыть сухопутный путь в республики

Средней Азии. Основной помехой была продолжающаяся гражданская война в Афганистане, через который проходили все дороги. Пакистанские политики находились перед стратегическим выбором. Либо Пакистан продолжает поддерживать Хекматьяра, чтобы привести к власти в Кабуле дружественное ему пуштунское правительство, либо он меняет курс и требует компромисса между всеми афганскими партиями, какую бы цену ни пришлось заплатить за это пуштунам. Такое стабильное правительство откроет дороги в Среднюю Азию.

Пакистанские военные полагали, что другие народности не выполнят задачу, и продолжали поддерживать Хекматьяра. Около 20 процентов пакистанской армии состоит из пакистанских пуштунов, и пуштунское и исламское лобби в армии и в разведке было полно решимости обеспечить победу пуштунов в Афганистане. Однако к 1994 году стало понятно, что Хекматьяр провалился и потерпел поражение на поле боя, а большинство пуштунов, расколотых его экстремизмом, не одобряло его. Пакистан устал поддерживать неудачника и начал искать среди пуштунов силу, способную представлять пакистанские интересы.

Когда Беназир Бхутто в 1993 году была избрана премьер-министром, она всецело стояла за открытие пути в Среднюю Азию. Кратчайшая дорога вела из Пешавара в Кабул, через хребет Гиндукуш на Мазари-Шариф, затем на Термез и Ташкент, но эта дорога была закрыта из-за боев вокруг Кабула. И вот появилась новая альтернатива, которую поддержала отчаявшаяся мафия перевозчиков и контрабандистов, пакистанская разведка, *ДУИ*, пуштунские военные и политики. Вместо северного пути можно расчистить дорогу из Кветты на Кандагар, Герат и дальше на Ашхабад, столицу Туркмении. На юге нет боев, просто десятки мелких банд, которые можно подкупить, чтобы они убрали свои цепи.

В сентябре 1994 года пакистанские наблюдатели и офицеры разведки, не привлекая внимания, проехали по дороге от Чамана на границе с Пакистаном до Герата. Министр внутренних дел Назирулла Бабар, пуштун по рождению, тоже побывал в Чамане в том же месяце. Кандагарские полевые командиры восприняли план с недоверием. Они подозревали, что Пакистан готовит интервенцию, чтобы раздавить их. Один из них, Амир Лалай, недвусмысленно предостерег Бабара. «Пакистан предлагает починить нам дороги, но я не думаю, что после починки дорог немедленно наступит мир. До тех пор, пока соседние страны продолжают вмешиваться в наши внутренние дела, мира не будет», — сказал Лалай.[21]

Несмотря на это, Пакистан начал переговоры с кандагарскими полевыми командирами и с Исмаил Ханом в Герате о том, чтобы открыть движение в Туркмению. 20 октября 1994 года Бабар повез группу из шести западных послов в Кандагар и Герат, даже не поставив в известность правительство в Кабуле.[22] Делегация включала высших чиновников из управления железных дорог,

автомобильных дорог, почтовой, телеграфной и телефонной связи и энергетики. Бабар заявил, что он хочет получить 300 миллионов долларов международной помощи для того, чтобы восстановить дорогу из Кветты в Герат. 28 октября Бхутто встретилась с Исмаил Ханом и генералом Рашидом Дустомом в Ашхабаде и побуждала их согласиться открыть южную дорогу, где грузовики платили бы всего одну или две пошлины и безопасность была бы гарантирована.

Но до этой встречи случилось событие, потрясшее кандагарских полевых командиров. 12 октября 1994 года 200 талибов из Кандагара и пакистанских *медресе* появились у афганского пограничного пункта Спинбулдак напротив Чамана. Эта грязная остановка в пустыне была стратегически важной перевалочной точкой для мафии перевозчиков, заправлявших и чинивших здесь свои грузовики. Здесь товары перегружались с пакистанских машин, которым не разрешалось въезжать дальше в Афганистан, на афганские грузовики. Тут хозяйничали люди Хекматьяра. Сюда привозилось топливо для снабжения армий полевых командиров. Контрабандисты уже заплатили несколько сот тысяч пакистанских рупий Мулле Омару и пообещали Талибану ежемесячную стипендию, если ему удастся освободить дорогу и обеспечить безопасное движение по ней.[23]

Талибы разделились на три группы и атаковали гарнизон Хекматьяра. После короткого жестокого боя гарнизон бежал, оставив несколько убитых и раненых. Талибы потеряли только одного человека.

После этого Пакистан помог талибам, позволив им захватить большой склад оружия неподалеку от Спинбулдака, охранявшийся людьми Хекматьяра. Этот склад был перемещен через границу из Пакистана в 1990 году, когда Женевские соглашения запретили Пакистану держать на своей территории оружие для афганцев. На складе талибам досталось 18 000 автоматов Калашникова, десятки артиллерийских орудий, большое количество амуниции и много автомашин.[24]

Захват Спинбулдака встревожил кандагарских главарей, они осудили Пакистан за поддержку талибов, но продолжали ссориться между собой. К тому времени Бабар уже потерял терпение и приказал послать в Ашхабад пробный конвой из 30 грузовиков, груженных медикаментами. «Я сказал Бабару, что нужно подождать два месяца, потому что у нас не было договора с кандагарскими полевыми командирами, но Бабар настаивал на отправке конвоя. Кандагарцы подумали, что конвой везет оружие для пакистанских сил вторжения», — рассказывал мне потом один пакистанский чиновник, находившийся в Кандагаре.[25]

29 октября 1994 года конвой, взятый из Национальной службы тыла пакистанской армии, которая была создана разведкой в 80-х годах, чтобы переправлять американское оружие моджахедам, вышел из Кветты. С ним были 80 отставных армейских водителей и полковник Имам, один из наиболее уважаемых пакистанских разведчиков на юге Афганистана и, по

совместительству, генеральный консул в Герате. Конвой сопровождали два молодых командира талибов, мулла Борджан и Тораби. (Оба впоследствии примут участие в штурме Кабула, где мулла Борджан и погибнет.) В 12-ти милях от Кандагара, в селении Тахтапуль неподалеку от кандагарского аэропорта, конвой был задержан группой полевых командиров. Это были Амир Лалай, Мансур Ачакзай, который контролировал аэропорт, и Устад Халим. Они приказали конвою остановиться в ближайшем селении, у подножия невысоких гор. Когда через несколько месяцев я побывал в этом месте, там все еще были видны следы от костров и выброшенные пайки.

Полевые командиры потребовали денег, долю товара и прекращения поддержки Талибана. Пока они вели переговоры с полковником Имамом, Исламабад искал способы решения проблемы. «Мы опасались, что Мансур подложит оружие в конвой и потом обвинит Пакистан. Поэтому мы рассматривали варианты освобождения конвоя силой, например, рейд *Special Service Group* [пакистанский армейский спецназ] или воздушный десант. Но это показалось нам слишком опасным, и мы попросили Талибан освободить конвой», — говорил пакистанский чиновник. 3 ноября 1994 года Талибан атаковал тех, кто удерживал конвой. Главари, думая, что это рейд пакистанской армии, бежали. Мансур был загнан талибами в пустыню и убит вместе с десятью своими телохранителями. Его тело было вздернуто на танковой пушке на всеобщее обозрение.

В тот же вечер талибы вошли в Кандагар и, после двух дней мелких стычек, обратили полевых командиров в бегство. Мулла Накиб, самый уважаемый полевой командир в городе, не сопротивлялся. Некоторые его помощники утверждали, что Накиб получил большую взятку от пакистанской разведки за свою капитуляцию, причем ему обещали сохранить его должность. Талибы приняли к себе его людей, а самого Накиба отправили в его родное селение недалеко от Кандагара. Талибам достались десятки танков, бронетранспортеров, другой военной техники, оружие, но самое важное — шесть истребителей МиГ-21 и шесть транспортных вертолетов — остатки от советской оккупации.

Всего за две недели никому не известная сила, потеряв всего дюжину людей, захватила второй по величине город Афганистана. В Исламабаде никто из иностранных дипломатов и журналистов не сомневался, что они получили значительную поддержку от Пакистана. Правительство и *ДУИ* праздновали падение Кандагара. Бабар приписывал успех талибов себе, рассказывая неофициально журналистам, что талибы — это «наши ребята». Но талибы показали, что не подчиняются Пакистану и не будут ничьими марионетками. 16 ноября 1994 года мулла Гаус заявил, что Пакистан не должен посылать конвои помимо талибов в будущем и не должен заключать соглашения с отдельными полевыми командирами. Он сказал также, что талибы не позволят перевозить на пакистанских грузовиках товары, предназначенные для Афганистана, — таким было главное требование мафии перевозчиков.[26]

Талибы убрали все цепи, обложили единственной пошлиной грузовики, въезжающие через Спинбулдак, и организовали патрулирование дороги. Транспортная мафия была в восторге — в декабре первый пакистанский конвой из 50 грузовиков с туркменским хлопком прибыл в Кветту, заплатив талибам 200 000 рупий (5000 долларов) пошлины. Между тем тысячи молодых афганских пуштунов, учившихся в Белуджистане и в СЗПП, ринулись в Кандагар, чтобы вступить в Талибан. За ними вскоре последовали добровольцы из принадлежащих *ДУИ медресе* воодушевленные новым исламским движением в Афганистане. К декабрю 1994 года более 12 тысяч афганских и пакистанских студентов примкнуло к талибам в Кандагаре.

Пакистан испытывал растущее давление изнутри и снаружи — от него требовали прояснить свою позицию, Бхутто впервые выступила с отрицанием пакистанской поддержки талибам в феврале 1995 года. «У нас нет фаворитов в Афганистане и мы не вмешиваемся в дела Афганистана», — сказала она, посетив Манилу.[27] Позднее она заявила, что Пакистан не может запретить добровольцам переходить границу и вступать в Талибан. «Я не могу воевать вместо господина [президента Бурхануддина] Раббани. Если афганцы хотят пересечь границу, я их не задерживаю. Я могу не пустить их обратно, но у многих здесь семьи», — сказала она.[28]

Талибан немедленно воплотил в жизнь самую суровую интерпретацию шариата из всех, когда-либо виденных в мусульманском мире. Они закрыли школы для девочек и запретили женщинам работать вне дома, перебили телевизоры, запретили спортивные состязания и увеселения, приказали мужчинам отрастить длинные бороды. Еще через три месяца Талибан овладеет двенадцатью провинциями из тридцати одной, открывая движение по дорогам и разоружая население. По мере того как Талибан двигался к северу, в сторону Кабула, местные полевые командиры либо бежали, либо сдавались. Мулла Омар и его студенческое войско шагали по Афганистану.

Глава 2. Герат, 1995
Непобедимые воины Аллаха

Март 1995 года, северная оконечность Дашти-Марго — Пустыни смерти. Тонкие струйки белой пыли поднимаются над узкой лентой разбитого шоссе, растянувшегося на 350 километров от Кандагара до Герата. Шоссе, построенное русскими в 1950-х годах, проходит через пески одной из самых жарких и безводных пустынь мира. После долгих лет войны дорога изувечена гусеницами танков, воронками от бомб и разбитыми мостами, поэтому возможная скорость не превышает 20 километров в час.

Набитые хорошо вооруженными молодыми людьми, боевые машины талибов — японские двухдверные пикапы со снятым тентом и полностью открытой задней частью — текли по направлению к Герату, чтобы взять его. В противоположном направлении шел поток машин, наполненных ранеными талибами, лежащими на носилках, привязанных к корпусам машин, и пленными из войск Исмаил Хана, которые удерживали Герат.

За первые три месяца после своего возникновения Талибан преодолел тупик, в котором оказалась гражданская война, захватив 12 провинций из 31-ой и дойдя до предместий Кабула на севере и до Герата на западе. Под присмотром своих командиров солдаты Талибана в Кандагаре были не очень разговорчивы, поэтому единственным способом что-либо узнать были поездки туда и обратно на попутных машинах. В чреве пикапа, где двенадцать солдат были упакованы вместе с тюками амуниции, ракетами, гранатометами и мешками с мукой, они намного более охотно рассказывали про свою жизнь.

По их словам, после захвата Кандагара около 20 000 афганцев и сотни учеников пакистанских *медресе* двинулись через границу, чтобы присоединиться к Мулле Омару. Еще тысячи афганских пуштунов примкнули к ним по пути на север. Большинство из них были очень-очень молоды — от 14 до 24 лет — и не воевали раньше, хотя, как и все пуштуны, они умели обращаться с оружием.

Многие из них провели всю свою жизнь в лагерях беженцев в Белуджистане и СЗПП, впитывая Коран в десятках *медресе*, которые росли как грибы после дождя усилиями афганских мулл или партий пакистанских фундаменталистов. Там они изучали Коран, изречения Пророка и основы исламского права в интерпретации своих полуграмотных преподавателей. Ни учителя, ни ученики не имели никаких математических, естественно-научных, исторических или географических познаний. Многие из этих юных воинов не знали даже историю своей собственной страны или историю джихада против Советов.

Эти мальчишки были страшно далеки от тех моджахедов, которых я встречал в 1980-х, — людей, знавших свое племя и своих предков, с ностальгией вспоминавших о покинутых фермах и долинах, помнивших легенды и сюжеты из истории Афганистана. Эти мальчики принадлежали поколению, никогда не видевшему мира на родной земле, — ни единой минуты, когда Афганистан не воевал бы с захватчиком или сам с собой. Они не помнили ни своего племени, ни своих предков, не помнили о том сложном смешении народов, которое составляло их родное селение и их страну. Они были выброшены из войны на берег Истории так, как море выбрасывает на берег останки кораблекрушения.

Лишенные памяти о прошлом и планов на будущее, они были целиком погружены в настоящее. Они были в буквальном смысле сироты, оставленные войной, без корней, без дома, без работы, ничего не имеющие и мало что знающие. Они обожали войну, поскольку она была единственным занятием, к которому они были готовы. Их мессианская вера в пуританский ислам, вколоченная в их головы простым деревенским муллой, была единственной опорой, придававшей их жизни какой-либо смысл. Не подготовленные ни к чему, даже к традиционному делу своих предков — возделывать землю, пасти скот, заниматься ремеслом, — они были теми, кого Карл Маркс назвал бы афганским люмпен-пролетариатом.

Кроме того, они тем охотнее присоединились к мужскому братству, созданному лидерами талибов, что ничего другого они в жизни и не знали. Многие были настоящими сиротами, выросшими в отсутствие женщин — матерей, сестер или кузин. Другие были студентами *медресе* или жили в лагерях беженцев, где жесткое разделение полов было нормой, а родственники женского пола появлялись лишь на короткое время. Даже по меркам консервативного пуштунского племенного общества, где селение или кочевой лагерь были сплоченными сообществами и мужчины жили бок о бок с женщинами, жизнь этих парней была суровой. Они просто не знали женского общества.

Муллы, учившие их, подчеркивали, что женщина — это искушение, то, что отвлекает от служения Аллаху. Поэтому когда талибы пришли в Кандагар и запретили женщинам выходить из дома на работу, в школу и даже за покупками, большинство этих мальчиков из *медресе* не нашло в этом ничего необычного. Половина рода человеческого, которой они не знали, несла для них угрозу, и самым простым было изолировать эту половину, тем более что так говорили и муллы, исходя из примитивных исламских запретов, вовсе не основанных на исламском праве. Угнетение женщин было той чертой, которая коренным образом отделяла талибов от бывших моджахедов.

Это мужское братство предлагало молодым людям не только религиозную цель, за которую стоит воевать, но и образ жизни, который следовало принимать целиком и который наполнял смыслом все их существование. По иронии судьбы Талибан весьма походил на рыцарские религиозные ордена, возникшие в

христианском мире во время крестовых походов с целью борьбы против ислама — своей дисциплиной, мотивацией и безжалостностью в достижении целей.[29] В первые месяцы стремительных побед Талибана сложилась целая система мифов о непобедимости, дарованной лишь воинам Бога. В эти горячие дни каждая победа усиливала уверенность в правоте их дела, в том, что Бог на их стороне и что их толкование ислама — единственно верное.

Усилившись свежими рекрутами, Талибан двинулся на север, в провинции Урузган и Забуль, и захватил их без единого выстрела. Занятые мародерством, пуштунские полевые командиры предпочли не испытывать лояльность своих ненадежных войск и поднимали белый флаг или же сдавали свое оружие в знак покорности.

На юге Талибан выступил против войск Гаффара Ахунзаде, чей клан контролировал провинцию Гильменд и ее богатые опиумные поля на протяжении большей части 80-х годов. Здесь талибы встретили ожесточенное сопротивление, но им удалось, настроив одних мелких наркобаронов против Ахунзаде и подкупив других, захватить провинцию к январю 1995 года. Талибан продвинулся к западу вдоль шоссе Кандагар-Герат и дошел до Диларама на границе с тремя провинциями, подчиненными Исмаил Хану. Одновременно они продвинулись на север в сторону Кабула, быстро рассекая пуштунский пояс, где им пришлось столкнуться не с сопротивлением, а с массовыми изъявлениями покорности.

Анархический пуштунский юг, где было множество мелких главарей, быстро оказался в руках у талибов, но теперь они столкнулись с крупными полевыми командирами и политическими и этническими проблемами остальной страны. В январе 1995 года все оппозиционные группы объединились, чтобы напасть на президента Раббани в Кабуле. Хекматьяр объединился с узбекским генералом Рашидом Дустомом на севере и с хазарейцами из центрального Афганистана, которые контролировали часть Кабула. Пакистан помог созданию нового альянса, так как Хекматьяр оставался фаворитом Исламабада, и поставил ему большое количество ракет для бомбардировки столицы. Но даже Исламабад был поражен быстрым продвижением Талибана. Хотя правительство Бхутто полностью поддерживало Талибан, разведка продолжала сомневаться в его возможностях. Для нее Талибан оставался хотя и полезной, но периферийной силой на юге.

Хекматьяр был явно обеспокоен появлением соперничающих пуштунских сил, движущихся с юга, и попытался остановить продвижение талибов, одновременно начав массированный обстрел Кабула, в результате которого большие районы города были разрушены, а сотни горожан погибли. 2 февраля 1995 года Талибан захватил провинцию Вардак в 35 милях южнее Кабула, впервые создав угрозу базам Хекматьяра вокруг столицы. Талибан продолжал двигаться со скоростью света, захватив 10 февраля Майданшахр после большого боя, стоившего двухсот жизней, и на следующий день — селение Мухаммедага.

Теперь Хекматьяр был зажат между правительственными войсками на севере и талибами на юге. Боевой дух его частей стремительно падал.

14 февраля 1995 года Талибан захватил штаб-квартиру Хекматьяра в Чарасьябе, после чего войска последнего в панике бежали к Джелалабаду. Войска президента Раббани под командованием Ахмад Шаха Масуда отступили в Кабул. После этого талибы открыли все дороги, позволив конвоям с продовольствием въехать в Кабул после многих месяцев блокады, установленной Хекматьяром. Это был шаг, поднявший популярность талибов среди скептически настроенных жителей Кабула и одновременно удовлетворивший главное требование транспортной мафии, поддерживавшей Талибан. Призывы к прекращению огня со стороны специального представителя ООН по Афганистану, тунисского дипломата Махмуда Местири, не получили отклика. Теперь Масуд и Талибан стояли друг против друга.

Масуд столкнулся еще с одной проблемой у себя дома. Хотя Хекматьяр и бежал, Масуду по-прежнему противостояли войска шиитов-хазарейцев из партии *Хизб-и-Вахдат*, державшие под контролем южные пригороды столицы. Масуд попытался выиграть время и дважды встречался в Чарасьябе с командующими талибов, муллой Раббани, Борджаном и Гаусом. Здесь талибы впервые встретились со своим величайшим врагом, который будет преследовать их в течение последующих четырех лет. Талибы потребовали отставки Раббани с поста президента и капитуляции Масуда — с такой позицией у переговоров едва ли была перспектива. Талибан начал переговоры с хазарейцами.

Талибы также встречались с Местири, посредником ООН, выдвинув три условия своего участия в мирном процессе, поддерживаемом ООН. Они потребовали, чтобы их войска образовали «нейтральную силу» в Кабуле, чтобы во временном правительстве участвовали только «добрые мусульмане» и чтобы все 30 провинций страны были в нем представлены. Требование талибов предоставить им большинство в любом новом правительстве в Кабуле заставило правительство Раббани и ООН отклонить их требования.

Масуд решил разобраться со своими врагами по одному. 6 марта он начал блицкриг против хазарейцев, послав танки в южные предместья Кабула, разбив хазарейцев и выкинув их из Кабула. В отчаянии хазарейцы пошли на соглашение с талибами, сдав им тяжелое вооружение и свои позиции в Кабуле. Но в последовавшей за этим неразберихе лидер хазарейцев Абдул Али Мазари был убит в то время, когда он находился под защитой талибов. Позднее хазарейцы утверждали, что их вождь был сброшен с вертолета, увозившего его в Кандагар в качестве пленника, когда он пытался схватить автомат.

Случайная или намеренная, гибель Мазари навсегда опорочила Талибан в глазах афганских шиитов и их главного покровителя — Ирана. Хазарейцы никогда не простят талибам гибели Мазари и отомстят им через два года, вырезав тысячи талибов на севере. Кровавая национальная и религиозная

вражда между пуштунами и хазарейцами, между суннитами и шиитами, до того момента остававшаяся скрытой, отныне вышла на поверхность.

Тем временем Масуд не позволил Талибану занять место хазарейцев в южном Кабуле. 11 марта он начал следующую атаку, выпихнув Талибан из Кабула после кровопролитных уличных боев, стоивших жизни сотням талибов. Это был первый крупный бой, проигранный Талибаном. Слабость их военной организации и недостаток тактических умений привели их к поражению от рук более опытных бойцов Масуда.

Талибан победил на анархическом пуштунском юге потому, что его население, изнуренное войной, видело в талибах спасителей и миротворцев, если не силу, способную возродить власть пуштунов, униженную таджиками и узбеками. Многие победы были ускорены наличными, когда полевым командирам платили за их лояльность, — практика, которую талибы позднее доведут до высокой степени совершенства, чему немало поспособствуют растущие доходы от наркотиков, грузовых перевозок и помощь Пакистана и Саудовской Аравии. По мере своего продвижения они захватили много легкого вооружения, танков и даже вертолетов, что позволило им развернуть больше войск. В районах, попадавших под их контроль, они немедленно разоружали население, устанавливали строгие законы шариата и открывали движение по дорогам, что приводило к снижению цен на продовольствие. Эти меры приветствовались исстрадавшимся населением. Поражение под Кабулом было тяжелым ударом по престижу талибов, но не уменьшило их решимость.

После этого поражения Талибан обратил свое внимание на запад, сделав ставку на захват Герата. В конце февраля 1995 года, талибы захватили Нимроз и Фарах, две провинции, находившиеся под контролем Исмаил Хана, и продвинулись в направлении Шинданда, бывшей советской авиабазы к югу от Герата. Кабульский режим был встревожен продвижением талибов и неспособностью Исмаил Хана удержать фронт. Авиация Масуда, базируясь в Кабуле, начала бомбить талибов, и две тысячи закаленных в боях таджикских бойцов были переброшены из Кабула, чтобы помочь в обороне Шинданда и Герата. Не имея авиации, располагая слабым тылом в Кандагаре и рыхлой структурой командования, талибы несли тяжелые потери при атаке на позиции правительственных войск вокруг Шинданда.

В конце марта 1995 года Талибан был отброшен от Шинданда. Талибы отступили, потеряв большую часть ранее завоеванной территории и не менее 3000 человек. Сотни раненых были брошены на смерть в пустыне, поскольку у талибов не было полевой медицины, а отсутствие тылов делало невозможным обеспечение войск водой и продовольствием. «Мы никогда не оказывались в столь негостеприимных условиях. Каждый день нас бомбили по 10–15 раз. Нечего есть, воды нет, мои друзья умерли от жажды. У нас не было связи с командованием, не было связи с соседями. Боеприпасы кончились. Было очень

плохо», — рассказал мне Салех Мохаммад, раненный талиб, когда его везли в Кандагар.[30]

Теперь Талибан был решительно отброшен назад правительственными войсками по крайней мере на двух фронтах, и его политическое и военное руководство раздирали разногласия. Его репутация миротворца была серьезно подорвана, и в глазах многих афганцев он превратился в одну из многих воюющих сторон. Президент Раббани временно укрепил свои позиции вокруг Кабула и Герата. В мае 1995 года правительство напрямую контролировало шесть провинций вокруг Кабула и на севере, а Исмаил Хан контролировал три западные провинции. Зона влияния талибов сократилась в результате их поражений с 12-ти провинций до 8-ми. Но Герат продолжал быть заветной целью не только для талибов, но и для пуштунской транспортной мафии, которой было необходимо открыть дорогу в Иран и в Среднюю Азию, чтобы беспрепятственно делать свой бизнес.

Немногие командиры моджахедов имели престиж, равный Исмаил Хану, и мало кто пошел на большие жертвы в войне против Советов, чем народ Герата. Исмаил Хан служил в армии офицером, когда Советы вторглись в Афганистан; по убеждениям он был исламистом и националистом. Когда Советы оккупировали Герат, они считали говорящих по-персидски гератцев смирными, невоинственными и наиболее культурными из афганцев. В последний раз гератцам пришлось воевать больше ста лет назад, когда в 1837 году они сопротивлялись персидскому вторжению. Не опасаясь сопротивления, Советы развернули в Шинданде свою крупнейшую авиабазу и разрешили семьям офицеров поселиться в городе.

Но 15 марта 1979 года население города подняло невиданный мятеж против Советов. В то время, когда жители убивали советских офицеров, советников и их семьи, Исмаил Хаи устроил переворот в местном гарнизоне, перебив советских офицеров и афганских коммунистов и вооружив народ. Сотни русских были убиты. Москва, опасаясь подобных восстаний в других городах, бросила 300 танков из советской Туркмении на усмирение мятежа и начала сплошную бомбардировку одного из старейших городов мира. Пятнадцать лет спустя значительная часть города все еще напоминала лунный пейзаж с грудами развалин, тянущимися до горизонта. Более 20 000 гератцев было убито в течение нескольких дней. Исмаил Хан укрылся в сельской местности, возглавив партизанскую армию, а десятки тысяч гражданских лиц бежали в Иран. В течение десяти лет Исмаил Хан вел беспощадную партизанскую войну против советской оккупации и создал эффективное управление в сельской местности, чем заслужил уважение населения. Это сыграло весьма важную роль, когда после ухода советских войск ему пришлось снова утверждать свою власть в Герате.

Герат был колыбелью афганской истории и цивилизации. Город в оазисе был основан 5000 лет назад. Его орошаемые угодья в долине, окруженной

горами, считаются самыми плодородными почвами в Центральной Азии. Греческий историк Геродот называл Герат хлебной корзиной Средней Азии. «Во всем населенном мире нет города, подобного Герату», — писал император Бабур в своих мемуарах. Англичане сравнивали его по красоте с родными графствами. «Все пространство между холмами — красивая цепь маленьких укрепленных селений, садов, виноградников, кукурузных полей, и это выразительное зрелище приобретает блеск от множества ручьев, струящихся по долине во всех направлениях», — писал британский шпион и искатель приключений капитан Конноли в 1831 году.[31]

Много веков город был перекрестком между соперничающими тюркскими и персидскими империями, а его население рано обратилось в ислам. Главная городская мечеть построена еще в седьмом веке и перестроена при династии Гуридов в 1200 году. В Средние Века город был одним из центров христианства (несторианского) и одновременно центром суфизма — духовно-мистического направления в исламе. Последователи суфийских братств Накшбандия и Чиштия становились первыми министрами и просто министрами. Святой покровитель Герата — Хауаджа Абдулла Ансари, умерший в 1088 году, знаменитый суфийский поэт и философ, до сих пор имеющий много последователей в Афганистане. Когда Чингисхан захватил Герат в 1222 году, он пощадил 40 из 160 000 жителей. Но менее чем через два столетия город уже возродился с тем, чтобы достичь вершины своей славы, когда в 1405 году сын Тимура Шахрух и его супруга Гоухар-шад перенесут свою столицу из Самарканда в Герат.

Тимуриды были первыми, кто сочетал степную культуру кочевников-тюрков с утонченностью оседлых персов, привозя мастеров из Персии, Индии и Средней Азии для постройки сотен величественных памятников. Шахрух и Гоухар-шад превратили Герат в одну большую строительную площадку, сооружая мечети, *медресе*, общественные бани, библиотеки и дворцы. Базары Герата давали лучшие ковры, ювелирные украшения, оружие, доспехи и изразцы. Бехзад, которого считают лучшим персидским миниатюристом всех времен, работал при дворе. «В Герате, если ты вытянешь ногу, то наверняка заденешь поэта», — сказал Алишер Навои, премьер-министр у Шахруха[32], бывший также поэтом и писателем.[33] Навои, погребенный в Герате, считается национальным поэтом в современном Узбекистане и отцом литературного тюркского языка, так как он первый стал писать стихи на тюркском, а не на персидском. Персидский поэт Джами также жил при дворе и похоронен в Герате, а сын Шахруха Улугбек был астрономом, чья обсерватория в Самарканде наблюдала за движением звезд. Его календарь и звездные таблицы, напечатанные в 1665 году Оксфордским университетом, до сих пор поражают своей точностью.

В 1417 году Гоухар-шад, сама построившая десятки мечетей, завершила строительство величественного комплекса на окраине города, который включал

в себя мечеть, *медресе* и ее собственную усыпальницу. Увенчанная голубым куполом усыпальница, чьи стены покрыты персидскими голубыми изразцами, украшенными цветочными мотивами, до сих пор считается одним из величайших образцов исламской архитектуры во всем мире. Увидев ее в 1937 году, Р. Байрон назвал ее «самым прекрасным примером цвета в архитектуре, когда-либо созданным человеком во славу Божию и свою собственную».[34] Когда Гоухар-шад умерла в возрасте 80 лет, построив более 300 зданий в Афганистане, Персии и Средней Азии, на ее могиле было написано просто «Новая Билкис». Билкис в переводе означает — царица Савская.[35] Большая часть комплекса была разрушена англичанами в 1885 году, а Советы заминировали этот район, чтобы он не достался моджахедам.

Когда Советы бомбили Герат в 1979 году, они причинили ему больше вреда, чем монголы. «Герат — самый разрушенный и начиненный наибольшим количеством мин город в сегодняшнем мире, но мы ни от кого не получаем помощи», — говорил мне Исмаил Хан в 1993 году.[36] Несмотря на окружающую разруху, Исмаил Хан разоружил население и установил эффективную власть в трех провинциях, с действующей системой здравоохранения и работающими школами.

Низкорослый, толковый, с ангельской улыбкой, благодаря которой он выглядит сильно моложе своих 47 лез; Исмаил Хан располагал 45 000 учениками в школах Герата, половину из которых составляли девочки — и 75 000 учениками во всех трех провинциях. В 1993 году он повел меня в школу *Атун Хейрви*, в которой 1500 девочек учились в две смены, сидя под открытым небом, так как у них не было ни классов, ни доски, ни книг, ни бумаги, ни чернил — но их желание учиться лишь подчеркивало ученую традицию Герата. В противоположность этому, когда талибы вошли в Кандагар, 45 школ было закрыто и только три осталось. Впоследствии, когда талибы взяли Герат, они закрыли все школы города, запретив девочкам учиться даже дома.

Но к 1995 году Исмаил Хан столкнулся с огромными проблемами. Он разоружил население и создал непопулярную армию из призывников. Чтобы противостоять Талибану, он был вынужден снова вооружить население, поскольку его армия из призывников была поражена коррупцией, низким боевым духом и недостатком средств. Коррупция среди чиновников и вымогательство у населения стали повальным явлением, таможенники брали за проезд через город одного грузовика немыслимую сумму в 10 000 пакистанских рупий — верный способ восстановить против себя транспортную мафию. Талибы были хорошо осведомлены о его проблемах. «Исмаил слаб, его солдаты не будут драться, потому что им не платят, он потерял уважение народа из-за взяточничества своих чиновников. Он одинок и нуждается в поддержке Масуда», — говорил мне мулла Вакиль Ахмад.[37]

Исмаил Хан допустил также серьезный военный просчет. Полагая, что после поражения талибы стоят на грани распада, он предпринял

неподготовленное и несвоевременное наступление против них. С помощью большого механизированного корпуса он захватил 23 августа 1995 года Диларам, а неделю спустя — часть провинции Гильменд, угрожая Кандагару. Но его войска были слишком растянуты в условиях враждебного окружения, а талибы в течение всего лета восстанавливали свои силы благодаря оружию, боеприпасам и машинам, полученным из Пакистана и Саудовской Аравии, и создавали новую структуру командования с помощью советников из пакистанской разведки. Разведка также помогла заключить негласное соглашение с Рашидом Дустомом. Дустом послал своих узбекских техников в Кандагар, чтобы починить МиГи и вертолеты, захваченные талибами годом ранее, позволив Талибану создать собственные ВВС. Одновременно самолеты Дустома начали бомбить Герат.

Для отражения угрозы со стороны Исмаил Хана Талибан быстро мобилизовал 25 000 человек, большинство которых было недавно набранными добровольцами из Пакистана. Более опытные бойцы были сведены в мобильные колонны на пикапах *Datsun*, которые нарушали линии снабжения Исмаил Хана. В конце августа в Гиришке Талибан из засады нанес поражение наступавшим, и Исмаил Хан начал общее отступление. За несколько дней талибы отбросили его к Шинданду, который он неожиданно оставил без боя 3 сентября. Через два дня, когда его войска были охвачены паникой, мобильные отряды талибов проникали повсюду, Исмаил Хан бежал из Герата в Иран со своими командирами и несколькими сотнями бойцов. Ка следующий день в Кабуле толпа сторонников правительства, взбешенная падением Герата, громит посольство Пакистана и ранит пакистанского посла, а правительственные солдаты стоят неподалеку и смотрят. Отношения между Кабулом и Исламабадом достигли своей низшей точки, а президент Раббани открыто обвинил Пакистан в том, что тот хочет свергнуть его при помощи талибов.

Теперь Талибан овладел всем западом страны, вышел на границу с Ираном и впервые стал контролировать район, населенный в основном непуштунами. Талибы вели себя в Герате как в оккупированном городе, арестовав сотни горожан, закрыв все школы и принуждая выполнять свои запреты и законы шариата даже более сурово, чем в Кандагаре. Гарнизон был составлен не из местных перебежчиков, а из твердокаменных кандагарских пуштунов, многие из которых даже не знали персидского языка и были, следовательно, неспособны общаться с местным населением. За последующие годы ни один коренной житель Герата не попал во власть. Единственное, что оставалось утонченным жителям, попавшим под власть тех, кого они считали грубыми и малообразованными пуштунами, это приходить на могилу Джами и читать его эпитафию:

«Когда твое лицо скрыто от меня, подобно луне в темную ночь, я проливаю звезды слез, но ночь моя по-прежнему темна, несмотря на

весь этот звездный блеск».[38]

Падение Герата послужило началом конца правительства Раббани. Воодушевленные своей победой, талибы начали в октябре-ноябре новое наступление на Кабул, торопясь отвоевать плацдарм до того, как зимние снегопады остановят бои. Масуд контратаковал в ноябре и отбросил их, положив сотни людей на поле боя. Но талибы проявили упорство и прибегли к другим способам захвата города, прорывая фронт Масуда не танками, а взятками.

Глава 3. Кабул, 1996
Вождь правоверных

Прохладной весной 1996 года сотни афганских мулл на джипах, грузовиках, верхом двигались в сторону Кандагара. К 20 марта более 1200 религиозных вождей пуштунов с юга, запада и из центрального Афганистана собрались в городе. Их поселили в правительственных зданиях, старой крепости и в лавках базара, превращенных в огромные общежития, в которых сотни ковров были брошены на землю, чтобы муллам было где спать.

Это был крупнейший съезд духовенства за всю историю современного Афганистана. Ни местные полевые командиры, ни вожди племен и кланов, ни политики времен сопротивления Советам, ни представители непуштунских народов севера не были приглашены на него. Только религиозные руководители были приглашены Муллой Омаром — чтобы обсудить план: действий на будущее, но прежде всего, для того, чтобы сделать вождя Талибана всемогущим вождем всей страны.

Десятимесячная осада Кабула талибами не принесла успеха, их потери росли, и недовольство в их рядах возрастало. Все долгие зимние месяцы умеренные члены движения открыто говорили о необходимости переговоров с кабульским режимом. Сторонники жесткой линии хотели продолжить завоевание всей страны. Обнаружилось разделение и среди пуштунов. Кандагарцы, объединившиеся вокруг Омара, хотели продолжения войны, тогда как те, кто представлял пуштунов из недавно завоеванных талибами районов, хотели мира и прекращения конфликта.

Вне Афганистана все тоже понимали, что Талибан стоит на распутье. «Ни Талибан не может взять Кабул, ни Масуд не может взять Кандагар. Как будет развиваться Талибан, если ему не удастся взять Кабул? Даже если им удастся взять Кабул — как остальной Афганистан сможет принять их разновидность исламского общества?» — говорил мне представитель ООН Махмуд Местири. [39] В течение двух с лишним недель Шура заседала дни и ночи напролет. Отдельные секции обсуждали вопросы о политическом и военном будущем страны, о том, как лучше проводить в жизнь законы шариата, о перспективах обучения девочек в районах, контролируемых талибами. Все обсуждения проходили в строжайшей тайне, и иностранцы не допускались в Кандагар в течение всего времени, пока заседала Шура. Несмотря на это несколько пакистанских официальных лиц наблюдали за ходом Шуры, в их числе были посол Пакистана в Кабуле Кази Хумаюн и некоторые офицеры разведки, в том числе генеральный консул в Герате полковник Имам.

Чтобы сгладить разногласия, кандагарская группа приверженцев Омара решила присвоить ему титул «вождя правоверных» (Амир-уль-Муминиин), что сделало бы его бесспорным вождем джихада и эмиром Афганистана. (Позднее талибы переименуют страну в Эмират Афганистан). 4 апреля 1996 года Омар появился на крыше здания в центре города в накинутом на плечи Плаще Пророка, впервые за 60 лет извлеченном из святилища. Когда Омар завернулся в Плащ, а затем развернул его и позволил ему развеваться на ветру, множество мулл, собравшихся во дворе внизу, зааплодировали и закричали: «Амир-уль-Муминиин!»

Эта клятва верности, или «байят», напоминала процедуру, с помощью которой халиф Омар был утвержден в качестве вождя мусульманской общины Аравии после смерти Пророка Мухаммада. Это был мастерский политический ход, так как, завернувшись в одеяние Пророка, Мулла Омар приобрел права не только вождя Афганистана, но и вождя всех мусульман. Съезд закончился объявлением джихада режиму Раббани. Талибы поклялись не вступать в переговоры со своими противниками и заявили, что окончательное решение по вопросу о том, позволить ли женщинам получать образование, может быть принято, лишь «когда будет создано законное правительство Афганистана». Сторонники жесткой линии и Мулла Омар одержали победу.[40]

Но для многих афганцев и мусульман во всем мире было серьезным оскорблением то, что простой деревенский мулла без образования, без родословной, не имеющий отношения к семье Пророка, столько себе позволяет. Ни один афганец не принимал на себя этого титула с 1834 года, когда король Дост Мохаммад Хан стал им перед тем, как объявить джихад государству сикхов в Пешаваре. Но Дост Мохаммад воевал против чужеземцев, а Мулла Омар объявил джихад своему собственному народу. Кроме того, ислам позволяет удостоить этим титулом лишь того, кого все *улемы* изберут своим вождем. Талибан настаивал на том, что его съезд представляет собой коранический «ахль аль-халь ау акд», дословно «народ, имеющий власть связывать и развязывать», то есть тех, кто наделен правом принимать решения от имени общины мусульман.

Благодаря титулу Омар приобрел законное подтверждение своей власти, в котором он крайне нуждался, и такой авторитет среди пуштунов, с которым не мог соперничать ни один лидер моджахедов. Это позволяло ему дистанцироваться от повседневной политической жизни, давало ему дополнительные причины не встречаться с иностранными дипломатами и позволило стать менее гибким как в том, что касалось расширения руководства Талибана, так и в переговорах с оппозицией. Теперь Омар всегда мог сослаться на свой титул и отказаться встречаться с лидерами оппозиции на равных.

Но съезд духовенства сознательно не принял никаких решений по намного более чувствительным вопросам о том, как Талибан собирается управлять Афганистаном и каков их план социального и экономического развития страны.

Такие вопросы постоянно оставались без ответа даже после взятия Кабула. «Мы еще не обнародовали нашей структуры, поскольку не обладаем достаточной силой, чтобы решить, кто будет президентом или премьер-министром, — сказал мулла Вакиль, помощник Омара. — Шариат не допускает политики или политических партий. Поэтому мы не платим жалованья нашим чиновникам и солдатам, мы их лишь кормим, одеваем, обуваем и вооружаем. Мы хотим жить так, как жил Пророк 1400 лет назад, и джихад — это наше право. Мы хотим воссоздать времена Пророка, и мы всего лишь проводим в жизнь то, чего афганский народ желал в течение последних 14-ти лет».[41] Другой руководитель талибов высказался еще более афористично: «Мы можем возлюбить наших врагов лишь после того, как мы их побьем».

Всего лишь за день до этого эмиссары талибов в Исламабаде сказали Местири, что готовы на переговоры с президентом Раббани.[42] «Если Талибан готов к переговорам и президент Раббани готов к переговорам, это нечто реальное», — с надеждой сказал Местири. Но в итоге съезд духовенства нанес Местири и миротворческим усилиям ООН такой удар, от которого им уже не удалось оправиться. В мае Местири подаст в отставку.

Съезд духовенства был ускорен также растущими политическими успехами кабульского режима в привлечении других вождей оппозиции и укреплением международного престижа президента Раббани. Военные успехи Кабула в борьбе с Хекматьяром, хазарейцами и отражение нападения талибов привели режим к мысли воспользоваться ситуацией и расширить свою политическую базу. Президент Раббани начал переговоры с другими полевыми командирами, выставив в качестве морковки готовность создать новое правительство с их участием. В январе и феврале 1996 года посланец Раббани доктор Абдур Рахман встретился по отдельности с Гольбуддином Хекматьяром в Суробае, генералом Рашидом Дустомом в Мазари-Шарифе и с руководством *Хизб-и-Вахдат* в Бамиане. В феврале все оппозиционные партии, кроме Талибана, согласились создать комитет из десяти членов для переговоров с Кабулом об условиях мира, хотя Талибан продолжал требовать капитуляции режима. Через несколько недель центральный комитет *Хизб-и-Ислами* дал Хекматьяру право вести переговоры с Раббани о разделе власти.

Пакистан был встревожен успехами Раббани и попытался склонить тех же самых полевых командиров объединиться с Талибаном в антикабульский альянс. Пакистанская разведка пригласила Хекматьяра, Дустома, пуштунских лидеров джелалабадской Шуры и некоторых руководителей *Хизб-и-Вахдат* в Исламабад, чтобы убедить их объединиться с Талибаном. Они встретились с президентом Фаруком Легари и командующим армией генералом Джихангиром Караматом, переговоры шли в течение недели с 7 по 13 февраля. Пакистан предложил политический союз, а неофициально — совместную атаку на Кабул, где Талибан нападал бы с юга, Хекматьяр — с востока, а Дустом — с севера.[43] Чтобы соблазнить Талибан, Бабар предложил потратить 3 миллиона долларов на

ремонт дороги от Чамана до Торгунди на границе с Туркменией. Но Талибан отказался появиться на встрече, еще раз продемонстрировав пренебрежение своими пакистанскими наставниками, несмотря на призывы министра внутренних дел Назируллы Бабара, главы *ДУИ* Фазлура Рахмана и *ISI*. Талибы не хотели иметь ничего общего с прочими полевыми командирами, которых они называли неверными и коммунистами.

Неудача Исламабада в создании единого фронта против Кабула еще более ободрила Раббани. В начале марта во главе делегации из 60 человек он отправился в турне по Ирану, Туркменистану, Узбекистану и Таджикистану, чтобы агитировать за международную поддержку и увеличение военной помощи. Иран, Россия и Индия, поддерживающие кабульский режим, сочли, что конфликт вошел в решающую фазу. Еще одна битва за Кабул может усилить нестабильность и влияние исламского фундаментализма в Средней Азии. Иран был взбешен тем, что Герат оказался в руках пуштунов, настроенных сугубо антишиитски и поддерживаемых его врагами, Пакистаном и Саудовской Аравией. Россия опасалась за безопасность республик Средней Азии и считала кабульский режим более умеренным и покладистым. Москва также хотела прекратить четырехлетнюю гражданскую войну в Таджикистане между неокоммумистическим правительством и исламскими мятежниками, подпитываемую из Афганистана. Индия поддерживала Кабул просто потому, что Пакистан был за талибов.

Все названные страны увеличили военную поддержку Кабула. Россия послала своих специалистов, чтобы расширить аэропорт Баграм, а русские транспортные самолеты из России, Украины и Таджикистана доставляли в Кабул оружие, боеприпасы и топливо. Иран установил воздушный мост между Мешхедом на востоке Ирана и Баграмом, доставляя туда оружие. Пакистанская разведка доносила, что только за один день в Баграме приземлились 13 иранских транспортных самолетов. ЦРУ подозревало, что афганские шииты — союзники режима Раббани — продали Ирану пять противовоздушных ракет «Стингер» по цене 1 миллион долларов за штуку. (ЦРУ снабдило моджахедов примерно 900 ракетами «Стингер» в 1986–1987 годах и после 1992 года развернуло тайную, но безуспешную операцию по выкупу неиспользованных ракет.[44]) Кроме того, Иран создал тренировочные лагеря под Мешхедом для 5000 бойцов, руководимых бывшим губернатором Герата Исмаил Ханом. Иранская помощь режиму имела значение еще и потому, что Ирану пришлось подавить свой гнев на Масуда за его прошлогоднюю расправу с шиитами-хазарейцами в Кабуле. Тем временем Индия помогала восстановить афганскую авиакомпанию *Ariana*, базирующуюся теперь в Дели, чтобы дать режиму надежного перевозчика оружия. Индия также снабжала режим запчастями для самолетов, наземными радарами и деньгами.

В свою очередь, Пакистан и Саудовская Аравия усилили поставки вооружений Талибану. Пакистан обеспечил талибов новой телефонной и

радиосвязью, обновил кандагарский аэропорт и помог запчастями и вооружениями для ВВС Талибана, продолжая поставлять питание, топливо и боеприпасы, включая ракеты. Саудовцы давали топливо, деньги и сотни новых пикапов для Талибана. Большая часть этой помощи переправлялась в Кандагар через Дубай.

Размах иностранного вмешательства встревожил американцев: после четырехлетнего бездействия они стали вновь проявлять интерес к разрешению афганского конфликта. В начале марта сенатор Хэнк Браун, член сенатского подкомитета по южноазиатским делам, стал первым американским выборным лицом за шесть лет, посетившим Кабул и другие центры власти. Он надеялся организовать встречу всех афганских фракций в Вашингтоне.[45]

Помощник госсекретаря США по южноазиатским делам Робин Рейфел прибыла в Исламабад, чтобы пересмотреть политику США в отношении Афганистана. Начиная с 19 апреля 1996 года Рейфел посетила Кабул, Кандагар и Мазари-Шариф, а позднее и три столицы Средней Азии. «Мы не вмешиваемся во внутренние дела Афганистана, но считаем себя друзьями афганского народа, и поэтому я здесь, чтобы побудить самих афганцев собраться вместе и начать переговоры. Мы также озабочены теми экономическими возможностями, которые могут быть упущены, если не будет восстановлена политическая стабильность», — сказала Рейфел в Кабуле.[46] Рейфел ссылалась на предлагаемый американским нефтяным гигантом *Unocal* проект постройки газопровода из Туркмении в Пакистан через Афганистан. США ожидали, что проект будет приемлем для всех афганских партий, и побуждали Пакистан договориться с режимом Раббани и посадить Талибан и Раббани за стол переговоров.

США продвинулись и на другом фронте. Во время обсуждения афганского вопроса на Совете Безопасности ООН 10 апреля 1996 года, случившегося впервые за шесть лет, они предложили ввести международное эмбарго на поставки оружия в Афганистан. Рейфел хотела использовать эмбарго как рычаг, чтобы заставить все страны региона согласиться на невмешательство в ситуацию в Афганистане, в то же самое время придав больший вес усилиям ООН по созыву конференции всех афганских партий.[47]

Администрация Клинтона явно симпатизировала талибам, так как они были в русле антииранской политики Вашингтона и были важны для успеха любого трубопровода в южном направлении, не проходящего через Иран. Американский Конгресс утвердил секретное выделение 20 миллионов долларов на дестабилизацию Ирана, и Тегеран обвинял Вашингтон в том, что часть этих денег досталась талибам, — что Вашингтон всегда отрицал. Бхутто отрядила нескольких эмиссаров в Вашингтон, чтобы побудить США выступить более открыто на стороне Пакистана и талибов, но, несмотря на общую неприязнь к Ирану, Вашингтон отказался публично принять чью-либо сторону в гражданской войне. Рейфел яростно отрицала, что Вашингтон оказывает какую-

либо помощь талибам. «Мы не оказываем предпочтения одной партии перед другой и не оказываем специальной поддержки ни одной из партий», — говорила мне она.

Более того, США продолжали скептически относиться к возможности захвата талибами Кабула в близком будущем. Рейфел описывала Талибан как нечто раздробленное, лишенное опыта, не имеющее твердого руководства, бестолково управляемое и отталкивающее другие фракции своим упрямством. «Эти слабости в сочетании с растущей силой Масуда, по-видимому, смещают баланс сил не в пользу талибов и не дадут им возможности достичь заявленной им цели — захватить Кабул. Однако, хотя Талибан и дошел до пределов своего роста, он имеет прочные позиции на пуштунском юге», — сказала она.[48]

Вашингтон также «ухаживал» и за другими полевыми командирами. Некоторые из них побывали в Вашингтоне, первым был генерал Дустом, встретившийся с американскими официальными лицами 11 апреля 1996 года. Руководители афганских партий или их представители участвовали в беспрецедентных слушаниях в Конгрессе под руководством сенатора Хэнка Брауна 25–27 июня. Но в год президентских выборов Вашингтон, не испытывая большого желания вновь погружаться в афганский кошмар, мог преследовать лишь ограниченные цели, даже несмотря на беспокойство, вызванное распространением наркотиков и оружия через Афганистан.

Отказ Вашингтона поддержать Талибан произошел отчасти из-за неудачной попытки Пакистана создать альянс против Раббани. Исламабад испытал еще большие затруднения, когда в мае тысяча бойцов Хекматьяра прибыла в Кабул, чтобы защищать город против талибов. 26 июня сам Хекматьяр приехал в Кабул — впервые за 15 лет — чтобы занять предложенный ему пост премьер-министра, а его партия получила девять постов в новом кабинете. В отместку в тот же самый день Талибан начал массированный ракетный обстрел Кабула, в ходе которого 61 человек погиб и более 100 получили ранения.

Следом за политическим прорывом, достигнутым с Хекматьяром, Раббани нанес визит в Джелалабад, где попытался убедить членов Джелалабадской Шуры войти в его правительство. Он сказал, что готов уступить свой пост любому другому и предложил провести совещание всех партий в Джелалабаде, чтобы избрать нового главу государства. В августе Дустом тоже пошел на перемирие и открыл шоссе через перевал Саланг, связывающее Кабул с севером страны, — в первый раз более чем за год. Раббани наконец удалось привести «внутриафганский диалог» в движение. «Этот союз может стать прочнее, если и другие вожди оппозиции войдут в него и выступят за мир, и я призываю всех к участию в поиске формулы временного правительства», — сказал мне Раббани в Кабуле.[49] Это был значительный успех, и взбешенные талибы поняли, что им надо действовать быстро, пока новый союз не окреп.

Расположившись за пределами Кабула, войска талибов безжалостно обстреливали его ракетами на протяжении всего года. За один апрель 1996 года

Талибан выпустил по городу 866 ракет, убив 180 человек, ранив 550 и разрушив значительную часть столицы, что было повторением действий Хекматьяра в 1993–1995 годах. В июле 1996 года ракеты талибов упали неподалеку от недавно назначенного специального представителя ООН по Афганистану, немецкого дипломата Норберта Холла, во время его визита в Кабул. Холл был в бешенстве. «Так не встречают человека, несущего мир. В него не стреляют. Если вы встречаете гостя, вы не плюете ему в лицо. Это показывает пренебрежение к моей миссии», — говорил он талибам.[50]

Ракетные обстрелы талибов усугублялись частыми атаками позиций Масуда южнее и западнее города. В конце мая я стоял на заливаемом: дождем холме вместе с солдатами Масуда и наблюдал в бинокль, как десятки талибов на пикапах пытались прорваться через позиции Масуда, продвигаясь вдоль дороги под прикрытием артиллерийского заслона. В ответ русские гаубицы Д-30, стоявшие на вооружении Масуда, били по скрытой от глаз артиллерии талибов. Грохот разрывающихся снарядов сотрясал горы, оглушая и вызывая дрожь в коленях. Пушкари совсем оглохли, так как огонь велся непрерывно, а наушников у них не было.

В тылу позиции Масуда грузовики с пополнением и боеприпасами пробирались по грязи к вершине холма, *чтобы* восполнить потери. «Талибы располагают неограниченным количеством боеприпасов и выпускают тысячи снарядов, но их артиллеристы бьют крайне неточно. Однако они теперь находят лучшее применение своим танкам и пикапам, чем год назад, — сказал мне генерал из армии Масуда. — Их тактика по-прежнему очень бедна, они больше полагаются на фронтальные атаки, и у них нет эффективной системы командования». Талибан не мог сосредоточить достаточно огня и людей на одном участке и прорваться в город, а Масуд постоянно бил их по частям. Хотя последнему и удавалось удерживать Кабул, его силы — около 25 000 человек — были слишком малочисленны, чтобы перейти в наступление и отбросить талибов дальше на юг.

Упорный отказ Талибана идти на компромисс и заключить сделку с другими полевыми командирами удручал Пакистан, но в конце концов он начал давать плоды, когда талибам удалось убедить Пакистан и Саудовскую Аравию поддержать еще одну попытку взять Кабул до наступления зимы. Начальник саудовской разведки эмир Турки аль-Фейсал побывал в Исламабаде и Кандагаре в июле 1996 года, чтобы обсудить с пакистанской разведкой новый план взятия Кабула, и обе страны увеличили помощь талибам. Через два месяца после визита Турки талибы пошли вперед — но не на Кабул, а на Джелалабад. Пакистан и Саудовская Аравия помогли главе джелалабадской Шуры Хаджи Абдул Кадиру сначала сдаться талибам, а потом бежать. Ему дали крупную взятку — некоторые афганцы говорили про 10 миллионов долларов — и предоставили гарантии, что его активы и банковские счета в Пакистане не будут заморожены.[51]

Талибан неожиданно напал на Джелалабад 25 августа 1996 года. В то время как основные силы талибов двигались к городу с юга, Пакистан позволил сотням вооруженных сторонников Талибана из лагерей афганских беженцев перейти границу и атаковать Джелалабад с востока. В городе началась паника, Шура распалась. Хаджи Кадир бежал в Пакистан 10 сентября, а его преемник Махмуд, исполняющий обязанности губернатора, был убит на следующий день вместе со своими шестью телохранителями, пытаясь также бежать в Пакистан. В тот же вечер колонна пикапов во главе с муллой Борджаном въехала в Джелалабад после короткой перестрелки, в которой погибло до 70 человек.

За следующие несколько дней мобильные колонны талибов захватили три восточные провинции — Намгархар, Лагман и Кунар, и в ночь на 24 сентября 1996 года напали на Суробай, ворота столицы в 45 милях от нее. Их быстрые атаки в разных направлениях застали правительственные войска врасплох, и они бежали в Кабул. Путь на столицу с востока был впервые открыт. Талибы не стали останавливаться для перегруппировки, а преследовали защитников Суробая до самого Кабула. Другие колонны талибов двигались с юга, а еще одна наступала со стороны Суробая на север на аэропорт Баграм, чтобы отрезать воздушные коммуникации Масуда.

Правительство было поражено скоростью их наступления. Колонны талибов вошли в Кабул вечером 26 сентября 1996 года, всего *через* несколько часов после того, как Масуд приказал эвакуировать город. Небольшие арьергарды остались, чтобы задержать продвижение талибов и взорвать склады с боеприпасами. Масуд тем временем ушел на север с основной частью бронетехники и артиллерии, Масуд решил оставить город, понимая, что не может обороняться от нападения со всех сторон одновременно. Он также не хотел терять поддержку населения Кабула и устраивать кровопролитные уличные бои. Победа Талибана была полной. «Ни одна армия в Афганистане, правительственная или оппозиционная, никогда не проводила таких быстрых операций на таком количестве театров в столь сложной последовательности. Это был прекрасный пример мобильной войны».[52]

Первым и наиболее кровавым делом талибов после захвата Кабула была казнь бывшего президента Наджибуллы, правившего Афганистаном с 1986 по 1992 год. Наджибулла, которому исполнилось 50 лет, жил в здании дипломатической миссии ООН в центре Кабула с 1992 года, когда план ООН по созданию временного правительства провалился. Перед самым захватом Кабула моджахедами Наджибулла должен был быть вывезен из Кабула представителем ООН Бенооном. Севаном, но их остановили в последний момент. Все враждующие афганские фракции уважали неприкосновенность здания миссии ООН. Жена Наджибуллы, Фатана, и трое их дочерей с 1992 года жили в изгнании в Дели.

Причиной его гибели были неувязки в работе ООН. В день падения Суробая Наджибулла послал письмо в штаб-квартиру ООН в Исламабаде, прося

Норберта Холла организовать эвакуацию его самого и трех его спутников — его брата Шахпура Ахмадзая, личного секретаря и телохранителя. Но в Кабуле не оказалось ни одного представителя ООН, который мог бы взять на себя ответственность за Наджибуллу, Только Масуд предложил ему вывезти его из города. Во второй половине дня 26 сентября Масуд послал одного из своих генералов предложить Наджибулле уйти вместе с отступающими правительственными войсками, обещая ему свободный проезд на север, но Наджибулла отказался. Человек гордый и упрямый, он, возможно, полагал, что если он бежит вместе с таджиками, то его братья-пуштуны проклянут его.[53]

В здании миссии было только три охранника-афганца, которые бежали, едва заслышав орудия талибов на окраинах города. Наджибулла ранним вечером послал еще одну радиограмму в ООН в Исламабад, прося о помощи, но было уже слишком поздно. Специальная группа талибов, руководимая, как утверждают, муллой Абдур Разаком, губернатором Герата, назначенным командующим войсками, предназначенными для взятия Кабула, пришла за Наджибуллой в час ночи, еще до того, как центр города оказался в руках талибов. Позднее Разак признал, что это он приказал убить Наджибуллу.[54]

Талибы вошли в комнату Наджибуллы, избили его и его брата до бесчувствия, затем связали, бросили в машину и отвезли в темный президентский дворец. Там они кастрировали Наджибуллу, привязали к машине и проволокли несколько раз вокруг дворца, а затем застрелили. Его брат был подвергнут аналогичным пыткам и затем задушен. Талибы повесили обоих у поста дорожной полиции возле президентского дворца, всего в нескольких кварталах от миссии ООН.

На рассвете любопытные кабульцы пришли посмотреть на два истерзанных тела, висящих на отрезках стального троса, обвязанных вокруг шеи. Между их пальцами были воткнуты незажженные сигареты, а карманы набиты бумажными афгани — что символизировало представление талибов о разврате и коррупции. Два других спутника Наджибуллы бежали из здания миссии, но позднее они были пойманы при попытке бежать из города и также подверглись пыткам и были повешены.

Казнь Наджибуллы была актом жестокости, имевшим символическое значение. Это было преднамеренное убийство, целью которого было устрашить население. Мулла Раббани, назначенный главой кабульской Шуры, заявил, что Наджибулла был коммунистом и убийцей и что он был приговорен Талибаном к смерти. Это было правдой, но пытки, которым был подвергнут Наджибулла, не были предусмотрены никаким исламским законом, а отсутствие справедливого суда и выставление трупов напоказ возмутило многих кабульцев. Еще больше людей оттолкнуло то, что талибы запретили хоронить Наджибуллу как мусульманина, хотя на следующий день пакистанские пуштунские националисты в Кветте и Пешаваре совершили заупокойные молитвы о нем. Впоследствии тела были переданы Красному Кресту, который отвез их в Гардез,

родину Наджибуллы в провинции Пактия, где он и был похоронен соплеменниками-ахмадзай.

Это убийство подверглось широкому международному осуждению, особенно в исламском мире. Талибы унизили ООН и международное сообщество и поставили в неудобное положение своих союзников, Пакистан и Саудовскую Аравию. Наконец ООН опубликовала заявление: «Убийство бывшего президента без суда не только составляет тяжкое нарушение иммунитета, которым пользуются помещения ООН, но и подрывает дальнейшие усилия, направленные на мирное разрешение афганского конфликта». Талибан нисколько не был смущен и вынес смертные приговоры Дустому, Раббани и Масуду.

За 24 часа с момента взятия Кабула Талибан установил строжайшую систему исламских законов, когда-либо существовавшую в мире. Всем женщинам было запрещено работать, хотя четверть гражданских служб, все начальное образование и большая часть поликлиник и больниц были укомплектованы женщинами. Женские школы и колледжи были закрыты, а ношение покрывала, скрывающего женщин с головы до пят, стало строго обязательным. Опасались, что 25 000 семей военных вдов, которые зарабатывали себе на хлеб или получали помощь ООН, ожидает голод. Каждый новый день приносил новые запреты. «У воров будут отрубать руки и ноги, виновные в прелюбодеянии будут побиваемы камнями до смерти, а пьющих вино будут пороть», — гласило объявление кабульского радио 28 сентября 1996 года.

Телевидение, видео, спутниковые антенны, музыка и все игры, включая шахматы, футбол и запуск воздушных змеев, были запрещены. «Радио Кабул» было переименовано в «Радио Шариат», а вся музыка исчезла из эфира. Солдаты Талибана стояли на главных улицах и арестовывали мужчин без бороды. В отличие от Герата и других больших городов, захваченных талибами, в Кабуле находилось множество газетчиков и тележурналистов, подробно сообщавших обо всем, что делает Талибан. Чтобы управлять Кабулом, Талибан создал Шуру из шести человек, среди которых преобладали пуштуны-дуррани и не было ни одного кабульца. Во главе был мулла Мохаммад Раббани, в ее состав вошли мулла Мохаммад Гаус — министр иностранных дел, мулла Амир Хан Моттаки — министр информации, мулла Сайед Гийасуддин Ага, мулла Фазиль Мохаммад и мулла Абдур Разак.

Никто из членов Шуры никогда не жил в большом: городе, большинство ни разу не было в Кабуле, но теперь они правили живым, вполне современным, многонациональным городом, насчитывающим 1,2 миллиона жителей, среди которых пуштуны составляли небольшое меньшинство. Как только вновь созданная религиозная полиция взялась устанавливать в городе шариатский порядок, Кабул стал похож на оккупированный город. Понимание того, что управление большим городом отличается от управления маленьким селением,

отсутствовало. Казалось, на пути окончательной победы талибов стоит лишь Ахмад Шах Масуд.

Масуд был одним из наиболее выдающихся командиров и харизматических вождей, появившихся во время джихада. Прозванный «панджшерским львом» по месту своего рождения, населенной таджиками долине Панджшер к северу от Кабула, он сначала ускользал от советских войск, а затем завел в тупик несколько крупных наступлений на Панджшер в 1980-х годах. Советские генералы называли его непобедимым и мастером партизанской войны. Его двадцатитысячная армия обожала его, и он оказался на вершине своей славы в 1992 году, взяв Кабул под носом у Хекматьяра, пытавшегося сделать то же самое, в самый момент падения коммунистического режима. Но за четыре года хозяйничанья в Кабуле его солдаты превратились в надменных наглецов, издевающихся над гражданским населением и отбирающих у людей их дома, отчего кабульцы сначала приветствовали занявших. Кабул талибов.

Родившийся в 1953 году в семье военного, Масуд учился во французском лицее «Истикляль» в Кабуле. Он был среди молодых исламистов — противников режима Дауда, и в 1975 году бежал в Пакистан после неудачной попытки организовать восстание в Панджшере. Находясь в изгнании в Пешаваре, Масуд разругался со своим коллегой Гольбуддином Хекматьяром, и их соперничество на протяжении 20 лет явилось главной причиной того, почему моджахедам не удалось сформировать коалиционное правительство. Его недовольство Пакистаном, который сначала поддерживал Хекматьяра, а впоследствии Талибан, превратилось в навязчивую идею. Во времена джихада Масуд настаивал на том, чтобы стратегическое руководство войной оставалось в руках афганцев, а не пакистанской разведки. Но все оружие, поставляемое США, шло через Пакистан, что создавало враждебность, не исчезнувшую и поныне. То, что Кабул был взят не пуштунами с юга, а таджиками и узбеками с севера, застало Исламабад врасплох.

Миротворчество не было его стихией. Он был плохим политиком и оказался неспособен убедить других пуштунских полевых командиров, ненавидевших Хекматьяра, что союз таджиков и пуштунов — единственный путь к миру. Масуд, возможно, был гениальным военным стратегом, но в деле строительства политических союзов между разными нациями и партиями он был неудачником. Его главной проблемой было то, что он был таджик. Исключая одно недолгое восстание в 1929 году, таджики никогда не стояли у власти в Кабуле, и пуштуны испытывали к ним глубокое недоверие.

В Кабуле он сторонился публичной власти и отказывался от всех государственных постов, отклонив предложение стать министром обороны в правительстве Раббани, хотя и был командующим армией. «Есть старая персидская поговорка: когда все ищут кресло, чтобы сесть, лучше сесть на пол, — сказал он мне в мае 1996 года, за несколько недель до того, как талибы выгнали его из Кабула. — Пакистан пытается подчинить себе Афганистан,

превратить его в свою колонию, установив марионеточное правительство. Но не выйдет: афганский народ всегда был независимым и свободным».

Работая по 18 часов в день с двумя адъютантами, сменявшими друг друга, чтобы успевать за мим, он спал по 4 часа в сутки и не проводил больше одной ночи в одном месте, опасаясь убийц. Он спал, ел и сражался вместе со своими бойцами, и во время всякого крупного сражения его всегда можно было найти на передовой. В ближайшие несколько месяцев его ожидал самый трудный момент в его жизни, когда талибы прогонят его из Кабула и будут близки к захвату всей страны. Он выдержит это, и к 1999 году, будучи 46 лет от роду, он проведет в боях 25 лет без перерыва.

Теперь части Масуда отступали по шоссе Саланг в сторону своей базы в Панджшере. Когда талибы преследовали их, люди Масуда взрывали горы и создавали оползни, чтобы закрыть вход в долину. Талибан атаковал Панджшер, но быстро отступил.

Талибы двинулись на север вдоль шоссе, захватывая города, до тех пор, пока не были остановлены у тоннеля Саланг силами Дустома, шедшими от Мазари-Шарифа на юг. Было еще неясно, чью сторону примет Дустом: его войска не вступили в бой с талибами.

Мулла Раббани встретился с Дустомом 8 октября и попытался обеспечить нейтралитет узбеков на тот период, пока талибы преследуют Масуда, но переговоры провалились. Талибы отказались предоставить Дустому автономию и власть над севером страны. Пакистан тоже предпринял несколько попыток отколоть Дустома от Масуда. Однако Дустом понял, что несмотря на его разногласия с Масудом, Талибан представляет собой главную угрозу для всех непуштунов. 10 октября низложенный президент Раббани, Масуд, Дустом и лидер хазарейцев Карим Халили встретились в Хинджане на шоссе *Саланг* и создали Высший совет обороны Афганистана, чтобы противостоять талибам. Это было началом нового альянса против талибов, который продолжил гражданскую войну.

Быстро продвигаясь на север, *талибы* растянулись в слишком тонкую линию, и Масуд воспользовался этим и перешел 12 октября в большое контрнаступление вдоль шоссе. Он захватил несколько городов, уничтожив и пленив сотни талибов, которые в панике бежали в направлении Кабула. 18 октября силы Масуда захватили авиабазу Баграм *и* начали артобстрел кабульского аэропорта, а ВВС Дустома бомбили позиции талибов в Кабуле. В результате тяжелых боев погибли тысячи гражданских лиц, а более 50 000 людей покинули свои дома в селениях вдоль шоссе. Эти несчастные бежали в Кабул, тем временем как десятки тысяч кабульцев — по преимуществу таджики и хазарейцы — бежали на восток, в сторону Пакистана, пытаясь скрыться от массовых репрессий и арестов, начавшихся в городе.

Столкнувшись с растущими потерями, Талибан начал испытывать недостаток живой силы и стал мобилизовывать в армию молодых жителей

Кабула, заходя в мечети и хватая молящихся. Еще тысячи добровольцев пришли из Пакистана, где некоторые *улемы* закрыли свои *медресе* и не оставили своим ученикам другого выбора, кроме как записываться в Талибан. Тысячи пакистанских студентов и афганцев из лагерей беженцев прибывали в Кабул и Кандагар на автобусах, нанятых пакистанскими исламскими партиями. Пакистан отменил для них все паспортные и визовые формальности.

Получив свежие подкрепления, Талибан начал новое наступление на западе, двигаясь из Герата на север, в провинцию Бадгис. К концу октября 1996 года Исмаил Хан и его 2000 бойцов, бывших в изгнании в Иране, были переброшены в Меймене на самолетах Дустома, чтобы удерживать фронт против талибов в Бадгисе. Иран перевооружил и заново оснастил силы Исмаил Хана, откровенно пытаясь поддержать тем самым новый альянс против талибов. После начала ожесточенных боев в Бадгисе, в которых обе стороны широко использовали авиацию, еще 50 000 перемещенных лиц бежало в Герат. Это еще более усугубило проблему беженцев, которая приобрела катастрофические масштабы из-за сильных снегопадов и боев, мешавших ООН и гуманитарным организациям доставлять помощь.

Несмотря на сильные снегопады, талибы отбросили Масуда от предместий Кабула. К концу января 1997 года они вновь овладели почти всей территорией вдоль шоссе Саланг, захватив авиабазу Баграм и Чарикар. Масуд отступил в Панджшер, а талибы двинулись на север, навстречу Дустому.

Падение Кабула и последовавшие за ним тяжелые бои вызвали серьезную тревогу во всем регионе. Иран, Россия и четыре республики Средней Азии публично предостерегли Талибан от дальнейшего движения на север и заявили, что они помогут перевооружить альянс против талибов. Тем временем Пакистан и Саудовская Аравия направили в Кабул свои дипломатические миссии с тем, чтобы оценить, какую помощь они могут оказать Талибану. Призывы ООН и других международных организаций к прекращению огня и предложения посредничества не нашли никакого отклика у воюющих сторон. Регион раскололся на Саудовскую Аравию и Пакистан, которые поддерживали Талибан, и все остальные государства, поддерживавшие оппозицию. Талибы так и не получили международного признания, на которое они отчаянно надеялись. «У нас нет друзей в мире. Мы завоевали три четверти страны, мы захватили столицу и не получили ни единого поздравления», — сказал с тоской мулла Мохаммад Хасан.[55]

Но казалось, что отказ Муллы Омара от компромиссов со своими противниками или с ООН, вместе с его непоколебимой верой и решимостью достичь военной победы, наконец приносят свои плоды. Кабул, столица пуштунских королей Афганистана с 1772 года, четыре года бывшая под властью таджиков, вновь оказалась в руках пуштунов. Студенческое движение, которое многие называли неспособным овладеть столицей, сделало ровно это. Несмотря на огромные потери, никогда авторитет талибов не поднимался так высоко.

Ценой их победы оказался углубляющийся национальный и религиозный раскол между различными районами Афганистана.

«Война — хитрая игра, — говорил Мулла Омар, по-прежнему сидевший в Кандагаре и отказавшийся даже съездить в Кабул. — Талибы потратили шесть месяцев на то, чтобы завоевать одну провинцию, а шесть следующих провинций достались нам за десять дней. Теперь мы контролируем 22 провинции, включая Кабул. Инша алла [Если будет воля Аллаха], весь Афганистан будет у нас в руках. Мы чувствуем, что у военного решения больше перспектив после многих бесплодных попыток достичь мира путем переговоров».[56] Казалось, Северный Афганистан вот-вот упадет им в руки.

Глава 4. Мазари-Шариф, 1997
Резня на севере

Все ждали весеннего наступления талибов на Мазари-Шариф, последний оплот антиталибского альянса, находившийся под контролем генерала Рашида Дустома и его узбеков. На протяжении зимы в Мазари-Шарифе росла паника, продовольствие и горючее исчезли из-за блокады, установленной Талибаном, а обменный курс сначала удвоился, достигнув 1 доллара за афгани, а затем утроился, по мере того как состоятельные жители города бежали в Среднюю Азию.

Хотя большая часть населения Афганистана сосредоточена на юге и находилась тогда под контролем талибов, 60 процентов сельскохозяйственных ресурсов Афганистана и 80 процентов его промышленности, а также запасов полезных ископаемых и газа находились на севере. На протяжении последнего столетия контроль Кабула над севером был ключевым фактором государственного строительства и экономического развития страны. Талибам, желавшим завоевать страну и сохранить ее единство, было необходимо покончить с автономией полевых командиров на севере. Но когда в мае талибы, наконец, перешли в наступление, никто не ожидал той кровавой драмы взаимного предательства и межнациональной резни, поразительной даже по афганским стандартам и втянувшей весь регион в свой водоворот.

Дустом, просидевший всю зиму затворником в Кила-и-Джанги (Военный Форт) на окраине Мазари-Шарифа, неожиданно для себя оказался в глазах соседних государств и многих афганцев спасителем и последней надеждой в борьбе с талибами. Мазари-Шариф, расположенный в среднеазиатской степи, берущей начало к северу от Гиндукуша, культурно и этнически намного больше отличался от Кандагара, чем Кандагар от Карачи. Форт, построенный в XIX веке, — это сюрреалистический коллаж европейского феодального замка с заградительными рвами и сказочным дворцом из «Тысячи и одной ночи» с бастионами из обожженной глины и голубым куполом цитадели, в которой Дустом держал свой штаб. Форт, охраняемый танками, артиллерией и вышколенными солдатами, до сих пор носившими форму коммунистических времен, производил сильное впечатление на посетителей, в том числе и на иностранных дипломатов, ожидавших очереди увидеться с Дустомом.

Он был безжалостным правителем. Впервые войдя в форт, я увидел пятна крови и куски мяса на грязном дворе. Я невинно спросил у охраны: «Что, барана резали?» Мне сказали, что за час до того Дустом наказал одного из солдат за воровство. Его привязали к гусеницам русского танка, который затем несколько раз проехал по двору, превратив его тело в фарш, а гарнизон и сам Дустом

наблюдали за этим. Узбеки, наиболее жестокие и воинственные из всех народов Средней Азии, известны своей любовью к грабежам и мародерству, — возможно, из-за своего происхождения от чингисовых орд. Дустом был умелым вождем. Более шести футов ростом, с накачанными бицепсами, Дустом был похож на медведя с неприветливой улыбкой, которая несколько раз, клялись мне узбеки, пугала людей до смерти.

Он родился в 1955 году в окрестностях Шибиргана, в бедной крестьянской семье. Был крестьянином, затем водопроводчиком, пока в 1978 году не пошел в армию. Он поднимался по службе, пока не стал командиром танкового корпуса, защищавшего дорогу из порта Хайратан на Амударье, по которой шла советская помощь. После ухода Советов в 1989 году Дустом возглавил свирепое узбекское ополчение, которое называлось джаузджани, по имени их родной провинции. Ополчение использовалось президентом Наджибуллой в качестве ударных отрядов в борьбе против моджахедов. Джаузджани воевали по всему Афганистану, часто их перебрасывали по воздуху как последнее средство, чтобы удержать тот или иной пункт под контролем.

В 1992 году Дустом первый взбунтовался против своего наставника Наджибуллы, заслужив репутацию предателя и политического оппортуниста. Затем сильно пьющий Дустом превратился в «доброго мусульманина». С тех пор он побывал в союзе со всеми — Масудом, Хекматьяром, талибами, снова с Масудом — и всех по очереди предавал с нескрываемым апломбом. Он состоял на содержании у всех стран, получая средства от России, Узбекистана, Ирана, Пакистана, а потом и от Турции. В 1995 году ему удалось состоять на довольствии одновременно у Ирана и у Пакистана, которые тогда были на ножах друг с другом из-за Талибана.[57] Контролируя всего шесть провинций на севере, Дустом сделался незаменимым для соседних стран. Теперь Иран, Узбекистан и Россия поддерживали Дустома как светский буфер на пути пуштунских фундаменталистов и видели в нем единственного лидера, способного спасти север Афганистана от Талибана.[58] Если он и отличался последовательностью в чем-либо, так это в неприятии пуштунского фундаментализма, даже до появления талибов.

Мазари-Шариф, некогда оживленный перекресток на Великом Шелковом Пути, восстановил свое значение как ключевой пункт для контрабанды между Пакистаном, Средней Азией и Ираном. Дустом создал свою собственную авиакомпанию *Balkh Airlines*, привозившую товары из Дубая. Поток грузовиков через границу со Средней Азией в 70 милях от Мазари-Шарифа давал ему стабильный доход в виде пошлин и платы за транзит. Базары Мазари-Шарифа были переполнены русской водкой и французскими духами для узбекских солдат, любивших выпивку и женщин. Но, в отличие от других полевых командиров, Дустом создал эффективную администрацию, работающую систему здравоохранения и образования. Около 1800 девушек, большинство в

юбках и в туфлях на высоких каблуках, посещали Университет Балха в Мазари-Шарифе, единственный действующий университет в стране.

Вследствие этого ом обеспечил безопасность для десятков тысяч беженцев из Кабула, которые покидали столицу несколькими волнами, начиная с 1992 года. Они искали прибежища в Мазари-Шарифе, который представлялся им последним оплотом мирной жизни. Знаменитые афганские певцы и танцоры, которые не могли больше давать концерты в Кабуле, переехали в Мазари-Шариф. Мазари-Шариф — это к тому же и место паломничества. Тысячи людей приходят ежедневно помолиться у выложенной голубой плиткой гробницы Али, племянника и зятя Пророка Мухаммада и четвертого халифа, особенно почитаемого шиитами. Утверждается, что Али похоронен здесь, в месте, ставшем самым священным в Афганистане и украшенном самой великолепной мечетью. Рядом с Мазари-Шарифом находятся развалины Балха, который арабские завоеватели в VII веке называли «матерью всех городов». 3000 лет назад здесь проповедовал Заратустра, здесь был лагерь Александра Македонского, здесь родился персидский поэт Руми. Балх был центром расцвета переходящих друг в друга цивилизаций зороастризма, буддизма и ислама до своего разрушения Чингисханом в 1220 году, после которого центр культурной и торговой жизни переместился в Мазари-Шариф.

Дустом пользовался уважением просто за то, что за 18 лет войны город оставался нетронутым. Жители Мазари-Шарифа ни разу не испытали обстрелов и уличных боев, разрушивших другие города. Но их благоденствие подходило к концу. История узбекских кланов — это долгий перечень кровавых ссор, убийств из-за мести, борьбы за власть, разбоев, грабежей и споров из-за женщин. Любимый узбеками спорт *бузкуши* (козлодрание) — нечто вроде поло, в котором несколько всадников с плетками пытаются отобрать друг у друга обезглавленную тушу козла, — всегда использовался как метафора узбекской политики. В этом спорте нет ни правил, ни команд, — точно так же, как в отношениях между Дустомом и его собратьями по оружию.

Существовала непримиримая вражда между Дустомом и его заместителем, генералом Малеком Пахлаваном, — Дустома обвиняли в убийстве брата Малека, генерала Рашида Пахлавана, расстрелянного из засады вместе со своими 15-ю телохранителями в июне 1996 года. Эта вражда, плюс опасения, что Дустом уже отдал приказ об убийстве самого Малека, а также взятки и обещания талибов, привели к тому, что 19 мая 1997 года Малек предал Дустома и попросил талибов помочь ему свергнуть своего вождя.[59] К Малеку присоединились еще три генерала: его сводный брат — Голь Мохаммад Пахлаван, Гафар Пахлаван и Маджид Роузи. Кроме того, Дустом задолжал своим солдатам: жалование за пять месяцев, и среди них начались беспорядки.

Талибы быстро продвигались на север со стороны Герата и Кабула. После того как северные провинции одна за одной оказывались в руках неожиданных союзников — пуштунов и узбеков, базировавшихся в провинции Фарьяб,

служившей опорой Малеку, — Дустом бежал со 135 солдатами и офицерами, сначала в Узбекистан, а потом: и в Турцию. По пути в Термез на афгано-узбекской границе ему приходилось давать доллары своим собственным солдатам, чтобы они пропустили его конвой. Для талибов это была возможность, посланная самим Богом, но они ничего не извлекли из своего прошлого опыта завоевания других городов, где они отказывались делиться властью, не проявляли политической гибкости и проводили в жизнь законы шариата, не принимая во внимания национальных особенностей. Если Малек надеялся получить из рук талибов такую же автономию, которой Дустом пользовался с 1992 года, он жестоко ошибся. Это была сделка с сатаной, которая немедленно развалилась на части.

Когда 2500 хорошо вооруженных талибов под командованием муллы Абдур Разака (того самого, кто приказал убить Наджибуллу) въехали в Мазари-Шариф на своих пикапах, они отказались делить власть с Малеком, предложив ему малозначительный пост заместителя министра иностранных дел в Кабуле. Талибы, большая часть которых впервые оказалась на севере, начали разоружать узбекские и хазарейские части, заняли мечети, в которых они провозгласили начало жизни по шариату, закрыли школы и университет и прогнали женщин с улиц. В городе, где множество народностей жили рядом и который был самым открытым и либеральным городом в стране, это был верный путь к катастрофе.

Пакистанские дипломаты и разведчики устремились в Мазари-Шариф, чтобы помочь талибам заключить новое соглашение, поскольку старое уже трещало по швам. Исламабад усугубил положение преждевременным признанием талибов законными правителями Афганистана и убедил Саудовскую Аравию и Объединенные Арабские Эмираты сделать то же самое.[60] Сперва узбеки думали, что власть будет поделена, но вскоре они поняли, что речь идет о захвате власти талибами. Малек оказался между двух огней, усугубив свое предательство Дустома выдачей талибам Исмаил Хана, воевавшего против них в Фарьябе.[61]

Во второй половине дня 28 мая 1997 года возникла мелкая ссора из-за того, что группа хазарейцев отказалась сложить оружие. Тут начался настоящий ад. Сначала взбунтовались хазарейцы, а за ними все остальные жители Мазари-Шарифа. Не имевшие опыта уличных боев и не знавшие хитросплетений здешних переулков, талибы оказались легкой добычей. Пытаясь ускользнуть от разящего огня с крыш и из окон, они мчались на своих пикапах куда глаза глядят и попадали в тупики. После 15 часов непрерывных боев 600 талибов были уничтожены на улицах города и более 1000 попали в плен в аэропорту, откуда они пытались улететь. Десять членов высшего военного и политического руководства Талибана были убиты или взятые в плен. Среди пленных были министр иностранных дел мулла Мохаммад Гаус, мулла Разак и управляющий центральным банком мулла Эхсанулла. Солдаты Малека немедленно начали

грабить город, включая учреждения ООН, чем вынудили персонал ООН оставить Мазари-Шариф. Десятки пакистанских студентов также были убиты.

Войска Малека быстро восстановили контроль над четырьмя северными провинциями (Тахар, Фарьяб, Джаузджан и Сари-Пуль), захваченными талибами пятью днями ранее. За обладание еще тремя провинциями (Балх, Саманган и Кундуз) шли тяжелые бои. Лишившись путей к отступлению, тысячи талибов и сотни пакистанских студентов были перебиты и похоронены в общих могилах. На юге Масуд воспользовался предоставленной ему возможностью и перешел в контрнаступление, вновь захватив Джабаль-ус-Сирадж у южной оконечности тоннеля Саланг. Он взорвал въезд в туннель и захлопнул ловушку за талибами, все еще пытавшимися бежать с севера в направлении Кабула.

Масуд захватил еще часть территории вокруг Кабула и несколько городов на северо-востоке Афганистана, попавших в руки талибов лишь за неделю до того. Еще сотни талибов были убиты или пленены. Между тем хазарейцы, воодушевленные победой в Мазари-Шарифе, также перешли в контрнаступление и прорвал и девятимесячную блокаду своей родной провинции Хазараджат, установленную талибами. Талибы были отброшены от входа в долину Бамиан, а войска Халили двинулись на юг в сторону Кабула, вынудив тысячи жителей пуштунских селений бежать в столицу.

Это было самым жестоким поражением талибов с тех пор, как тридцать месяцев назад они приступили к завоеванию страны. За десять недель боев в мае-июле Талибан потерял более 3000 бойцов убитыми и ранеными и около 3600 человек было взято в плен.[62] По данным Международного Красного Креста, более 7000 военных и гражданских лиц с обеих сторон получили ранения. Еще более неприятным для Исламабада было то, что в мае-июле более 250 пакистанцев было убито, а 550 захвачено в плен. Боевой дух талибов упал из-за разгрома лучших и наиболее опытных фронтовых частей.

Мулла Омар призвал пакистанских студентов прийти на помощь талибам. Вновь пакистанские *медресе* были закрыты и более 5000 новых рекрутов, пакистанцев и афганцев, пополнили ряды талибов. Ситуация в Талибане оказалась настолько серьезной, что даже нелюдимый Мулла Омар был вынужден покинуть свое убежище в Кандагаре и впервые приехать в Кабул, чтобы встретиться со своими командирами и поднять моральный дух войск.

Талибану пришлось набирать все больше людей из пуштунских племен клана гильзай, живущих в восточном Афганистане и в Пакистане. Но они потребовали за это политических уступок, на которые Талибан не был готов. Гильзаи, игравшие главную роль в войне с Советами, не были согласны служить пушечным мясом для Талибана без адекватного политического представительства в талибских Шурах, где преобладали пуштуны-дуррани. Они были согласны участвовать, только получив свою долю власти. Гильзаи — командиры талибов весьма критически относились к тактике Талибана в

Мазари-Шарифе. «В Мазари-Шарифе было сделано слишком много ошибок. Исходная договоренность между Малеком и Талибаном была достигнута слишком быстро. Ее следовало обсуждать дольше и прийти к взаимному пониманию. Были также и военные ошибки», — говорил мне в Кабуле в июле 1997 года Джалалуддин Хакани, наиболее влиятельный в Талибане командир из восточных пуштунов.

Хакани, командовавший войсками талибов на кабульском фронте, был опытным пуштунским полевым командиром из города Хоста в провинции Пактия. Он вступил в Талибан в 1995 году. Он был одним из наиболее известных командиров времен войны против Советов. Хотя Хакани получил пост министра в Кабуле, он и другие некандагарцы с обидой воспринимали их отстранение от процесса принятия решений, происходившего, в Кандагаре вокруг Муллы Омара, а не в Кабуле.[63] После поражения в Мазари-Шарифе талибы дали Хакани крупную сумму денег, чтобы завербовать 3000 добровольцев из племени гильзай. Хакани пришел на кабульский фронт со своими людьми, но невозможность влиять на решения, принимаемые офицерами из Кандагара, привела к массовому дезертирству. Через два месяца у Хакани осталось всего 300 человек. Еще менее утешительным было то, что селения вокруг Кандагара отказывались посылать своих людей на фронт, и у Талибана впервые возникли проблемы с комплектованием и недостаток людей.

У государств Средней Азии кровопролитие возле их границ вызвало параноидальную реакцию: им виделись тысячи афганских беженцев, бегущих через незащищенную границу и несущих с собой войну. Во всем регионе принимались невиданные меры безопасности. Три тысячи русских солдат на узбекско-афганской границе, двадцать пять тысяч — на таджикско-афганской, русские пограничники в Таджикистане, местные армейские дивизии — все были приведены в состояние повышенной боеготовности. В Термезе узбекские боевые вертолеты патрулировали границу, а солдаты закладывали противотанковые мины и укрепляли мост через Амударью, соединяющий Афганистан со Средней Азией.

Россия предложила послать десять батальонов в Киргизию по просьбе ее президента, Аскара Акаева, хотя Киргизия и не имеет границы с Афганистаном. Россия и Казахстан организовали чрезвычайную встречу Содружества Независимых Государств (СНГ) для обсуждения кризиса, на которой русский министр иностранных дел Евгений Примаков пообещал «очень жесткие и эффективные действия России» в случае дальнейшего продвижения талибов. Туркменистан, провозгласивший себя нейтральным государством и поддерживающий рабочие отношения с талибами, был тем не менее встревожен боями у Мазари-Шарифа. Впервые 9000 афганских туркменов перешли туркменскую границу, ища спасения от войны.

Иран сказал, что будет продолжать оказывать помощь противникам талибов, и обратился к России, Индии и государствам Средней Азии с просьбой

также помочь им. Министр иностранных дел Ирана Али Акбар Велаяти призвал ООН вмешаться. Талибы были в бешенстве. «Иран и Россия вмешиваются и поддерживают оппозицию. Они дают им самолеты, чтобы бомбить. Иран каждый день шлет в Мазари-Шариф по 22 самолета с оружием», — говорил мулла Мохаммад Аббас, министр здравоохранения Талибана.[64]

Иранские и среднеазиатские дипломаты с обидой обвиняли Пакистан не только в поддержке талибов, но во лжи и нарушении торжественного обещания, данного премьер-министром Навазом Шарифом всего за неделю до наступления талибов. На встрече глав государств региона в Ашхабаде Шариф обещал призвать к порядку Талибан и не допустить распространения войны на север. «Степень доверия к Пакистану в Средней Азии сейчас равна нулю», — сказал мне ведущий узбекский дипломат.[65]

Однако приход талибов на север благотворно подействовал на длившуюся четыре года гражданскую войну в Таджикистане: обе стороны были вынуждены ускорить переговоры из страха перед Талибаном. Мирное соглашение между правительством и исламской оппозицией, достигнутое при посредничестве России и ООН, было наконец подписано в Москве 27 июня 1997 года. Соглашение было крайне выгодно Масуду, поскольку позволило России снабжать его со своих баз в Таджикистане. Масуд получил в пользование аэродром в Кулябе на юге Таджикистана, где он получал снабжение от России и Ирана и перебрасывал его по воздуху в Панджшерскую долину.

Северный Альянс попытался укрепить свое единство и создать новый политический союз, приняв во внимание уход Дустома со сцены, 13 июня 1997 года был создан Объединенный исламский национальный фронт спасения Афганистана со столицей в Мазари-Шарифе. Бурхануддин Раббани вновь получил пост президента, а Масуд — министра обороны. Они обещали создать новое правительство, включающее исламских лидеров, вождей племен и технократов. Но пакт был обречен на неудачу из-за разногласий между Малеком, Масудом и Халили, не позволивших узбекам, таджикам и хазарейцам действовать совместно.

Главной причиной раскола было отсутствие доверия других руководителей к Малеку, которого считали предателем. Малек не сумел предотвратить захват талибами города Кундуз, в котором был аэропорт. Талибы ежедневно перебрасывали туда подкрепления по воздуху из Кабула. Малек не мог или не хотел очистить север от талибов, а Масуд тем временем подходил все ближе к Кабулу.

В середине июля военная обстановка вокруг Кабула резко изменилась в пользу Масуда. Он захватил Чарикар и авиабазу Баграм, расположившись в 20 милях от столицы. Обе стороны прибегли к артиллерийским и ракетным обстрелам, вынудившим более 180 тысяч мирных жителей бежать из плодородной долины Шомали севернее Кабула, оказавшейся на самой линии фронта. Отступая из Шомали, талибы отразили колодцы и взорвали

ирригационные сооружения, чтобы предотвратить быстрое возвращение местного таджикского населения. Война не только убивала людей и выгоняла их из родных мест, но и разрушала самые основы их существования, превратив сельскохозяйственный пояс Кабула в пустыню.

Северный Альянс создал гигантскую 180-градусную дугу вокруг Кабула. С севера и запада от города стояли войска Масуда, с востока и юга — хазарейцы Халили. На разговоры о возможном нападении на Кабул талибы отвечали, что оппозиция слишком раздроблена для этого. «Мы раскололи оппозицию, послав наших людей в Кундуз. Северяне действуют порознь. Узбекские генералы не доверяют Малеку, который их однажды уже предал. Сейчас он просто пытается спасти себя. Ни одна партия не может воевать против Талибана в одиночку, поэтому они пытаются объединиться, но они никогда не объединятся», — говорил Хакани.[66]

Сомнения в лояльности Малека оказались оправданными, когда в сентябре талибы в Кундузе застали его врасплох. Талибы прорвали окружение своего анклава в Кундузе и с помощью местных пуштунов перешли в наступление на Мазари-Шариф. 7 сентября 1997 года они захватили город Ташкурган[67], вызвав панику в Мазари-Шарифе. По мере продвижения талибов начались тяжелые бои между узбеками, верными Малеку, и теми, кто поддерживал Дустома. Солдаты Дустома сожгли дом Малека, и последний бежал на свою базу в Фарьябе, а затем ускользнул в Туркмению, а оттуда — в Иран.

Быстро обернув ситуацию в свою пользу, Дустом вернулся в Мазари-Шариф из турецкого изгнания и объединил свои войска, чтобы победить приверженцев Малека и выбить Талибан из окрестностей Мазари-Шарифа. В городе начался хаос: узбеки снова грабили некоторые районы и офисы ООН и гуманитарных организаций, вынудив их сотрудников второй раз за год покинуть город. Во время отступления талибы уничтожили 70 шиитов-хазарейцев в Казиль-Абаде, селении к югу от Мазари-Шарифа, а возможно и еще несколько сотен. «Талибы пронеслись через кишлак, как буря. Они убили больше 70 человек, некоторым перерезали горло, а с кого и кожу сняли», — рассказывал один из уцелевших, Сухраб Рустам.[68]

Пока талибы отступали в Кундуз, Дустом попытался консолидировать свои позиции, но Мазари-Шариф был фактически захвачен хазарейцами, и Дустом у пришлось оставить столицу узбеков и базироваться в Шибиргане. Напряженность между узбеками и хазарейцами подрывала силы альянса, а Дустому еще предстояла борьба против сторонников Малека. Для этого он предал огласке жестокости, совершенные Малеком. Войска Дустома открыли 20 общих могил неподалеку от Шибиргана, в пустыне Дашти-Лайли в провинции Джаузджан, где были убиты и захоронены более 2000 пленных талибов. Дустом обвинил Малека в зверских расправах, предложил талибам помощь в передаче тел и обратился в ООН с просьбой расследовать дело. Он освободил более 200 пленных талибов в знак доброй воли.[69]

Последующее расследование, проведенное ООН, обнаружило, что перед смертью пленных пытали и морили голодом. «Их смерть была ужасной. Их взяли из лагеря, сказали, что их обменяют, и отвезли на грузовиках к колодцам, которыми пользовались пастухи, каждый колодец был 10–15 метров глубиной. Их бросали туда живыми, тех, кто сопротивлялся, пристреливали. Потом сверху еще стреляли и бросали ручные гранаты, после чего бульдозер сравнял колодцы с землей», — сказал инспектор ООН Пак Чон Хун, обследовавший могилы.[70]

Из появившихся впоследствии показаний свидетелей стало ясно, как происходила эта гнусная резня. Вот что рассказал генерал Салим Сахар, сторонник Малека, арестованный Дустомом: «Темной тихой ночью мы взяли примерно 150 пленных талибов, завязали им глаза, связали руки за спиной и на грузовиках отвезли в пустыню. Мы построили их по десять в ряд перед ямами и стреляли. Это заняло шесть ночей».[71] Многих убивали, запирая в контейнеры, — их смерть была ужасной, этот метод убийства применялся обеими сторонами. «Когда мы вынимали тела из контейнеров, их кожа была черной от жары и нехватки кислорода», — говорил другой офицер Малека. По его показаниям, так было убито 1250 талибов.

Катастрофа на севере и последующие тяжелые бои в течение лета еще более усилили этнический раскол между пуштунами-талибами и непуштунами. Страна фактически была поделена по линии между севером и югом и между пуштунскими и непуштунскими районами. Все фракции проводили этнические чистки и преследовали своих противников по религиозным убеждениям. Талибы вырезали крестьян-хазарейцев и выгнали таджикских фермеров из долины Шомали. Узбеки и хазарейцы вырезали сотни пленных талибов и убивали пуштунских крестьян на севере и вокруг Кабула. Шииты-хазарейцы также изгоняли пуштунов за то, что они сунниты. Более 750 тысяч человек бежало от боев — на севере вокруг Мазари-Шарифа, на гератском фронте и в окрестностях Кабула. Это вызвало новую гуманитарную катастрофу в то время, когда службы ООН все еще пытались убедить живших в Пакистане беженцев вернуться домой. Кроме того, внутренние афганские противоречия усугублялись соседними странами, каждая из которых поддерживала своих ставленников в Афганистане, Это еще более обостряло национальный и религиозный раскол.

Кроме мирных жителей, наибольшие потери от возобновления боев понесла Организация Объединенных Наций. Спецпредставитель ООН Норберт Холл не смог убедить ни талибов в том, что ООН является нейтральным посредником, ни оппозицию — в способности ООН защитить права национальных меньшинств. Он оказался также не способен воздействовать на соседние страны и прекратить поставки оружия воюющим сторонам. Никто не доверял ООН и никто не обращал на нее внимание. Холл откровенно заявил, что внешние силы виновны в продолжении войны и в негибкости воюющих сторон. «Переговоры зашли в тупик, и мы не можем делать вид, что все хорошо. Я не

говорю, что все афганские лидеры — марионетки, но должны же они получать где-то боеприпасы», — сказал он.[72] Через месяц Холл подал в отставку.

Руководство талибов, не знающее ни процедур, принятых в ООН, ни ее Устава, оказалось наибольшим препятствием. Мулла Омар отказался встретиться с Холлом, обидев тем самым ооновских дипломатов, а другие вожди талибов публично высмеивали попытки ООН добиться прекращения огня. Обида талибов на ООН еще более усилилась после катастрофы Мазари-Шарифа, когда Совет Безопасности ООН отказался принять меры против организаторов резни и предоставить талибам место в ООН, которое по-прежнему занимал президент Раббани.

Талибы упорно подозревали ООН в коварных замыслах, и никакая дипломатия не могла рассеять эти подозрения. Они были убеждены, что ООН находится в сговоре со странами Запада, цель которого — вредить исламу и препятствовать осуществлению законов шариата. Они также обвиняли ООН в том, что под влиянием региональных держав она не признает их правительство. Кризис внутри ООН наступил в то время, когда богатые страны-доноры перестали давать деньги на программы: помощи, устав от бесконечной войны. Объем помощи сократился еще и потому, что талибы угнетали афганских женщин. Продолжение помощи Афганистану зависело от политики талибов в женском вопросе, которую они не желали изменить. Некоторые западные неправительственные организации прекратили свои программы помощи из-за того, что Талибан не разрешал им помогать женщинам. На севере благотворительные организации дважды были вынуждены свернуть свою деятельность из-за боевых действий — назад они уже не вернулись.

Кроме того, твердолобые талибы всячески старались сделать жизнь благотворительных организаций невыносимой и получить основания для изгнания их из районов, находящихся под контролем Талибана, под тем предлогом, что они занимаются прозападной антирелигиозной пропагандой среди населения. В конце сентября руководителям трех агентств ООН в Кандагаре было предписано покинуть страну после того, как женщину — юриста из Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев — заставили разговаривать с чиновниками Талибана сквозь непрозрачное покрывало, а эти трое руководителей выразили протест. В ноябре Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев приостановил все программы помощи после того, как талибы арестовали четверых афганцев — сотрудников комиссариата. Фонд спасения детей свернул несколько программ после того, как талибы запретили женщинам посещать занятия по распознаванию противопехотных мин. Оказание гуманитарной помощи населению где-либо стало практически невозможным, несмотря на приближающуюся зиму и растущую нехватку продовольствия.

Обращение талибов с женщинами вызвало бурные протесты во всем мире после того, как 28 сентября в Кабуле Эмма Бонино, комиссар ЕС по

гуманитарным вопросам, и 19 западных журналистов и сотрудников благотворительных организаций были арестованы и в течение трех часов удерживались религиозной полицией. Они совершали обход женского корпуса больницы, существующей на деньги Европейского Союза, когда сопровождающие Бонино журналисты стали фотографировать женщин-пациентов — а законы талибов запрещают фотографию.

«Вот пример того, в каком: страхе живут здесь люди», — сказала госпожа Бонино журналистам в Кабуле.[73] Талибан принес извинения, но это был очередной удар по сторонникам оказания помощи Афганистану на Западе. После этого талибы заявили, что кабульские больницы будут разделены на женские и мужские, и женщины не смогут лечиться вместе с мужчинами. При этом в Кабуле был всего один женский госпиталь.

Администрации Клинтона было все труднее сохранять свои первоначальные симпатии к талибам. Могущественные феминистские группы лоббировали в Вашингтоне интересы афганских женщин. В ноябре госсекретарь Мадлен Олбрайт выступила с самой суровой критикой Талибана со стороны США. «Мы против талибов — потому, что они противники прав человека, потому, что их отношение к женщине позорно, потому, что они ни во что не ставят человеческое достоинство», — заявила Олбрайт во время своего визита в Исламабад 18 ноября 1997 года. Ее заявление было воспринято как желание США устраниться и от Талибана, и от Пакистана, оказывающего поддержку последнему. Но Талибан, казалось, вовсе не заботился о протестах из-за границы и занимал все более антизападную позицию. Пакистанское и кандагарское духовенство рекомендовало Омару вышвырнуть вон все благотворительные организации, полные шпионов и врагов ислама.[74]

Пытаясь оживить посреднические усилия ООН, Генеральный секретарь Кофи Аннан приказал Лахдару Брахими, бывшему министру иностранных дел Алжира, отправиться в турне по региону и представить доклад Совету Безопасности. Посетив 14 августа — 23 сентября 1997 года 14 стран, включая Афганистан, Брахими пришел к выводу о необходимости усилить международное давление на соседей Афганистана и прекратить военную помощь враждующим сторонам. В октябре Аннан создал группу из шести заинтересованных стран при ООН. Группа, прозванная «Шесть плюс два», включала шесть соседей Афганистана, Россию и США.[75] Брахими надеялся, что группа заставит Иран пойти на переговоры с Пакистаном и вовлечь Вашингтон в поиски мирного решения. Другой целью было установить эмбарго на поставки оружия в Афганистан и начать переговоры между афганскими фракциями.

За этими усилиями последовал гневный доклад Аннана по Афганистану на Совете Безопасности, в котором он впервые в исключительно жестком тоне обвинил страны региона, в особенности Иран и Пакистан, в разжигании конфликта. Он заявил, что эти страны прикрываются ООН, как фиговым

листком, а сами оказывают помощь разным фракциям.[76] «Иностранная военная финансовая помощь не уменьшается, подливая масло в огонь конфликта и лишая воюющие стороны подлинных стимулов к достижению мира, — сказал Аннан. — Продолжение поддержки со стороны этих внешних сил, в сочетании с безразличием других, прямо не вовлеченных в конфликт, делает какую-либо дипломатию практически бессмысленной». Аннан не обошел и полевых командиров. «Афганские вожди не могут подняться над узкопартийными интересами и вместе работать во имя национального примирения. Слишком многие в Афганистане: полевые командиры, террористы, наркоторговцы и другие — слишком много выигрывают от войны и боятся слишком много потерять при наступлении мира».[77]

Позднее, в Тегеране, Аннан обратился к членам Организации Исламская Конференция и сурово критиковал их за бездействие в вопросах урегулирования конфликта. После многих лет невнимания Афганистан, казалось, вновь попал в повестку дня международной дипломатии, но это мало обрадовало Талибан, стремившийся завоевать север страны, и его оппонентов, полных решимости ему противостоять.

Глава 5. Бамиан, 1998–1999
Война без конца

В Хазараджате, краю хазарейцев в центральном Афганистане, температура опустилась ниже нуля. В тени снежных пиков Гиндукуша, окружающих Бамиан, хазарейские дети с раздутыми животами и осунувшимися лицами играли в собственную версию казаков-разбойников под названием «Талибан». Хазарейцы голодали, и во время игры они устраивали засаду для талибского конвоя с зерном и привозили ее домой своим голодным семьям. Дети питались кореньями, ягодами и тем небольшим количеством картошки, которое их родителям удавалось вырастить на маленьких каменистых полях по склонам узких долин. В Хазараджате только 10 процентов земли пригодно для обработки, но в этом году ни пшеница, ни кукуруза не уродились.

Но хазарейцы голодали просто потому, что они хазарейцы. В августе 1997 года талибы закрыли все дороги, ведущие в этот горный пустынный край, желая заставить хазарейцев сдаться. Помощи с севера ждать не приходилось: уничтожение всякого правопорядка, недостаток продовольствия и горные перевалы, засыпанные снегом, не позволяли конвоям с продовольствием пробиться в Бамиан, находящийся на высоте 7500 футов над уровнем моря. Триста тысяч хазарейцев Бамиана уже голодали, а еще 700 000 человек в соседних провинциях Гор, Вардак и Газни тоже испытывали нехватку еды — что в сумме составляет один миллион человек.

На протяжении месяцев ООН и Мировая продовольственная программа вели мучительные переговоры с талибами, пытаясь получить разрешение на проход конвоев, но безрезультатно. ООН была еще более удручена тем, что Пакистан предоставил Талибану 600 000 тонн пшеницы, но не поставил им никаких гуманитарных условий и не потребовал снять блокаду Бамиана. Впервые за двадцать лет войны одна сторона использовала голод как оружие против другой — настолько обострилась к этому времени межнациональная и межобщинная вражда.

Хазарейцы всегда были бельмом на глазу у пуштунов, но никогда — в такой степени. Эти низкорослые, коренастые люди с явно монгольскими чертами лица, согласно одной теории, являлись потомками смешанных браков воинов Чингисхана с местным таджикским и тюркским населением. В 1222 году защитники Бамиана убили внука Чингисхана, за что последний вырезал все население.[78] За тысячу лет до этого Бамиан был центром буддизма в Индии и важной остановкой на пути караванов верблюдов по древнему Шелковому Пути, связывавшему Римскую империю со Средней Азией, Китаем и Индией. Бамиан оставался защитником и столицей центральноазиатского и индийского буддизма

и после исламских завоеваний. Корейский монах Ху-чао, пришедший в город в 827 году, писал, что правитель Бамиана по-прежнему исповедует буддизм. Лишь в одиннадцатом веке Газневидам удалось установить в долине ислам.

И в наши дни над городом возвышаются два колоссальных изваяния Будды, вырубленных из песчаника в отвесных скалах во втором веке н. э. Обе статуи, имеющие в высоту 165 и 114 футов, сильно повреждены выветриванием, и лица обоих Будд отсутствуют. Но несмотря на это, статуи по-прежнему поражают воображение. Фигуры выполнены в традиционном для Индии стиле, но их тела задрапированы в греческую одежду. Это единственный случай синтеза индийского и среднеазиатского искусства и эллинизма, принесенного армиями Александра Македонского. Статуи являлись одним из чудес древнего мира, к ним приходили паломники из Индии и Китая.

В свое время в пещерах и гротах рядом со статуями жили тысячи буддийских монахов. Сейчас в этих пещерах, покрытых древней росписью, жили тысячи хазарейцев, бежавших из Кабула. Когда талибы захватили Бамиан, они угрожали взорвать стазу и, вызвав возмущение среди буддистов Японии и Шри-Ланки. Они восемь раз бомбили гору, находящуюся над статуями, и песчаниковые ниши покрылись многочисленными трещинами.

Хазараджат оставался фактически независимым до 1893 года, когда он был завоеваны пуштунским королем Абдур Рахманом[79], который первым стал проводить антихазарейскую политику. Он убил тысячи хазарейцев, переселил многих в Кабул, где они жили на положении бесправных рабов и слуг, и разрушил их мечети. 3–4 миллиона хазарейцев составляют самую многочисленную общину мусульман-шиитов в Афганистане. Вражда между суннитами-пуштунами и шиитами-хазарейцами возникла давно, но талибы придали конфликту новое звучание: они называли всех шиитов *мунафакиин* — лицемеры, фальшивые мусульмане.

Еще большее раздражение талибов вызывало то, что хазарейские женщины играли заметную политическую, социальную и даже военную роль в обороне края. Из восьмидесяти членов Центрального комитета хазарейской партии *Хизб-и-Вахдат* двенадцать были женщины, многие из которых имели медицинское или юридическое образование. Женщины руководили программами помощи ООН и усилиями партии по обучению грамоте, здравоохранению и планированию семьи. Женщины часто воевали рядом с мужчинами, многие убивали талибов в Мазари-Шарифе во время майских боев. Женщины-профессора, бежавшие из Кабула, создали университет Бамиана, наверное, самый бедный университет в мире, аудитории которого были сделаны из глины и соломы, в них не было ни электричества, ни отопления и почти не было книг.

«Мы ненавидим талибов, они против всякой цивилизации, афганской культуры и в особенности женщин. Они позорят ислам и афганский народ», — сказала мне доктор Хумера Рахи, преподаватель персидской литературы университета, ставшая ведущим поэтом сопротивления. Талибы без энтузиазма

относились к одежде, которую носили хазарейские женщины. Доктор Рахи и ее коллеги носили юбки и сапоги на высоких каблуках. Поэзия Хумеры Рахи отражает новую уверенность, обретенную хазарейцами после многовекового угнетения со стороны пуштунов.

«С вами победа, с вами Бог, победоносные армии Хазараджата! Да поразят ваши винтовки спины ваших врагов. Вы победители, вы победоносны, с вами Бог. Мои полночные молитвы, мой плач на рассвете, детские крики „О Боже, Боже“, слезы и стоны угнетенных — вместе с вами».[80]

Несмотря на осаду и десятилетия негативного отношения и предубеждения со стороны пуштунов, хазарейцы были воодушевлены. Они сыграли большую роль в освобождении Мазари-Шарифа от талибов в мае и в октябре 1997 года. Они отбили многочисленные нападения талибов на Бамиан. Одно время хазарейцы были слабейшим звеном союза узбеков, таджиков и хазарейцев против Талибана, но сейчас, когда узбеки были расколоты, таджики увязли на позициях вокруг Кабула, хазарейцы поняли, что их время пришло, «Мы прижаты к Гиндукушу, а перед нами стоят талибы и Пакистан, который их поддерживает. Мы умрем, но мы не сдадимся», — говорил мне непоколебимый заместитель председателя *Хизб-и-Вахдат* Курбан Али Ирфани, пытаясь согреться у огня в комнате с окнами, глядевшими на статуи Будды, освещенные луной.

У них появилась гордость за свою организованность и умение воевать. «Мы спасаем север от талибов», — говорил Ахмад Шер, 14-летний солдат-хазареец, уже проведший два года в боях и державший свой Калашников с готовностью профессионала. Хазарейцы не были брошены на произвол судьбы. Иран перебрасывал помощь на недавно построенный аэродром около Бамиана, со взлетной полосой длиной в две мили. Карим Халили, лидер *Хизб-и-Вахдат*, провел зиму, нанося визиты в Тегеран, Москву, Дели и Анкару и добиваясь дополнительной военной помощи.

Но среди хазарейцев уже чувствовалось перенапряжение. Различные фракции *Хизб-и-Вахдат* соперничали друг с другом за территорию, влияние и иностранную помощь. Они контролировали каждая свою часть Мазари-Шарифа и воевали друг с другом не хуже, чем узбеки. Мазари-Шариф превратился в поле боя, а Северный Альянс — в политические развалины. Иранские и русские офицеры разведки несколько раз пытались посредничать между Дустомом, обосновавшимся в Шибиргане, и хазарейцами, равно как и между различными хазарейскими фракциями, но никто не шел на компромисс. В феврале 1998 года в Мазари-Шарифе начались тяжелые бои между узбеками и хазарейцами. Масуд нанес свой первый визит в Тегеран с целью убедить иранцев сделать что-нибудь для спасения Альянса, пока не стало слишком поздно. Талибы спокойно провели зиму, глядя на то, как их враги рвут друг друга на части, усиливая осаду Бамиана и готовясь к новому нападению на Мазари-Шариф.

Зимой бои продолжались в провинции Фарьяб, где талибы устроили еще одну резню, убив 600 узбекских крестьян. Сотрудники благотворительных организаций, расследовавшие этот инцидент, говорили, что жителей вытаскивали из домов, выстраивали в ряд и расстреливали. Международное осуждение талибов усиливалось по мере того, как они проводили в жизнь все более и более строгую версию шариата. Публичное отрубание конечностей, бичевание, избиение камнями женщин и казни в Кабуле и Кандагаре случались еженедельно. Международный женский день 8 марта 1998 года был посвящен участи афганских женщин при талибах. Большое общественное внимание привлекли слушания в Конгрессе США, посвященные женскому вопросу, а также осуждение политики талибов такими знаменитостями, как Хиллари Клинтон.

Талибы издали новые указы, предписывающие строго определенную длину бород для мужчин, и список мусульманских имен, которые разрешено давать новорожденным. Талибы закрыли немногие домашние школы для девочек, еще существовавшие в Кабуле, а религиозная полиция изгоняла женщин с кабульских улиц и требовала наглухо занавешивать окна домов, чтобы женщины не были видны извне. Женщины были заперты в домах, куда не проникал даже солнечный свет. Сторонники жесткой линии среди талибов были полны решимости вынудить благотворительные организации ООН уйти из Афганистана и организовали несколько провокаций, которые довели терпение ООН до предела.

24 февраля 1998 года все сотрудники ООН покинули Кандагар и прекратили оказание помощи после того, как один из руководителей программы помощи подвергся угрозам со стороны одного из вождей талибов и был им избит. Мулла Мохаммад Хасан, одноногий губернатор Кандагара, обычно весьма мягкий в обращении, бросил стол и стул в одного из сотрудников ООН за то, что последний отказался построить дорогу в родную деревню Хасана. В марте талибы не разрешили Альфредо Витски-Честари, главе программы гуманитарной помощи ООН, прибыть в Кабул для переговоров. Кроме того, ООН была глубоко возму щена блокадой Хазараджата талибами. «На севере мы не имеем никаких гарантий безопасности, а на юге нам дьявольски тяжело работать с Талибаном. На севере нет никакой власти, а на юге — очень тяжелая власть», — сказал мне Лахдар Брахими.[81]

Несмотря на эти проблемы, Брахими попытался организовать встречу между Талибаном и противостоящим ему Альянсом. Стараясь не допустить встречи с лидерами Альянса, чтобы не укрепить их статус, Талибан предложил встречу духовенства с обеих сторон. В течение нескольких месяцев велся спор о том, кто достоин войти в число *улемов.* ООН позвала на помощь США. Билл Ричардсон, специалист по решению внешнеполитических проблем в администрации Клинтона, посетил Афганистан 17 апреля 1998 года и убедил обе стороны созвать встречу духовенства.

Обе стороны старались привлечь США на свою сторону, и яркий, блестящий Ричардсон был принят по-королевски. Его задарили коврами, вьючными мешками и тюрбанами. В Кабуле талибы позволили сопровождавшим Ричардсона американским телегруппам впервые в истории снять своих лидеров и, из уважения к гостю, отложили запланированную на пятницу публичную ампутацию на футбольном поле. Но хотя талибы и пообещали ослабить блокаду Хазараджата и обсудить женский вопрос с ООН, Мулла Омар отказался от соглашения через несколько часов после отъезда Ричардсона.

Улемы собрались в Исламабаде под эгидой ООН в конце апреля, и после четырехдневных переговоров они согласились избрать по двадцать представителей с каждой стороны для обсуждения таких вопросов, как прекращение огня, снятие осады Хазараджата и обмен пленными. Но Талибан отказался назвать своих представителей, и к маю мирный процесс развалился — тем временем талибы готовили новое наступление.

Частью этой подготовки было новое обострение отношений с ООН. В июне Талибан запретил всем женщинам посещать общие больницы и приказал всем женщинам-мусульманкам, работающим в ООН, передвигаться по Афганистану только в сопровождении *мехрама*, или кровного родственника, — что было совершенно невозможно, в особенности из-за того, что ООН принимала на работу все больше мусульманок именно ради удовлетворения требований талибов и обеспечения доступа к афганским женщинам. Затем талибы потребовали, чтобы все неправительственные организации, работающие в Кабуле, переехали из своих офисов в полуразрушенное здание Политехнического колледжа. Двадцать две из тридцати неправительственных организаций решили покинуть Кабул, если Талибан не откажется от своих требований, но талибы сказали, что вопрос не подлежит обсуждению.

После того как Европейский Союз приостановил все формы помощи в районах, контролируемых талибами, Брахими публично выразил отчаяние, переживаемое ООН. «Эта организация издает декреты, которые запрещают нам делать нашу работу, — заявил он. — Талибы должны понять, что не только у нашего терпения есть предел, но и сообщество доноров оказывает все большее давление на нас».[82] Талибы отказались идти на уступки, и 20 июля они силой закрыли офисы всех неправительственных организаций в Кабуле. Начался исход их сотрудников из Кабула. В тот же день в Джелалабаде были найдены тела двух афганцев — сотрудников ООН, которые были похищены ранее: Мохаммада Хабиби из Управления Верховного Комиссара по делам беженцев и Мохаммада Бахсарияра из Мировой продовольственной программы. Талибан не дал никаких объяснений их гибели.

Так как жизнеобеспечение более половины из 1,2 миллионов жителей столицы зависело от гуманитарной помощи, то первыми пострадавшими от ее прекращения оказались женщины и дети. Снабжение продовольствием,

здравоохранение и хрупкая система водоснабжения — всему этому был нанесен серьезный ущерб. Когда жители показывали пустые ведра и бутылки талибам, проезжавшим мимо на своих джипах, реакция Талибана была показательна своим безразличием к общественным нуждам. «Мы, мусульмане, верим, что Аллах Всемогущий так или иначе накормит всех. Если иностранные неправительственные организации уходят, то это их решение. Мы их не выгоняли», — заявил министр планирования Кари Дин Мохаммад.[83]

Тем временем Талибан убедил Пакистан и Саудовскую Аравию поддержать их новое наступление на севере. Глава саудовской разведки эмир Турки аль-Фейсал в середине июня посетил Кандагар, после чего саудовцы дали Талибану 400 новых пикапов и финансовую помощь. Пакистанская *ISI* выделила 2 миллиарда рупий (5 миллионов долларов) на организацию тыла, в которой нуждались талибы. Пакистанские офицеры разведки часто бывали в Кандагаре, и тысячи новых афганских и пакистанских рекрутов из лагерей беженцев и *медресе* записывались в ряды Талибана. Тем временем, начиная с марта Иран, Россия и Узбекистан начали в огромных количествах доставлять Северному Альянсу оружие, боеприпасы и топливо.[84] Иранские поставки для хазарейцев шли самолетами из Мешхеда прямо в Бамиан, а оружие для Масуда доставлялось на авиабазу Куляб в южном Таджикистане, откуда он уже сам вывозил его в Афганистан.

В июле Талибан устремился из Герата на север, обратил в бегство войска Дустома и взял 12 июля город Меймене. Трофеи — более сотни танков и автомобилей, пленные — около 800 солдат-узбеков, большинство расстреляно. 1 августа 1998 года после того, как несколько подчиненных Дустому офицеров были подкуплены и перешли к талибам, пал Шибирган — временная столица Дустома. Дустом бежал в Узбекистан, а затем в Турцию. Деморализованные бегством своего вождя, узбекские полевые командиры, прикрывавшие дорогу на Мазари-Шариф, за деньги пропустили талибов к самому городу, где стоял полуторатысячный отряд хазарейцев. Ранним утром 8 августа хазарейцы внезапно обнаружили, что окружены. Отряд сражался до тех пор, пока не кончились боеприпасы. В живых осталось сто человек. В 10 часов утра первые пикапы с талибами въехали в Мазари-Шариф, где ничего не подозревающие жители занимались своими обычными делами.[85]

Началась страшная резня — талибы устроили форменный геноцид, желая отомстить за свои потери в прошлом году. Один из военачальников Талибана говорил позднее, что Мулла Омар разрешил им убивать два часа, но они убивали два дня. Талибы, как безумные, разъезжали взад и вперед по узким улицам города, стреляя направо и налево и убивая всех, кто попадался на их пути: лавочников, возчиков, женщин, детей, покупателей, даже ослов и коз. Несмотря на все законы ислама, непогребенные тела были брошены разлагаться на улицах. «Они стреляли без предупреждения во всех, кто оказался на улицах, не различая мужчин, женщин и детей. Вскоре все улицы были завалены телами убитых и

залиты кровью. В течение шести дней никому не разрешали хоронить мертвых. Собаки ели человечину и обезумели. Стоял невыносимый смрад», — рассказывал один таджик, которому удалось спастись.[86]

Если люди пытались спастись в своих домах, то талибы врывались внутрь и убивали хазарейцев целыми семьями. «В человека стреляли три раза: одна пуля в голову, вторая в грудь, третья в промежность. Уцелевшие хоронили мертвых в собственных садах. Женщин насиловали, — сообщает тот же свидетель. — Когда талибы ворвались к нам в дом, они сразу убили моего мужа и двух братьев. Они выстрелили в каждого трижды, а потом перерезали им глотку, как скотине, которую едят мусульмане *(халал)»,* — рассказывала сорокалетняя таджичка.[87]

В первый день убивали всех подряд, потом талибы сосредоточились на хазарейцах. Чтобы не повторять прошлогодних ошибок, талибы взяли себе проводников из местных пуштунов, прежде служивших Хекматьяру. Эти пуштуны из Балха хорошо знали город, и несколько дней они водили талибов по Мазари-Шарифу и показывали им дома хазарейцев. Но талибы не сдерживали себя и убивали не только хазарейцев, но и просто так. «Я видел, как был убит юноша-таджик — талиб еще стоял рядом, а отец плакал: „Почему ты убил моего сына? Мы таджики!“ Талиб отвечал: „Так что же ты молчал?“ „А ты спрашивал?“ — сказал отец».[88] Тысячи хазарейцев увезли в городскую тюрьму Мазари-Шарифа, а когда она переполнилась, их набили в контейнеры и заперли там, чтобы они задохнулись. Несколько контейнеров увезли в пустыню Дашти-Лайли, и там люди были расстреляны — в отместку за то, что сделали с пленными талибами в 1997 году. «Они привезли три контейнера из Мазари-Шарифа в Шибирган, а когда один из них открыли, оказалось, что в живых осталось трое. И примерно триста мертвых. Этих троих забрали в тюрьму. Я сидел в таком месте, откуда все это было видно», — говорил другой свидетель.[89] Когда десятки тысяч людей пытались уйти из Мазари-Шарифа пешком, талибы бомбили их. Десятки людей погибли.

Талибы хотели очистить север страны от шиитов. Губернатором Мазари-Шарифа был назначен мулла Ниязи, полевой командир, отдавший приказ убить Наджибуллу. Через несколько часов после взятия города муллы из Талибана объявили в городских мечетях, что шииты могут выбирать: либо они принимают суннитский ислам, либо уезжают в Иран, либо они умрут. Все шиитские богослужения были запрещены. «В прошлом году вы взбунтовались против нас и убивали нас. Вы стреляли в нас из своих домов. Сегодня мы пришли, чтобы заняться вами. Хазарейцы — не мусульмане, и мы должны убивать хазарейцев. Или вы соглашаетесь стать мусульманами, или вы уходите из Афганистана, Где бы вы ни спрятались, мы найдем вас. Если вы убежите наверх, мы сдернем вас за ноги; если вы скроетесь под землей, мы вытащим вас за волосы», — объявил Ниязи в главной мечети Мазари-Шарифа.[90] Римский историк Тацит писал о

римском завоевании Британии: «Римская армия разрушила все и назвала это миром».

За отсутствием независимых наблюдателей невозможно точно оценить число жертв, но позднее ООН и Красный Крест говорили о 5–6 тысячах убитых. Позднее стало ясно, что аналогичной участи в ходе наступления талибов подверглись и узбеки в Меймене и Шибиргане. По моим собственным оценкам, в июле и августе погибло от 6 до 8 тысяч гражданских лиц, войска Северного Альянса также понесли тяжелые потери. Но Талибан все-таки не сумел добиться своей цели — запугать народ настолько, чтобы он никогда больше не восстал против него.

Еще одно деяние талибов в Мазари-Шарифе вызвало лавину протестов во всем мире и едва не привело их к войне с Ираном. Небольшая группа талибов во главе с муллой Дост Мохаммадом, в которой было несколько пакистанцев, членов антишиитской группы *Сипах-и-Сахаба*, пришли в консульство Ирана в Мазари-Шарифе, отвели 11 иранских дипломатов, офицеров разведки и журналиста в подвал и там расстреляли. Перед этим Иран обратился к Пакистану за гарантиями безопасности для консульства, так как иранцы знали, что среди вошедших в город талибов есть офицеры *ISI*. Иранцы подумали, что группа Дост Мохаммада послана охранять их, и впустили их в здание.[91] Талибы захватили также 45 иранских водителей, перевозивших оружие хазарейцам.

Сперва талибы отказывались сообщить что-либо о судьбе дипломатов, по по мере того, как протесты международного сообщества и гнев Ирана росли, они признали, что дипломаты убиты, но это было сделано в нарушение приказа. Но из надежных источников известно, что Дост Мохаммад связывался с Муллой Омаром по радио и спрашивал, следует ли расстрелять дипломатов, и Омар дал добро. Так это или нет, но иранцы считали это достоверным. По иронии судьбы Дост Мохаммад позднее оказался в Кандагарской тюрьме за то, что привез домой двух хазарейских наложниц, а его жена пожаловалась Мулле Омару. Около 400 хазарейских женщин было похищено и взято в наложницы талибами.[92]

Именно победа талибов, завоевание ими контроля над большей частью Афганистана и подогреваемые Пакистаном ожидания скорого международного признания побудили их гостя Усаму бин Ладена, саудовского диссидента, смелее приступить к объявленному им джихаду против США и саудовской королевской династии. 7 августа 1998 года сторонники бин Ладена взорвали посольства США в Кении и Танзании, убив 224 и ранив 4500 человек. Это побудило США нанести 20 августа 1998 года ракетный удар по тренировочным лагерям бин Ладена на северо-востоке Афганистана. Десятки крылатых ракет поразили шесть целей, убив 20 и ранив 30 человек. США утверждали, что бин Ладен присутствовал при налете. На самом деле погибло немного арабов. Большинство

убитых оказалось афганцами либо пакистанцами, которые проходили подготовку перед заброской в индийскую часть Кашмира.

Талибы были возмущены и организовали демонстрации протеста в афганских городах. В нескольких городках толпа напала на учреждения ООН. Мулла Омар решил оскорбить Клинтона лично. «Если нападение на Афганистан — это решение самого Клинтона, это значит, что он решил отвлечь внимание всего мира и американского народа от постыдной истории в Белом Доме, показавшей всем, что Клинтон — лжец, человек непорядочный и лишенный чести», — сказал Омар, ссылаясь на дело Моники Левински. Омар заявил, что бин Ладен — гость не только Талибана, но и всего афганского народа, и Талибан никогда не выдаст его Соединенным Штатам. «Америка сама крупнейший террорист в мире», — добавил Омар.[93] Сотрудники ООН эвакуировались из Кабула, так как там было совсем небезопасно: два террориста убили офицера ООН — итальянца и ранили французского дипломата. Оба душегуба, арестованные впоследствии талибами, — Хак Наваз и Салим — оказались пакистанцами из Равалпинди. Они были членами группы *Харакат-уль-Ансар*.

Не пытаясь утихомирить своих критиков за границей и Иран, талибы начали новое наступление в Бамиане с трех направлений. Бамиан пал 13 сентября 1998 года после того, как несколько хазарейских полевых командиров сложили оружие. Карим Халили и другие руководители *Вахдат*, равно как и большая часть жителей, ушли в горы при появлении первых частей талибов. На сей раз, благодаря призывам международной общественности к соблюдению прав человека, Мулла Омар приказал войскам соблюдать умеренность по отношению к мирным жителям — хазарейцам. Тем не менее через несколько недель после взятия Бамиана в одном из селений неподалеку талибы убили 50 стариков, оставшихся на месте после того, как более молодые бежали.[94]

Другая трагедия произошла 18 сентября, через пять дней после оккупации Бамиана. Талибы взорвали статую малого бамианского Будды, полностью разрушив его лицо. Они выпустили несколько ракет в промежность Будды, повредив роскошные складки его фигуры и уничтожив причудливые фрески в нише, где стоит статуя. Две статуи Будды, величайшее археологическое сокровище Афганистана, простояли более двух тысяч лет и пережили нашествие монголов. В наши дни талибы разрушили их. Это преступление не может быть оправдано никакими ссылками на ислам.

Для иранцев падение Бамиана было последней каплей. Иран заявил, что согласно международному праву и Уставу ООН он может защищать себя и принять любые меры против талибов — тем же аргументом воспользовались и американцы для своего ракетного удара. Через неделю верховный вождь Ирана аятолла Али Хаменеи предупредил, что большая война может поглотить весь регион. Он обвинил Пакистан в том, что пакистанские войска и авиация использовались при захвате Бамиана, но Исламабад опроверг это. Ирано-пакистанские отношения ухудшились до предела, а Тегеран решил поиграть

мускулами. Семьдесят тысяч иранских бойцов из Корпуса стражей исламской революции (КСИР) при поддержке танков и авиации начали самые большие в истории маневры на ирано-афганской границе. В октябре более 200 000 солдат регулярной армии Ирана начали новые маневры у границы. Талибы тем временем собрали около 5000 бойцов, чтобы отразить ожидаемое нападение Ирана.

Совет Безопасности ООН, обеспокоенный возможностью нападения Ирана, направил в регион Лахдара Брахими. Напряженность в отношениях между Ираном и Талибаном упала лишь после встречи Брахими с Муллой Омаром 14 октября 1998 года в Кандагаре. Это был первый случай встречи Омара с представителем ООН, да и вообще с официальным представителем иностранного государства, не являвшимся пакистанцем. Мулла Омар согласился отпустить всех водителей, выдать тела убитых и обещал улучшить отношения с ООН.

Противостояние Ирана и Талибана дало Масуду время и пространство для перегруппировки его собственных сил и тех узбеков и хазарейцев, кто еще не сдался. В то же самое время Россия и Иран увеличили поставки вооружений, включая машины и вертолеты. Масуд предпринял ряд хорошо скоординированных молниеносных атак на северо-востоке и отбил у талибов значительные территории, в особенности вдоль границы с Узбекистаном и Таджикистаном. В октябре-ноябре талибы потеряли около 2000 человек. Деморализованные, отрезанные от снабжения и замерзающие гарнизоны талибов сдавались Масуду после непродолжительного сопротивления. 7 декабря 1998 года Масуд созвал в Панджшере совещание всех полевых командиров, воюющих против Талибана. После разгрома узбеков и хазарейцев Масуд остался очевидным лидером, и полевые командиры, среди которых было несколько уважаемых пуштунов, избрали его главнокомандующим всех антиталибских сил.

Наступление талибов, избиение хазарейцев и противостояние с Ираном, наряду с американской бомбардировкой, серьезно нарушили хрупкое равновесие в регионе. Зачистка, совершенная талибами, привела в бешенство Россию, Турцию и государства Средней Азии, которые осудили Пакистан и Саудовскую Аравию за поддержку Талибана. Резкие взаимные обвинения усилили расхождения между двумя блоками государств. Министры иностранных дел и обороны Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана и представители России встретились в Ташкенте 25 августа 1998 года, чтобы разработать план совместного политического и военного противодействия наступлению талибов.

Последствия роста напряженности были огромны: появилась опасность войны между Ираном и Талибаном, в которую мог быть втянут (на стороне талибов) и Пакистан; западные инвесторы и нефтяные компании стали опасаться вкладывать средства в богатые нефтью страны Каспия; возросла опасность распространения исламского фундаментализма в обедневших

среднеазиатских государствах, а вместе с тем и антиамериканских настроений; Пакистан оказался еще более расколотым, так как исламские партии требовали исламизации страны.

Международное сообщество пришло в отчаяние из-за непримиримости талибов, их отказа сформировать коалиционное правительство, изменить позицию по женскому вопросу и следовать дипломатическим нормам. Благотворительные организации ООН не могли вернутся в Кабул. Вашингтон отныне был одержим идеей поймать бин Ладена и взбешен отказом талибов выдать его. Даже ближайший союзник талибов Саудовская Аравия, оскорбленная покровительством, оказываемым Талибаном бин Ладену, отозвала своих дипломатических представителей из Кабула и прекратила всякую официальную помощь. Только Пакистан еще помогал талибам.

Возмущение международного сообщества вылилось 8 декабря 1998 года в самую жесткую до настоящего времени[95] резолюцию Совета Безопасности ООН по Афганистану. Резолюция угрожает некими санкциями против Талибана за укрывательство международных террористов, нарушение прав человека, покровительство наркоторговле и отказ от прекращения огня. «Базирующийся на афганской земле терроризм превратился в бедствие», — заявила представитель США в ООН Нэнси Содерберг.[96] Только Пакистан не поддержал резолюцию, назвав ее пристрастной, после чего Пакистан оказался в такой же международной изоляции, как и Талибан.

Усилившееся давление со стороны ООН, США и других государств заставило обе стороны вернуться за стол переговоров в начале 1999 года. Делегации Талибана и оппозиции встретились в Ашхабаде 11 марта 1999 года. Переговоры закончились на оптимистической ноте: стороны согласились обменять пленных и продолжить переговоры. Но в апреле Мулла Омар отказался от дальнейших переговоров и обвинил Масуда в двуличии. На самом деле обе стороны пользовались убаюкивающей атмосферой переговоров для подготовки к весеннему наступлению. 7 марта 1999 года Масуд встретился с российским министром обороны Игорем Сергеевым в Душанбе, а Россия объявила о намерении создать новую военную базу в Таджикистане. Очевидно, что одной из задач базы должно стать усиление помощи Масуду. Талибы тем временем переоснащались и вербовали новых студентов в пакистанских *медресе*. Масуд и хазарейцы предприняли ряд атак на северо-востоке и в Хазараджате. Обстановка резко изменилась, когда 21 апреля 1999 года отряды партии *Вахдат* вновь овладели Бамианом. Север снова запылал в огне, а миротворческие усилия ООН были сведены к нулю.

Кофи Аннан предостерегал в начале 1998 года: «В стране с двадцатимиллионным населением 500 000 вооруженных людей держат в заложниках всех остальных».[97] В конце 1998 года он был исполнен мрачных предчувствий «углубления регионального конфликта», в котором Афганистан превратится «в сцену для новой Большой игры».[98] Победы талибов и

устроенная ими на севере резня не приносят мира, а лишь приближают Афганистан к той грани, за которой — распад на несколько этнически однородных частей.

Печальные предсказания Аннана, кажется, начали сбываться к концу года, когда специальный представитель ООН Лахдар Брахими подал в отставку. Причиной этого он назвал неуступчивость Талибана, помощь тысяч студентов пакистанских *медресе* и непрекращающееся вмешательство извне. Его отставка в октябре последовала за двумя наступлениями талибов в июле и сентябре. Талибы пытались выбить войска Масуда из района Кабула и перерезать его коммуникации с Таджикистаном на севере.

Оба наступления закончились неудачей, но Талибан прибег к политике выжженной земли к северу от столицы. В результате 200 000 человек бежало, а долина Шомали — один из самых плодородных районов страны — была опустошена. С приближением зимы десятки тысяч беженцев, нашедшие приют у Масуда в долине Панджшера или у талибов в Кабуле, начали испытывать жестокую нехватку еды и крова.

За отставкой Брахими последовала еще более жесткая реакция международного сообщества. Совет Безопасности ООН ввел 15 октября ограниченные санкции против талибов, запретив коммерческое воздушное сообщение с Афганистаном и заморозив банковские счета Талибана во всем мире. А Вашингтон тем временем усиливал давление на Талибан с целью выдачи бин Ладена.

6 февраля 2000 года Талибан вновь оказался под давлением международного сообщества после того, как отчаявшиеся пассажиры самолета, выполнявшего внутренний рейс, захватили его и, долетев до Лондона, попросили убежища. Угон закончился мирно четыре дня спустя. В начале марта 2000 года Талибан начал два непродолжительных наступления на Масуда, но был отброшен. Престижу талибов был нанесен еще один удар: 27 марта два видных лидера Северного Альянса бежали из Кандагарской тюрьмы, где провели в заключении три года, и добрались до Ирана. Одним из них был Исмаил Хан, возглавлявший антисоветское сопротивление в 80-х годах и затем сражавшийся против талибов.

В апреле Талибан несколько раз призывал международное сообщество помочь жертвам засухи в трех южных провинциях и пострадавшим от саранчи в провинции Баглан. Засуха усугубилась с наступлением лета и распространилась по всей стране, но отказ талибов объявить о прекращении огня сдерживал иностранную помощь. За три месяца органы ООН собрали только 8 миллионов долларов из 67 необходимых для помощи жертвам засухи. По мере усиления засухи цены на продовольствие выросли на 75 процентов с января по июль, а афганская валюта с февраля до июля обесценилась примерно на 50 процентов. Но это не остановило летнего наступления талибов, которое началось 1 июля. Тысячи талибов и десятки танков, действуя с пяти направлений, пытались

прорвать позиции Северного Альянса в 30 километрах севернее Кабула. Но, потеряв 400 человек, талибы были отброшены войсками Масуда.

По мере затухания боев вокруг Кабула Талибан предпринял новое наступление на севере 28 июля, пытаясь перерезать пути доставки грузов из Таджикистана. Талибы усиленно бомбили гражданские объекты и медленно продвигались к Талукану, политической столице Северного Альянса. После четырех недель осады и тяжелых боев Талукан пал 5 сентября, после того как Масуд предпринял стратегическое отступление во избежание потерь среди гражданских лиц. Масуд отошел к границам Бадахшана, последней контролируемой им провинции. 150 000 беженцев из Талукана перешли границу с Таджикистаном и попросили убежища. Талибан также захватил несколько городов на границе с Таджикистаном, создав волну паники в Средней Азии.

В течение 2000 года в руководстве Талибана наблюдались признаки разногласий и раскола, а пуштунские племена проявляли растущее недовольство ограничениями, наложенными Талибаном, коррупцией в его рядах и безразличием к страданиям народа. 13 января талибы ограбили валютный рынок в Кабуле, забрав около 200 000 долларов. Валютный рынок закрылся в знак протеста, а афгани резко упал относительно доллара. 24 января 400 старейшин племен из четырех восточных провинций — Пактия, Хост, Пактика и Гардез[99] — заставили Талибан заменить губернаторов. Старейшины протестовали против рекрутского набора и резкого увеличения налогов, которые, по их мнению, уходили в Кабул вместо того, чтобы пойти на местные нужды. 27 января в Хосте состоялась беспрецедентная двухтысячная демонстрация против талибов. Засуха и настойчивое стремление талибов продолжать войну убедили общество в том, что Талибану нет дела до гражданского населения. Контрабандисты и перевозчики ругали Талибан за бин Ладена, из-за которого ООН ввела санкции и ограничила контрабандную торговлю. В конце апреля талибы арестовали своего командующего ВВС генерала Ахтара Мансури и 10 других чиновников в Кандагаре за помощь Исмаил Хану при побеге.

Возрастало недовольство и той поддержкой, которую Талибан оказывал исламским фундаменталистам и террористическим движениям сопредельных стран, в особенности из Средней Азии. Талибан давал приют экстремистам из Средней Азии, Ирана, Кашмира, Китая и Пакистана. Исламское движение Узбекистана (ИДУ), которое летом 1999 года и еще раз в 2000 году предпринимало вооруженные акции против узбекского режима, имеет базы на севере Афганистана. Более трети 15-тысячного войска, захватившего Талукан, составляли неафганцы. В их числе было 3000 пакистанцев, 1000 бойцов ИДУ, несколько сот арабов бин Ладена, а также кашмирцы, чеченцы, филиппинцы и китайские мусульмане.

США, Россия и государства региона стали активнее координировать свои действия против терроризма. Россия стала намного резче критиковать талибов после того, как Кабул признал правительство сепаратистской Чеченской

республики и позволил 16 января 2000 года открыть чеченское посольство. После военного переворота 12 октября 2000 года в Исламабаде Пакистан увеличил поддержку талибов, оказывая им военную помощь в летнем наступлении 2000 года. Пакистан остается единственной страной в мире, поддерживающей Талибан, и страны региона становятся все более враждебными к его военному режиму.

Несколько попыток ООН и Организации Исламская Конференция усадить враждующие стороны за стол переговоров не принесли успеха. Франциск Вендрелл, испанский дипломат, был назначен 18 января новым специальным представителем ООН по Афганистану. В марте и мае Организация Исламская Конференция организовала в Джидде непрямые переговоры между Талибаном и Северным Альянсом, но безрезультатно. Хотя талибы, кажется, побеждают в борьбе за контроль над страной, Талибан остается в международной изоляции и осуждается всеми соседними странами.

Часть 2
Ислам и Талибан

Глава 6. Вызов исламу
Новый фундаментализм талибов

Ислам всегда был стержнем жизни простых афганцев. Любой мусульманский обряд — будь то пятикратная ежедневная молитва, пост в месяц рамадан или *закят* (исламский налог в пользу бедных) — мало в какой исламской стране соблюдается так же регулярно и с таким же благочестием, как среди афганцев. Ислам послужил основой для объединения разноплеменных народов Афганистана, а джихад часто служил знаменем афганского национализма в борьбе против англичан и русских.

Когда речь идет о вере, коммунист, король и моджахед ведут себя одинаково. Когда я посетил престарелого экс-короля Захер Шаха в Риме в 1988 году, он спокойно прервал интервью, чтобы выйти в соседнюю комнату и помолиться. Министры-коммунисты молились в своих кабинетах. Моджахеды останавливали бой, чтобы помолиться. Мулла Омар проводил долгие часы на своем молитвенном коврике и часто размышлял о вопросах стратегии после молитвы, Ахмад Шах Масуд прекращал командовать боем, чтобы помолиться, погружаясь затем в одухотворенное молчание среди грохота пушек и радиопереговоров.

Но ни один афганец не может настаивать на том, чтобы другой мусульманин рядом с ним молился тоже. По традиции афганский ислам отличался терпимостью по отношению к другим направлениям ислама, другим религиям и к современному образу жизни. Афганские муллы никогда не запихивали ислам людям в глотку, и до самого последнего времени различия внутри ислама не становились политическим вопросом.

До 1992 года индусы, сикхи и евреи играли значительную роль в экономике страны. Они традиционно контролировали денежный рынок в городах, и афганские короли, собираясь воевать, часто брали у них взаймы.

После 1992 года жестокая гражданская война покончила с многовековой афганской традицией терпимости и согласия. Степень вражды между различными направлениями ислама и этническими группами была настолько сильна, что ни один афганец прежде не смог бы вообразить такого. Массовые убийства хазарейцев Масудом в Кабуле в 1995 году, талибов хазарейцами в 1997 году, хазарейцев и узбеков талибами в 1998 году, не имеющие прецедента в истории Афганистана, произвели страшное и необратимое действие на дух и религиозное сознание нации. Откровенно антишиитская программа талибов опорочила ислам и единство страны, те, кто был в меньшинстве, массами бежали за границу. Впервые в истории Афганистана ислам из объединяющего начала превратился в смертельное оружие вражды, раскола и кровопролития в руках экстремистов.

Восемьдесят процентов афганцев — сунниты ханафитского толка, наиболее либерального из всех четырех направлений суннизма.[100] Другие направления немногочисленны и рассеяны по окраинам страны. Шиизм преобладает среди хазарейцев в Хазараджате, у горстки пуштунских племен, у немногих таджикских кланов и некоторых жителей Герата. Исмаилиты, последователи Ага-хана, представляют собой шиитскую секту. Они всегда жили в труднодоступной местности на северо-востоке, граничащей с общинами исмаилитов Памира на востоке Таджикистана и севере Пакистана. Вождь афганских исмаилитов Сайед Надир Шах Хуссейн, умерший в 1971 году, был назначен главой всех исмаилитов мира самим Ага-ханом. С тех пор общину возглавляют его сыновья, которые играют заметную роль в Северном Альянсе. Индусы и сикхи, пришедшие в XIX веке вместе с обозами англичан, в большинстве своем покинули страну к 1998 году. Так же поступили и бухарские евреи, хотя несколько десятков их еще осталось.

Ханафиты склонны к децентрализации и отсутствию иерархии, потому-то правители XX века и затруднялись включить их вождей в жестко централизованную систему государственного управления. Но именно это качество замечательно подходило для слабо организованной афганской конфедерации. Традиционный афганский ислам проповедовал минимальное правительство, которое почти не вмешивается в жизнь подданных. Повседневное управление оставалось в руках племени и общины. Благодаря деревенским муллам, почти не имевшим образования, мечеть у пуштунов становилась центром деревенской жизни. Студенты, или *талибы*, учились в маленьких *медресе*, разбросанных по зоне расселения племен. В Средние века центром системы: афганских *медресе* был Герат, но начиная с семнадцатого века афганские ученые отправляются на учебу в Среднюю Азию, Египет и Индию, чтобы, отучившись в более престижных *медресе*, пополнить ряды *улемов*.[101]

Еще одной причиной глубокого укоренения ислама в Афганистане было то, что долгое время судопроизводство вершилось по законам шариата. Лишь в 1925 году эмир Аманулла впервые начал вводить светское законодательство, и государство взяло на себя подготовку духовных лиц на должности *кази*, исламских судей. С открытием в 1946 году факультета шариата в Кабульском университете последний стал основным центром интеграции нового светского законодательства и шариата. Соединение традиций с современностью воплотил в себе Мохаммад Муса Шафик, последний премьер-министр монархии, свергнутый в 1973 году. Шафик учился в *медресе* и на факультете шариата, после чего получил степень в Колумбийском университете в Нью-Йорке. Когда в 1979 году он был казнен коммунистами, многие оплакивали его смерть.[102]

Поэтому неудивительно, что в 1979 году муллы присоединились не к радикальным исламским партиям, созданным моджахедами, а к более умеренным племенным партиям, таким, как *Харакат-и-Инкилаб Ислами* во главе с мауланой Мохаммадом Наби Мохаммади, и *Хизб-и-Ислами* во главе с

маулави Юнусом Халесом. Оба они носили титул *маулави*, учились в свое время в *медресе* Хаккания в Пакистане и организовали свои *медресе* внутри Афганистана. После советского вторжения они создали свои организации — децентрализованные, неидеологизированные и не имевшие иерархии, но они быстро стали проигрывать более радикальным исламским партиям, получавшим поддержку ЦРУ и пакистанской разведки.

Другая причина умеренности афганского ислама — огромная популярность суфизма, мистического направления ислама, зародившегося в Средней Азии и Персии. Его название происходит от арабского слова *суф*, «шерсть», от грубой шерстяной одежды, которую носили первые последователи учения. Суфийские ордена, или *тарикаты*, что значит «пути», выражали средневековый протест против власти, умствования, закона и мулл, чем сильно привлекали людей бедных и лишенных власти. Суфии основывают свое учение на молитве, созерцании, танцах и музыке. Во время своих обрядов они трясутся и кружатся, постоянно ища истину. Их ритуалы создают внутреннее духовное пространство, в которое нет доступа посторонним. Семь веков назад знаменитый арабский путешественник ибн Баттута так описывал суфизм: «Основная цель суфия — проникнуть сквозь покров человеческих чувств, которые преграждают путь к Божеству, и добиться таким образом причастия и слияния с Богом».[103]

Два основных суфийских ордена Афганистана — Накшбандия и Кадирия — играли большую роль в объединении антисоветского сопротивления, давая ему возможность опереться на сеть своих членов вне политических партий и этнических групп. Семейство Моджаддеди возглавляло орден Накшбандия и на протяжении веков было тайной властью в Кабуле. Чтобы уничтожить потенциальных соперников, коммунисты жестоко убили 79 членов семьи Моджаддеди. Это случилось в Кабуле в январе 1979 года. Но один из выживших, Себгатулла Моджаддеди, создал в Пешаваре свою собственную партию сопротивления, *Джабха-и-Наджат Милли Афганистан*, Национальный фронт освобождения Афганистана, и яростно критиковал радикальные исламские партии. Он был назначен президентом временного правительства Афганистана в 1989 году и затем в 1992 году стал первым моджахедом — президентом Афганистана.

Пир Саид Ахмад Гелани, глава ордена Кадирия, породнившийся после женитьбы с бывшим королем Захер Шахом, основал в Пешаваре *Махаз-и-Милли*, Национальный исламский фронт Афганистана. Оба вождя поддерживали Захер Шаха и были самыми умеренными среди вождей моджахедов. В борьбе за влияние они уступили связке ЦРУ — *ISI*, Хекматьяру, Масуду, а позднее талибам. Они вернулись в политику в 1999 году, создав Партию мира и национального единства и попытавшись посредничать между Талибаном и его оппонентами.

До появления Талибана исламский экстремизм никогда не пользовался успехом в Афганистане. Среди суннитов были ваххабиты, последователи

суровой секты из Саудовской Аравии. Ваххабизм был основан Мухаммадом ибн Абд аль-Ваххабом (1703–1792) для борьбы с суфийским влиянием среди аравийских бедуинов, но после нефтяного бума 1970-х распространение ваххабизма стало одной из главных задач саудовской внешней политики. Впервые ваххабиты появились в Средней Азии в 1912 году, когда уроженец Медины Сайед Шари Мухаммад основал первые ячейки ваххабитов в Ташкенте и в Ферганской долине. Отсюда и из Британской Индии это учение проникло в Афганистан, где перед войной у него было ничтожное количество поклонников.

Но после того, как саудовское оружие и саудовские деньги попали в руки обучавшихся в Саудовской Аравии пуштунских ваххабитов, у них появилось некоторое количество последователей. На начальном этапе войны в Афганистан был послан Абдур Расул Сайаф, афганец, долго живший в Саудовской Аравии, с заданием создать в Пешаваре партию ваххабитов, *Иттихад-и-Ислами* (Исламское единство). Афганские ваххабиты, иначе называемые *салафитами*, активно выступали против суфиев и традиционных племенных партий, но им не удавалось широко распространить свое влияние, так как большинство афганцев считало их учение иностранным изобретением. Арабские моджахеды, включая Усаму бин Ладена, нашли некоторое количество последователей среди пуштунов в основном благодаря тому, что у них было много денег и оружие.

Благодаря поставкам оружия, организованным ЦРУ и пакистанской разведкой, основной движущей силой джихада стали радикальные исламские партии. И Хекматьяр, и Масуд участвовали в неудачном восстании против президента Мохаммада Дауда в 1975 году. Потом эти исламские радикалы бежали в Пакистан и пользовались покровительством Исламабада, который использовал их как средство для давления на будущих правителей Афганистана. Когда Советы в 1979 году вторглись в Афганистан, Пакистан уже располагал подконтрольными ему исламскими радикалами, которые могли возглавить джихад. Президент Зия-уль-Хак настаивал на том, чтобы основная часть военной помощи ЦРУ доставалась именно этим партиям — до тех пор, пока Масуд не стал независимым и не начал яростно критиковать влияние Пакистана.

Эти исламские вожди происходили из нового класса людей, получивших университетское образование (Хекматьяр учился на инженера в Кабульском университете, Масуд учился во французском лицее), которые вдохновлялись самой радикальной и политизированной исламской партией Пакистана, *Джамаат-и-Ислами*. Пакистанская *Джамаат*, в свою очередь, вдохновлялась примером организации *Ихван-уль-Муслимиин*, «Братья-мусульмане», основанной в 1928 году в Египте с целью совершить исламскую революцию и создать исламское государство. Основатель «Братьев-мусульман», Хасан аль-Бана (1906–1949), оказал большое влияние на Абдул-Ала Маудудди (1903–1978), основавшего пакистанскую *Джамаат* в 1941 году.

Ранние последователи «Братьев» по всему мусульманскому миру желали, чтобы именно исламская (а не национальная и не коммунистическая) революция

сокрушила колониализм. В противовес традиционным муллам эти исламисты отказывались идти на компромисс с местными неоколониальными элитами и желали радикальных политических перемен, которые приведут к созданию подлинно исламского общества, как при Пророке Мухаммаде в Мекке и в Медине, и, кроме того, смогут ответить на вызов современности. Они отвергали национализм, всякое этническое, племенное деление, феодальную структуру общества ради нового мусульманского интернационализма, объединяющего мир ислама *(умма).*[104] Для достижения этой цели партии, подобные пакистанской *Джамаат* или хекматьяровской *Хизб-и-Ислами,* создавали современные партийные организации, похожие на коммунистические, с системой низовых ячеек, строгой секретностью, идеологической обработкой и военным обучением членов.

Наибольшая слабость созданной «Братьями» политической модели ислама — ее склонность полагаться на одного харизматического лидера, эмира, а не на более демократически устроенное руководство. Радикальный ислам озабочен не созданием институтов, а характером и чистотой своего вождя, его добродетелью и квалификацией, тем, насколько он лично подобен Пророку Мухаммаду[105]. Поэтому такие движения предполагают, что люди уже истинно добродетельны, хотя из их логики следует, что обрести добродетель можно лишь в истинно исламском обществе. Такая модель неизбежно приводит к расцвету диктатуры (случай Хекматьяра).

Но все-таки в сравнении с Талибаном эти исламские радикалы были относительно умеренными и передовыми. Они выступали за образование женщин и их участие в общественной жизни. Они создали или пытались создать концепцию исламской экономики, банковской системы, международных отношений, более справедливого и равноправного общественного устройства. Но радикальный ислам страдал теми же недостатками и ограничениями, что и афганский марксизм будучи всеобъемлющей идеологией, он скорее отвергал, чем объединял все то национальное, социальное и религиозное разнообразие, из которого состояло афганское общество. И коммунисты, и исламисты хотели радикально изменить традиционное общество посредством революции сверху. Они хотели одним движением расправиться с племенным и национальным вопросом, что оказалось невозможным, и не желали считаться со сложностью реальной жизни.

Политическое поражение афганских исламистов и их неспособность создать теории, основанные на реальности, — частое явление в мусульманском мире. Французский ученый Оливье Руа назвал это «крахом политического ислама».[106] Мусульманское общество в двадцатом веке оказалось разделенным между двумя конфликтующими структурами. С одной стороны, это клан, племя, этнос. С другой — государство и религия. Выбор лежит между верностью малой группе и верой, лояльностью своему племени и лояльностью *умме,* а не

государству[107]. Афганским исламистам не удалось разрешить это противоречие.

Талибан был создан как исламское реформаторское движение. На протяжении всей истории мусульманского мира реформаторские движения изменяли как основания веры, так и основания политической и общественной жизни, мусульманские кочевые племена разрушали мусульманские империи, преобразовывали их, а затем и сами оседали в городах и подвергались разрушению. Возможность политических перемен осуществлялась через концепцию джихада. Западная мысль под влиянием крестоносцев Средневековья описывает джихад как войну ислама против неверных. Но по существу джихад есть внутренняя борьба мусульманина за самосовершенствование, за то, чтобы самому стать лучше и помочь своей общине. В джихаде проверяется, насколько человек послушен Богу и выполняет Его волю на земле. «Джихад есть внутренняя борьба за нравственную дисциплину, приверженность исламу и политическому действию»[108].

Ислам также одобряет восстание против неправедного правителя, независимо от того, мусульманин он или нет, и джихад есть механизм, мобилизующий на борьбу за перемены. Так, жизнь Пророка стала образцом джихада, безупречного поведения мусульманина и его политического действия: Пророк, исполненный гнева и морального негодования, восстал против развращенного арабского общества, в котором он жил. Следовательно, талибы действовали в духе джихада Пророка, когда они выступили против окружавших их алчных полевых командиров. Но джихад не дает права убивать единоверных мусульман за их этническую или религиозную принадлежность, и именно такая интерпретация джихада талибами отталкивает непуштунов. Хотя талибы и заявляют, что борются против развращенных и порочных мусульман, с точки зрения национальных меньшинств талибы используют ислам как ширму для уничтожения непуштунов.

Интерпретация талибами ислама, джихада и преобразования общества была аномальным явлением в Афганистане, поскольку они не следовали ми одному из направлений исламизма, появившихся во время антисоветской войны. Талибы не были ни радикальными исламистами, последователями «Братьев-мусульман», ни суфийскими мистиками, ни традиционалистами. Они не попадали ни в одну из частей спектра исламских идей и движений, возникших в Афганистане между 1979 и 1994 годами. Можно сказать, что вырождение и кризис доверия ко всем трем направлениям (радикальный исламизм, суфизм и традиционализм), их сползание к неприкрытой, бесстыдной борьбе за власть создало идеологический вакуум, который и был заполнен Талибаном. Талибы не представляли никого, кроме себя, и не признавали никакого ислама, кроме своего собственного. У них было свое собственное идеологическое основание — крайняя форма деобандизма, проповедовавшегося пакистанскими исламскими партиями в афганских лагерях беженцев в Пакистане. Деобандизм,

ответвление ханафитского направления суннизма, имел свою историю в Афганистане, но его интерпретация талибами не имеет параллелей нигде в мусульманском мире.

Возникнув в Британской Индии, деобандизм был не реакционным, а передовым движением за реформы и объединение мусульманского общества в то время, когда оно пыталось существовать внутри колониального государства, управляемого немусульманами. Его главными идеологами были Мохаммад Казим Нанотави (1833–1877) и Рашид Ахмад Гангохи (1829–1905), основатели первого *медресе* в Деобанде, неподалеку от Дели. Восстание сипаев 1857 года было этапным событием для индийских мусульман, возглавивших его и потерпевших поражение. Философские и религиозные течения, родившиеся среди мусульман Индии после восстания, были попытками восстановить их позиции в обществе — начиная деобандистами и кончая прозападными реформаторами, создавшими мусульманский университет Алигар. В этом университете, устроенном по британскому образцу, наряду с исламом преподавались гуманитарные и естественные науки, что давало возможность мусульманской молодежи догнать своих британских правителей и соперничать с растущей индусской элитой.

Все эти реформаторы считали образование основным фактором для формирования нового, современного мусульманина. Деобандисты ставили перед собой цель подготовить новое поколение образованных мусульман, которые бы возродили ценности ислама, основываясь на научном знании, духовном опыте, законах шариата и суфийском *тарикате*, или пути. Обучая своих студентов толкованию шариата, они старались согласовать классические тексты с современными реалиями. Деобандисты ограничивали роль женщин, отрицали любые формы иерархии в мусульманской общине и отвергали шиизм — но талибы исповедовали все это в таких крайних формах, с которыми не согласился бы никто из первоначальных деобандистов. Деобандисты создали сеть *медресе* по всей Индии, и афганские студенты, сами пытавшиеся понять, как ислам может сочетаться с колониализмом, приезжали туда на учебу. В 1879 году в Индии было 12 деобандийских *медресе*, и среди студентов было множество афганцев, хотя последних считали «вспыльчивыми и мятежными».[109] В 1967 году, когда Деобанд отмечал столетие со дня своего основания, в Южной Азии было 9000 деобандийских *медресе*.

В начале XX века правительство Афганистана хотело наладить сотрудничество с Деобандом и построить у себя сеть современных *медресе*, контролируемых государством. *Улемы* из *медресе* в Деобанде побывали в Кабуле в 1933 году на коронации Захер Шаха и сказали, что Деобанд хочет «готовить таких *улемов*, которые в изменяющихся условиях современности могли бы содействовать свободному правительству в исламском мире и честно работать для государства».[110] Афганское правительство основало несколько

деобандийских *медресе*, но они не пользовались большой популярностью даже в пуштунских районах.

Намного быстрее деобандийские *медресе* распространялись в Пакистане после создания последнего в 1947 году. Деобандисты создали *ДУИ*, чисто религиозное движение, целью которого была пропаганда их воззрений и мобилизация общины верующих. В 1962 году лидер *ДУИ* в Северо-Западной Пограничной Провинции (СЗПП) маулана Гулям Гаус Хазарви превратил *ДУИ* в политическую партию, после чего она вскоре распалась на несколько фракций. Маулана Муфтий Махмуд, динамичный вождь, возглавил пуштунскую фракцию *ДУИ* в СЗПП и преобразовал ее в духе популизма. ДУИ под руководством Махмуда сыграла ведущую роль на выборах 1970 года, поднимая избирателей против военного режима. Махмуд сочинил исламскую программу из 22-х пунктов, сочетавшую требование прогрессивных изменений в обществе с резким антиамериканизмом и антиимпериализмом. Во время предвыборной кампаний *ДУИ* вступила в конфликт с *Джамаат-и-Ислами*, и раскол между двумя крупнейшими исламскими партиями сохраняется и сегодня.[111]

История пакистанской *ДУИ* не является темой нашего рассказа, но убеждения деобандистов оказали первостепенное влияние на религию и идеологию Талибана. В 80-е годы афганская политика Пакистана определялась при помощи *Джамаат-и-Ислами* и хекматьяровской *Хизб-и-Ислами*, основных соперников *ДУИ* в Пакистане. Связи *ISI* с *Джамаат-и-Ислами* служили важным инструментом распределения помощи между моджахедами. *ДУИ*, возглавлявшаяся тогда мауланой Фазлур Рахманом, сыном Муфтия Махмуда, не имела никакого политического веса, а на небольшие группы моджахедов-деобандистов не обращали внимания.

Несмотря на это, *ДУИ* воспользовалась этим временем для создания сотен *медресе* в зоне племен в СЗПП и Белуджистане, в которых молодые пакистанцы и афганские беженцы могли получить бесплатное обучение, еду, кров и военную подготовку. Эти *медресе* должны были готовить новое поколение афганцев для постсоветской жизни. Хотя деобандисты не имели политической поддержки, военное правительство Зия-уль-Хака финансировало все *медресе*, независимо от их направления. В 1971 году в Пакистане было всего *медресе*, а к концу правления Зия-уль-Хака в 1988 году — 8000 официальных и 25 000 незарегистрированных *медресе*, в которых училось более полумиллиона воспитанников. По мере распада пакистанской системы государственных школ *медресе* оставались для детей бедноты единственной возможностью получить какое-то подобие образования.[112]

Большинство этих *медресе* находилось в сельских районах и лагерях беженцев и управлялось полуобразованными муллами, далекими от изначальных реформаторских установок Деобанда. В их понимании шариат сильно напоминал *пуштунвали*, племенной кодекс чести пуштунов, а деньги из Саудовской Аравии и изначальные симпатии деобандистов к ваххабитам

воспитали у многих молодых бойцов весьма циничное отношение к тем, кто вел джихад против Советов. После взятия Кабула моджахедами в 1992 году пакистанская разведка продолжала игнорировать растущее влияние ДУИ на южных пуштунов. У себя дома *ДУИ* оставалась в политической изоляции, будучи в оппозиции к первому кабинету Беназир Бхутто (1988–1990) и к первому кабинету Наваза Шарифа (1990–1993).

Но в 1993 году *ДУИ* присоединилась к победившей Пакистанской Народной партии во главе с Беназир Бхутто и стала, таким образом, частью правящей коалиции.[113] Появление *ДУИ* в коридорах власти впервые позволило ей установить тесные связи с военными, разведкой и МВД, руководимым отставным генералом Назируллой Бабаром. Бабар искал новую пуштунскую партию, которая могла бы возродить пакистанское влияние в Афганистане и дать пакистанским торговцам доступ в Среднюю Азию через южный Афганистан. ДУИ дала ему такую возможность. Лидер ДУИ маулана Фазлур Рахман стал председателем постоянного комитета по иностранным делам Национальной Ассамблеи, что впервые позволило ему влиять на внешнюю политику. Он воспользовался своим положением, чтобы посетить Вашингтон и европейские столицы, где он отстаивал интересы Талибана, а также Саудовскую Аравию и страны Персидского залива, чтобы получить от них финансовую поддержку.

В отсутствие жесткой иерархии или возможности для образованных и уважаемых мулл основать свое *медресе* традиция Деобанда привела к возникновению десятков экстремистских фракций, отколовшихся от ДУИ. Наиболее значительной фракцией, отколовшейся от *ДУИ,* была группа мауланы Самуила Хака, духовного и политического лидера, бывшего депутатом Национального собрания и сенатором. Его *медресе*, Дар-уль-Улум Хаккания, стало основным питомником для вождей Талибана. В 1999 году по меньшей мере восемь министров кабульского правительства закончили Хаккания, а десятки других его выпускников занимали посты губернаторов, военачальников, судей и чиновников.[114] Вожди двух традиционных партий моджахедов, Юнус Халес и Мохаммад Наби Мохаммади, также учились в Хаккания.

Хаккания находится в местечке Ахора Хатак в СЗПП. Множество зданий разбросано вокруг шоссе, соединяющего Исламабад и Пешавар. Имеется интернат на 1500 человек, средняя школа на 1000 учеников и 12 филиалов — малых *медресе*. Хаккания была основана в 1947 году отцом Самуила Хака, мауланой Абдул Хаком, который учился и преподавал в Деобанде. Хаккания предлагает восьмилетний курс магистра искусств по исламским исследованиям и степень доктора философии после добавочных двух лет обучения. *Медресе* существует на пожертвования и не берет плату за обучение.

В феврале 1999 года *медресе* получило более 15 000 заявок на 400 мест, это был самый большой конкурс среди *медресе* Северного Пакистана. Самуил Хак, жизнерадостный, но глубоко верующий человек с редкостным чувством юмора

и длинной рыжей крашеной бородой, говорил мне, что *медресе* всегда оставляет около 400 мест для студентов из Афганистана. Начиная с 1991 года, оно принимает по 60 студентов из Таджикистана, Узбекистана и Казахстана, которые обычно принадлежат к исламской оппозиции и не имеют ни виз, ни паспортов.

Хак до сих пор с горечью говорит о пренебрежении, с которым к нему долгое время относилась пакистанская разведка. «Разведка всегда поддерживала Хекматьяра и кази Хуссейна Ахмада [лидера *Джамаат-и-Ислами],* а на нас не обращали внимания, хотя 80 процентов командиров, воевавших против русских в пуштунских районах, учились в Хаккания», — говорил он, сидя в своем кабинете на ковре в окружении бородатых студентов с прошениями о зачислении в руках. «Хекматьяра поддерживало 5 процентов населения, но он имел 90 процентов военной помощи от *ISI*, Нас никогда не признавали, но когда появился Талибан, то дело помощи афганскому народу свалилось к нам в руки», — закончил он, широко улыбаясь.[115]

«До 1994 года я не был знаком с Муллой Омаром, поскольку он не учился в Пакистане, но те, кто окружал его, все были из Хаккания и часто приезжали ко мне обсудить, что следует делать. Я не советовал им создавать партию, потому что пакистанская разведка все еще пыталась настраивать партии моджахедов друг против друга и сохранить раскол между ними. Я сказал им, что нужно основать студенческое движение. Когда возникло движение Талибан, я сказал разведке: теперь пускай студенты заберут себе Афганистан», — говорил Хак. Самуил Хак глубоко уважал Муллу Омара. «Я впервые встретил Омара в Кандагаре в 1996 году, и я был горд тем, что его избрали вождем правоверных (Амир-уль-Муминиин). У него не было ни денег, ни связей, ни знатного происхождения, но он пользовался большим уважением, чем кто-либо другой, и Аллах избрал его их вождем. Ислам учит, что тот, кто может принести мир, может быть избран эмиром. Когда исламская революция придет в Пакистан, то ее возглавит не старик вроде меня, а такой же никому не известный человек из народа».

Самуил Хак постоянно держит связь с Омаром, помогая ему в международных делах и давая советы по важным вопросам шариата. Он — один из основных организаторов вербовки пакистанских студентов в ряды талибов. После поражения Талибана в Мазари-Шарифе в 1997 году Мулла Омар позвонил ему и попросил о помощи. Хак закрыл свое *медресе* и послал всех студентов воевать за Талибан. После битвы за Мазари-Шариф в 1998 году Хак организовал встречу лидеров Талибана с руководством 12-ти *медресе* в СЗПП, чтобы набрать подкрепления для армии талибов. Все *медресе* согласились закрыться на один месяц и послать 8000 студентов в Афганистан. Поддержка со стороны деобандийских *медресе* — один из главных источников силы талибов, не менее важный, чем поддержка пакистанского правительства или разведки.

Другая фракция ДУИ управляет Исламским университетом в городе Бинори под Карачи. Он был основан покойным маулави Мохаммад Юсуфом

Бинори и насчитывает 8000 студентов, несколько сот из которых афганцы. В нем учились несколько будущих министров правительства талибов. Он существует на пожертвования мусульман из 45 стран. «Средства, которые мы получаем, — дар Аллаха, — говорит преподаватель муфтий Джамиль. — Мы гордимся тем, что мы учили талибов, и мы всегда молимся за их успех, поскольку им удалось установить строгий исламский порядок».[116] В 1997 году Бинори послал 600 студентов на помощь талибам. В ноябре 1997 года, после убийства трех, преподавателей, студенты из Бинори устроили в Карачи погром. Они вступали в схватки с полицией, ломали автомобили, громили видеосалоны и избивали фотографов. Впервые самый большой и космополитичный город Пакистана испытал на себе беспорядки в стиле Талибан.

Другая экстремистская фракция, отколовшаяся от ДУИ, *Сипах-и-Сахаба Пакистан* (ССП), самая яростная антишиитская группа в Пакистане, пользуется поддержкой талибов. После того как члены *ССП* убили несколько сотен шиитов, правительство решило разгромить *ССП*. Тогда вожди *ССП* бежали в Кабул, где им было предоставлено убежище.

Сотни членов *ССП* проходили подготовку на тренировочной базе неподалеку от города Хост, созданной талибами и бин Ладеном. В 1998 году американцы обстреляли ее крылатыми ракетами. Тысячи членов *ССП* воевали на стороне Талибана.

ДУИ получила большие выгоды от своего покровительства талибам. Впервые она приобрела международный престиж и влияние как один из главных покровителей исламского радикализма. Ни пакистанское правительство, ни разведка, ни Саудовская Аравия, ни страны Персидского Залива не могли больше игнорировать ее. Базы в Афганистане, руководимые ранее Хекматьяром, были захвачены талибами и переданы фракциям *ДУИ*, в частности *ССП*, чтобы служить убежищем и местом для подготовки моджахедов из других стран. В 1996 году Талибан передал тренировочный лагерь «Аль-Бадр» неподалеку от города Хост на пакистано-афганской границе движению *Харакат-уль-Ансар* под руководством Фазлур Рахман Халила. Это еще одна группа, отколовшаяся от *ДУИ* и известная своей крайней воинственностью. Ее члены воевали в Афганистане, Кашмире, Чечне и Боснии.[117] Через два года лагерь был атакован американскими крылатыми ракетами.

Прочность связей между Талибаном и некоторыми из крайних пакистанских деобандистов обусловлена их общей идеологией. Некоторые руководители деобандистов по обе стороны границы происходят из пуштунского племени дуррани, живущих вокруг Кандагара и пакистанского Чамана. Традиция Деобанда не признает племенную и феодальную иерархию, откуда идет и недоверие талибов к вождям племен и кланов, которых они лишили всякого влияния. И тех, и других объединяет вражда к шиитам и Ирану. Сейчас пакистанские деобандисты желают совершить в Пакистане исламскую революцию в стиле Талибан.

Талибы явно отошли от деобандийской традиции учености и реформ, поскольку для них всякое сомнение есть грех, а любой спор — почти что ересь. Но, совершив это, они выдвинули новую, радикальную и угрожающую всем правительствам региона модель исламской революции. Хекматьяр и Масуд не противились модернизации. Талибан, напротив, решительно противится модернизации и не имеет ни малейшего желания понять или принять современные идеи прогресса и экономического развития.

Талибы плохо знают историю ислама и Афганистана, шариат и Коран, политические и идейные изменения в мусульманском мире на протяжении двадцатого века. Если исламский фундаментализм двадцатого века имеет долгую историю учености и полемики, талибы не имеют этой традиции и лишены этой перспективы. Талибан не создал никакой исламской программы или научного анализа исламской или афганской истории. Их знания о мире радикального ислама минимальны, а понимание собственной истории — еще меньше. Это порождает обскурантизм, не допускающий никакого спора даже со своими единоверцами.

Созданная талибами модель чистой исламской революции имела огромные последствия в Пакистане и, в меньшей степени, в республиках Средней Азии. Пакистан, уже будучи хрупким государством, переживающим кризис идентичности, развал экономики, страдающим из-за этнических и межобщинных противоречий и коррумпированной правящей элиты, которая неспособна нормально управлять страной, стоит сейчас перед призраком нового исламского наступления, руководимого не традиционными и привычными исламскими партиями, а новыми группами неоталибов.

К 1998 году пакистанские талибы запрещали смотреть телевизор и видео в городах пуштунского пояса, вводя шариатские казни наподобие побиения камнями и отрубания конечностей, пренебрегая светскими законами, убивали шиитов и заставляли людей, в особенности женщин, одеваться согласно предписаниям талибов и вести соответствующий образ жизни. Поддержка талибов больно ударила по самому Пакистану, хотя руководители страны старались не замечать этого и продолжали поддерживать Талибан. В Средней Азии, в особенности в Узбекистане и Таджикистане, полиция охотится за неоталибами в Ферганской долине.

Талибы явили мусульманскому миру и Западу новый тип исламского экстремизма, отвергающего любые компромиссы с умеренным исламом и с Западом. Отказ талибов пойти на соглашение с учреждениями ООН и странами-донорами или поступиться своими принципами в обмен на международное признание, отвержение ими мусульманских правящих элит за их продажность возбудили споры во всем мусульманском мире и вдохновили молодое поколение исламистов. Талибы произвели на свет новый исламский фундаментализм грядущего тысячелетия — бескомпромиссный и не признающий никакой другой политической системы, кроме своей собственной.

Глава 7. Тайное общество
Военная и политическая организация талибов

Единственным обстоятельством, могущим воодушевить простых афганцев и внушить им надежду на то, что талибы принесут с собой мир, был их обычай коллективного руководства и принятия решений по общему согласию, а не волей одного вождя. На Шуре талибов в Кандагаре утверждалось, что она следует раннеисламской модели достижения согласия среди правоверных путем дискуссии, для которой необходимо прислушиваться к народному мнению и быть ближе к народу. Идея Шуры во многом основывалась на пуштунской племенной джирге, или совете, на котором все вожди кланов решали важные вопросы жизни племени. Во время своих ранних приездов в Кандагар я был впечатлен тем, как командиры, муллы и простые бойцы спорили всю ночь напролет до тех пор, пока Мулла Омар не принимал решения.

Многие афганцы были вдохновлены тем, что сначала талибы не требовали власти для себя. Напротив, они утверждали, что их задача — восстановить законность и порядок, а затем — передать власть правительству «добрых мусульман». Но несмотря на это в период между 1994 годом и взятием Кабула в 1996 году процесс принятия решений внутри Талибана сильно изменился и стал жестко централизованным, секретным, авторитарным и недоступным для народа.

По мере того как Мулла Омар становился все более могущественным и замкнутым человеком, отказываясь путешествовать по стране и встречаться с подчиненными ему людьми, властная структура движения стала повторять все ошибки своих предшественников — моджахедов и коммунистов. Более того, после 1996 года талибы обнародовали свое желание править Афганистаном единолично, без участия других группировок. Они утверждали, что этническое разнообразие страны достаточно представлено внутри самого движения Талибан, и встали на путь полного завоевания страны, чтобы доказать это.

Надежды, возлагавшиеся на талибов, были прямым результатом разложения руководства моджахедов. Во времена джихада руководство моджахедов, расположенное в Пешаваре, пребывало в постоянной междоусобице фракций и лидеров. Партии удерживались от распада не организационной структурой, а волей харизматического вождя или военачальника. В ходе войны эти вожди попадали во все возрастающую зависимость от западных денег и оружия. Им приходилось буквально покупать лояльность своих полевых командиров и бойцов в самом Афганистане, постоянно конфликтуя друг с другом в Пешаваре.

Пакистан лишь подбрасывал дров в огонь раздора. Генерал Зия-уль-Хак командовал пакистанскими войсками в Иордании в 1970 году и помог королю

Хуссейну разбить палестинцев. Он познал на собственном опыте ту угрозу, которую может представлять единое партизанское движение для государства, давшего ему убежище. Поддерживая раскол среди моджахедов и не давая им объединиться вокруг одного вождя, Зия-уль-Хак держал их руководителей в зависимости от щедрот Пакистана и Запада. Но когда в 1989 году советские войска ушли из Афганистана и Пакистану нужно было представить внятную политическую альтернативу коммунистическому режиму в Кабуле, равно как и в 1992 году, раскол между пешаварскими партиями был настолько глубоким, что преодолеть его не удавалось даже очень большими взятками. Этот раскол оказал сильное воздействие на политическое будущее Афганистана, исключив возможность создать правительство путем консенсуса.

Вторым элементом руководства антисоветским сопротивлением были полевые командиры, все более недовольные расколом и коррупцией в Пешаваре и тем, что они часто оказывались заложниками в спорах своих вождей и не получали необходимых денег или оружия. Но военная обстановка требовала от них взаимодействия, какая бы борьба ни велась между пешаварскими партиями.

Полевые командиры страстно желали большего организационного единства. Исмаил Хан организовал первую всеафганскую конференцию полевых командиров в провинции Гор в июле 1987 года. На нее собрались более 1200 полевых командиров. Они приняли более 20 решений, и самым важным из них было требование, чтобы они, а не пешаварские лидеры, осуществляли политическое руководство. «Право определять будущую судьбу Афганистана имеют наследники мучеников и мусульмане в окопах, сражающиеся в кровавых боях и готовые к мученичеству. Никто другой не уполномочен принимать решения, определяющие участь нации».[118]

Около 300 полевых командиров снова собрались в провинции Пактия в июле 1990 года и в Бадахшане в октябре того же года. Однако национальная рознь, личное соперничество и желание первыми войти в Кабул в 1992 году положило конец достигнутому было согласию. Битва за Кабул обнажила противоречия между севером и югом, равно как и между пуштунами и другими народностями. Неспособность Ахмад Шаха Масуда пойти на компромисс с пуштунскими полевыми командирами, бывшими в оппозиции к Хекматьяру, даже после взятия Масудом в 1992 году Кабула, сильно повредила его репутации как политика. Ему не удалось вернуть себе доверие пуштунов до тех лор, пока талибы не завоевали север страны в 1998 году.

Третий уровень руководства сопротивлением — это ученые, интеллектуалы, бизнесмены и специалисты, бежавшие из Кабула в Пешавар. Многие из них остались независимыми и отстаивали единство всех оппозиционных сил. Но ни лидеры пешаварских партий, ни Пакистан никогда не давали этим образованным афганцам играть серьезную роль в политике. Вследствие этого многие из них уехали из Пакистана и пополнили диаспору афганских профессионалов. Они оказались на обочине афганской политики и не

оказывали никакого влияния на то, что происходило на их родине. И когда в 1992 году они были нужны, чтобы помочь восстановить страну, они оказались недоступны.[119] Пуштунское духовенство и преподаватели *медресе* рассеялись среди движения сопротивления. Кто-то оказался в руководстве пешаварских партий, кто-то стал полевым командиром, но они не представляли собой единого целого внутри движения, и даже их личный авторитет к 1992 году значительно уменьшился. *Улемы* были готовы к тому, чтобы Талибан подобрал их.

Когда в 1994 году возник Талибан, ему противостояла только прежняя, вечно дерущаяся, верхушка сопротивления, и президенту Бурхануддину Раббани не удалось ее объединить. В пуштунских землях был полный вакуум власти, а юг был растерзан главарями разных банд. Талибы справедливо считали, что прежние лидеры моджахедов разложились и их нужно устранить. Хотя талибы и относились с почтением к некоторым из лидеров духовенства, бывшим прежде их духовными наставниками, они не позволили им играть какую-либо политическую роль. Талибы не испытывали никаких симпатий и к независимым полевым командирам, которых они обвиняли в разгроме, постигшем пуштунов после 1992 года. Никто из заметных полевых командиров, сдавшихся талибам, не сделал у них военной карьеры. Талибы полностью отвергли афганских интеллектуалов и специалистов, поскольку считали их продуктом ненавистного им западного или советского образования.

Появление Талибана случилось в счастливое для него время, когда коммунистическая властная структура полностью разложилась, вожди моджахедов были дискредитированы, а племенная верхушка — уничтожена. Талибам не составило труда смести прочь немногих оставшихся пуштунских вождей. После этого среди пуштунов не осталось никого, кто мог бы бросить вызов талибам. Теперь у них была возможность создать организацию на основе принципов племенной демократии, опираясь на поддержку низов. Используя ислам как фактор собственной легитимности, Талибан мог помочь народу, но у него не было ни способности, ни желания это делать.

В то же время талибы отказались создать механизм, в который они могли бы включить представителей других народностей, кроме пуштунов. Их преобладание в пуштунских районах могло бы дать им преимущество на севере только в том случае, если бы талибам хватило гибкости соединить сложную мозаику афганской нации под коллективным руководством нового типа. Вместо этого талибы в конечном счете создали тайное общество, руководимое кандагарцами и столь же таинственное, секретное и диктаторское, как правительство «красных кхмеров» в Камбодже или Саддама Хуссейна в Ираке.

Центральный руководящий орган Талибана — Верховный Совет (Шура), по-прежнему находившийся в Кандагаре, городе, который Мулла Омар покинул только один раз (чтобы побывать в Кабуле в 1996 году) и который стал новым центром власти Афганистана. В Шуре преобладали старые друзья и товарищи Омара, в основном пуштуны из племени дуррани, которых теперь называли

«кандагарскими», несмотря на то, что они происходили из трех провинций — Кандагар, Гильменд и Урузган, Первоначально Шура состояла из десяти членов (см. Приложение 2), но так как военачальники, старейшины и *улемы* также участвовали в заседаниях Шуры, то она оставалась аморфной и число участников доходило до 50.

Из десяти первых членов Шуры шесть были пуштунами-дуррани и лишь один, маулави Сайед Гийасуддин, являлся бадахшанским таджиком (он долго жил среди пуштунов). Этого было достаточно до тех пор, пока Талибан оставался в пределах пуштунских районов, но после захвата Герата и Кабула Шура оказалась совершенно нерепрезентативной. Кандагарская Шура никогда не расширялась в достаточной степени, чтобы представлять пуштунов-гильзаев или непуштунов. Она осталась узкой по своему составу и по своим задачам: и не была способна выражать общенациональные интересы.

Две другие Шуры были подотчетны Кандагарской Шуре. Во-первых, совет министров, или Кабульская Шура. Во-вторых, военный совет, или Военная Шура. Из 17 членов Кабульской Шуры в 1998 году минимум восемь были пуштуны-дуррани, трое — гильзаи и всего двое не были пуштунами (см. Приложение 2). Кабульская Шура занимается повседневными вопросами управления городом и кабульским фронтом, но самые важные вопросы передаются на рассмотрение Кандагарской Шуры, которая и принимает решение. Даже мелкие решения Кабульской Шуры и ее руководителя, муллы Мохаммада Раббани, например, выдача пропусков для журналистов или новые ооновские проекты помощи, часто отменяются Кандагарской Шурой. Вскоре Кабульская Шура, номинально считавшаяся правительством Афганистана, не могла ничего решить без долгих консультаций с Кандагаром, что затягивало процесс до бесконечности.

Представители Талибана в Кабуле, Герате, а позднее и в Мазари-Шарифе, ни в одном из которых пуштуны не имели большинства, губернатор, мэр, начальник полиции и другие старшие чиновники — всегда были кандагарскими пуштунами, не говорившими на дари, местном *lingua franca*[120], или говорившими на нем плохо. Никто из уважаемых местных граждан не вошел в соответствующий совет. Единственное, в чем талибы проявили гибкость, так это в назначении губернаторов. Из 11 губернаторов 1998 году только четверо были кандагарцами.[121] В прошлом губернаторы и старшие чиновники назначались из местной элиты, что отражало этнический состав населения. Талибы порвали с этой традицией и назначали чужаков.

Несмотря на это, объем полномочий губернаторов при талибах существенно сократился. Из-за скудности провинциального бюджета они не были способны осуществлять значительные экономические проекты или помогать беженцам, возвращавшимся из Ирана и Пакистана, что еще значительнее уменьшало их роль в политике и в обществе. Мулла Омар также

держал их под контролем и не позволял им укореняться. Он постоянно менял их и посылал на войну в качестве командующих.

После поражения в Мазари-Шарифе в 1997 году командиры-гильзаи начали роптать на то, что с ними не советуются при принятии военных или политических решений, хотя большую часть бойцов дают именно гильзаи. В Мазари-Шариф талибы потеряли около 3000 своих лучших воинов, 3600 были взятье в плен, а десять человек из высшего руководства убиты или захвачены. Поэтому талибы были вынуждены вербовать новых рекрутов из гильзаев Восточного Афганистана, но при этом талибы не были готовы поделиться с ними властью или включить их в состав Кандагарской Шуры. А гильзаи все меньше хотели быть пушечным мясом и сопротивлялись набору.

Военная структура Талибана окутана еще большей секретностью. Главой вооруженных сил является Мулла Омар, хотя его роль и положение ясно не обозначены. Ему подчиняются начальник генерального штаба и начальники штабов армии и ВВС. Существует как минимум четыре дивизии и танковый дивизион в Кабуле. Однако нет никакой ясной воинской организации с иерархией офицеров и командиров, а командиры частей постоянно меняются местами. Например, командование экспедиционного корпуса Талибана в Кундузе — единственное соединение, оставшееся на севере после разгрома 1997 года, — сменялось не менее трех раз за три месяца, а больше половины состава корпуса было отозвано, переброшено в Герат и заменено на менее опытных пакистанских и афганских бойцов. Военная Шура — рыхлый орган, отвечающий за планирование и принимающий тактические решения, но лишенный, по всей видимости, права принимать стратегические решения. Вопросы военной стратегии, основные кадровые назначения и распределение ресурсов для наступления — все это решает Омар.

Кроме всеобщей воинской повинности, введенной Талибаном, отдельные командиры из некоторых районов, заселенных пуштунами, лично отвечают за вербовку людей, выплату им жалования и обеспечение их всем необходимым. Необходимые для этого деньги, горючее, продовольствие, транспорт, оружие и боеприпасы они получают у Военной Шуры. Состав частей постоянно обновляется, поскольку одни члены семьи сменяют других, давая им возможность уезжать домой в длительные отпуска. Регулярная армия талибов никогда не превосходила 25–30 тысяч человек, хотя это число могло быть быстро увеличено перед очередным наступлением. В то же самое время студенты пакистанских *медресе*, которые к 1999 году составляли около 30 процентов живой силы талибов, также служили очень недолго, после чего возвращались домой, и на их место приходили новые рекруты. И все-таки этот хаотичный способ комплектования не давал возможности создать регулярную дисциплинированную армию. Этим талибы отличались от Масуда, располагавшего 12–15 тысячами отменного войска.

Сами по себе талибы походили на *лашкар*, или традиционное племенное ополчение, часто встречающееся в истории пуштунов. *Лашкар* быстро собирается по приказу монарха, или для зашиты территории племени, или для участия в междоусобной войне. Вступающие в ополчение — добровольцы, они не получают никакого жалования, но имеют право на долю во всякой добыче, взятой у врага. Напротив, у талибов мародерство было запрещено, и вначале при захвате новых городов они демонстрировали превосходную дисциплину, хотя после поражения в Мазари-Шарифе это было уже не так.

Большинство бойцов Талибана не получали жалования, и командир сам решал, платить или не платить своим людям, когда они уезжали домой в отпуск. Жалование получали только те, кто были профессиональными солдатами, набранными из бывшей армии коммунистов. Эти пуштуны — танкисты, артиллеристы, летчики и механики — были простыми наемниками и служили всякому, кто стоял у власти в Кабуле.

Некоторые члены Военной Шуры также исполняли обязанности министров, что создавало еще больший хаос в кабульской администрации. Так, министр здравоохранения мулла Мохаммад Аббас был заместителем командира экспедиционного корпуса, попавшего в ловушку на севере после поражения в Мазари-Шарифе. Затем он был отозван и послан в Герат для организации нового наступления и, наконец, вернулся в Кабул после шестимесячного отсутствия, что привело в полное отчаяние работавшие с ним благотворительные учреждения ООН. Мулла Эхсанулла Эхсан, управляющий Центральным Банком, командовал элитным отрядом из 1000 кандагарцев, вследствие чего уделял совсем немного внимания финансовой работе, и погиб в Мазари-Шарифе в 1997 году. Мулла Абдур Разак, губернатор Герата, попавший в плен в Мазари-Шарифе в 1997 году и впоследствии освобожденный, руководил военными операциями по всей стране начиная с 1994 года. Почти все члены Кандагарской и Кабульской Шуры, кроме инвалидов, принимали участие в боях и занимали командные должности.

В каком-то смысле это придавало замечательную гибкость иерархии талибов, поскольку ее вожди были одновременно и генералами, и администраторами и находились в постоянном контакте с бойцами. Но тем не менее администрация талибов, особенно в Кабуле, сильно страдала от этого. Когда министр на фронте, его министерство не принимает никаких решений. Из-за этой системы ни один министр не мог приобрести достаточно профессиональных навыков или оказывать покровительство своим близким. Мулла Омар мигом послал бы слишком могущественного министра обратно на фронт. Но в итоге страна оказалась без правительства, а руководство движения не имело понятного распределения обязанностей среди своих членов.

Избыточная закрытость талибов была большим препятствием, для завоевания политического доверия в городах, у иностранной прессы, благотворительных организаций и международного сообщества. Даже после

взятия Кабула талибы отказались объявить, как они собираются устроить народное представительство или способствовать экономическому развитию. Настойчивые требования талибов признать их законным правительством страны в отсутствие понятно устроенных органов власти лишь увеличивали сомнения международного сообщества в их способности управлять государством. Пресс-секретарь Кабульской Шуры, Шер Мохаммад Станакзай, относительно любезный и говорящий по-английски пуштун-гильзай из провинции Логар, учившийся в Индии на полицейского, был лицом Талибана для благотворительных организаций и иностранных корреспондентов. Но все быстро поняли, что Станакзай не имеет никакой реальной власти и не может даже попасть на прием к Мулле Омару, чтобы передать послание и получить ответ. Вследствие этого его работа потеряла всякий смысл, поскольку благотворительные организации даже не знали, доходят *ли их* слова до Муллы Омара.

Талибы увеличили путаницу, устроив чистку кабульского чиновничества, нижние слои которого оставались на своих местах с 1992 года. Талибы заменили всех таджиков, узбеков и хазарейцев среди старших чиновников пуштунами, независимо от квалификации последних. В результате потери квалифицированных кадров министерства практически прекратили работать.

Работа в министерствах была организована совершенно неописуемым образом. Независимо от того, насколько серьезным было военное или политическое положение, правительственные учреждения в Кабуле и Кандагаре работали всего по четыре часа в день, с 8 утра до полудня. Затем талибы устраивали перерыв для молитвы и долгую сиесту. Потом начинались продолжительные собрания и ночные совещания. На столах у министров не было никаких бумаг, а в правительственных учреждениях не было посетителей. В то время, когда сотни кадровых талибов и чиновников участвовали в движении за отращивание длинных бород у мужской части населения, в министерствах никто не отвечал ни на какие запросы. Население больше ничего и не ожидало от них, а в отсутствие какого-либо народного представительства в городах Талибан стал представляться скорее оккупационной властью, а не администрацией, желающей завоевать доверие населения.

До сих пор талибы никак не объяснили, как будет устроено выборное правительство, будет ли конституция или нет и как они собираются разделить власть. У каждого из руководителей талибов имеется свое мнение на этот счет. «Талибан готов вести переговоры с оппозицией, по при условии, что никакие политические партии не будут в них участвовать. Большинство талибов пришло из политических партий, и мы знаем, что они только порождают раздоры. Ислам против всяких партий», — сказал мне один из министров. «Потом, когда наступит мир, народ сможет сам выбирать правительство, но прежде всего надо разоружить оппозицию», — сказал другой министр. Другие выступали за правительство, состоящее из одних талибов.[122]

После 1996 года власть полностью сосредоточилась в руках Муллы Омара, а Кандагарская Шура играла все меньшую и меньшую роль. Доверенное лицо Муллы Омара, Вакиль, сказал об этом: прямо. «Решения основываются на мнении Амир-уль-Муминиин. Для нас нет необходимости в совещаниях. Мы верим, что это соответствует шариату. Мы подчиняемся точке зрения Амира, даже если только он один разделяет ее. Не будет никакого главы государства. Вместо него будет Амир-уль-Муминиин. Мулла Омар будет верховной властью, и правительство не сможет ничего сделать против его воли. Всеобщие выборы противны шариату, поэтому мы их отвергаем».[123]

При проведении в жизнь своих решений Мулла Омар все меньше полагался на правительство в Кабуле и все больше — на кандагарское духовенство и на кабульскую религиозную полицию. Маулави Саид Мохаммад Пасанай, Председатель Верховного Исламского Суда в Кандагаре, который во времена джихада учил Муллу Омара основам шариата, стал главным советником Омара. Он утверждал, что покончил с беззаконием в стране, введя исламские наказания. «Мы имеем судей в 13-ти верховных судах 13-ти провинций, и там люди живут в мире и безопасности», — говорил он мне в 1997 году.[124] Восьмидесятилетний Пасанай рассказывал, что он более полувека судил в деревнях по исламскому закону, а во время джихада руководил применением шариата у моджахедов.

Кандагарский Верховный Исламский Суд стал главным судом страны из-за своей близости к Омару. Суд назначает исламских судей, или *кази*, и их помощников во все провинции и один или два раза в год собирает их в Кандагаре для обсуждения судебных дел и порядка применения законов шариата. Параллельная система существует в Кабуле, где находятся министерство юстиции и Верховный суд Афганистана. Верховный суд в Кабуле рассматривает около 40 дел в неделю и состоит из восьми коллегий, которые занимаются вопросами коммерческого, гражданского, уголовного и административного права, но его полномочия явно меньше, чем у кандагарского Верховного суда. Говорит Генеральный прокурор маулави Джалилулла Маулвизад: «Все законы приводятся в соответствие с исламом. Законы, противные исламу, отменяются. Потребуется несколько лет, чтобы проверить все старые законы и исправить их либо отменить».

Ухудшение положения в экономике и политическое отчуждение в районах, контролируемых Талибаном, и большие потери, понесенные талибами, привели к нарастанию внутренних противоречий. В январе 1997 года Талибан столкнулся с бунтом в самом Кандагаре из-за принудительного набора. По меньшей мере четверо вербовщиков было убито сельскими жителями, не желавшими служить в армии. Талибы были выбиты из нескольких кандагарских деревень после боя, вызвавшего потери с обеих сторон.[125] По словам старейшин, их юношам грозит смерть, если они пойдут в армию. «Талибы обещали нам мир, а принесли только войну», — сказал один из старейшин.[126] В июне талибы казнили в кандагарской тюрьме 18 дезертиров.[127] То же движение против набора

возникло в провинциях Вардак и Пактия. Принудительный набор увеличил непопулярность талибов и заставил их набрать больше людей из пакистанских *медресе* и лагерей беженцев.

Тем временем усилились противоречия между Кабульской и Кандагарской Шурой. В апреле 1997 года после визита американского посланника Билла Ричардсона глава кабульского правительства, мулла Мохаммад Раббани согласился выполнить пожелания Ричардсона, но на следующий день соглашение было отвергнуто Муллой Омаром. Мулла Раббани ушел в один из своих длительных отпусков. Ходили слухи, что он арестован. В октябре 1998 года талибы арестовали более 60 человек в Джелалабаде, крупном городе на востоке Афганистана, объявив о попытке переворота, предпринятой отставными офицерами — сторонниками генерала Шахнаваза Таная, пуштуна, дезертировавшего в 1990 году из армии Наджибуллы и присоединившегося к моджахедам. Его офицеры-пуштуны поддерживали Талибан и служили в армии талибов.[128] В декабре талибы убили одного и ранили еще нескольких студентов во время волнений на медицинском факультете Нангархарского университета в Джелалабаде. В городе прошли забастовки и выступления против талибов.

Растущее недовольство в Джелалабаде, по-видимому, подогревалось сторонниками умеренного муллы Раббани, который сделал этот город своей опорной базой. Могущественные джелалабадские торговцы, занимавшиеся контрабандной торговлей с Пакистаном, тоже хотели более либерального отношения со стороны талибов. После инцидентов в Джелалабаде мулла Раббани был вновь отозван из Кабула в Кандагар и пропал из виду на несколько месяцев. К началу 1998 года Кабульская Шура была готова повернуть политику в русло умеренности и дать возможность организациям ООН вернуться в Афганистан, чтобы города получали больше иностранной помощи. Руководители талибов в Кабульской и Джелалабадской Шуре видели растущее недовольство населения ростом цен, нехваткой еды и сокращением гуманитарной помощи. Несмотря на это, Мулла Омар и кандагарское руководство отказались разрешить увеличение помощи со стороны ООН и впоследствии вынудили ООН покинуть страну.

Зимой 1998–1999 годов солдаты Талибана были замечены в грабеже и мародерстве, что отражало падение дисциплины из-за экономических затруднений. После самого тяжелого из таких случаев в Кабуле в январе 1999 года за мародерство у шестерых солдат Талибана были отрублены правые руки и левые ноги. Затем власти развесили отрубленные конечности на деревьях в центре Кабула так, чтобы народ мог смотреть на них до тех пор, пока они не истлеют. Хотя внутренние противоречия и породили разговоры об ослаблении Талибана и возможности внутренней войны, непререкаемый авторитет Муллы Омара позволил ему сохранить полный контроль над движением.

Таким образом Талибан, как и его предшественники — *моджахеды,* пришел к диктатуре одного человека в отсутствие какой-либо организационной структуры или возможности участия для других народностей или представителей других взглядов. Борьба между умеренными и непримиримыми талибами ушла в подполье, так как никто из руководителей Талибана не осмелился противоречить Омару или выступить против него. Такое положение может привести к тому, что Талибан взорвется изнутри и начнется гражданская война между талибами, что приведет к новому расколу среди пуштунов и новым страданиям простых людей.

Глава 8. Однополое общество
Женщины, дети и культура талибов

Вряд ли кому-нибудь из кабульцев хотелось бы оказаться внутри полупустого офиса маулави Каламуддина в центре Кабула. Половине жителей это все равно не удалось бы, так как женщинам вход сюда запрещен. Имя и внешний вид этого огромного пуштуна с большими руками и ногами, длинным толстым носом, черными глазами и кустистой черной бородой, которая доходит до столешницы письменного стола, за которым он сидит, наводит страх на весь город. Поток инструкций, сочиненных им на посту главы религиозной полиции, круто поменял образ жизни некогда легкомысленных обитателей Кабула и вынудил афганских женщин прекратить появляться на публике.

Маулави Каламуддин руководит *Амар Биль Маруф Ва Нахи Ан Аль-Мункар*, иначе — Управлением насаждения добродетели и предотвращения порока. Сам он предпочитает другой перевод — Управление по делам благочестия. На улицах народ называет его молодых ревнителей благочестия, вооруженных плетками, длинными палками и автоматами Калашникова, религиозной полицией, или еще более пренебрежительно. В тот самый весенний день 1997 года, когда я брал у него одно из редких интервью, он как раз выпустил новые указания, запрещающие женщинам носить обувь на высоких каблуках, громко стучать подошвами и использовать косметику. «Женщинам в госпиталях запрещается модно одеваться и носить украшения. Женщины обязаны вести себя достойно, ходить спокойно и не стучать обувью по земле, что производит шум», — гласил указ. Как ревнители благочестия могли разглядеть обувь или косметику на женщинах, закутанных с ног до головы в черное покрывало — *бурка*, оставалось только гадать (см. Приложение I).

Новый указ закреплял прежние ограничения, запрещавшие женщинам работать, но теперь им запрещалось работать и в западных благотворительных организациях, кроме медицинских учреждений. «Женщинам не разрешается работать в любой области, кроме медицинских учреждений. Женщины, работающие в медицинских учреждениях, не должны сидеть рядом с водителем. Афганская женщина не может ехать в одной машине с иностранцем», — гласил указ. Обучение мальчиков в Кабуле тоже прекратилось, поскольку большинство учителей составляли женщины, которым запретили работать. Целое поколение афганских детей не получает никакого образования. Тысячи образованных семей бежали из Кабула в Пакистан, поскольку их детям стало негде учиться.

Я нервно спросил Каламуддина, на каком основании Талибан запрещает женщинам работать и учиться. «Наш народ проклянет нас, если мы не будем учить наших женщин, и в дальнейшем мы дадим им образование, но сейчас мы столкнулись с серьезными проблемами», — ответил он. Как многие муллы, он

говорил удивительно тихо, несмотря на свои размеры, и мне пришлось напрягаться, чтобы расслышать его. «Есть проблема безопасности. Пока что нет ни отдельного транспорта, ни отдельных зданий, ни других вещей, необходимых для обучения женщин. Женщины должны быть полностью отделены от мужчин. И среди нас есть мужчины, которые не могут вести себя с женщинами должным образом. Мы потеряли два миллиона человек в войне с Советами, потому что у нас не было законов шариата. Мы воевали за шариат, и теперь у нас есть организация, которая проводит его в жизнь. *Я* проведу его в жизнь, чего бы это ни стоило», — выразительно сказал Каламуддин.

Когда талибы в первый раз вошли в Кабул, религиозная полиция избивала мужчин и женщин в общественных местах за недостаточно длинную бороду или неправильное ношение *бурка*. «Мы советуем нашим людям не бить людей на улице. Мы лишь говорим людям, чтобы они вели себя согласно шариату. Например, если водитель хочет повернуть и врезаться в другую машину, мы просто советуем не поворачивать», — сказал Каламуддин и широко улыбнулся, видимо, довольный такой современной метафорой.

Управление создано по образцу подобной правительственной организации в Саудовской Аравии и держит на службе тысячи молодых людей, многие из которых получили лишь минимум образования в пакистанских *медресе*. Управление, самая эффективная из разведывательных служб талибов, подобно ХАДу, коммунистической тайной полиции 80-х годов. ХАД, позднее называвшийся ВАД, состоял из 15–30 тысяч профессиональных шпионов и имел 100 тысяч платных осведомителей.[129] Каламуддин признавал, что он располагает тысячами осведомителей в армии, министерствах, госпиталях и западных благотворительных организациях. «Все наши сотрудники имеют опыт в религиозных делах. Мы — независимая организация и не получаем указаний от Министерства юстиции или Верховного суда. Мы выполняем приказы эмира Муллы Мохаммада Омара».

Указы Каламуддина регулярно передаются по «Радио Шариат» (бывшее «Радио Кабул») и касаются всех сторон жизни населения (см. Приложение 1). Один из них регулирует поведение во время спортивных мероприятий, сначала вовсе запрещенных талибами. «Все зрители, подбадривая спортсменов, должны кричать „Аллах-у-Акбар“ [Аллах велик] и не стучать никакими предметами. Если наступает время молитвы, игра прерывается. Игроки и зрители молятся вместе», — гласит указ. Запуск воздушных змеев, любимое весеннее развлечение жителей Кабула, остался под запретом, как и всякий женский спорт.

Для талибов всякое сомнение в истинности этих указов, не имеющих никаких коранических оснований, равносильно сомнению в истинности ислама, хотя первая задача Пророка Мухаммада была эмансипация женщин. «Высший и безошибочный тест на ислам — равноправие женщин, сначала провозглашенное, а потом постепенно проводимое в жизнь», — писал Фернан Бродель.[130] Но талибы не позволяли даже журналистам-мусульманам ставить

под сомнение свои указы или обсуждать разные интерпретации Корана. Сотрудникам благотворительных организаций они просто говорили: «Вы не мусульмане и не имеете права обсуждать ислам». Талибы правы, их толкование ислама единственно верное, а все остальное ложно и происходит от человеческой слабости и отсутствия благочестия. «Конституция — это шариат, поэтому нам не нужна конституция. Народ любит ислам и поэтому он поддерживает Талибан и ценит то, что мы делаем», — говорил генеральный прокурор маулави Джалилулла Маулвизада.[131]

Но тяжелое положение афганских женщин и всего афганского общества сложилось еще до прихода талибов. Двадцать лет непрерывной войны разрушили афганское гражданское общество, клановую общность и семейные связи, прежде помогавшие людям выжить в тяжелых экономических условиях. Афганистан имеет одни из самых низких показателей качества жизни в мире. Младенческая смертность составляет 163 на тысячу живорожденных (18 процентов[132]), самый высокий показатель в мире, средний показатель остальных развивающихся стран — 70 на тысячу. Четверть родившихся не доживает до пятилетнего возраста, в развивающихся странах — одна десятая.

1700 матерей из 100 000 умирают во время родов. Ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин составляет 43–44 года, в среднем для развивающихся стран — 61 год. Всего 29 процентов жителей имеют доступ к медицинским услугам, 12 процентов пьют чистую воду, в развивающихся странах — соответственно 80 и 70. Дети умирают от простых болезней, которые легко предотвратить, например, от кори и дизентерии, причины которых — отсутствие чистой воды и медицинских учреждений.[133]

Неграмотность являлась серьезной проблемой и до талибов: 90 процентов девушек и 60 процентов юношей неграмотны. На больших территориях в сельской местности все школы до единой были разрушены в ходе войны. Так что политика талибов в отношении женщин лишь усугубила кризис, существовавший и прежде. В течение трех месяцев после захвата Кабула талибы закрыли 63 городские школы, что затронуло 103 000 девочек, 148 000 мальчиков и 11 200 учителей, 7800 из которых женщины.[134] Они закрыли Кабульский университет и отправили по домам 10 000 студентов, из них 4000 женщин. К декабрю 1998 году, сообщает ЮНИСЕФ (Детский фонд ООН), система образования была полностью разрушена, девять девочек из десяти и двое мальчиков из трех не посещали школу.[135]

Отчаянное положение афганского народа не вызывало большого внимания извне. Если в восьмидесятые годы война в Афганистане привлекала внимание и помощь, то с момента ухода советских войск Афганистан исчез с экранов радаров всего мира. Постоянно сокращающиеся поступления со стороны стран-доноров не покрывали даже минимальных расходов на необходимую гуманитарную помощь.

В 1996 году ООН запросила 124 миллиона долларов на годовую программу гуманитарной помощи Афганистану, но к концу года она получила только 65 миллионов. В 1997 году она запросила 133 миллиона и получила только 56, или 42 процента, а на следующий год было запрошено 157 миллионов и получено 53, или 34 процента. В 1999 году ООН резко сократила свои запросы до 113 миллионов. По словам исследователя Барнетта Рубина, «если сегодняшнее положение в Афганистане отвратительно, то это не значит, что афганский народ отвратителен. Афганистан — это зеркало, в котором отражаются не только афганцы, — это зеркало всего мира. „Если вам не нравится изображение в зеркале, надо разбить не зеркало, а ваше лицо“, — гласит старая персидская поговорка».[136]

Когда кабульские женщины смотрят в это зеркало, они видят лишь отчаяние. В 1996 году я встретился с Биби Зухрой в маленькой пекарне в Кабуле. Эта вдова во главе группы из нескольких молодых женщин пекла *нан* (традиционный афганский бездрожжевой хлеб) для вдов, сирот и инвалидов. Около 400 тысяч жителей Кабула зависят от таких булочных, финансируемых Мировой продовольственной программой. В это число входят 25 тысяч семей без кормильца и 7 тысяч семей мужчин-инвалидов. Глиняная хижина Зухры исцарапана пулями и шрапнелью. В первый раз она была разрушена ракетами Гольбуддина Хекматьяра в 1993 году, потом обстреляна снарядами талибов в 1995 году.

Так как ей нужно было кормить шестерых детей и еще своих родителей, она отдала часть небольшого участка земли, где прежде стоял ее дом, под пекарню Мировой продовольственной программы. «Посмотрите на меня, разве вы не видите на моем лице трагедию нашей жизни, трагедию нашей страны? — говорила она мне. — С каждым днем жизнь становится хуже и хуже. Мы стали попрошайками, зависящими от милости ООН. Афганцы так не привыкли. Все женщины истощены, угнетены, опустошены. Мы ждем только мира, мы молимся о нем каждую минуту».

Участь детей Биби Зухры, как и всех прочих детей, еще хуже. Вот детская площадка, построенная Фондом спасения детей в полуразрушенном жилом комплексе Микройане. Худые, как щепки, афганские дети грустно качаются на новых качелях. Площадка заполнена мусором, оставшимся от войны: старые снарядные ящики, разбитый танк с дырой на месте башни, деревья, поваленные при ракетном обстреле. «На женщин и детей обрушился основной удар, нанесенный войной, — говорила мне Софи Элейссен, директор Фонда спасения детей. — Женщины должны искать еду для своих голодных детей. Женщины страдают от истерии, психических травм и депрессии, они не знают, когда начнется следующий обстрел. Как дети могут положиться на материнскую любовь, если они видят, что взрослые все время убивают друг друга, а мать не может удовлетворить их самые простые нужды? Все постоянно испытывают

стресс, дети не доверяют даже друг другу, а родители больше не разговаривают с детьми и даже перестали пытаться объяснить им, что происходит вокруг».

Опрос кабульских детей, проведенный доктором Лейлой Гупта для ЮНИСЕФ, показал, что большинство детей были свидетелями жестокого насилия и не надеются выжить. Две трети детей видели, как людей убивало ракетой, или куски разорванных человеческих тел. Больше 70 процентов из них потеряли члена семьи и больше не верят взрослым. «Все они страдают от страшных воспоминаний, кошмаров и одиночества. Многие говорят, что им не стоит больше жить», — говорит доктор Гупта. Война разрушила основы семейной жизни. Когда дети больше не верят своим родителям, а родители не могут защитить детей, детям не за что держаться в этом мире.

Дети вовлечены в эту войну в большей степени, чем в любой другой конфликт в мире. Все полевые командиры использовали детей в качестве солдат. Некоторым из этих детей было всего 12 лет. Часто это сироты, у которых нет никакой надежды создать семью, выучиться или получить другую работу, кроме солдатской. Талибан, пользуясь своими связями в пакистанских *медресе*, сагитировал тысячи детей идти на войну. Некоторые части полностью состояли из детей. Дети служили заряжающими, подносчиками патронов и снарядов, караульными и просто солдатами. Попытка ООН в 1998 году ограничить минимальный возраст солдат 18-ю годами вместо принятых 15-ти встретила сопротивление США, Пакистана, Ирана и Афганистана. Отчет организации «Международная амнистия» за 1999 год говорит, что во всем мире более 300 тысяч детей до 18 лет служат в армии[137]. После взятия талибами Кабула участь женщин и детей лишь ухудшилась.

Каждая из женщин, встреченных мною в Кабуле на протяжении 1995–1996 годов, — а тогда журналисты могли свободно встречаться и разговаривать с женщинами на улице, в лавках и в конторах — знала, что если талибы придут, то ее несладкая жизнь станет только хуже. Одна из них — Насиба Голь, видная 27-летняя женщина, которая хотела жить в современном мире. В 1990 году она закончила Кабульский университет и получила работу в одной из благотворительных организаций. Она носила длинную юбку, туфли на высоких каблуках и почти никогда не закрывала лицо, а выходя в город, набрасывала на голову небольшой платок. «Талибан хочет стереть женщин в пыль. Ни одна женщина, самая бедная, самых консервативных взглядов, не захочет, чтобы Талибан правил Афганистаном, — сказала мне Насиба. Ислам говорит, что женщины и мужчины равны, что женщинам следует оказывать уважение. Но то, что делает Талибан, настраивает людей против самого ислама». Опасения Насибы вполне оправдались: когда талибы взяли Кабул, женщинам пришлось исчезнуть из виду. Насиба была вынуждена оставить работу и уехала в Пакистан.

Все лидеры талибов родом из самых бедных, самых консервативных и наименее грамотных южных провинций Афганистана, населенных пуштунами.

В родной деревне Муллы Омара женщины всегда ходили полностью закрытыми покрывалами, а девочки никогда не посещали школу, поскольку ее там никогда не было. Омар и его коллеги перенесли обычаи своей среды, свой жизненный опыт, или скорее недостаток последнего, на всю страну, ссылаясь при этом на Коран. Но в стране, где живет столько разных народностей, где настолько различаются уровни развития, никогда нет и не было единых обычаев и правил, касающихся роли и поведения женщин в обществе. И ни один афганский правитель до талибов не требовал, чтобы мужчины непременно носили бороду, а женщины закутывались в *бурка*.

Остальные районы Афганистана не были даже отдаленно похожи на его юг. Восточные пуштуны, испытывавшие сильное влияние пуштунов Пакистана, гордились тем, что посылают своих дочерей в школу. Многие из них продолжали делать это при талибах, либо содержа собственные деревенские школы, либо отправляя свои семьи в Пакистан. Здесь благотворительные организации, например, Шведский Комитет, финансировал около 600 начальных школ. Из 150 тысяч учеников этих школ 30 тысяч были девочки. Когда пуштунские старейшины требовали школьного обучения девочек, губернаторы-талибы не могли им ничего возразить.[138] В лагерях афганских беженцев в Пакистане десятки тысяч девочек учились в школах. Вне пуштунской зоны все другие народности всеми силами старались дать женщинам образование. Сила Афганистана — в его этническом разнообразии, и женщина исполняла там столько же ролей, сколько было народностей и племен.

Города Афганистана отличались еще большим разнообразием. Кандагар всегда был консервативным, но в Герате женщины из элиты некогда говорили по-французски и подражали модам шахского двора в Тегеране. 40 процентов кабульских женщин имели работу как при коммунистах, так и при моджахедах. Женщины, имевшие хоть какое-нибудь образование и работу, отказывались от традиционной одежды в пользу юбок, высоких каблуков и косметики. Они ходили в кино, занимались спортом, танцевали и пели на свадьбах. Здравый смысл подсказывал талибам, что для завоевания умов и сердец в занятых ими районах стоит смягчить политику в отношении женщин в соответствии с существующими реалиями. Вместо этого талибы сочли Кабул притоном бесчестия, Содомом и Гоморрой, в котором женщин следует палками заставить следовать принятым талибами правилам поведения. А северян они полагали нечистыми мусульманами, подлежащими насильственной реисламизации.

Бескомпромиссная позиция талибов определялась политическими процессами внутри движения и природой их социальной базы. Их новобранцы-сироты, лишенные корней, люмпен-пролетарии войны и лагерей для беженцев — были воспитаны в обществе, состоявшем из одних мужчин. Среди людей из *медресе* контроль над женщинами и их практическое исключение из общества было символом мужественности и доказательством того, что студент верен джихаду. Отказывая женщинам в праве на признание, Талибан легитимизировал

свое положение в глазах этой публики. «Эта война с женщинами происходит из политических убеждений и идеологии, а не от ислама или культурных норм. Талибан — это новое поколение мусульманских мужчин, которые являются продуктом военной культуры. Они провели большую часть своей взрослой жизни в полной изоляции от общества. В афганском обществе женщина всегда была инструментом регулирования социального поведения, поэтому она — значимый символ в культуре Афганистана», — говорила Сима Вали, руководитель афганской благотворительной организации.[139]

Руководители Талибана неоднократно говорили мне, что если они предоставят женщинам больше свободы или возможность посещать школу, то они потеряют поддержку рядовых талибов. Те решат, что руководство поступилось принципами под давлением извне. Они также говорили, что их солдаты могут соблазниться новыми возможностями в области секса и не станут сражаться с прежним пылом. Поэтому угнетение женщин стало критерием исламского радикализма талибов, их решимости «очистить» общество и поддержать на высоком уровне дух своих солдат. Женский вопрос стал платформой сопротивления талибов попыткам ООН и западных правительств склонить их к компромиссу и умерить свою политику. Компромисс с Западом означал бы поражение, признание собственной неправоты, а твердость означает победу.

Радикальные талибы перевернули аргументы своих противников с ног на голову. Они говорили, что это Западу следует умерить свои требования и приспособиться к Талибану, а не талибам — признавать универсальные права человека. «Мы знаем, что за образование нужно ООН. Это все большая политика неверных, которая дает женщинам свободу творить непристойности, которая ведет к прелюбодеянию и разрушает ислам. Любая исламская страна, где прелюбодеяние входит в обычай, распадается и становится добычей неверных, потому что мужчины там становятся подобны женщинам, а женщины не могут защитить себя.

Все, кто говорит с нами, должен делать это с позиций ислама. Священный Коран не может быть приспособлен к требованиям других людей, это люди должны изменить себя так, как требует Священный Коран», — говорил генеральный прокурор маулави Джалилулла Маулвизада.[140] Но Талибан не смог бы объяснить, как столь глубокая религия, как ислам, может так сильно пострадать от прелюбодеев.

Все пуштунские племена соблюдали *пуштунвали*, кодекс обычного права, который давал племенному совету — джирге — право суда, особенно в случае споров о земле, женщинах или убийства. Линия, разграничивающая шариат и *пуштунвали*, всегда была несколько размыта. Наказания талибов заимствованы скорее из *пуштунвали*, нежели из шариата. Но *пуштунвали* применялся в разной степени разными пуштунскими племенами и никогда не регулировал жизнь других народностей. Решимость талибов навязать законы *пуштунвали*-шариата

другим народностям только усугубила этнический раскол в Афганистане. Непуштуны сочли это попыткой навязать всей стране обычаи кандагарских пуштунов.

Ни при каких политических условиях талибы не были готовы пойти на компромисс. После каждого военного поражения они еще более ужесточали свою политику в отношении женщин, полагая, что суровые меры против женщин должны поднять боевой дух их побитых солдат. А каждая новая победа приводила к новому ужесточению, поскольку населению вновь завоеванных районов нужно было продемонстрировать твердость новой власти. Политика «сотрудничества», проповедовавшаяся международным сообществом, не принесла никаких дивидендов. А обещания талибов, что после войны они позволят женщинам учиться, все больше теряли смысл. Захват Герата был первым симптомом для афганцев и для всего мира, показавшим, что талибы не пойдут на компромисс в женском вопросе. Герат, сердце средневекового ислама для целого региона, город мечетей и *медресе*, обладал древними традициями либерального ислама. Герат — родина исламского искусства и ремесла, живописной миниатюры, музыки, танца, ковроткачества и многочисленных историй о прекрасных женщинах.

Жители Герата до сих пор помнят легенду о царице Гоухар-шад, супруге Шахруха, сына завоевателя Тимура, которая перенесла столицу Тимуридов из Самарканда в Герат после смерти Тимура в 1405 году. Однажды царица в обществе двухсот прекрасных прислужниц осматривала мечеть и *медресе*, построенные ею в предместье Герата. Студентов *медресе* (или *талибан)* предварительно попросили удалиться, но один из них уснул у себя в комнате. Он был разбужен изысканной и привлекательной прислужницей. Когда прислужница вернулась к царице, она была взволнована, платье на ней было в беспорядке, и ее быстро разоблачили. Вместо того, чтобы наказать ее или студента, царица приказала всем своим прислужницам сочетаться браком со студентами, таким образом благословив их и избавив от будущих искушений. Она подарила каждому студенту одежду и жалование и повелела мужьям видеться с женами один раз в неделю до тех пор, пока студенты не закончат учебу. Эта история воплощает в себе гератскую традицию свободного, человечного ислама и религиозного образования.

Талибы не знали истории Герата и его традиций. Они пришли с тем, чтобы запереть гератских женщин в их домах. Людям запретили посещать гробницы суфийских святых, которыми изобилует Герат. Талибы уничтожили многолетние усилия Исмаил Хана, командующего здешних моджахедов, направленные на то, чтобы дать образование населению. Все школы для девочек были закрыты. Большая часть школ для мальчиков тоже, поскольку учителями в них работали женщины. Талибы разделили немногие действующие больницы на мужские и женские, закрыли общественные бани и запретили женщинам ходить на рынок. В итоге гератские женщины были первыми, кто восстал против усердия

талибов. 17 октября 1996 года более ста женщин пришли к дому губернатора, чтобы протестовать против закрытия городских бань. Они были избиты и арестованы. Религиозная полиция ходила по домам и требовала, чтобы мужчины держали женщин дома.

Иностранные средства массовом информации и ООН предпочитали не замечать эти события, но некоторые западные благотворительные организации помяли, к каким последствиям для их деятельности это приведет. После долгих споров и бесплодных переговоров с талибами в Герате ЮНИСЕФ и Фонд спасения детей закрыли свои образовательные проекты в городе, поскольку девочкам было запрещено в них участвовать.[141] Но прекращение этих программ помощи не остановило талибов. Они быстро поняли, что ООН не готова всерьез противостоять им в вопросе о женщинах. Им даже удалось вызвать раскол среди благотворителей. Различные организации ООН не смогли занять единую позицию на переговорах. Поскольку каждое ведомство пыталось достичь особых договоренностей с талибами, принципы ООН были нарушены, а Талибан вводил все новые и новые ограничения для женщин. «ООН встала на скользкий путь. ООН полагает, что малыми уступками можно удовлетворить международное сообщество и удовлетворить Талибан. В действительности не происходит ни первого, ни второго», — сказал мне глава одной из европейских неправительственных организаций.[142]

Мир обратил внимание на политику талибов в отношении женщин лишь после захвата ими Кабула в 1996 году. ООН не могла больше закрывать глаза после того, как средства массовой информации рассказали всему свету о бывшем президенте Наджибулле, повешенном талибами, и об обращении с женщинами в Кабуле. Протесты со стороны Генерального секретаря ООН Бутроса Бутрос-Гали, глав ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО, Верховного Комиссара по делам беженцев и Комиссара ЕС по правам человека были оставлены без ответа со стороны талибов.[143] Все парикмахерские и салоны красоты были закрыты, равно как и городские бани — единственное место в городе, где была горячая вода. Портным было запрещено снимать мерку с женщин — им следовало помнить размеры своих постоянных клиенток. Магазины модной одежды были разгромлены. «Если вы покрасили ногти, сфотографировали друга, играли на флейте, отбивали такт, пригласили иностранца на чашку чая — вы нарушили один из указов талибов», — писал американский журналист.[144]

До Кабула отсутствие у ООН внятного отношения к происходящему не привлекало к себе внимания, но после оно уже вызвало скандал. ООН подверглась разгромной критике феминисток. В конце концов все учреждения ООН были вынуждены выработать общую позицию. В заявлении ООН говорилось о «поддержке и пропаганде естественного равенства и достоинства всех людей» и «недопущении дискриминации по признаку пола, расы, национальности или религии».[145] Но в том же документе говорилось о том, что «международные организации с глубоким уважением относятся к местной

культуре и обычаям». Это был классический ооновский компромисс, позволивший талибам придерживаться своей линии, обещая разрешить образование для женщин после того, как наступит мир. Несмотря на это, в октябре 1996 года ООН была вынуждена закрыть восемь проектов, дававших заработок женщинам Кабула, поскольку последним было запрещено там работать.

В течение следующих 18 месяцев бесплодных переговоров между ООН, неправительственными организациями, западными правительствами и талибами стало ясно, что твердолобая часть кандагарского духовенства хочет и вовсе избавиться от ООН. Талибан еще сильнее закрутил гайки. Они запретили домашние школы для девочек, которые еще продолжали работать, и запретили женщинам посещать больницы. В мае 1997 года религиозная полиция избивает пятерых женщин — сотрудников американской организации *Care International* — и требует, чтобы все благотворительные организации получали разрешение на свою деятельность не только от профильного министерства, но и от МВД, Минздрава, Министерства полиции и в Управлении насаждения добродетели и предотвращения порока. За этим следует требование, чтобы все мусульманки — сотрудники благотворительных организаций приезжали в Афганистан в сопровождении родственника мужского пола. Наконец, в июле 1997 года талибы потребовали от всех 37 благотворительных организаций переехать из своих офисов в одно место — полуразрушенное здание бывшего политехнического института. В связи с тем, что Европейский Союз прекратил оказание помощи, учреждения ООН и неправительственные организации покинули Кабул.

Судьба афганских женщин часто закрывает собой то обстоятельство, что и мужчинам, в особенности непуштунам, приходится немногим лучше. Все мужчины — жители Кабула были обязаны всего за шесть недель отрастить длинную бороду, хотя у некоторых народностей, например у хазарейцев, борода почти не растет. Борода не должна была быть короче мужского кулака. Шутили, что главный предмет афганской внешней торговли — волосы для бороды, а мужчинам нет нужды получать въездную визу — достаточно иметь бороду. Религиозная полиция стояла на перекрестках с ножницами, отстригая длинные волосы, а нередко и била виновных. Мужчины были обязаны носить широкие мешковатые штаны до щиколотки и творить молитву пять раз в день.

Талибан также боролся с гомосексуализмом. Кандагарские пуштуны известны своей склонностью к молодым мальчикам, и изнасилование мальчиков полевыми командирами было одним из главных мотивов Муллы Омара, когда он создавал Талибан. Но гомосексуализм продолжал существовать, и против него применялись странные, если не сказать бесчеловечные, наказания. Двое солдат, предававшихся любви в Кабуле в апреле 1998 года, были безжалостно избиты, связаны вместе и посажены в пикап, на котором их возили по всему городу, вымазав лица машинным маслом. Мужчины, обвиняемые в содомии,

подвергались неслыханным ранее «исламским» наказаниям: их ставили к стене, а стену обрушивали на виновных.

В феврале 1998 году трое мужчин, приговоренных в Кандагаре к смерти за содомию, были поставлены у основания огромной стены из глины и кирпичей, на которую с другой стороны наехал танк и обрушил ее на них. Они оставались под завалом в течение получаса, но одному из них удалось выжить. «Его преосвященство Амир-уль-Муминиин [Мулла Омар) присутствовал в Кандагаре при наказании по исламским законам трех греховодников», — писала газета талибов *«Анис»*.[146] В марте 1998 года двое мужчин в Кабуле были убиты таким же способом. Мулла Мохаммад Хасан привел прекрасный пример, какие богословские проблемы больше всего занимают талибов: «Наши ученые-законоведы не пришли к согласию, какое наказание избрать для гомосексуалистов. Некоторые предлагают сбрасывать этих грешников с крыши высоких зданий, а другие говорят, что нужно выкопать яму у подножия стены, закопать их, а стену повалить сверху».[147]

Талибы запретили все возможные способы развлечений, которых в бедном Афганистане и так было немного. Афганцы страстно любят кино, но и кино, и телевидение, видео, музыка и танцы оказались под запретом. «Конечно, мы понимаем, что людям нужны какие-то развлечения, но он могут пойти в парк и посмотреть на цветы, это поможет им постичь ислам», — сказал мне мулла Мохаммад Хасан. По словам министра образования муллы Абдул Ханифи, талибы «против музыки потому, что она вызывает напряжение ума и мешает изучению ислама».[148] Пение и танцы во время свадебных церемоний также были запрещены. Многие сотни лет свадьбы были главными общественными торжествами, на которых множество музыкантов и танцоров могли заработать себе на жизнь. Теперь они бежали в Пакистан.

Запрещалось держать дома картины, портреты или фотографии. Восьмидесятидвухлетний Мохаммад Машал, один из ведущих художников Афганистана, автор огромной фрески, на которой были изображены пятьсот лет истории Герата, был вынужден смотреть, как талибы закрашивали ее белилами. Говоря попросту, талибы отвергают саму идею культуры. Они запретили Навруз, традиционный афганский Новый Год, из-за его антиисламского характера. Древний весенний праздник Навруз отмечает начало года по персидскому солнечному календарю. В этот день принято навещать могилы своих родных. Тех, кто пытался сделать это, талибы останавливали силой. Они запретили праздновать День трудящихся 1 мая, потому что это коммунистический праздник, и даже Ашура, траурный месяц мусульман-шиитов, некоторое время был запрещен. Талибы даже ограничили торжества в день разговения Ид-аль-Фитр, главного мусульманского праздника.

Большинство афганцев были деморализованы тем, что исламский мир не осудил экстремизм талибов. Ни Пакистан, ни Саудовская Аравия, ни страны Залива ни разу не заявили о том, что женщинам нужно давать образование, или

о том, что в Афганистане нарушаются права человека. Они ни разу не усомнились в интерпретации шариата Талибаном. Мусульманские страны Азии также хранили молчание. Удивительно, но один лишь Иран твердо встал на защиту прав женщин в исламе. «Эти ископаемые талибы запрещают девочкам учиться, запрещают женщинам работать вне дома, и все это делается именем ислама. Что может быть хуже — творить насилие, проявлять узость мышления, ограничивать права женщин и позорить ислам», — заявил аятолла Ахмад Джаннати еще в 1996 году.[149] Критика политики талибов со стороны Ирана стала еще резче после гибели иранских дипломатов в Мазари-Шарифе в 1998 году.

В Мазари-Шарифе находится гробница Рабии Балхи, прекрасной трагической поэтессы Средневековья. Она первая из женщин своего времени, писавшая любовные стихи на персидском языке. Рабия трагически погибла — ее брат отрубил ей кисти рук за то, что она провела ночь со своим возлюбленным-рабом. Умирая, она написала свое последнее стихотворение собственной кровью. Сотни лет узбекские юноши и девушки почитают ее как святую и просят ее об удаче в любви. После того как талибы захватили Мазари-Шариф, они запретили подходить к ее могиле. Любовь, даже для средневековой святой, теперь под запретом.

Глава 9. Ставка на героин
Наркотики и экономика талибов

Всего в двух милях от центра Кандагара маковые поля простираются до самого горизонта. Весной 1997 года крестьяне бережно ощупывали нежные зеленые, похожие на салат листочки растений, посаженных за две недели до этого. Они тщательно рыхлили землю, чтобы убрать сорняки, распыляли удобрения, чинили ирригационные каналы, разрушенные Советской армией в 80-е годы, чтобы пустить воду на поля. Через несколько недель появятся ярко-алые цветы, они будут цвести, пока не опадут лепестки, оставив твердую коробочку.

Через четыре месяца после посева семян коробочки созреют, и их надрежут тонкими самодельными лезвиями, чтобы получить от них жидкое золото. Крестьяне выжмут своими пальцами из каждой коробочки молочно-белую клейкую субстанцию. На следующий день опиум превратится в коричневую резину, которую соскребут лопаткой. Операция повторяется каждые несколько дней до тех пор, пока растение не перестанет давать сок. Опиум-сырец собирают, лепят из него нечто вроде теста и хранят в пластиковых мешках до приезда скупщиков. Самый лучший опиум, который собирают на щедро орошаемых землях, — темно-коричневого цвета и вязкий. Его называют *тор*, и именно он смазывает колеса военной машины всех афганских полевых командиров, но в особенности — талибов.[150]

«Мы бесконечно благодарны талибам, — говорит Вали Джан, беззубый старый крестьянин, пропалывая свое поле. — Талибан принес нам мир, так что мы можем спокойно выращивать мак. Мне нужен мак, чтобы содержать семью, 14 человек». Поставив цель навести порядок и мир в деревнях, Талибан оказал большую услугу всем, кто выращивает опиум. На небольшом участке земли Вали Джан каждый год получает 45 килограммов опиума-сырца и зарабатывает около 1300 долларов — целое состояние для афганского крестьянина. Вали Джан знает, что очищенный героин в Лондоне и Нью-Йорке стоит в 50 раз дороже, но он доволен тем, что получает. Результаты притока денег очевидны — вокруг Кандагара ведется намного больше восстановительных работ, чем в любом другом районе Афганистана.

Талибы благословили фермеров вроде Вали Джана выращивать еще больше опиума, хотя Коран и запрещает мусульманам производить или употреблять дурман. Абдур Рашид, глава службы по контролю над наркотиками движения Талибан в Кандагаре, излагает мне природу своей уникальной задачи. Он уполномочен строго запретить гашиш, «так как его употребляют афганцы и мусульмане». По «опиум разрешается, — говорит мне Рашид без тени сарказма, — так как его употребляют *кяфиры* [неверные] на Западе, но не

афганцы и не мусульмане». Еще один политический аргумент в пользу свободы возделывания мака. «Мы разрешаем людям выращивать мак, потому что крестьяне получают за него хорошую цену. Мы не можем заставлять людей выращивать пшеницу, а если мы запретим им возделывать мак, то они поднимут восстание против Талибана. Поэтому мы выращиваем опиум, а пшеницу привозим из Пакистана», — сказал он.[151]

Губернатор Мохаммад Хасан оправдывает эту удивительную политику еще одним софизмом. «Наркотики суть зло и мы бы рады заменить мак другой доходной культурой, но сейчас это невозможно, поскольку нас не признают». В течение следующих двух лет Мулла Омар будет время от времени предлагать США и ООН прекратить возделывать мак, если Талибан получит международное признание — впервые в истории движение, контролирующее 90 процентов территории, предлагает международному сообществу такой выбор.

Талибан быстро понял, что экономика наркотиков должна быть правильно оформлена, чтобы доходы стали больше. Когда талибы взяли Кандагар, они заявили, что положат конец наркотикам. Американские дипломаты так обрадовались, что немедленно вступили с ними в контакт. Однако через несколько месяцев талибы поняли, что нуждаются в доходах от мака, а крестьяне сильно рассердятся, если его запретят. Они стали собирать исламский налог (*закят*) со всех торговцев опиумом. Согласно Корану, мусульмане должны отдавать 2,5 процента своего дохода в качестве *закята* в пользу бедных, но религиозная совесть талибов вполне позволяла им брать 20 процентов стоимости грузовика с опиумом. Помимо этого отдельные командиры и губернаторы провинций брали свои собственные налоги на пополнение своей казны и на прокормление своих солдат. Некоторые из них сами стали заметными торговцами опиумом и использовали своих родственников в качестве посредников.

Тем временем запрет гашиша, наложенный талибами (а гашиш составлял заметную часть рациона афганских водителей грузовиков), оказался весьма эффективным, показывая тем самым, что и запрет на опиум, если его введут, будет соблюдаться так же строго. Два склада в Кандагаре были заполнены сотнями мешков с гашишем, конфискованных у производителей и торговцев. Простой народ говорил, что они боятся употреблять гашиш с тех пор, как Талибан запретил его. Для тех, кто продолжает делать это подпольно, Талибан разработал новаторские методы лечения от наркомании. «Когда мы ловим тайных торговцев гашишем или наркоманов, мы их допрашиваем и бьем без жалости, чтобы узнать правду, — рассказывает Абдур Рашид. — Потом мы погружаем их в холодную воду на много часов, несколько раз в день. Это очень хороший способ».[152] Затем он прошагал в тюрьму и извлек нескольких испуганных наркоманов, чтобы те поговорили со мной. Они без колебаний подтвердили, что талибанская шокотерапия весьма действенна. «Когда меня бьют или сажают в холодную воду, я совсем забываю про гашиш», —

признается Бахт Мохаммад, лавочник и торговец гашишем, отбывающий трехмесячный срок.

В 1992–1995 годах Афганистан выпускал добрых 2200–2400 метрических тонн опиума (м. т) в год, оспаривая у Бирмы первое место в мире по производству опиума-сырца. В 1996 году Афганистан произвел 2250 м.т. Сотрудники Программы ООН по международному контролю над наркотиками (ЮНДКП) говорят, что только в провинции Кандагар было собрано 120 м. т с 3160 гектар маковых посевов — впечатляющий рост в сравнении с 1995 годом, когда собрали всего 79 м. т с 2460 га. Затем в 1997 году, когда Талибан контролировал уже Кабул и даже севернее, урожай опиума вырос на 25 процентов, до 2800 м.т. Десятки тысяч пуштунских беженцев из Пакистана приезжали в районы, контролируемые талибами, и возделывали самую простую из доступных им культур.

По данным ЮНДКП, крестьяне получают менее 1 процента прибыли от торговли опиумом, еще 2,5 процентов остается у торговцев в Афганистане и Пакистане, еще 5 тратится внутри этих стран, пока героин идет на Запад, Остальную прибыль получают дилеры и дистрибьюторы в Европе и США, Даже при таком низком уровне прибыли по самой консервативной оценке миллион афганских крестьян зарабатывает примерно 100 миллионов долларов, выращивая мак. Следовательно, Талибан получает 20 миллионов долларов в год налогов и еще кое-что другими способами.

Еще в далеком 1980 году моджахеды использовали наркотики для того, чтобы финансировать свою войну и пополнить свои карманы. Они покупали дома и бизнес в Пешаваре, ездили на новых джипах и открывали банковские счета за границей. Они не признавались в этом публично, но всегда обвиняли в наркоторговле своих соперников из других фракций. Но никто из них не смог так же бесстыдно или так же честно, как талибы, признать, что вовсе не намерен заниматься борьбой с наркотиками. В 1997 году ЮНДКП и США полагали, что 96 процентов афганских наркотиков происходит из районов, контролируемых талибами.

Талибан не просто расширил ареал, доступный для выращивания опиума. Их завоевания укрепили торговлю и расширили дорожную сеть. Несколько раз в месяц тяжело вооруженные конвои на машинах *Toyota Land Cruiser* покидали провинцию Гильменд и отправлялись в долгое путешествие по пустыне. Некоторые караваны шли на юг через пустыни Белуджистана к портам Макранского побережья в Пакистане, другие — на запад в Иран, огибая Тегеран и достигая восточной Турции. Третьи двигались на северо-запад, в Герат и в Туркменистан. В 1997 году наркоторговцы стали возить опиум самолетами из Кандагара и Джелалабада в порты Залива — Шарджу и Абу-Даби.

Средняя Азия больше всего пострадала от героинового расцвета в Афганистане. Русская мафия, установившая связь с Афганистаном еще во времена оккупации, использовала свою сеть для перевозок героина через

Среднюю Азию, Россию, страны Балтии в Европу. В Таджикистане и Киргизии появились важные транзитные маршруты, да и сами эти страны стали заметными производителями опиума. Раньше афганский опиум очищался в Пакистане, но закручивание гаек в этой стране и появление новых транзитных маршрутов побудили торговцев создавать свои собственные лаборатории в Афганистане. Уксусный ангидрид, химический реактив, необходимый для превращения опиума в героин, тайно везли в Афганистан через Среднюю Азию.

По иронии судьбы всплеск производства героина начался не в Афганистане, а в Пакистане. В 1980-х годах Пакистан превратился в основного производителя героина, выпуская около 800 м. т, или 70 процентов мирового производства героина. Крупная торговля наркотиками велась под крышей ЦРУ и *ISI*, создавших тайную систему снабжения афганских моджахедов. «В 80-е годы коррупция, тайные операции и наркотики настолько переплелись друг с другом, что пакистанский наркотрафик уже трудно отделить от более сложных проблем региональной безопасности и партизанской войны», — говорится в этапном исследовании 1992 года, посвященном провалу политики США по контролю над наркотиками.[153] Как и во Вьетнаме, где ЦРУ предпочитало не замечать наркоторговлю партизан-антикоммунистов, получавших деньги от ЦРУ, так и в Афганистане американцы решили не видеть крепнущую связь между моджахедами, пакистанскими наркоторговцами и некоторыми военными.

Несколько примеров таких связей, получивших огласку в 80-х, — не более чем вершина айсберга. В 1983 году начальник *ISI* генерал Ахтар Абдур Рахман был вынужден сменить весь персонал *ISI* в Кветте из-за его участия в торговле наркотиками и оружием, предназначавшимся для моджахедов[154]. В 1986 году майор Захуруддин Африди был пойман по пути из Пешавара в Карачи с 220 кг героина высшей очистки — самая крупная партия героина, захваченная полицией за всю историю Пакистана. Через два месяца офицер ВВС Халилур Рахман был пойман на той же дороге еще с 220 кг героина. Он спокойно признал, что это его пятая поездка. По американским уличным ценам только эти две партии стоили 600 млн. долл., что примерно равнялось объему американской помощи Пакистану в том году. Оба офицера содержались в тюрьме города Карачи, но таинственным образом им удалось бежать. «Дело Африди-Рахмана указывает на существование героинового синдиката внутри армии и разведки, связанного с Афганистаном», — писал Лоуренс Лифшульц. [155]

В 80-е годы Американское Управление по контролю над наркотиками *(Drug Enforcement Administration, DEA)* имело в Пакистане 17 штатных сотрудников. Они раскрыли 40 главных героиновых синдикатов, некоторые из них — с высшими правительственными чинами во главе. Но не один из синдикатов за эти десять лет не был разгромлен. Существовал понятный конфликт интересов между ЦРУ, не желавшим показывать связей между «героическими» моджахедами и пакистанскими наркоторговцами, и *DEA*. Несколько сотрудников

DEA потребовали перевода в другое место, а как минимум один из них подал в отставку из-за того, что ЦРУ не давало им делать свою работу.

Во время джихада и моджахеды, и офицеры коммунистической армии в Кабуле не упускали своего счастья. Логистика всего дела была проста. Караваны ослов, верблюдов или машин, привозившие оружие в Афганистан, раньше шли назад пустыми. Теперь они везли опиум-сырец. ЦРУ и *ISI* приплачивали пуштунским вождям за беспрепятственную доставку оружия через их территорию. Вскоре те же вожди собирали дань с героина, следующего в Пакистан. Национальная служба тыла, армейская транспортная компания, возившая оружие ЦРУ из Карачи в Пешавар и Кветту, часто использовалась наркоторговцами со связями для доставки экспортного героина в Карачи. Героиновый транзит восьмидесятых не мог бы существовать без ведома, если не согласия, высших должностных лиц в армии, правительстве и ЦРУ. Все предпочитали не замечать этого, чтобы решить более важную задачу — победить Советский Союз. Никто не планировал бороться с наркотиками.

Только в 1992 году, когда во главе пакистанской армии встал генерал Азиф Наваз, военные всерьез взялись за искоренение наркомафии, расплодившейся в вооруженных силах. Но теперь уже героиновые деньги пропитали всю пакистанскую экономику, политику и все общество. Западные антинаркотические службы в Исламабаде собирали досье на наркобаронов, становящихся депутатами Национального Собрания во времена первого кабинета Беназир Бхутто (1988–1990) и Наваза Шарифа (1990–1993). Наркобароны проплачивали депутатов и от Пакистанской Народной Партии Бхутто, и от Мусульманской Лиги Пакистана Шарифа. Промышленность и торговля финансировались за счет отмытых наркотических денег, теневая экономика, составлявшая от 30 до 50 процентов всей экономики Пакистана, тоже сильно зависела от героиновых субсидий.

Лишь после вывода советских войск из Афганистана США и Запад стали давить на Исламабад, требуя пресечь производство опиума в Пакистане. В следующем десятилетии (1989–1999) Пакистан получил более 100 миллионов долларов западной помощи на борьбу с наркотиками. Сбор мака резко сократился с 800 тонн до 24 в 1997 году и до 2 тонн в 1999 году. Проекты замены мака другими культурами в СЗПП оказались весьма успешными. Но наркоторговцы и транспортная мафия никуда не исчезли, поскольку с приходом талибов и последовавшим ростом производства героина в Афганистане их бизнес получил новый толчок. Пакистан перестал производить героин, но он превратился в основной путь транзита для героинового экспорта талибов. Те же *дилеры*, водители грузовиков, *медресе* и правительственные связи, обеспечивающие Талибан оружием, топливом и продовольствием, служили и для экспорта героина — точно так же, как и в 80-е годы.

Пакистан возвращался к своим скверным привычкам. В феврале 1998 года администрация Клинтона обвинила Исламабад в том, что он слабо борется с

производством и экспортом героина. США отказались подтвердить, что Пакистан борется с производством наркотиков, подали отсрочку в интересах национальной безопасности США.[156] Но проблема наркотиков уже вышла за границы Пакистана и Афганистана. По мере открытия новых путей экспорта потребление героина в регионе быстро росло. В 1998 году 58 процентов опиатов потреблялось внутри региона, и только 42 процента экспортировалось[157]. Пакистан, где в 1979 году не было ни одного наркомаиа-героинщика, насчитывал 650 000 таковых в 1986 году, три миллиона в 1992 году и пять миллионов (оценочно) в 1999 году. Потребление героина и наркоденьги усугубляли проблемы правопорядка, безработицы и позволяли крайним националистам и религиозным экстремистам вооружаться.

В Иране, по признанию правительства, было 1,2 миллионов наркоманов в 1998 году, но высшие чиновники в Тегеране говорили мне, что реальная цифра — примерно три миллиона. И это при том, что Иран ведет крайне жестокую борьбу с наркотиками и каждый пойманный с несколькими унциями героина автоматически получает смертный приговор.[158] И Иран относился к наркотикам намного серьезнее, чем Пакистан. Начиная с 80-х годов, Иран потерял более 2500 человек убитыми в боях с перевозчиками наркотиков на афганской границе. После того как Иран закрыл границу в ходе противостояния с Талибаном в сентябре 1998 года, иранские службы безопасности задержали более пяти тонн героина всего за несколько недель. Талибан столкнулся с тяжелым финансовым кризисом из-за закрытия границы и падения экспорта героина, а вместе с тем и налоговых сборов.

Потребление героина в Узбекистане, Таджикистане, Туркменистане и Киргизии также вырастало из-за того, что они стали частью экспортного маршрута. В 1998 году пограничники перехватили на таджикско-афганской границе одну тонну опиума и 200 кг героина. В январе 1999 году президент Таджикистана Имомали Рахмонов заявил на международной конференции, что количество наркотиков, ввозимых в страну из Афганистана, составляет одну тонну в день, а их потребление растет. Узбекистан говорит, что объем наркотиков, ввозимых из Афганистана, вырос за 1998 год на 11 процентов.

Я сам видел, как героин открыто продавали рядом с пятизвездочным отелем в Ашхабаде, столице Туркменистана. А в самой гостинице русские и туркменские мафиози со своими подругами, одетые столь же ярко, сколь и безвкусно, говорили о своих поездках «по делам» на афганскую границу. В 1997 году власти захватили две тонны героина и 38 тонн гашиша. В 1999 году Туркменистан благодаря своей примирительной политике в отношении Талибана стал основным путем для экспорта афганского героина, а продажные туркменские чиновники наживались на этом.[159] Президент Киргизии Аскар Акаев говорил мне в январе 1999 года, что его страна стала «основной дорогой для перевозки наркотиков, а от этого растет и преступность». Акаев говорил, что война против наркотиков не может быть выиграна до тех пор, пока не наступит

мир в Афганистане, и что гражданская война превратилась в главную причину нестабильности в регионе.[160]

Резкий рост производства героина в Афганистане сегодня влияет на политику и экономику региона в целом. Он разрушает общество, искажает экономику и без того слабых государств и создает новую наркоэлиту, а народ между тем нищает. «Наркотики влияют на региональную политику, как никогда раньше, — говорит посол одной из западных стран в Исламабаде, — мы считаем его одной из главных угроз, наряду с исламским фундаментализмом, терроризмом и потенциальным экономическим крахом в некоторых странах».[161] Ухудшение ситуации побудило международное сообщество вступить в переговоры с Талибаном. После шести месяцев тайных переговоров ЮНДКП в октябре 1997 года заключило соглашение с Талибаном. Талибан согласился уничтожить посевы мака, если международное сообщество даст средства на помощь крестьянам в замене его на другие культуры. Пино Арлакки, глава ЮНДКП, просил у стран-до норов 25 миллионов долларов на десятилетнюю программу уничтожения культуры мака в районах, подконтрольных талибам. «Афганский героин — это 80 процентов европейского героина и 50 процентов мирового героина. Мы говорим об уничтожении половины мирового героина», — говорил он с энтузиазмом.[162] ЮНДКП обещала помочь завести новые доходные культуры, улучшить орошение, построить новые предприятия и заплатить за охрану порядка.

Но это соглашение не было выполнено Талибаном, а после отзыва персонала ООН из Афганистана в 1998 году оно и вовсе умерло. Шесть месяцев спустя Арлакки был намного менее оптимистичен. Он говорил мне: «Афганистан — это самая сложная и важная точка в мире, но прежде, чем взять под контроль наркотики, необходимо общее политическое решение».[163] Поддержка инициативы ЮНДКП со стороны богатых стран тоже не вселяла больших надежд. В 1993–1997 годах ЮНДКП просила у стран-доноров 16,4 миллиона долларов, а получила лишь половину.

Налоги на опиум стали главным источником дохода талибов и основой их военной экономики. В 1995 году доходы от экспорта наркотиков из Пакистана и Афганистана составили, по оценкам ЮНДКП, 50 миллиардов рупий (1,35 миллиардов долларов) за год. В 1998 году экспорт героина удвоился и составил 3 миллиарда долларов. На деньги от продажи наркотиков покупалось продовольствие и одежда для солдат, оплачивались жалование, транспорт и премии бойцам Талибана. Единственное, что можно сказать в похвалу вождям талибов — в отличие от прежних времен они не клали денег себе в карман, а продолжали жить очень скромно. Но афганские и пакистанские наркоторговцы обогащались несметно.

Наряду с торговлей наркотиками при талибах расцвела и традиционная контрабанда товаров из Пакистана и стран Персидского залива, разрушавшая экономику сопредельных стран. Афганская транзитная торговля (АТТ),

подробно описанная в главе 15, является крупнейшим официальным источником доходов Талибана и приносит афганской экономике до 3 миллиардов долларов ежегодно. Таможенники в Кандагаре, Кабуле и Герате отказываются говорить о своей дневной выручке, но при 300-х грузовиках, проходящих через Кандагар в Иран или в Среднюю Азию через Герат, и еще 200-х, идущих на север через Джелалабад и Кабул, она должна быть немалой. Незаконная торговля потребительскими товарами, продовольствием и топливом через Афганистан разрушает местную промышленность, сокращает государственные доходы и приводит к периодической нехватке продовольствия в соседних странах. Во времена антисоветского джихада такого никогда не бывало.

Таможенные доходы Талибана от контрабанды сосредотачиваются в Государственном Банке Афганистана. Последний пытается открыть свои отделения во всех провинциальных центрах. Но учет и контроль за приходом и расходом денег отсутствует. «Официальные» цифры не учитывают военный бюджет, который распределяется лично Муллой Омаром в Кандагаре и состоит из денег за наркотики, пакистанской и саудовской помощи и других пожертвований. «У нас есть таможенные, горные доходы и *закят*, но есть и другие источники доходов, идущие на военные нужды, и они не проходят через Государственный Банк Афганистана», — признает маулави Арифулла Ариф, заместитель министра финансов.[164]

Поскольку войну ведет сам Мулла Омар, а военный бюджет в «цинке» из-под патронов лежит у него под койкой, — сверстать государственный бюджет невозможно, даже при наличии квалифицированных специалистов. Впрочем, их тоже нет. В министерстве финансов нет ни одного дипломированного финансиста или банкира. Министр и его заместители — муллы, учившиеся в *медресе*, а все квалифицированные бюрократы изгнаны. Скудость официальных фондов видна хотя бы из того, что в 1997/98 финансовом году (с февраля 1997 года по январь 1998) на нужды управления и развития всего Афганистана министерством финансов было выделено всего 100 000 долларов, чего на самом деле едва хватило на зарплату государственным служащим.

Некоторые муллы-торговцы внутри Талибана пытаются поддерживать промышленность и иностранные инвестиции, но, кажется, они не находят серьезной поддержки у руководства. «Мы хотим, чтобы Афганистан был современным государством, и мы располагаем огромными запасами минералов, нефти и газа, которые должны заинтересовать иностранных инвесторов, — говорит маулави Ахмад Джан, который оставил торговлю коврами в Саудовской Аравии, чтобы возглавить афганскую промышленность. — Пока мы не установили контроль на юге, в стране не было ни одной действующей фабрики. Сейчас мы открыли несколько шахт и ковроткацких фабрик с помощью торговцев из Пакистана и Афганистана». Он согласился с тем, что немногие члены Кандагарской или Кабульской Шуры интересуются экономикой, поскольку они слишком заняты войной.[165]

Пытаясь привлечь инвесторов, в особенности пакистанских купцов, Ахмад Джан обещал бесплатно давать землю каждому, кто построит новую фабрику. Но так как инфраструктура была разрушена, любой инвестор должен был бы сам строить себе дороги, электростанцию и жилье. Лишь немногие пакистанские и афганские купцы и перевозчики из Кветты и Пешавара, занятые контрабандой или нелегальной торговлей афганским лесом, проявляют интерес к проектам наподобие добычи полезных ископаемых.

Все образованные люди: и профессионалы покинули страну. После 1992 года люди бежали из городов несколькими потоками. Уехали все, вплоть до телефонистов, электриков и механиков. Большинство талибов, стоящих во главе экономических ведомств, это торгующие муллы — бизнесмены, перевозчики и контрабандисты, которые видят государственное строительство сточки зрения расширения рынка контрабанды и грузовых перевозок.

Один из этих людей — мулла Абдур Рашид, зверского вида полевой командир из провинции Гильменд. Он стал знаменит после того, как взял в плен пакистанский военный патруль, зашедший на афганскую территорию из Белуджистана в ходе преследования банды наркокурьеров. Рашид арестовал солдат и отправил их в Кандагар, чем вызвал дипломатический скандал с Пакистаном, Еще он руководит принадлежащими Талибан у мраморными копями в Гильменде. В копях работают пятьсот человеке кирками, но нет ни одного инженера или специалиста, ни оборудования, ни электричества. Мрамор добывают с помощью взрывчатки — вот и вся горная техника.

Страсть Талибана к иностранным инвестициям впервые зажглась при виде соперничества двух нефтяных компаний, аргентинской *Bridas* и американской *Unocal*, за право построить газопровод из Туркменистана в Пакистан через южный Афганистан (см. главы 12 и 13). Трубопровод привлек некоторых отчаянных и рисковых бизнесменов. В их числе афганские и пакистанские торговцы, построившие бензоколонки в Кандагаре и по дороге в Герат. Еще они обещали построить дороги. В 1999 году американская телефонная компания построила мобильную телефонную сеть между Кабулом и Кандагаром. Но всего этого слишком мало для восстановления нормальной хозяйственной жизни. Они лишь пытались усовершенствовать инфраструктуру контрабанды и облегчить жизнь купцам и перевозчикам.

Серьезные иностранные инвестиции и даже безвозмездная помощь для восстановления страны не придут до тех нор, пока не кончится война и не появится правительство, дающее хотя бы минимум безопасности и пользующееся хоть каким-то доверием, Афганистан сегодня — это экономическая черная дыра, испускающая волны неуверенности и хаоса в регион, уже пораженный экономическим кризисом. Инфраструктура Афганистана лежит в руинах. Нет даже самых элементарных удобств, существующих даже в самых отсталых странах. Нет проточной воды, почти нет электричества, телефонов, проезжих дорог и регулярных поставок топлива.

Жестокая нехватка воды, продовольствия, жилья и других предметов первой необходимости. То, что есть в продаже, слишком дорого для большинства людей.

За время войны были установлены миллионы мин в самых плодородных и обжитых районах, это вызвало огромную проблему переселения людей. С 1979 года 400 000 афганцев было убито и столько же искалечено взрывами мин. В 13 процентах всех афганских семей есть хотя бы один человек, убитый или искалеченный минами, более 300 человек гибнут или получают увечья по той же причине. Хотя около 4000 саперов, нанятых ООН и другими неправительственными организациями, пытаются очистить страну от мин, но даже разминирование крупных городов будет закончено не раньше чем через десять лет. Даже в Кабуле после шести лет непрерывной работы в 1998 году еще оставалось 200 кв. миль неразминированных при общей площади города 500 кв. миль.[166]

Не считая мин, основная проблема для большинства жителей Кабула — это найти достаточное количество грязных афганских банкнот и заплатить за еду. Хотя лавки полны контрабандными продуктами из Ирана и Пакистана, у людей нет денег, чтобы это купить. Афганские хирурги, еще не уехавшие из Кабула, получают 5 долларов в месяц. Выжить они могут только благодаря тому, что им доплачивает Международный Комитет Красного Креста. Среднемесячная зарплата составляет 1–3 доллара США. Из-за повальной нищеты и отсутствия работы значительная часть городского населения полностью зависит от субсидий на продукты, предоставляемых ООН и другими благотворителями. Половина из 1,2 миллионов жителей Кабула получают ту или иную помощь от западных благотворительных организаций.

Это заставляет ООН постоянно мучиться вопросом, не служит ли гуманитарная помощь продолжению войны. Она дает военным вождям возможность на законном основании не заботиться о гражданском населении. Талибан всегда говорил, что он не отвечает за население, — Аллах подаст. Ко страдания простых афганцев только возрастут, если ООН и другие благотворители перестанут оказывать им помощь. В особенности это касается вдов и сирот.

В 1998 году экономическое положение заметно ухудшилось. Землетрясения разрушили Северный Афганистан, осада талибами Хазараджата вызвала голод в центральных районах, наводнение в Кандагаре затопило селения и посевы, а городское население осталось без хлеба после американских ракетных ударов и ухода благотворительных организаций в августе 1998 года. Холодной зимой 1998/99 годов на улицах Кабула было много голодающих, которым приходилось каждый день выбирать между едой и топливом для своего жилища. Но есть и некоторые признаки надежды — если наступит мир. Мировая продовольственная программа ООН считает, что урожай пшеницы в 1998 году

составит 3,85 миллионов тонн, что на пять процентов больше прошлого года, он станет самым высоким урожаем с 1978 года.

Это результат роста безопасности в сельских районах, контролируемых талибами, прекращения боевых действий и возвращения беженцев, которые начинают обрабатывать свою землю. Хотя до сих пор 1,2 миллиона беженцев живут в Пакистане и 1,4 миллионов — в Иране, но в 1992–1999 годах более 4 миллионов беженцев вернулось домой. Однако Талибан и ООН по-прежнему вынуждены были импортировать 750 000 тони пшеницы в 1998 году, чтобы возместить недостаток продовольствия в городах. Ясно, что не Талибан превратил Афганистан в экономическую пустыню. Скорее, он унаследовал ее с гражданской войны, которую различные партии вели друг против друга с 1992 года. Но ни одна партия, включая Талибан, не уделяла внимания нуждам гражданского населения.

Неудивительно, что страны Запада уже устали подавать нищим — они с неохотой выделяют новые средства на гуманитарную помощь стране, в которой постоянно идет война, а военные вожди ведут себя безответственно. «Мера страданий, перенесенных афганским народом, буквально чудовищна, — говорит Альфредо Витски-Честари, бывший до 1998 года координатором ООН по Афганистану. — Проходят годы, а денег все меньше и меньше. Мы собираем меньше половины того, что просим».[167] Военные вожди совершенно не задумываются о будущем восстановлении страны. Черная дыра на месте афганской экономики становится все шире и шире, затягивая в себя все больше афганцев и всех жителей региона.

Глава 10. Глобальный джихад «Арабские афганцы» и Усама бин Ладен

Торкхам — пограничный поселок, с которого начинается Хайберский перевал. Цепь, натянутая поперек дороги, обозначает афгано-пакистанскую границу. С пакистанской стороны стоят нарядно одетые ополченцы из пограничной стражи в серых *шальвар камиз* и тюрбанах. На дворе апрель 1989 года, советские войска только что покинули Афганистан. Я возвращался в Пакистан из Кабула, но граница оказалась закрыта. Утомившись в пути, я лежал на поросшей травой обочине с афганской стороны и ждал.

Неожиданно за моей спиной подъехал и остановился грузовик, полный моджахедов. Но его пассажиры не были афганцами. Бледнолицые арабы, голубоглазые уроженцы Средней Азии и темные, похожие на китайцев, люди в небрежно завернутых тюрбанах и плохо подогнанных *шальвар камиз.* Подпоясанные патронными лентами, они держали в руках автоматы Калашникова. Не считая единственного афганца, бывшего у них за переводчика и гида, ни один из тридцати иностранцев не говорил на пушту, дари и даже на урду. Дожидаясь, пока граница откроется, мы разговорились.

Группа состояла из филиппинцев народности моро, узбеков из советской Средней Азии, арабов из Алжира, Египта, Саудовской Аравии и Кувейта и уйгуров из китайского Синьцзяна. Их проводник был членом хекматьяровской партии *Хизб-и-Ислами.* Они проходили подготовку в лагере недалеко от границы и ехали в Пешавар на выходные. Там они надеялись получить почту из дома, переодеться в чистую одежду и хорошо поесть. Они приехали, чтобы вести джихад вместе с моджахедами, научиться владеть оружием, изготавливать бомбы и вести бой, чтобы потом начать джихад у себя дома.

Вечером того же дня премьер-министр Беназир Бхутто давала обед для журналистов в Исламабаде. Среди гостей был генерал-лейтенант Хамид Голь, глава разведки и самый ярый исламист среди военных после смерти Зия-уль-Хака. Советы ушли, и генерал Голь торжествовал. Я спросил, не играет ли он с огнем, приглашая мусульманских радикалов из исламских стран, считающихся союзниками Пакистана, Если они будут устраивать беспорядки у себя на родине, это может угрожать внешней политике Пакистана, не так ли? «Мы ведем джихад, и это первая исламская интербригада современной эпохи. У коммунистов есть свои интербригады, у Запада есть НАТО, почему бы и мусульманам не быть вместе и не создать единый фронт?» — ответил генерал. Это было первым и единственным оправданием явления, которое уже тогда называли «арабскими афганцами», — хотя никто из этих людей не был афганцем, а многие не были арабами.

Тремя годами ранее, в 1986 году, директор ЦРУ Уильям Кейси расширил войну против Советского Союза, приняв три важных, но совершенно секретных для того времени решения. Он убедил Конгресс передать моджахедам переносные зенитно-ракетные комплексы «Стингер» американского производства, чтобы сбивать с их помощью советские самолеты, и направить американских советников для подготовки партизан. До той поры ни американское оружие, ни американские военнослужащие не принимали прямого участия в войне. Во-вторых, ЦРУ, английская разведка *MI6* и пакистанская *ISI* совместно выработали провокационный план партизанских набегов на советские среднеазиатские республики — Таджикистан и Узбекистан, мусульманское мягкое подбрюшье советского государства и ближний тыл советской группировки в Афганистане. Эта задача была поручена фавориту пакистанской разведки среди лидеров моджахедов Гольбуддину Хекматьяру. В марте 1987 года небольшие группы партизан, действуя со своих баз на севере Афганистана, переправились через Амударью и впервые обстреляли ракетами несколько таджикских деревень на советской стороне. Получив эту весть, Кейси был в восторге, и во время очередного тайного визита в Пакистан он пересек афганскую границу вместе с президентом Зия-уль-Хаком и произвел смотр моджахедов.[168]

В-третьих, Кейси от имени ЦРУ поддержал давнюю инициативу пакистанской разведки — вербовать мусульманских радикалов со всего мира для того, чтобы воевать совместно с афганскими моджахедами. Пакистанская разведка поддерживала это движение с 1982 года, а теперь и все остальные игроки имели свои причины одобрить идею. Президент Зия-уль-Хак стремился укрепить мусульманское единство, сделать Пакистан лидером исламского мира и помочь исламской оппозиции в Средней Азии. Вашингтону хотелось показать, что весь мусульманский мир сражается против Советского Союза плечом к плечу с афганцами и их американскими благодетелями. А саудовцы увидели в этом возможность для пропаганды ваххабизма и избавления от своих собственных разочарованных радикалов. Никто из участников игры не понимал, что у добровольцев есть и свои планы, а их ненависть к Советам впоследствии обернется против американцев и против их собственных правителей.

Все пакистанские посольства уже имели указание без проволочек выдавать визы любому, кто захочет сражаться вместе с моджахедами. На Ближнем Востоке «Братья-мусульмане», саудовская Всемирная Мусульманская Лига и организации палестинских радикалов-исламистов собирали рекрутов и передавали их пакистанцам. Пакистанская *ISI и Джамаат-и-Ислами* создали приемные комиссии, которые встречали, устраивали и обучали прибывающих бойцов, а затем помогали им присоединиться к моджахедам, обычно к *Хизб-и-Ислами*. Все это делалось на деньги саудовской разведки. Французский ученый Оливье Руа называл это «совместным предприятием саудовцев, „Братьев-мусульман“ и *Джамаат-и-Ислами*, созданным пакистанской разведкой».[169]

В 1982–1992 годы около 35 тысяч мусульманских радикалов из 43 мусульманских стран Среднего Востока, Северной и Восточной Африки, Средней Азии и Дальнего Востока получили боевое крещение у афганских моджахедов. Кроме того, десятки тысяч иностранных исламистов приехали учиться в сотнях новых *медресе*, созданных на деньги правительства генерала Зия-уль-Хака в Пакистане и на афганской границе. Таким образом более 100 тысяч исламистов были связаны с Пакистаном и Афганистаном и попали под влияние идей джихада.

Радикалы, впервые встретившие друг друга в лагерях под Пешаваром или в Афганистане, вместе учились, вместе проходили военную подготовку и вместе сражались. В большинстве своем; они впервые узнали о существовании радикального ислама в других странах и приобрели связи, которые сослужат им хорошую службу в будущем. Лагеря стали настоящими университетами будущего радикального ислама. Ни одна из разведывательных служб, участвовавших в деле, не хотела задуматься о последствиях скопления в одном месте тысяч исламистов со всего мира. «Что важнее для всемирной истории? Талибан или крах Советской Империи? Несколько взбудораженных мусульман или освобождение Центральной Европы и конец холодной войны?» — говорил Збигнев Бжезинский, бывший советник президента США по национальной безопасности.[170] Американские граждане проснулись только в 1993 году, когда исламские боевики, прошедшие Афганистан, взорвали Всемирный Торговый Центр в Нью-Йорке, убив шестерых и ранив более 1000 человек.

«После войны, — писал Самюэль Хантингтон, — сложилась неустойчивая коалиция исламистских организаций, преисполненных решимости бороться за распространение ислама против всех немусульманских сил. В наследство от войны также достались хорошо обученные и опытные бойцы, тренировочные лагеря и полигоны, служба тылового обеспечения, разветвленные трансисламские сети личных и организационных отношений, большое количество военного снаряжения, в том числе от 300 до 500 ракет к установкам „Стингер“, и, что наиболее важно, опьяняющее чувство силы и уверенности в себе, гордость от совершенных деяний и горячее стремление к новым победам». [171]

Большинство исламистов рассуждало так: если афганский джихад победил одну великую державу, Советский Союз, то почему они не смогут победить и другую сверхдержаву, США, и своих собственных правителей? Логика этого рассуждения опирается на простую посылку, что афганский джихад сам по себе был единственной причиной, поставившей Советский Союз на колени. Многочисленные внутренние причины, приведшие к краху советского строя, обычно опускались. Тогда как США воспринимали крах Советского государства как провал коммунистической системы, многие мусульмане видели в этом лишь победу ислама. Для боевиков, вдохновленных этой верой, случившееся напоминало тот смерч, которым ислам пронесся по миру в VII–VIII веках. Они

полагали, что новая исламская умма может быть основана на крови и жертвах нового поколения мучеников и в последующих победах.

Среди этих тысяч иностранных рекрутов был и молодой саудовский студент Усама бин Ладен, сын строительного магната из Йемена Мухаммада бин Ладена, близкого друга покойного короля Фейсала, чья компания сказочно разбогатела на заказах на реставрацию и расширение священных мечетей в Мекке и Медине. Пакистанской разведке давно хотелось, чтобы эмир Турки, директор *Истахбарат* (саудовской разведки), поставил во главе саудовского легиона одного из принцев крови, чтобы показать мусульманам приверженность королевской семьи джихаду. В борьбе участвовали только бедные саудовцы: студенты, водители такси и кочевники-бедуины, но ни один из избалованных членов правящей династии не был готов к нелегкой жизни в горах Афганистана. Бин Ладен, хотя и не королевской крови, был достаточно близок к трону и богат, чтобы возглавить саудовский легион. Впоследствии бин Ладену эмир Турки и генерал Голь крепко подружились и стали союзниками в общей борьбе.

Центром «арабских афганцев» были офисы Всемирной Мусульманской Лиги и «Братьев-мусульман» в Пешаваре. Последним руководил Абдулла Азам, палестинец из Иордании. Бин Ладен познакомился с ним в университете Джидды и уважал его, как своего наставника. Азам был убит взрывом бомбы в 1989 году в Пешаваре вместе со своими двумя сыновьями. В 80-е годы Азам установил прочные связи с Хекматьяром и Абдур Расул Сайафом, афганским знатоком ислама, направленным саудовским правительством в Пешавар для пропаганды ваххабизма. Саудовцы давали деньги Азаму и Центру Обслуживания (*Мактаб-уль-Хидмат*), созданному Азамом в 1984 году для приема новых добровольцев и сбора пожертвований от исламских благотворительных организаций. Пожертвования от саудовской разведки, саудовского Красного Полумесяца, Всемирной Мусульманской Лиги и от частных лиц распределялись через *Мактаб.* Спустя десять лет *Мактаб* вновь выйдет на поверхность, став центром паутины радикальных организаций, способствовавших взрыву Всемирного Торгового Центра в 1993 году и американских посольств в Африке в 1998 году.

До Афганистана жизнь бин Ладена не была отмечена ничем экстраординарным. Он родился примерно в 1957 году и был 17-ым из 57 детей. Его отец был из Йемена, а мать — из Саудовской Аравии. Она была одной из многих жен Мухаммада бин Ладена.

Бин Ладен учился на магистра управления в Университете имени короля Абд аль-Азиза в Джидде, но быстро переключился на изучение ислама. Худой, высокорослый (шесть футов пять дюймов), длиннорукий, длинноногий и длиннобородый, он запомнился своим друзьям-сверстниками спокойным, благочестивым человеком, вовсе не созданным для великих дел.[172]

Его отец поддерживал борьбу афганцев и помогал им деньгами. Когда бин Ладен решил присоединиться к джихаду, его семья горячо поддержала такое

решение. В 1980 году он впервые побывал в Пешаваре, где встретился с вождями моджахедов. Он часто приезжал туда, привозя с собой деньги для движения, а в 1982 году решил обосноваться в этом городе. Он привез с собой инженеров-строителей и тяжелую строительную технику, чтобы строить дороги и склады для моджахедов. В 1986 году он помогал строить подземный город в районе Хоста, высоко в горах, неподалеку от пакистанской границы, где на деньги ЦРУ сооружался большой склад оружия, тренировочный центр и госпиталь для моджахедов. В Хосте он впервые построил свой собственный тренировочный лагерь для «арабских афганцев», которые все более и более считали этого голенастого, богатого и харизматического саудовца своим вождем.

«Когда надо было бороться с русскими атеистами, саудовцы назвали меня своим представителем в Афганистане, — рассказывал бин Ладен позднее. — Я обосновался в Пакистане, в районе афганской границы. Там ко мне приходили добровольцы из Саудовского Королевства и из других арабских и мусульманских стран. Я основал свой первый лагерь, там пакистанские и американские офицеры обучали добровольцев. Оружие давали американцы, деньги — саудовцы. Я понял, что мало сражаться в Афганистане, но мы должны воевать на всех фронтах, против коммунистов или против западных угнетателей».[173]

Позднее бин Ладен утверждал, что участвовал в засадах против советских войск, но главным образом он использовал свое богатство и саудовские пожертвования, чтобы строить для моджахедов и распространять среди афганцев ваххабизм. После гибели Азама в 1989 году он возглавил организацию Азама и основал *Аль-Каиду,* или «военную базу», центр, помогавший «арабским афганцам» и их семьям. Конечная цель — союз бойцов. При помощи бин Ладена тысячи арабских боевиков обосновались в провинциях Кунар, Нуристан и Бадахшан. Но их крайний ваххабизм вызывал отторжение у большинства афганцев. А своим союзом с пуштунами-ваххабитами «арабские афганцы» настроили против себя непуштунов и мусульман-шиитов.

Ахмад Шах Масуд позднее критиковал «арабских афганцев». «В годы джихада у моей фракции не было добрых отношений с „арабскими афганцами“. Но зато у них были очень хорошие отношения с фракциями Абдур Расул Сайафа и Гольбуддина Хекматьяра. Когда моя фракция в 1992 году вошла в Кабул, „арабские афганцы“ сражались против нас вместе с Хекматьяром. Мы попросим их [арабов] уйти из нашей страны. Бин Ладен больше вредит, чем помогает», — сказал Масуд в 1997 году после того, как талибы выгнали его из Кабула.[174]

В 1990 году бин Ладен, удрученный склоками среди моджахедов, вернулся в Саудовскую Аравию с тем, чтобы работать в семейном бизнесе. Он основал благотворительную организацию для арабских ветеранов Афганистана, которых только в Мекке и Медине было не менее 4000 человек, и давал деньги семьям погибших. После иракского вторжения в Кувейт он предлагал королевскому двору создать народное ополчение для защиты страны, намереваясь поднять

ветеранов-«афганцев» на борьбу с Ираком. Вместо этого король Фахд позвал американцев. Для бин Ладена это стало тяжелейшим ударом. Когда полумиллионная американская армия начала прибывать в страну, бин Ладен открыто критиковал королевскую семью и лоббировал среди *улемов* издание *фетвы,* или религиозного запрета на пребывание немусульманских войск в стране.

Его критика стала еще острее после того, как 20 000 американских солдат остались в Саудовской Аравии и после освобождения Кувейта. В 1992 году в жарком споре с министром внутренних дел эмиром Наифом он назвал последнего предателем ислама. Наиф пожаловался королю, и бин Ладен был объявлен *persona non grata.* Но у него остались сторонники в королевской семье, которые, как и он, не любили Наифа. Бин Ладен сохранил свои связи с саудовской и пакистанской разведкой.

В 1992 году бин Ладен уехал в Судан, чтобы принять участие в исламской революции, вождем которой был харизматический Хасан Тураби. Его постоянная критика настолько раздражала королевскую семью, что в 1994 она решилась на неслыханный шаг — он был лишен саудовского гражданства. Именно в Судане бин Ладен, пользуясь своими связями и богатством, собрал вокруг себя еще большее число ветеранов афганской войны, которые, как и он, с отвращением отнеслись к американской победе над Ираком и к поведению арабской правящей элиты, позволившей американцам остаться в Персидском Заливе. Поскольку США и Саудовская Аравия упрекали Судан за укрывательство бин Ладена, правительство Судана попросило его уехать.

В мае 1996 года бин Ладен вернулся в Афганистан, прилетев в Джелалабад чартерным рейсом в сопровождении десятков арабских боевиков, телохранителей и домашних, включая трех жен и тринадцать детей. Там он и жил под покровительством Джелалабадской Шуры до завоевания талибами Кабула и Джелалабада в сентябре 1996 года. В августе 1996 года он впервые объявил джихад Америке, которая, по его словам, оккупировала Саудовскую Аравию. «Стены угнетения и унижения падут только под градом пуль», — говорилось в его заявлении. Подружившись с Муллой Омаром, он в 1997 году перебрался в Кандагар, под покровительство Талибана.

К тому времени ЦРУ создало специальную группу для отслеживания его действий и связей с другими исламскими боевиками. В докладе госдепартамента США в августе 1996 года отмечалось, что бин Ладен «является одним из наиболее значимых спонсоров деятельности исламских экстремистов во всем мире». Доклад сообщал, что бин Ладен финансирует лагеря террористов в Сомали, Египте, Судане, Йемене и Афганистане. В апреле 1996 года президент Клинтон подписал Закон о борьбе с терроризмом, который позволил США замораживать активы террористических организаций. Он был впервые приведен в действие для того, чтобы закрыть бин Ладену доступ к его состоянию, которое оценивалось в 250–300 миллионов долларов США.[175] Через несколько месяцев

египетская разведка объявила, что бин Ладен готовит тысячу боевиков, второе поколения «арабских афганцев», чтобы совершить исламскую революцию в арабских странах.[176]

В начале 1997 году ЦРУ создало специальный отряд и отправило его в Пешавар с тем, чтобы захватить бин Ладена и вывезти его из Афганистана. Американцы завербовали нескольких афганцев и пакистанцев в качестве помощников, но затем операция *была* отменена. Из-за активности американцев в Пешаваре бин Ладена убедили перебраться в более безопасный Кандагар. 23 февраля 1998 году на встрече в том самом лагере под Хостом все группы, связанные с *Аль-Каида*, выпустили манифест от имени Международного исламского фронта джихада против евреев и крестоносцев. В манифесте было заявлено, что «более семи лет США оккупируют землю ислама, средоточие его святынь — Аравийский полуостров, присваивают его богатства, диктуют свою волю правителям, унижают его народ, устрашают его соседей, превращают свои базы на полуострове в орудие борьбы против соседних мусульманских народов».

На встрече была составлена *фетва*. «Закон гласит, что убивать американцев и их союзников — гражданских и военных — личный долг каждого мусульманина, который в состоянии сделать это, в любой стране, где это возможно». Впервые бин Ладен сформулировал политический принцип, направленный не просто против саудовского королевского дома или против американцев, а призывающий к освобождению всего мусульманского Среднего Востока. По мере усиления американской воздушной войны против Ирака в 1998 году бин Ладен призвал всех мусульман «противостоять, сражаться и убивать» американцев и англичан.[177]

Однако лишь после взрывов американских посольств в Кении и Танзании, где было убито 220 человек, имя бин Ладена стало известно каждому мусульманину и каждому жителю Запада. Всего 13 дней спустя США обвинили бин Ладена в совершении террористического акта и отомстили ему, выпустив 70 крылатых ракет по лагерям в районах Хоста и Джелалабада, Пострадали несколько лагерей, которые Талибан передал бин Ладену и пакистанским радикальным организациям. Основной удар пришелся по лагерю «Аль-Бадр», контролируемому бин Ладеном, и по лагерям «Халид бин Валид» и «Муавия», принадлежавшим пакистанскому движению *Харакат-уль-Ансар*. *Харакат* использовала свои лагеря для подготовки кашмирских боевиков, воевавших против индийской армии. При обстреле погибло несколько иностранцев: трое йеменцев, двое египтян, один из Саудовской Аравии и один турок. Кроме того, погибло семь пакистанцев и двадцать афганцев.

В ноябре 1998 года США объявляют о награде в 5 миллионов долларов за поимку бин Ладена. Американцы были еще больше взбудоражены, когда бин Ладен заявил, что, будучи мусульманином, он считает своим долгом завладеть химическим и ядерным оружием и использовать его против США. «Для

мусульманина было бы грехом не пытаться завладеть оружием, которое помешало бы неверным причинять вред мусульманам. Борьба с Америкой — обязанность правоверного, и мы надеемся получить за это награду у Бога», — сказал он.[178]

В течение нескольких недель, прошедших после африканских взрывов, американцы до такой степени превратили бин Ладена в пугало, что стали обвинять его во всяком враждебном действии, совершенном против Америки в мусульманском мире за последнее время. В постановлении суда Нью-Йорка бин Ладен обвинялся в смерти 18-ти американских солдат в городе Могадишо, Сомали, в 1993 году; в гибели 5-ти военнослужащих при взрыве бомбы в Эр-Рияде в 1995 году и в смерти еще 19-ти американских солдат в Дахране в 1996 году. Его подозревали также в причастности к взрыву в Адене в 1992 году, взрыве во Всемирном Торговом Центре в 1993 году, в заговоре с целью убийства президента Клинтона на Филиппинах в 1994 году и в подготовке взрыва дюжины американских гражданских самолетов в 1995 году.[179] Но даже американские эксперты высказывали большие сомнения по поводу его причастности ко всем этим операциям.[180]

Но администрация Клинтона в это время барахталась в болоте дела Моники Левински и нуждалась в простом и всеобъемлющем объяснении всех нераскрытых терактов. Вашингтон объявил бин Ладена центром всемирного заговора против США. Вашингтон не мог признать, что афганский джихад, организованный при поддержке ЦРУ, породил десятки организаций исламских фундаменталистов во всем мусульманском мире. Эти фундаменталисты были обижены не столько на американцев, сколько на своих собственных правителей, продажных и некомпетентных. Еще в 1992–1993 годах лидеры Алжира и Египта советовали Вашингтону принять активное участие в афганских делах, закончить войну и покончить с пребыванием там «арабских афганцев». Но Вашингтон не обратил внимания на это предупреждение и по-прежнему пренебрегал Афганистаном, несмотря на эскалацию гражданской войны.[181]

Опасения алжирцев вполне оправдались — первый взрыв с участием «арабских афганцев» случился именно в Алжире. В 1991 году Исламский фронт спасения (ИФС) победил в первом туре парламентских выборов, получив более 60 процентов мест. Алжирская армия отменила выборы, установив в январе 1992 года президентское правление. Через два месяца разразилась кровавая гражданская война, число жертв которой к 1999 году достигло 70 тысяч человек. ИФС уступил первенство организации «Исламский джихад», которая в 1995 году была переименована в «Вооруженную исламскую группу» *(Groupe Islamique Arme, GIA).* Ею руководили «алжирские афганцы» — ветераны войны в Афганистане, неоваххабиты. Они планировали устроить в Алжире кровавую бойню, дестабилизировать положение в Северной Африке и вызвать рост исламского экстремизма во Франции. И Алжир был только началом. Следы от

взрывов бомб, устроенных исламистами в Египте, также вели к египетским ветеранам, получившим подготовку в Афганистане.

Бин Ладен был знаком со многими из организаторов этих актов насилия, поскольку жил и воевал вместе с ними в Афганистане. Его организация, помогавшая ветеранам войны и их семьям, поддерживала с ними связи. Он мог финансировать некоторые из их операций, но едва ли он знал обо всем, что они собираются делать и какие задачи они себе ставят. Положение бин Ладена внутри исламской религиозной структуры всегда было непрочным. Он не был ни законоведом, ни богословом, а потому не мог на законном основании издавать *фетвы* — хотя и делал это. На Западе его призывы «уничтожить Америку» считались *фетвами,* хотя для мусульман они не были настолько значимы.

«Арабские афганцы», знавшие его во времена джихада, говорят, что он не был интеллектуалом и не высказывался определенным образом о том, что необходимо изменить в мусульманском мире. В этом отношении он не являлся для исламской революции ни Лениным, ни Че Геварой.

Своим бывшим сотрудникам бин Ладен казался очень впечатлительным человеком, постоянно нуждавшимся в учителях, которые знали бы больше, чем он, как об исламе, так и о современном мире. К длинному списку учителей его юности следует добавить доктора Аймана аз-Завахири, главу запрещенного египетского «Исламского джихада», и двух сыновей шейха Омара Абд ар-Рахмана, слепого египетского проповедника, ныне сидящего в американской тюрьме за взрыв во Всемирном Торговом Центре, возглавлявшего также запрещенную организацию *Аль-Гамаа Исламийя* в Египте. На протяжении афганского джихада он был знаком с руководящими лицами Национального Исламского Фронта Судана, *Хизбулла* в Ливане и палестинской ХАМАС, радикальной организации, действующей на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа. В Кандагаре вокруг него были люди из Чечни, Бангладеш, Филиппин, Алжира, Кении, Пакистана, американские мусульмане, многие из которых были более начитаны и лучше информированы, чем бин Ладен. Но они не могли выехать из Афганистана, так как числились в американском розыске. Бин Ладен давал им убежище и финансовую поддержку.

После взрывов в Африке США организовали операцию поистине глобального масштаба. Было арестовано более 80 боевиков в двенадцати странах. Боевиков ловили в границах «полумесяца», тянущегося от Танзании, Кении, Судана и Йемена через Пакистан, Бангладеш и Малайзию до Филиппин.[182] В декабре 1998 года индийские власти арестовали боевиков из Бангладеш, готовившихся взорвать американское консульство в Калькутте. Семеро афганцев с фальшивыми итальянскими паспортами были арестованы в Малайзии по обвинению в подготовке серии взрывов.[183] По данным ФБР, йеменские боевики, похитившие в декабре 1998 году 16 западных туристов, получали деньги от бин Ладена.[184] В феврале 1999 года власти Бангладеш объявили, что

бин: Ладен послал миллион долларов организации *Харакат-уль-Джихад* в Дакке, некоторые члены которой прошли подготовку и воевали в Афганистане. Лидеры *Харакат-уль-Джихад* заявили, что хотят превратить Бангладеш в исламское государство по примеру талибов.[185]

За тысячу миль от Дакки, в Западной Африке, в столице Мавритании Нуакшоте было арестовано еще несколько боевиков, прошедших подготовку у бин Ладена. Их подозревали в заговоре и подготовке взрывов.[186] Тем временем на суде над 107-ю членами организации *Аль-Джихад* в военном трибунале в Каире офицеры египетской разведки показали, что бин Ладен финансировал *Аль-Джихад*.[187] В феврале 1999 года ЦРУ утверждало, что, наблюдая за контактами бин Ладена с помощью спутника, ему удалось предотвратить взрывы американских учреждений в Саудовской Аравии, Албании, Азербайджане, Таджикистане, Уганде, Уругвае и Кот-д'Ивуар — подчеркивая тем самым географический размах афганских ветеранов. Администрация Клинтона выделила в 1999 году 6,7 миллиардов долларов США на борьбу с терроризмом, а антитеррористический бюджет ФБР вырос с 118 миллионов долларов до 286 миллионов. ФБР отрядило на борьбу с терроризмом 2650 своих агентов, что вдвое больше, чем в предыдущем году.

Но больше всего от деятельности «арабских афганцев» пострадали Пакистан и Саудовская Аравия, стоявшие у колыбели их движения. В марте 1997 году три араба и двое таджиков были убиты в перестрелке с полицией в лагере афганских беженцев под Пешаваром. Они принадлежали к радикальной группе ваххабитов *Тафкир* и планировали взрыв во время встречи глав исламских государств в Исламабаде.

С благословения Пакистана, Талибана и бин Ладена «арабские афганцы» вступали в пакистанскую организацию *Харакат-уль-Ансар*, чтобы воевать против индийской армии в Кашмире. Когда арабы стали наводить в долине Кашмира свои ваххабитские порядки, настоящие кашмирские боевики почувствовали себя оскорбленными. Правительство США в 1996 году объявило *Ансар* террористической организацией, после чего та сменила имя на *Харакат-уль-Муджахиддин*. Все пакистанцы, погибшие во время ракетного обстрела лагерей в районе Хоста, были членами *Ансар*. В 1999 году *Ансар* объявила, что установит в Кашмире строгий ваххабитский порядок в одежде и запретит джинсы и куртки. 15 февраля 1999 году члены *Ансар* обстреляли и ранили троих владельцев кабельных сетей в Кашмире за то, что те транслировали западные спутниковые каналы. До этого *Ансар* уважала свободные обычаи кашмирских мусульман, но действия «арабских афганцев» пошли во вред интересам кашмирского движения и дали Индии удачный повод для пропаганды.[188]

Когда Вашингтон потребовал у премьер-министра Наваза Шарифа арестовать бин Ладена, Пакистан встал перед серьезной проблемой. Пакистанская *ISI* поддерживала тесные контакты с бин Ладеном, который помогал финансировать и готовить кашмирских боевиков в лагерях под Хостом.

Приехав в Вашингтон в декабре 1998 года, Шариф оказался перед дилеммой. Сам Шариф попытался замять вопрос, но другие пакистанские официальные лица довольно грубо напомнили американцам о том, как они вместе помогли появлению на свет сначала бин Ладена в 80-е годы, а потом: и Талибана в 90-е. Сам бин Ладен в интервью указал на то, что некоторые люди в пакистанской разведке продолжают его поддерживать: «В Пакистане, слава Богу, есть правительственные учреждения, в которых исламские чувства масс находят поддержку. Это выражается в симпатии и сотрудничестве. К несчастью, другие правительственные учреждения попали в сети, расставленные неверными. Мы молим Бога, чтобы он вернул их на путь истины».[189]

Поддержка бин Ладена частью пакистанской элиты — еще одно противоречие афганской политики Пакистана, которое подробно исследуется в главе 14. США были ближайшим союзником Пакистана и располагали тесными связями в военных кругах и в разведке. Но и талибы, и бин Ладен давали убежище и готовили кашмирских боевиков, поддерживаемых Пакистаном, и не в интересах Исламабада было мешать этому. Хотя американцы много раз пытались убедить пакистанскую разведку помочь в поимке бин Ладена, пакистанцы отказывались, хотя и помогли США в аресте нескольких его сподвижников. Без поддержки Пакистана США не могли даже надеяться захватить бин Ладена силами коммандос или провести более точную бомбардировку — для таких рейдов им нужно было иметь базу в Пакистане. В то же время США не решались публично говорить о пакистанской поддержке талибов, так как все еще надеялись на их помощь в поимке бин Ладена.

Саудовцы находились в еще большем затруднении. В июле 1998 года эмир Турки посетил Кандагар, а через несколько недель туда прибыли 400 новых пикапов для движения Талибан, еще с дубайскими номерами. Саудовцы финансировали завоевание талибами Северного Афганистана осенью того же года. До взрывов в Африке саудовцы, несмотря на американское требование прекратить поддерживать Талибан, продолжали снабжать талибов деньгами и ничего не говорили про необходимость выдачи бин Ладена.[190] Причины их молчания объяснить еще сложнее. Саудовцы предпочитали оставить бин Ладена в Афганистане, так как если бы американцы арестовали и судили его, то правда о его отношениях с некоторыми симпатизирующими ему членами династии и сотрудниками разведки вышла бы наружу — а это было бы крайне нежелательно. Саудовцы предпочитали, чтобы бин Ладен был мертв или в плену у талибов — но не в плену у американцев.

После африканских взрывов в августе 1998 года давление американцев на Саудовскую Аравию возросло. Эмир Турки снова приехал в Кандагар, на сей раз для того, чтобы убедить талибов выдать бин Ладена. Мулла Омар отказался это сделать и оскорбил эмира Турки и всю саудовскую королевскую династию. Сам бин Ладен так описывал случившееся; «Он [эмир Турки] просил Муллу Омара выдать нас или изгнать нас из Афганистана. Не дело для саудовского режима

приезжать и требовать выдачи Усамы бин Ладена. Эмир Турки приехал как посланец американского правительства».[191] Придя в бешенство от оскорблений, саудовцы прервали дипломатические отношения с Талибаном и прекратили всякую помощь, хотя и не перестали признавать правительство талибов.

Сегодня бин Ладен приобрел большое влияние среди талибов, но так было не всегда. До захвата Кабула в 1996 году талибы не имели контактов с «арабскими афганцами» и их панисламской идеологией. Пакистан сильно помог знакомству бин Ладена с лидерами талибов, так как был заинтересован в использовании лагерей вокруг Хоста кашмирскими наемниками. А лагеря были в руках у талибов. Уговоры Пакистана, настойчивость наиболее образованной части талибов, разделявших панисламские идеи, и стремление получить финансовые дивиденды склонили лидеров Талибана к тому, чтобы принять бин Ладена и передать ему лагеря в районе Хоста.

Отчасти для его безопасности, отчасти для того, чтобы: иметь над ним больший контроль, в 1997 году талибы перевели бин Ладена в Кандагар. Сначала он жил как гость, который платит за постой. Он построил дом для Муллы Омара и давал средства другим вождям талибов. Он пообещал вымостить дорогу от города до аэропорта, построить мечети, школы и плотины. Но его благотворительная деятельность так и не началась, поскольку его активы были заморожены. Тем временем бин Ладен вел роскошную жизнь в своем кандагарском особняке в окружении семьи, слуг и товарищей по оружию. Надменное поведение «арабских афганцев» и неудача его благотворительных проектов вызвали недовольство местных жителей. Кандагарцы видели, что плоды щедрости арабов достаются не простым людям, а вождям талибов.

Бин Ладен показал себя еще более ценным человеком, послав несколько сот «арабских афганцев» участвовать в наступлении на севере в 1997–1998 годах. Эти бойцы-ваххабиты помогли талибам устроить резню шиитов-хазарейцев на севере. Несколько сотен «арабских афганцев», базировавшихся в военном гарнизоне Ришкор неподалеку от Кабула, сражались против Масуда на кабульском фронте. Воззрения бин Ладена стали все больше определять видение мира у руководства Талибана. Длившиеся заполночь беседы бин Ладена с вождями талибов начали приносить результаты. До его приезда талибы не были особенно враждебны западу и США, а только настаивали на своем дипломатическом признании.

Однако после взрывов в Африке талибы стали все громче высказываться против американцев, ООН, саудовцев и мусульманских правителей во всем мире. Их язык становится похожим на язык бин Ладена, язык вызова и ненависти, изначально несвойственный талибам. По мере того как США все больше давили на Талибан, требуя выдать бин Ладена, те отвечали, что он их гость, и не в обычаях афганцев выгонять своих гостей. Когда им показалось, что США готовят еще одну военную операцию против бин Ладена, Талибан

попробовал договориться с Вашингтоном — позволить бин Ладену уехать из страны в обмен на признание со стороны США. До зимы 1998 года бин Ладен представлялся Талибану скорее активом, разменной монетой в переговорах с американцами.

Государственный департамент США установил спутниковую телефонную линию для прямых переговоров с Муллой Омаром. Сотрудники афганского отдела вместе с переводчиком, владевшим пушту, вели долгие беседы с Омаром и обсуждали различные варианты, но безуспешно.[192] К началу 1999 года талибы начали понимать, что компромисс с США невозможен, и они стали смотреть на бин Ладена как на обузу. Срок ультиматума, поставленного Соединенными Штатами, истекал в феврале 1999 года — талибы должны были либо выдать бин Ладена, либо понести ответственность за последствия. Им пришлось сделать так, чтобы бин Ладен незаметно исчез из Кандагара. Этим Талибан выиграл немного времени, но не более того.

«Арабские афганцы» прошли полный круг истории. Сначала, в 80-е годы, они были просто приложением к афганскому джихаду и холодной войне. В 90-е они сами стали играть главную роль для афганцев, их соседей и Запада. Теперь США расплачиваются зато, что они пренебрегали Афганистаном в 1992–1996 годах, когда талибы дали приют наиболее враждебным и воинственным исламистам из тех, с которыми мир столкнулся после окончания холодной войны. Афганистан стал вторым домом всех исламских интернационалистов и террористов, а американцы и западный мир растеряны и не знают, как поступить.

Часть 3. Новая Большая игра

Глава 11. Диктаторы и нефтяные магнаты Талибан, Средняя Азия, Россия, Турция и Израиль

Строительство большого нового аэропорта в Ашхабаде, столице Туркменистана, было завершено в 1996 году. Гигантское роскошное здание было построено в надежде на западные авиакомпании, которые, как ожидалось, устремятся в богатую нефтью и газом республику в пустыне. Но тишина эхом отдается в его пустых залах. Через несколько месяцев половину здания закроют, чтобы сэкономить на обслуживании, а другая половина до самого 1999 года будет принимать по несколько рейсов в неделю.

В 1995 году в городе Сарах на границе с Ираном был построен новый железнодорожный вокзал. Мраморные стены, мраморные кассовые стойки. Волны каракумского песка облизывают здание со всех сторон. Стоит удушливая жара. Вокзал находится на туркменской стороне новой железной дороги Мешхед-Ашхабад. Дорогу построил Иран. Это — первая прямая ветка между Средней Азией и мусульманскими странами после 70 лет взаимной изоляции. Из Ирана приходит два поезда в неделю: пассажирский и грузовой. Большую часть времени вокзал закрыт.

Связи с внешним миром были главным приоритетом для всех республик Средней Азии после того, как в декабре 1991 года они получили независимость. Но десять лет спустя оказалось, что движение по легендарному Шелковому пути было намного интенсивнее, чем в наши дни. Все эти памятники экстравагантности, неадекватных амбиций и несбывшихся надежд были творениями туркменского президента Сапармурада Ниязова. Большая часть скудного бюджета страны тратится им не на поддержание достойного уровня жизни 4,2 миллионов ее жителей, а на культ его драгоценной личности. Но эти миражи в пустыне пока воплощают лишь несбывшиеся надежды на превращение Туркменистана в «новый Кувейт» (так говорил мне Ниязов в декабре 1991 года).[193]

Получив независимость, Туркменистан, как и другие богатые нефтью республики Средней Азии, тщетно надеялся продавать свою нефть и газ на внешнем рынке. Среднеазиатские государства не имели выхода к морю. Их окружали конкуренты, потенциальные враги — Россия, Иран, Афганистан, Узбекистан. Сооружение трубопроводов позволило бы им покончить с изоляцией, избавиться от экономической зависимости от России и заработать валюту для того, чтобы поднять на ноги свою экономику после катастрофы, вызванной распадом Советского Союза. В течение 70 лет все пути сообщения: шоссе, железные дороги, трубопроводы — были устремлены в Россию. Теперь

они хотели стать ближе к Аравийскому морю, Индийскому океану, Средиземноморью и Китаю.

Энергетические ресурсы Каспийского моря и Средней Азии (мы будем называть их районом Каспия, включая в него Казахстан, Туркменистан, Азербайджан и Узбекистан) были очень сильно завышены в течение последних лег. В начале 90-х годов США оценивали нефтяные запасы Каспия в 100–150 миллиардов баррелей (Мб). Цифра была весьма преувеличена, и теперь их оценивают вполовину меньше, или даже в 50 Мб. Доказанные запасы нефти Каспия составляют от 16 до 22 Мб, что сравнимо с запасами США (22 Мб) и Северного моря (17 Мб) и в 10–15 раз меньше, чем все запасы Ближнего Востока.

Несмотря на это, Каспий — последний неразведанный и неиспользованный нефтеносный район мира, и его открытие вызвало сильное оживление среди транснациональных нефтяных корпораций. Западные нефтяные компании сосредоточили свое внимание сначала на Западной Сибири (1991–1992 годы), затем на Казахстане (1993–1994), Азербайджане (1995–1997) и, наконец, Туркменистане (1997–1999). В 1994–1998 годах 24 компании из 13 стран подписали контракты в районе Каспия. Казахстан имеет самые большие запасы нефти — 85 Мб оценочно, но лишь 10–16 Мб доказанных. Азербайджан располагает 27 Мб оценочно и 4–11 Мб доказанных. Туркменистан имеет 32 Мб оценочно и всего 1,5 Мб доказанных запасов. Оценка запасов Узбекистана — 1 Мб.

Доказанные запасы газа в районе Каспия составляют 236–337 триллионов кубических футов (ткф), что сравнимо с запасами США (300 ткф). Туркменистан занимает 11-е место в мире по запасам газа, располагая: 159 ткф оценочных запасов. У Узбекистана 110 ткф, у Казахстана — 88 ткф, а у Азербайджана и Узбекистана[194] по 35 ткф.[195]

Руководители республик Средней Азии были заворожены проектами новых трубопроводов, их маршрутами и связанными с этим геополитическими проблемами. В 1996 году Каспий производил один миллион баррелей нефти в день (б/д), из которых только 300 тысяч б/д на экспорт, в основном из Казахстана. Однако лишь половина этого объема (140 тысяч б/д) вывозилась за пределы бывшего Советского Союза. Каспий давал всего 4 процента мировой добычи нефти. Натурального газа в 1996 году было добыто 3,3 ткф, но только 0,8 ткф пошло на экспорт за пределы бывшего Советского Союза, главным образом из Туркменистана. Регион остро нуждался в новых трубопроводах.

Борьба великих держав за каспийскую нефть и влияние в регионе сравнивали с тем, что происходило в 20-е годы на Среднем Востоке. Но современная Средняя Азия — еще более сложный клубок соперничающих интересов. Великие державы — Россия, Китай, США; соседние страны — Иран, Пакистан, Афганистан, Турция; сами государства Средней Азии и наиболее могущественные игроки, нефтяные компании, участвуют в «новой Большой

игре». Название, введенное мною в оборот в журнальной статье 1997 года, прижилось и было подхвачено всеми: политиками, чиновниками, экспертами и нефтяными компаниями.[196]

Я впервые побывал в Средней Азии в 1989 году во время перестройки, начатой президентом Горбачевым. Я был убежден, что после вывода советских войск из Афганистана национальный вопрос там окажется весьма взрывоопасным. Мне хотелось понять происхождение афганских узбеков, туркменов и таджиков, побывать на их исторической родине. Я часто возвращался туда, его просторными ландшафтами и изучая этнополитический расклад, становившийся все более сложным и неустойчивым. Советский Союз распадался. Случилось так, что я оказался в Ашхабаде во время встречи глав республик Средней Азии 12 декабря 1991 года. Они говорили о распаде Советского Союза и о своей независимости.

Все они оказались националистами поневоле. Они боялись утратить надежность, основанную на поддержке советского государства, и оказаться в одиночестве в большом мире. После того как экономика развалилась в течение нескольких месяцев, значение нефти и необходимость новых трубопроводов стали очевидны. Они начали обсуждать это с западными компаниями, основываясь на переговорах Казахстана с американской компанией *Chevron*. Мои поездки вылились в книгу о Средней Азии. По мере того как Афганистан погружался в трясину гражданской войны, я пришел к выводу, что ее последствия неизбежно скажутся на Средней Азии, и проблема трубопроводов будет определять будущее геополитическое положение региона.[197]

Название «новая Большая игра» напоминает о прошлом. В конце девятнадцатого столетия англичане в Индии и царская Россия вели необъявленную войну за власть и влияние, противодействуя друг другу в Средней Азии и Афганистане. «Туркестан, Афганистан, Закаспийская область, Персия — для многих эти слова означают что-то бесконечно далекое или напоминают о необычайных пороках и смерти от любви. Для меня, признаться, все они — фигуры на шахматной доске, а ставка в этой игре — власть над миром», — писал лорд Керзон незадолго до 1898 года, когда он стал вице-королем Индии.[198] Обе империи расширялись — Британия шла через Индию в Афганистан, а царская армия тем временем покоряла Среднюю Азию.

Афганистан был точкой опоры для тех и других. Англичане боялись, что русские броском на Герат создадут угрозу британскому Белуджистану, а московское золото тем временем превратит кабульских властителей во врагов англичан. Русские опасались, что англичане будут вредить им в Средней Азии, поддерживая восстания мусульманских племен и правителей Бухары и Коканда. Как и сейчас, основная борьба разворачивалась за коммуникационные линии, поскольку обе империи имели обширные программы строительства железных дорог. Русские построили железные дороги через Среднюю Азию до своих

границ с Афганистаном, Персией и Китаем, а англичане — через Индию до афганской границы.

Современная Большая игра также происходит между империями, которые расширяются и сжимаются. В то время как разоренная и ослабевшая Россия пытается сохранить контроль над границами Средней Азии, которые она по-прежнему считает своими, и регулировать поток каспийской нефти по трубопроводам, идущим по российской территории, США предлагают трубопровод в обход России и таким образом совершают прорыв в этот регион. Иран, Турция и Пакистан строят свои собственные дороги в Среднюю Азию, и каждая из стран хочет, чтобы трасса будущего трубопровода прошла именно по их территории. Китай хочет обеспечить стабильность в беспокойном Синьцзяне, жители которого — те же мусульманские народности, которые населяют Среднюю Азию, обеспечить энергоресурсами свой быстрый экономический рост и распространить свое политическое влияние в критически важном для него пограничном регионе. У самих среднеазиатских государств есть собственные споры, предпочтения и стратегические императивы. А поверх всего этого разворачивается жесточайшая конкуренция между американскими, европейскими и азиатскими нефтяными компаниями.

Но, как и в девятнадцатом веке, нестабильность в Афганистане и наступление талибов создали новое измерение для этого глобального соперничества. Талибан стал значимым центром новой Большой игры. Государства и частные корпорации оказались перед выбором — бороться против талибов или соблазнять их, поможет или навредит Талибан строительству трубопроводов из Средней Азии к новым рынкам Азии Южной.

Афганистан веками держал Среднюю Азию в своих тесных объятиях. Территория современного Таджикистана, южного Узбекистана и северного Афганистана на протяжении веков была единым целым, управлявшимся попеременно то бухарским эмиром, то афганским королем. Бухарский эмир нуждался в афганских наемниках для своего войска. Гонимые вожди племен, разбойники и муллы искали убежища то здесь, то там, пересекая несуществующие границы. (Поэтому решение Таджикистана передать в 1997 году авиабазу в Кулябе на юге Таджикистана в распоряжение Ахмад Шаха Масуда для того, чтобы тот мог получать военные грузы из Ирана и России, было только продолжением прежних связей.) Близость Афганистана и Средней Азии закончилась после русской революции 1917 года, когда Советский Союз закрыл границы со своими соседями — мусульманскими странами Юга. Открытие этих границ в 1991 году ознаменовало начало новой Большой игры.

Афганистан сегодня граничит с Туркменистаном, Таджикистаном и Узбекистаном, но только Туркменистан обладает значительными энергоресурсами. В горах Памира пятимиллионный народ Таджикистана отделен от Афганистана извилистой границей протяженностью 640 миль. Четверть населения Афганистана — таджики. Многие таджики рассеяны по

другим республикам Средней Азии и еще 200 000 живут в китайской провинции Синьцзян. Таджики — единственная крупная среднеазиатская народность нетюркского происхождения. Они потомки первых персидских племен, населявших Центральную Азию в 1500–1000 годах до н. э., но позднее оттесненных на периферию в результате нескольких тюркских вторжений с территории Монголии.

В древности Таджикистан был военным и экономическим центром региона. Он был воротами для караванов Шелкового пути и для тюркских завоевателей, двигавшихся на запад, в Иран, на Русь и в Европу, или на юг, в Афганистан и в Индию. Россия аннексировала северную часть сегодняшнего Таджикистана в 1868 году, сделав его частью своей провинции Туркестан. По мере разрастания Большой игры англичане и русские провели демаркацию границы между Афганистаном и Средней Азией — в 1884 году, когда Россия аннексировала Южный Таджикистан.

После того как в 1924–1925 годах Сталин создал пять среднеазиатских республик, произвольно установив их границы, Бухара и Самарканд, два основных культурно-исторических центра таджиков, были переданы Узбекистану. Возникшая враждебность между двумя республиками кипит до сих пор. Ни один из прославленных исторических или экономических центров расселения таджиков не попал на территорию современного Таджикистана. Кроме того, Сталин создал Горно-Бадахшанскую автономную область в горах Памира, в которую вошло 44 процента территории Таджикистана, но всего 3 процента его населения. Таджики исповедуют ислам суннитского толка, а в Горном Бадахшане живут разные народности, в большинстве шииты. Многие из них — исмаилиты, шииты-сектанты, последователи Ага-хана. Исмаилиты живут и по другую сторону границы, в афганском Бадахшане.

Через несколько месяцев после революции 1917 года по всей Средней Азии появились мусульманские антибольшевистские отряды. Большевики называли их «басмачи» (уничижительный термин, означающий «бандиты, разбойники»). Это движение было исламским, националистическим и антикоммунистическим. Шестьдесят лет спустя те же идеи вдохновляли афганских моджахедов. Желая сокрушить власть Советов, англичане в 1919 году помогли басмачам, заплатив кабульским правителям за караваны с оружием и боеприпасами, которые те посылали басмачам. Тысячи таджикских басмачей нашли убежище в Афганистане. Борьба продолжалась до 1929 года, когда большевики разбили их окончательно. Повторяя историю, в 1980-х годах США побуждали афганских моджахедов пересекать границу и нападать на посты Советской Армии. В ответ советские солдаты в Афганистане часто называли моджахедов басмачами.

Таджикистан оставался бедной и отсталой республикой на периферии Советского Союза. Его финансы зависели от субсидий Москвы. После 1991 года вражда между узбеками и таджиками, а также между соперничающими таджикскими кланами вышла на поверхность. В результате гражданской войны

между неокоммунистическим правительством и союзом исламистов страна была опустошена. Снова тысячи таджикских мятежников и беженцев нашли убежище на севере Афганистана, а правительственные войска пользовались поддержкой русской армии. В 1993 году президент Борис Ельцин заявил, что таджикско-афганская граница — это «на самом: деле граница России», а 25 тысяч русских солдат, размещенных там, будут защищать Россию.[199] Таким образом, Москва вновь утвердилась в Средней Азии.

Впоследствии неокоммунистическое правительство и исламская оппозиция в Таджикистане заключили мир при посредничестве ООН. Но ни те, ни другие не были способны объединить разрозненные таджикские кланы в целостную нацию. Внутренняя рознь и «отсутствие собственной интеллигенции, способной выработать национальную идею, связывающую людей со своей землей и друг с другом» оставили страну уязвимой для влияния из Афганистана.[200] Оба соперника в гражданской войне впоследствии сотрудничали с Масудом, который стал символом таджикского национализма во время своей борьбы с талибами. Талибы сами способствовали созданию такого образа Масуда, обвинив его в намерении создать «Великий Таджикистан» путем присоединения афганской провинции Бадахшан к Таджикистану. Масуд отрицал подобные планы. Для Таджикистана Талибан представлял собой исламский фундаментализм, враждебный более современной суфийской культуре Средней Азии. Пуштунский же национализм прямо противоречил стремлениям таджиков.

В Узбекистане воинствующий исламизм, отчасти питаемый из Афганистана, является наиболее серьезной угрозой для президента Ислама Каримова. Узбеки, самая многочисленная, агрессивная и влиятельная раса в этом регионе, занимают место политического центра и средоточия ислама в Средней Азии. Узбекистан граничит со всеми республиками Средней Азии и с Афганистаном. Его главные города — Самарканд и Бухара — за две с половиной тысячи лет существования стали домом бесчисленного множества цивилизаций и были вторым по значению центром исламской учености после Аравии. В Средние века в Бухаре насчитывалось 360 мечетей и 113 *медресе,* и даже в 1900 году 10 тысяч студентов учились в 100 действующих *медресе.* Протянувшаяся на 250 миль Ферганская долина имеет давние традиции ученого и воинствующего ислама (в частности, басмачества) — это богатейший сельскохозяйственный район Средней Азии, а также центр исламской оппозиции Каримову.

Узбеки ведут свою родословную от монголов Чингисхана. Один из монгольских родов — Шейбаниды — в 1500 году завоевал территорию современного Узбекистана и северного Афганистана. Махмуд ибн Вали, историк XVI века, описывал ранних узбеков как «знаменитых своим дурным нравом, быстротой, отвагой и твердостью» и довольных репутацией беззаконников.[201] С тех пор узбеки мало изменились в своем стремлении снискать власть и влияние. Узбекистан — крупнейшая республика Средней Азии с населением 22

миллиона человек. А благодаря тому, что еще шесть миллионов узбеков живут в других среднеазиатских республиках, причем в трех из них (Таджикистане, Туркменистане и Казахстане) составляют влиятельное меньшинство, Каримов имеет единокровных союзников для установления господства в регионе. Около двух миллионов узбеков проживает на севере Афганистана в результате миграций во время и после восстания басмачей. Еще 25 тысяч узбеков живут в китайской провинции Синьцзян.

Задолго до вывода советских войск из Афганистана Москва и Ташкент культивировали афганских узбеков, чтобы использовать их в качестве санитарного кордона на севере Афганистана, способного сопротивляться натиску моджахедов. Около десяти лет такой политике сопутствовал успех. Генерал Рашид Дустом контролировал шесть провинций и, пользуясь военной помощью Москвы и Ташкента, отбивал все атаки сначала моджахедов, а потом и талибов. Каримов тем временем пытался создать антиталибский блок из республик Средней Азии и России. Однако после падения Мазари-Шарифа в 1998 году политика Каримова провалилась, а Талибан оказался ближайшим соседом Узбекистана. После этого влияние Узбекистана в Афганистане заметно уменьшилось, так как Каримов не хотел поддерживать таджика Масуда.

Вместе с тем Каримов безуспешно пытался повлиять на события в Таджикистане, где узбеки составляют 24 процента населения. В 1992 году Каримов оказал военную помощь таджикскому правительству для подавления мятежа исламистов. В 1996 году во время переговоров между соперниками Каримов попытался заставить обе стороны предоставить больше прав узбекскому меньшинству и поддержал восстания узбеков на севере Таджикистана. Каримов продолжает противиться попыткам таджиков создать коалиционное правительство с участием мятежников, поскольку это показало бы исламистов в слишком хорошем свете — в том числе и отчаявшимся жителям Узбекистана.

Каримов управляет авторитарным полицейским государством и указывает на гражданскую войну в Афганистане как на причину репрессий в своей стране. Наиболее значительное сопротивление Каримову оказывает радикальное исламское подполье в Ферганской долине, включающее и группы ваххабитов. Многие подпольщики тайно учились в Саудовской Аравии и Пакистане или прошли подготовку в лагерях афганских моджахедов в 80-е годы. Впоследствии они установили связи с талибами.

Каримов ввел самые суровые в республиках Средней Азии законы против исламского фундаментализма. Он ограничил все, начиная от обучения в *медресе* и кончая ношением бород. Во всех беспорядках он обвинял ваххабитов — термин, применяемый узбекскими властями ко всем исламским активистам. Но поскольку половина населения Узбекистана моложе 18 лет, а безработица и инфляция растут, беспорядки среди молодежи возникают все чаще. Режим не признает права молодежи на недовольство своим социальным и экономическим

положением. Хотя Узбекистан, возможно, и самое сильное государство в Средней Азии, но ему угрожает самая сильная политическая и религиозная поляризация. Неудачные вылазки Каримова в Афганистан и Узбекистан только придали сил воинствующему исламизму.

Но, несмотря на это, Узбекистан — ведущий игрок в новой Большой игре. Он производит достаточно нефти и газа, чтобы покрыть свои собственные потребности, и вскоре станет их экспортером. Сначала нефтяные компании пренебрегали Узбекистаном, торопясь заключить контракты с его соседями. Каримов с завистью относился к их успехам в деле привлечения иностранных инвестиций, хотя и отказывался ослабить государственный контроль над экономикой для привлечения иностранных инвесторов. По мере того как Узбекистан становится экспортером энергии, он приобретает больший интерес к постройке новых газо- и нефтепроводов, выгодных ему, но в то же время он будет стараться не допустить чрезмерного процветания своих соседей и увеличить свое влияние в регионе.

500-тысячное туркменское население Афганистана появилось вследствие гражданской войны 1920-х годов в Советском Союзе. Первыми переселенцами были люди племени эсари в начале XIX века, за ними, после неудачи антибольшевистского восстания, последовало племя теке. Туркмения — бедная страна пустынь и гор, населенная кочевыми племенами туркменов. После отчаянного сопротивления они последовательно покорялись персам, тюркам, а затем и русским. До девятнадцатого века границы не имели значения для туркменов, свободно перемещавшихся по региону. Около 300 тысяч туркменов до сих пор живут в Иране, 170 тысяч в Ираке, 80 тысяч в Сирии и несколько тысяч в Турции.

Самое большое туркменское племя, теке, начало сопротивляться наступлению русских в 1870 году и в 1881 году уничтожило русскую армию у крепости в оазисе Геок-Тепе. Через год русская армия в отместку уничтожила шесть тысяч туркменских всадников. В 1916 году туркмены под предводительством своего харизматического вождя, Мохаммада Курбан Джунаид-хана, начали долгую и кровавую войну сначала против царской России, а потом и против большевиков. В 1927 году Джунаид-хан потерпел поражение и ушел в Афганистан.

В советское время Москва пренебрегала Туркменистаном. Он имел самый высокий уровень безработицы, самую высокую младенческую смертность и самый низкий уровень промышленного развития среди всех советских республик, кроме Таджикистана.[202] Москва вкладывала средства в нефтяную и газовую промышленность Сибири, а туркменские потенциальные запасы оставались нетронутыми. Но даже несмотря на это, в 1989 году 47 процентов доходов Туркменистана были получены от продажи 3,2 ткф природного газа в другие советские республики. После распада Советского Союза клиенты Туркменистана превратились в бедные независимые государства, не способные

платить по счетам. «Мы не представляем, кто будет покупать у нас газ и как они будут за него платить», — говорил мне министр иностранных дел Авды Кулиев в декабре 1991 года.[203]

Дилемма Туркменистана заключалась в том, что он был зажат между Ираном, через который нельзя было экспортировать газ из-за позиции США, Афганистаном, попавшим в ловушку гражданской войны, и Россией, стремившейся ограничить экспорт туркменского газа, конкурировавшего с их собственным сибирским газом. К 1992 году Украина, Армения, а затем и Россия отказались оплачивать поставки туркменского газа. В руках у Москвы была удавка: весь туркменский газовый экспорт осуществлялся по трубопроводной сети бывшего Советского Союза, принадлежащей России. После того как неоплаченные счета достигли одного миллиарда долларов, президент Ниязов прекратил поставки газа своим соседям. Добыча туркменского газа сократилась до 0,73 ткф в 1994 году — менее четверти того, что добывалось пятью годами ранее.

Хотя США были тверды в намерении изолировать Иран, Туркменистан не мог себе этого позволить, поскольку через Иран пролегает кратчайший путь на юг, к морю. Ниязов ловко искал поддержки США и в то же время просил Иран помочь в развитии железных и автодорог В декабре 1997 года иранцы построили 119-мильный газопровод между месторождением Корпедже на западе Туркменистана и Кордкуй на северо-востоке Ирана.[204] Этот трубопровод остается единственным итогом почти десятилетних попыток создать новый трубопровод, связывающий Среднюю Азию с внешним миром.

Одновременно Ниязов обхаживал западные нефтяные компании, уговаривая их построить газопровод, который избавил бы его от зависимости от русской трубопроводной сети. В апреле 1992 года Туркменистан, Турция и Иран договорились построить газопровод в Турцию и далее в Европу стоимостью 2,5 миллиарда долларов. Этот газопровод так и не был построен, и планы несколько раз менялись из-за того, что США пытались не допустить строительство трубопровода через Иран. Наконец, в феврале 1999 года Туркменистан подписал другое соглашение, на сей раз с американским консорциумом, о постройке газопровода Туркменистан-Турция по дну Каспийского моря через Азербайджан, минуя Иран.[205]

По мере того как его хозяйство рассыпалось на глазах, Ниязов искал альтернативные пути экспорта. В 1994 году разрабатывался проект газо- и нефтепровода протяженностью 5000 миль на восток в направлении Китая стоимостью более 20 миллиардов долларов, но этот проект до сих пор пребывает в стадии технико-экономического обоснования.[206] В том же 1994 году *Bridas,* аргентинская нефтяная компания, имевшая концессии в Туркменистане, предложила построить газопровод через Афганистан и поставлять газ в Пакистан и в Индию. Американская компания *Unocal* при поддержке Вашингтона в 1995 году выступила с аналогичным предложением.

Битва между двумя компаниями за право строить этот трубопровод будет описана в двух следующих главах. В нее были втянуты талибы и другие афганские полевые командиры. Так Афганистан стал центром первой битвы новой Большой игры.

Слабый, бедный, не имеющий армии для защиты своих протяженных границ с Ираном, Афганистаном и своим соперником Узбекистаном, Туркменистан избрал политику нейтралитета. Это позволило Туркменистану держаться на расстоянии от России и не оказаться втянутым в экономические и военные договоры, возникшие после распада Советского Союза. Нейтралитет дал Туркменистану возможность не принимать чью-либо сторону в афганском конфликте, что вызвало большое раздражение Москвы и Ташкента, так как Туркменистан отказался присоединиться к альянсу против талибов. Ашхабад поставлял топливо коммунистическому режиму в Афганистане до самого падения Кабула в 1992 году. Он поступал также с Исмаил Ханом, владевшим Гератом до 1995 года, а позднее и с Талибаном. Туркменское консульство в Герате поддерживало добрые отношения с Талибаном, а туркменское консульство в Мазари-Шарифе — с его противниками. Туркменистан был единственной из республик Средней Азии, которая скорее дружила с талибами, чем противодействовала им.

Подобно своим среднеазиатским коллегам, Ниязов — жестокий авторитарный властитель, не допускающий никакой оппозиции, контролирующий средства массовой информации и держащий в руках государства всю экономику. Он устроил слишком откровенный культ личности на сталинский манер, расставив повсюду свои статуи и портреты. Существует специальное правительственное ведомство по распространению изображений президента. Ниязов, как и его соперник Каримов, были сиротами, воспитывались в коммунистическом детском доме и рано вступили в коммунистическую партию, став первыми секретарями задолго до независимости. Их образование, воспитание и идеология связаны с погибшей коммунистической системой. Но оба выучились умело играть в новую Большую игру.

Ни одна из стран региона не выиграла от распада Советского Союза больше, чем Турция. На протяжении веков Россия была самым могучим ее соперником. С конца семнадцатого века до Первой мировой войны Турция воевала с Россией более дюжины раз, и это соперничество заставило Турцию вступить в НАТО и добиваться приема в Европейский Союз. Однако распад Советского Союза внезапно заставил Турцию обратиться к своим намного более ранним истокам.

До 1991 года пантюркизм — идея единой родины всех тюрков, простирающейся от Средиземного моря до границ Китая, — был романтической мечтой немногих турецких ученых и едва ли фигурировал среди внешнеполитических планов Турции. Вдруг после 1991 года пантюркизм стал

осязаемой реальностью и неотъемлемой частью турецкой внешней политики. Тюркоязычные народы теперь владеют легко достижимыми землями, образующими широкий пояс от Стамбула через Кавказ и Среднюю Азию до китайского Синьцзяна. Республики Средней Азии видели в Турции образец для своего экономического развития — мусульманский, но и светский, а Турция желала расширить свое влияние в регионе и стать крупным игроком на мировой арене.

Турция стала оказывать массированную помощь республикам Средней Азии и кавказским странам — прямые авиарейсы в их столицы, трансляция телепрограмм через спутник, тысячи стипендий для студентов, программы подготовки солдат, дипломатов и банкиров, наконец, ежегодная встреча глав тюркских государств. В 1992–1998 годах турецкие компании инвестировали в регион более полутора миллиардов долларов, Турция стала там крупнейшим зарубежным инвестором. Турция понимала, что для эффективной политики в Средней Азии нужно обеспечить нейтралитет России, что и было сделано путем закупок русского газа и расширения товарооборота с Россией. Последний вырос с 1,9 млрд. долларов в 1990 году до 4,1 млрд. долларов в 1997 году.[207] Когда Европейский Союз в 1997 году отказался принять Турцию в свои ряды, это озлобило турок и побудило их укреплять связи с США, Россией, Израилем и Средней Азией.

Турция превратилась в одного из крупных игроков в новой Большой игре. Ее потребность в источниках энергии и желание увеличить свое влияние побуждало сменявшие друг друга турецкие правительства к тому, чтобы стать главным маршрутом экспорта энергоносителей из Средней Азии. Летом 1997 года США и Турция совместно выдвинули идею «транспортного коридора» для основного нефтепровода из Баку через территорию Грузии до турецкого порта Джейхан на Средиземном море. Следовало убедить Казахстан и Туркменистан поставлять свою нефть для этого трубопровода. Это, по мнению США, должно обеспечить дорогой и долгий маршрут Баку-Джейхан необходимым количеством нефти для прокачки и таким образом сделать проект окупаемым.[208] США хотели, чтобы Туркменистан построил газопровод по дну Каспийского моря, который был бы продолжен по коридору Баку-Джейхан до Европы.

США одновременно побуждали Казахстан взять на себя обязательство построить аналогичный нефтепровод по дну Каспийского моря с тем, чтобы и казахская нефть могла прокачиваться по коридору Баку-Джейхан. Разработка обширных казахских нефтяных запасов велась силами двух западных нефтяных консорциумов в Тенгизе и Карачаганаке. Китай разрабатывал еще один нефтеносный район — Узень.[209] Казахстан уже планировал постройку нефтепровода от Тенгиза до русского черноморского порта Новороссийск, но маршрут Баку-Джейхан был альтернативным путем в обход России.

Azerbaijan International Operating Company (AIOC), созданная дюжиной мировых нефтяных компаний и занимающая господствующее положение в

нефтяной отрасли Азербайджана, выступила против маршрута Баку-Джейхан, поскольку он был очень протяженным, слишком дорогим и пролегал через беспокойный турецкий Курдистан.[210] В 1998 году стало понятно, что американский план трансафганского трубопровода откладывается и Баку-Джейхан становится главным, направлением каспийской политики Вашингтона.

Споры вокруг маршрута Баку-Джейхан продолжались в течение двух лет, пока в конце 1998 *году цены* на нефть не упали из-за падения спроса, вызванного экономическим кризисом в Азии. Цены на нефть упали с 25 долларов в 1997 году до рекордных 13 долларов за баррель, так что немедленная разработка среднеазиатской нефти потеряла экономический смысл. И добыча, и транспортировка этих запасов стоили слишком дорого. Минимальная цена, окупающая разработку нефти Средней Азии, составляла 18 долларов за баррель. [211] Хотя маршрут Баку-Джейхан окончательно перестал быть рентабельным, Вашингтон продолжал настаивать на его постройке, поскольку он превратился в главное направление американской политики в Средней Азии.

Хотя Турция и поддерживала афганских моджахедов в 80-е годы, ее роль в этом была достаточно скромной. Но, встав на путь пантюркизма во внешней политике, Анкара перешла к активной поддержке тюркских меньшинств в Афганистане, в частности узбеков. Анкара оказывала финансовую помощь генералу Дустому и дважды предоставляла ему убежище. Турция стала решительным противником Талибана, что вызвало напряженность в отношениях с ее старым союзником — Пакистаном. Больше того, угроза со стороны талибов привела Турцию к большему взаимопониманию с ее соперником — Ираном.

Турция сыграла роль в изменении политики Израиля в отношении Афганистана. Турция и Израиль начали тесно сотрудничать в военно-стратегической области после соглашений в Осло в 1993 году. Израильтяне и, что еще важнее, часть еврейского лобби в США не были изначально критически настроены к Талибану.[212] В соответствии с воззрениями госдепартамента США Израиль видел в талибах антииранскую силу, которую возможно использовать для подрыва иранского влияния в Афганистане и Средней Азии. Кроме того, считалось, что трансафганский трубопровод *Unocal* помешает Ираму построить свой собственный трубопровод из Средней Азии.

Израильская разведка *Моссад* начала диалог с Талибаном через представительства талибов в США и при нефтяных компаниях. Пакистанская разведка *ISI* поддерживала этот диалог. Хотя Пакистан и не признавал Израиль, *ISI* имела контакты с *Моссад* через посредство ЦРУ во времена афганского джихада. При первоначальной поддержке Турции Израиль установил *тесные* дипломатические и экономические связи с Туркменистаном, Узбекистаном и Казахстаном. Израильские компании вкладывали деньги в сельское хозяйство, в нефтедобычу и связь.

Но по мере того, как изменялась американская политика в отношении талибов, то же происходило и с израильской политикой. Талибы предоставили

убежище бин Ладену и поощряли торговлю наркотиками. Турция убедила Израиль в том, что Талибан представляет угрозу для безопасности в регионе и может экспортировать исламский фундаментализм в *Среднюю* Азию. Когда проект *Unocal* испарился и Израиль понял, с каким отвращением его среднеазиатские союзники и Турция относятся к талибам, *Моссад* наладила контакты с представителями Северного Альянса. Теперь Израиль был заинтересован в том, чтобы не допустить установления талибами контроля над всем Афганистаном, хотя у него и оставались подозрения в отношении поддерживаемого Ираном Ахмад Шаха Масуда. Как талибы, так и Северный Альянс обвиняли друг друга в получении помощи из Израиля.

После падения цен на нефть в 1999 году Иран оставался тузом в новой Большой игре. Иран обладает вторыми по величине запасами газа в мире и более 99 млрд. баррелей доказанных запасов нефти, он добывает 3,6 млн. баррелей нефти в день. Когда строительство новых трубопроводов было отложено на неопределенный срок, Иран вступил в игру и предложил республикам Средней Азии экспортировать их нефть через свою территорию и Персидский залив. Это обошлось бы в малую долю затрат на строительство турецкого трубопровода, поскольку Иран уже располагал обширной трубопроводной сетью и требовалось лишь соединить ее короткой перемычкой с Азербайджаном. «Иранский путь для среднеазиатской нефти — самый безопасный, экономичный и простой. Для Ирана он обойдется всего в 300 тысяч долларов. Как можно сравнивать это с тремя миллиардами долларов на строительство трубы через Турцию?» — заявил в Тегеране заместитель министра нефтяной промышленности Ирана Али Маджеди.[213] Помимо этого, Иран конкурировал с Туркменистаном по части строительства газопровода в Пакистан и Индию — намного более привлекательный маршрут, поскольку он шел в обход Афганистана.[214]

На первом этапе своей программы Иран предложил обмен среднеазиатской сырой нефти на иранскую. С 1998 года сырая нефть из Казахстана и Туркменистана перевозилась Каспийским морем в иранский порт Нека, где ее перерабатывали для внутреннего потребления. В обмен на это нефтяные компании могли забирать нефть в иранских портах Персидского залива. Поскольку строительство новых трубопроводов откладывалось в долгий *ящик*, это показалось привлекательным для нефтяных компаний. Несмотря на американское давление, они стали договариваться с Ираном о продолжении обмена. Две американские компании, *Chevron* и *Mobil*, располагавшие концессиями в Казахстане и Туркменистане, обратились в мае 1998 года к администрации Клинтона с просьбой разрешить им обмен нефтью с Ираном, что создало большие политические проблемы для Вашингтона и поставило под сомнение продолжение санкций против Ирана.[215]

В конечном счете, строительство трубопровода из Средней Азии в Южную станет безопасным только после окончания гражданской войны в Афганистане.

«Для республик Средней Азии Афганистан — источник страха, но в то же время и источник новых возможностей, — сказал мне Лахдар Брахими, спецпредставитель ООН по Афганистану. — Страх происходит из понимания этими молодыми государствами того, что афганский конфликт не может бесконечно оставаться внутри афганских границ. Либо он будет разрешен, либо он распространится на их территорию. Они хотят избежать любых авантюр, исходящих из Кабула, будь то исламский фундаментализм, терроризм или наркотики. Новые возможности обусловлены тем, что странам, не имеющим выхода к морю, хочется не зависеть больше от России, им нужны дороги, нефте- и газопроводы, ведущие на юг. Им нужно ответственное правительство в Кабуле, которое было бы их добрым соседом. Они хотят открыть свои границы, а не закрывать их».[216]

Несмотря на снижение цен на нефть и отчаянное экономическое положение России, борьба между США и Россией будет определять будущую конкуренцию трубопроводов. Россия остается непреклонной в своем нежелании допустить американцев на свой среднеазиатский задний двор. «Мы не можем не замечать шумихи, поднятой в некоторых странах Запада по поводу энергетических ресурсов Каспия. Некоторые хотели бы исключить Россию из игры и нанести удар по ее интересам. Так называемая война трубопроводов в регионе часть этой игры», — сказал президент Борис Ельцин в 1998 году.[217] Добавляя дров в огонь афганского конфликта, Россия поддерживала нестабильность в регионе и находила оправдание своему военному присутствию там.

Теперь[218] США желают стабильности, поскольку беспокоятся о последствиях непрекращающейся афганской войны для их собственной политики в Средней Азии. «Из-за нестабильности в Афганистане и Таджикистане лидеры всех среднеазиатских государств ходят по острию ножа. Их страшит распространение иранского влияния и рост экстремизма и насилия в их странах», — сказал в марте 1999 года Стивен Сестанович, специальный советник госдепартамента США по делам бывшего Советского Союза.[219] Только после прекращения гражданской войны в Афганистане республики Средней Азии и нефтяные компании обретут уверенность, чтобы продвигать вперед проект трубопровода в Южную Азию, — и едва ли это произойдет в ближайшем будущем.

Глава 12. Роман с Талибаном — 1
Битва за трубу, 1994–1996

Карлос Бульгерони был первым, кто вывел талибов в большой мир — мир международных финансов, нефтяной политики и новой Большой игры. Этот аргентинец, президент компании *Bridas*, замыслил провести газопровод от своих туркменских месторождений в Пакистан и Индию. Инфраструктура должна была сыграть роль бинта, стягивая раны войны и создавая возможности для мира не только в Афганистане, но и между Индией и Пакистаном.

Подобно американским и английским нефтяным магнатам в начале XX века, которые видели в нефтяном бизнесе продолжение геополитики и требовали права влиять на международные дела, Бульгерони был человеком одержимым. В конце 1995 — начале 1996 года он оставил свой бизнес в Южной Америке и провел девять месяцев в своем личном самолете, посещая разных полевых командиров, Исламабад, Ашхабад, Москву и Вашингтон, пытаясь убедить их лидеров в реальности идеи газопровода.

Все, кто окружал его, тоже были воодушевлены — если не его мечтой, то самим трудоголиком Бульгерони.

Бульгерони — выходец из дружной семьи итальянских эмигрантов из Аргентины. Обаятельный, эрудированный, этот философ, ставший промышленником, мог часами говорить о распаде России, о будущем нефтяной промышленности или об исламском фундаментализме. Его отец, Алехандро Анхель, основал фирму в 1948 году. В то время *Bridas* была небольшой сервисной компанией, обслуживавшей молодую аргентинскую нефтепромышленность. Карлос и его брат Алехандро Бульгерони, бывший тогда вице-президентом *Bridas*, вывели компанию на международный уровень в 1978 году, и *Bridas* заняла третье место среди независимых нефтедобывающих компаний Латинской Америки. Но до Туркменистана *Bridas* еще никогда не работала в Азии.

Что привело аргентинцев в Афганистан, отделенный от их родины половиной земного шара? После развала Советского Союза *Bridas* сначала попробовала свои силы в Западной Сибири. «Но там было слишком много проблем — трубопроводы, налоги, и мы пошли в Туркменистан, как только он открылся», — сказал мне Бульгерони в своем единственном интервью о роли *Bridas* в Афганистане.[220] В 1991 году *Bridas* была единственной западной компанией, претендовавшей на туркменские месторождения, и это был огромный риск. Другие нефтяные корпорации называли это безумием. Туркменистан был далекой страной, не имевшей ни выхода к морю, ни законов, защищавших иностранного инвестора. «Другие нефтяные компании отказались от Туркмении, так как считали, что там был в основном газ, а они не знали, где и

как его продавать, — говорил Бульгерони. — Наш латиноамериканский опыт, когда мы находили газ и доставляли его на различные рынки по газопроводам, пересекающим границы, убедил меня в том, что то же самое можно делать и в Туркменистане», Президент Ниязов был польщен тем вниманием, которое оказывал ему Бульгерони, в то время как никто из глав других западных компаний и не думал стучаться к нему в дверь. Они даже подружились.

В январе 1992 *года Bridas* получила месторождение Яшлар в восточном Туркменистане, поблизости от афганской границы и к северо-востоку от большого Довлетабадского газового месторождения, открытого еще при Советах. Через год, в феврале 1993 года, *Bridas* получила участок Кеймир на западе страны, возле Каспийского моря. Будучи первым и единственным претендентом, *Bridas* добилась отличных условий — раздел прибыли в пропорции 50 на 50 по Яшлару и 75 на 25 (в пользу *Bridas)* по Кеймиру. «Мы хотели разрабатывать новые запасы, чтобы Россия не попрекала нас разработкой старых месторождений советских времен», — говорил Бульгерони.

Bridas вложила в разработку 400 миллионов долларов — немыслимая сумма для небольшой нефтяной компании, в то время как крупнейшие корпорации даже не появились в Средней Азии. *Bridas* начала экспортировать нефть из Кеймира в 1994 году, увеличив добычу до 16 800 баррелей в день. Потом, в июле 1994 года, в жаркой и бесплодной пустыне Каракумы, *Bridas* нашла золото — огромное месторождение газа в Янтаре, оценочные запасы которого достигали 27 ткф — это более чем в два раза превосходит все запасы газа Пакистана. «В отличие от нефти, газу требуется немедленный доступ на рынок, и мы решили его создать», — говорил Хосе Луис Суреда, директор *Bridas*, отвечающий за перевозки, — крепкий, настойчивый инженер, которому предстояло в ближайшие месяцы исколесить весь Афганистан в поисках возможного маршрута для газопровода.[221]

«После того как мы открыли Яшлар, мы собирались отправлять часть газа на север по русским трубопроводам, но были нужны альтернативные рынки, а это либо Китай, либо Южная Азия, — рассказывал Бульгерони. — Газопровод через Афганистан мог оказаться бизнесом, несущим мир, — это трудно, но возможно». В ноябре 1994, сразу после захвата талибами Кандагара, Бульгерони убеждает Ниязова создать рабочую группу для изучения возможности строительства газопровода в Пакистан через Афганистан.

Через четыре месяца он убеждает премьер-министра Пакистана Беназир Бхутто объединить усилия с Ниязовым. 16 марта 1995 года Туркменистан и Пакистан подписывают меморандум, разрешающий *Bridas* подготовить предварительное технико-экономическое обоснование предполагаемого газопровода. «Этот газопровод станет воротами в Среднюю Азию для Пакистана, он откроет гигантские возможности», — говорил мне муж Бхутто, Азиф Зардари. По словам Зардари, то, что талибы контролируют маршрут газопровода, делает его строительство возможным. За спиной Зардари в его

кабинете висела гигантская карта будущего маршрута, которую он с гордостью показывал.[222]

В то время пакистанская армия и разведка поддерживали талибов, чтобы открыть южную дорогу в Туркменистан через Кандагар и Герат. В то же время Пакистан вел переговоры с Катаром и Ираном о поставках газа по двум различным маршрутам. Но с геостратегической точки зрения, учитывая пакистанские долгосрочные интересы в Афганистане и Средней Азии, предложение *Bridas* открывало перед Пакистаном самые широкие возможности.[223]

Bridas предлагала построить трубу длиной 875 миль, от своего яшларского месторождения через южный Афганистан до города Суи в провинции Белуджистан, откуда начиналась пакистанская газопроводная сеть. Впоследствии газопровод мог быть дотянут через Мултан до Индии, чей рынок был еще больше. *Bridas* предполагала открыть доступ к газопроводу и другим компаниям, которые могли бы в будущем качать через него и свой собственный газ. Это было особенно интересно для афганских полевых командиров, так как месторождения газа на севере Афганистана, снабжавшие в свое время Узбекистан, были законсервированы. Бульгерони решил соблазнить полевых командиров. «Я виделся со всеми их лидерами: Исмаил Ханом в Герате, Бурхануддином Раббани и Масудом в Кабуле, Дустомом в Мазари-Шарифе и с талибами в Кандагаре. Меня везде принимали хорошо, потому что афганцы понимали: им нужно возрождать страну, им нужны иностранные инвестиции», — говорил Бульгерони.

В феврале 1996 года Бульгерони доложил Бхутто и Ниязову, что «достигнуты соглашения со всеми полевыми командирами, дающие нам право прохода по их территории».[224] В том же месяце Бульгерони подписал с правительством Афганистана, во главе которого стоял тогда президент Бурхануддин Раббани, договор сроком на тридцать лет о строительстве и эксплуатации газопровода силами *Bridas* и международного консорциума, который будет ею создан. *Bridas* начала переговоры с другими нефтяными компаниями, включая *Unocal*, 12-ую по величине нефтяную компанию США. *Unocal* обладала значительным опытом работы в Азии и с 1976 *года* вела деятельность в Пакистане. Туркменская делегация впервые встретилась с *Unocal* в Хьюстоне в апреле 1995 года по приглашению *Bridas*, и делегация *Unocal* посетила Ашхабад и Исламабад якобы для обсуждения своего участия в строительстве газопровода совместно с *Bridas.*

Но к тому времени у *Bridas* возникли большие проблемы в Туркменистане. Советники убедили Ниязова в том, что *Bridas* наживается на Туркмении, и в сентябре 1994 года правительство запретило экспорт нефти из Кеймира и потребовало пересмотра условий контракта с *Bridas.* К январю 1995 *года* вопрос был, кажется, решен после согласия *Bridas* сократить свою долю на 10 процентов — до 65 процентов. Когда *Bridas* нашла газ в Яшларе, Ниязов и его

помощники отказались принять участие в торжествах и вместо этого потребовали нового пересмотра условий и по Яшлару, и по Кеймиру. Ниязов не разрешил *Bridas* разрабатывать Яшлар и снова запретил экспорт кеймирской нефти. На этот раз *Bridas* заявила, что не откажется от первоначальных условий контраста, которые Туркменистан обязан соблюдать.

Ниязов был диктатором коммунистического образца, который мало что понимал в международном праве и международных договорах, да и не очень ими интересовался. Но были и другие причины, побудившие Ниязова закрутить гайки именно в это время. Когда *Unocal* выразила желание построить свой собственный трубопровод *от* уже существующего туркменского газового месторождения Довлетабад, вся прибыль от которого полностью отходила бы Туркмении, Ниязов решил использовать это и привлечь крупную американскую нефтяную компанию и администрацию Клинтона к участию в развитии Туркменистана. Американцы были нужны Ниязову, и он начал интенсивный диалог с их дипломатами. Американцы должны поддержать его, если они не хотят, чтобы Туркмения попала в зависимость от Ирана. Ниязов посещает ООН и вызывает *Bridas* и *Unocal* в Нью-Йорк. Там 21 октября 1995 года на глазах потрясенных руководителей *Bridas* Ниязов подписывает договор о строительстве газопровода через Афганистан с *Unocal* и его партнером, *Delta Oil Company*, принадлежащей Саудовской Аравии. «Мы были шокированы, и когда мы заговорили с Ниязовым, он просто повернулся и сказал: почему бы вам не построить второй газопровод?» — рассказывал один из руководителей *Bridas*. [225]

На церемонии присутствовал Генри Киссинджер, бывший госсекретарь США и консультант *Unocal*. Обдумывая афганский маршрут, он ехидно назвал проект «победой надежды над опытом». Но *Bridas не* собиралась сдаваться, и первый раунд новой Большой игры начался. «Мы всего лишь нефтяная компания, занимающаяся добычей полезных ископаемых, но мы оказались участниками чужой Большой игры, в которой сражались великие державы», — говорил позднее управляющий директор *Bridas* Марио Лопес Оласирегуль.[226]

Unocal предложила провести газопровод из Довлетабада (запасы газа 25 ткф) до Мултана в центральном Пакистане. *Unocal* создала консорциум *CentGas*, 75 процентов в котором она оставила за собой, 15 отдала *Delta*, 10 — российской государственной компании «Газпром» и 5 — туркменской государственной компании «Туркменросгаз». *Unocal* подписала второе, еще более далеко идущее соглашение, привлекательное для многих в регионе. Проект Центральноазиатского нефтепровода, созданный *Unocal*, предусматривал строительство 1050-мильной трубы из Чарджоу (Туркменистан) до нефтяного терминала на пакистанском побережье, позволяющей экспортировать миллион баррелей в день. Существующие с советских времен нефтепроводы из Омска и Сургута в Западной Сибири до Чимкента (Казахстан)

и Бухары (Узбекистан) могли быть присоединены к Центральноазиатскому нефтепроводу и собирать нефть со всей Средней Азии в Карачи.

«Стратегия состоит в том, чтобы воспользоваться обширной сетью существующих труб для соединения инфраструктуры региона с побережьем, давая русским, казахским, узбекским и туркменским производителям выход на растущие азиатские рынки. Торговый коридор пересечет всю Центральную Азию», — говорил вице-президент *Unocal* Роберт Тодор.[227] Чтобы избежать проблем с Россией, возникших у *Chevron* в Казахстане, *Unocal* вовлекла Москву в дело с самого начала. Русские нефтяные компании получат новый выход к южным морям, а «Газпром» будет иметь долю в газопроводе. «Мы не рассматриваем вопрос о России только как афганский вопрос. Получается беспроигрышная для всех ситуация», — сказал мне Генри де ла Роса, директор *Unocal* в Туркменистане.[228]

Внезапный интерес администрации Клинтона и *Unocal* к Туркмении не был случаен. Ему предшествовала существенная перемена в американской политике в Средней Азии. В 1991–1995 годах Вашингтон оказывал стратегическую поддержку Казахстану и Киргизии в проводимой этими странами быстрой экономической и политической либерализации, которая должна была проложить путь для американских инвестиций. Казахстан все еще обладал оставшимся с советских времен ядерным оружием и, кроме того, внушительными запасами нефти, газа и других полезных ископаемых. Президенты Буш и Клинтон лично добивались благосклонности казахского президента Нурсултана Назарбаева. Но к 1995 году ставка на Назарбаева все больше казалась ошибкой по мере того, как его правительство погрязло в коррупции, а сам он вел себя как диктатор.

Казахстан отдал свое ядерное оружие России к 1993 году. Учитывая то, что 49 процентов населения Казахстана составляли русские, которые были явно враждебны к его правительству, Назарбаев был вынужден уступать требованиям России в области экономики и безопасности. В течение четырех лет Казахстан не мог убедить Россию позволить компании *Chevron* перекачивать нефть из Тенгиза по русским трубопроводам в Европу, Отчаявшись, *Chevron*, обещавшая в 1991 году вложить в освоение Тенгиза 5 миллиардов долларов, сократила свои обязательства и к 1995 году инвестировала всего 700 миллионов.[229]

В этот период (с 1991 по 1995 годы) США игнорировали Таджикистан с его гражданской войной, а Туркменистан и Узбекистан с их диктаторскими режимами находились, с точки зрения госдепартамента США, за гранью приличия. До тех пор пока политику в отношении бывшего Советского Союза определял русофил, заместитель госсекретаря Строуб Талбот, Вашингтон не рисковал противоречить Москве и бросать вызов ее интересам в Средней Азии. Задачей Талбота было вовлечь Россию в НАТО, а не создавать проблемы в русско-американских отношениях, залезая на задворки России.

Однако по мере того как Россия погружалась в хаос, пророссийская политика Талбота начала подвергаться суровой критике со стороны

американской внешнеполитической верхушки, еврейского и израильского лобби в Вашингтоне и американских нефтяных компаний. Все они хотели от Соединенных Штатов более разноплановой политики в отношении бывшего Советского Союза. Такой политики, которая позволила бы им воспользоваться ресурсами Каспия, помогла бы прикаспийским государствам утвердить их независимость от России и превратила бы их в союзников Запада. Американские нефтяные компании, бывшие в авангарде проникновения США в регион, хотели получить больше влияния на процесс выработки американской политики.

В начале 1995 года крупнейшие нефтяные компании США для поддержки своих интересов на Каспии создали в Вашингтоне частную группу компаний, добывающих нефть за границей. *Unocal* входила в эту группу, которая стала вербовать отставных политиков эпохи Буша и Картера, чтобы лоббировать в свою пользу в Вашингтоне.[230] Группа встретилась с Шейлой Хеслин, экспертом по энергетике в Совете национальной безопасности, а впоследствии и с ее боссом, советником по национальной безопасности Сэмюэлем Бергером. Бергер создал межведомственный комитет по политике в отношении Каспия, который включал представителей нескольких министерств и ЦРУ.[231]

Стратегический интерес к Каспию в Вашингтоне и среди американских нефтяных компаний возрастал, и Вашингтон начал относиться к России с пренебрежением. Узбекистан и Туркменистан немедленно оказались в выигрыше. Однажды Вашингтон остановил попытку американских лоббистов продвинуть Ниязова. В марте 1993 года Ниязов нанял бывшего советника по национальной безопасности Александра Хейга и привез его в Вашингтон с тем, чтобы убедить американские компании инвестировать в Туркменистан и смягчить позицию Вашингтона в отношении трубопроводов через Иран. Визит окончился неудачей, Ниязову не удалось встретиться с американским руководством. Но к 1995 году Вашингтон понял, что, отталкивая Ниязова, он не оставляет ему другого выхода, кроме как обратиться к Ирану. Экономическое положение Туркменистана ухудшалось из-за того, что он не мог продавать свой газ. Для Америки проект афганского трубопровода был привлекателен не только тем, что Иран оставался в стороне, но и возможностью обозначить поддержку Туркменистана, Пакистана и Талибана, явно пренебрегая интересами России и Ирана.

США не могли установить стратегический контроль над Средней Азией без помощи Узбекистана, крупнейшего и самого мощного государства региона, единственного, которое могло бы противостоять России. Началось осторожное движение навстречу друг другу. Каримов поддержал натовский план создания Центразбата, против которого решительно высказалась Россия. «Мы не допустим НАТО на нашем заднем дворе. США должны признать Среднюю Азию частью „ближнего зарубежья“ — сферой влияния России», — сердито сказал мне русский дипломат в Ашхабаде в 1997 году.[232] Американские компании стали инвестировать в добычу полезных ископаемых в Узбекистане, и

торговля между двумя странами внезапно расцвела, увеличившись восьмикратно в 1997 году в сравнении с 1995 годом. Каримов совершил свой первый визит в Вашингтон в июне 1996 года. «К концу 1995 года Запад, и США в особенности, очевидно, избрали Узбекистан как единственный возможный противовес возрожденному русскому гегемонизму и иранскому влиянию», — пишет доктор Ширин Хантер.[233]

Таким образом, в регионе образовались основы для двух коалиций. США встали на сторону Узбекистана, Туркменистана и Азербайджана, склоняя своих союзников — Израиль, Турцию и Пакистан — инвестировать в них, тогда как Россия сохраняла контроль над Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном. Теперь США были готовы выступить против России по мере того, как борьба за ресурсы Каспия накалялась. «Хотя очевидно, что американские политики не хотят русской гегемонии, но последствия этой гегемонии будут намного серьезнее, если Россия получит возможность контролировать доступ Запада к последним из известных запасов нефти и газа, имеющихся в мире. Даже минимальное участие США вызывает максимальное подозрение у русских», — говорит доктор Марта Брилл Олкотт, ведущий американский специалист по Средней Азии.[234]

Я начал расследовать историю, разворачивающуюся пред вами, лишь летом 1996 года. Неожиданный захват Кабула талибами в сентябре 1996 года побудил меня попытаться разобраться с двумя вопросами, озадачивавшими многих западных журналистов. Поддерживают ли американцы Талибан — прямо или косвенно, через своих союзников, Пакистан и Саудовскую Аравию? И что вызвало мощный раскол в регионе между США, Саудовской Аравией, Пакистаном и талибами, с одной стороны, и Ираном, Россией, государствами Средней Азии и Северным Альянсом — с другой? Некоторые сосредотачивали внимание на возрождении старых, времен джихада в Афганистане, связей между ЦРУ и пакистанской разведкой. Мне же стало очевидно, что именно трубопроводы вызвали интерес Вашингтона к талибам, что в свою очередь спровоцировало ответную реакцию России и Ирана.

Но исследование этого вопроса напоминало блуждание в лабиринте, где никто не говорит правды и не раскрывает своих подлинных мотивов или интересов. Работа больше для детектива, чем для журналиста, настолько мало было улик. Даже получить доступ к реальным игрокам было нелегко, поскольку решения принимали не дипломаты или публичные политики, а скрытные сотрудники нефтяных компаний и местных разведок. Самыми скрытными были нефтяники — эта привычка осталась у них после отчаянных войн с конкурентами по всему миру. Открыть, где они собираются бурить, или какой маршрут трубопровода лучше, или даже с кем они обедали час назад, — означало выдать всю игру врагам, нефтяным компаниям-конкурентам.

Руководители *Bridas* никогда не разговаривали с журналистами, и лишь время от времени публиковали заявления через скромную лондонскую

компанию по связям с общественностью. *Unocal* была более доступна, но ее сотрудники были приучены отвечать мягко и бессодержательно. Но между двумя компаниями существовало одно выраженное различие, которое впоследствии окажет сильное воздействие на их отношения с Талибаном. *Bridas* была небольшой семейной фирмой, руководители которой получили европейское воспитание и живо интересовались политикой, культурой, историей и личностью тех, с кем они имели дело. Люди из *Bridas* знали все перипетии Большой игры и взяли на себя труд изучить этнические, племенные и семейные связи вождей, с которыми они встречались.

Unocal была огромной компанией, нанимавшей людей для того, чтобы руководить глобальным нефтяным бизнесом. Те, кого она посылала на места, интересовались, за редким исключением, своей основной работой, но не политическим окружением, в котором она совершалась. Если инженеры из *Bridas* могли часами сидеть и попивать чай с уважаемыми людьми из разных племен, то люди *Unocal*, стремясь побыстрее закончить дело, принимали на веру все, что им говорили знаменитые своим лукавством полевые командиры. Афганцы давно научились говорить каждому из своих собеседников именно то, что он хочет услышать, нисколько не заботясь о совпадении. Следующая слабость *Unocal* была в том, что ее позиция с необходимостью должна была совпадать с позицией правительства Соединенных Штатов. Как следствие, *Unocal* читала талибам лекции о том, как последним следует себя *вести*. *Bridas* же не испытывала никаких угрызений совести и была готова договариваться с талибами, несмотря на то, что ни одно государство не признавало их законной властью в Афганистане.

Unocal была скорее склонна полагаться на посольство США в Исламабаде и на пакистанскую и туркменскую разведки в части сбора данных, нежели находить информацию самостоятельно. Когда были напечатаны мои первые статьи о новых поворотах Большой игры и соперничестве между *Bridas* и *Unocal*, обе компании приняли меня сперва за шпиона, тайно работающего на конкурента. *Unocal* оставалась в этом убеждении даже после того, как *Bridas* поняла, что я всего лишь любопытный журналист, писавший об Афганистане слишком долго, чтобы довольствоваться их официальными заявлениями. Мне понадобилось провести семь месяцев в пути, взять более ста интервью и полностью погрузиться в литературу о нефтяном бизнесе, о котором я ничего не знал, чтобы написать передовую для *Far Eastern Economic Review* (апрель 1997 года).

В июле 1997 года Строуб Талбот произнес речь, ставшую этапной для американской политики в регионе. «Стало модным заявлять или, по меньшей мере, предсказывать, что на Кавказе и в Центральной Азии разыгрывается новый раунд Большой Игры. Это означает, разумеется, что основной движущей силой в регионе будет соперничество великих держав за нефть. Наша цель в том, чтобы избежать этого исхода и ни в коем случае не способствовать ему.

Оставим Редьярда Киплинга и Джорджа Макдоналда Фрейзера там, где им надлежит быть, — на книжных полках истории. Большая Игра, которая завораживала киплинговского Кима и фрейзеровского Флашмена, относилась к разряду игр с нулевой суммой».

Но Талбот знал, что Игра уже идет, и высказал суровое предупреждение игрокам, хотя и заявлял о том, что основная задача Вашингтона — разрешение конфликтов. «Если внутренние и пограничные конфликты будут удерживаться в котле, время от времени вырываясь наружу, то регион может стать рассадником терроризма, источником религиозного и политического экстремизма и, в конце концов, театром настоящей войны».[235]

Между тем решение Ниязова подписать контракт с *Unocal* привело Бульгерони в бешенство. В феврале 1996 года он подал иск против *Unocal* и *Delta* в суд округа Форт-Бенд, неподалеку от Хьюстона, Техас. *Bridas* требовала возмещения ущерба в размере 15 миллиардов долларов, утверждая, что ответчик «злонамеренно препятствовал ведению бизнеса» и что *Unocal*, *Delta* и [вице-президент *Unocal* Марти] Миллер совершили «мошенничество в форме обмана и злоупотребления доверием». В своем иске *Bridas* говорит, что она «раскрыла Миллеру свои стратегические планы относительно строительства и эксплуатации трубопровода. *Bridas* пригласила *Unocal* присоединиться к совместному предприятию».[236] Короче говоря, *Bridas* обвиняла *Unocal* в том, что та украла идею *Bridas.*

Позднее Бульгерони объяснял мне свои тогдашние чувства. «*Unocal* пришла сюда, потому что мы ее пригласили. Не было никаких причин, мешавших нам работать вместе. Мы хотели, чтобы они участвовали в этом, и позвали их в Туркменистан, — сказал он мне. — Сперва американцы считали, что газопровод — это просто смешно, и не интересовались ни Туркменией, ни Афганистаном». *Bridas* также подала на Туркменистан в арбитражный суд Международной торговой палаты за троекратное неисполнение договоров и блокаду месторождений компании в Яшларе и Кеймире.

Unocal утверждала, что ее предложение было совсем другим, так как в нем речь шла о Довлетабаде, а не о Яшларе. В письме, которое позднее будет предъявлено суду, президент *Unocal* Джон Имле писал Бульгерони, что Туркменистан сказал ему, что никаких договоров с *Bridas* у него нет, поэтому *Unocal* была вправе действовать по своему усмотрению.[237] «Мы были убеждены, что проект *CentGas* не имеет ничего общего с проектом, предложенным *Bridas.* Мы предлагали приобретать газ из имеющихся газовых месторождений и транспортировать его по экспортному газопроводу. *Bridas* предлагала перемещать газ из своего собственного Яшларского месторождения… проект *CentGas* не препятствует *Bridas* построить трубопровод для продажи своего собственного газа», — писал Имле.[238]

Тем временем администрация Клинтона выступила на стороне *Unocal.* В марте 1996 года посол США в Пакистане Том Симмонс крупно поссорился с

Бхутто, когда он просил ее поддержать *Unocal* вместо *Bridas.* «Бхутто поддерживала *Bridas*, и Симмонс обвинил ее в вымогательстве, когда она стала защищать *Bridas.* Она была в бешенстве», — рассказывал один из помощников Бхутто, присутствовавший при встрече. «Бхутто потребовала *письменных* извинений от Симмонса и получила их», — добавил один из пакистанских министров.[239]

Во время двух своих поездок в Пакистан и Афганистан в апреле и августе 1996 года помощник госсекретаря по Южной Азии Робин Рейфел тоже высказывалась в пользу проекта *Unocal.* «Одна из американских компаний заинтересована в постройке газопровода от Туркмении до Пакистана, — заявила Рейфел в Исламабаде на пресс-конференции 21 апреля 1996 года. — Этот проект выгоден Туркменистану, Пакистану и Афганистану, поскольку он принесет Афганистану не только рабочие места, но и энергию». В августе Рейфел побывала в среднеазиатских столицах и в Москве с тем же самым посланием.

Открытая американская поддержка *Unocal* вызвала тревогу у России и Ирана, которые утвердились в своих подозрениях, что талибы пользуются поддержкой ЦРУ. В декабре 1996 года высокопоставленный иранский дипломат говорил мне шепотом, что саудовцы и ЦРУ перевели талибам два миллиона долларов — хотя никаких доказательств этому не было. Но после нескольких неловкостей, допущенных. США и *Unocal*, обвинения посыпались со всех сторон.

Когда Талибан в сентябре 1996 года захватил Кабул, Крис Таггерт, один из руководителей *Unocal*, заявил информационным агентствам, что осуществление проекта газопровода сильно упростится с захватом Кабула талибами. *Unocal* быстро отказалась от своих слов, означавших недвусмысленную поддержку талибов со стороны компании. За несколько недель до этого *Unocal* объявила, что пошлет гуманитарную помощь в качестве «бонуса» афганским полевым командирам, — как только они согласятся создать совместный орган для координации проекта газопровода. И снова это означало готовность компании платить деньги полевым командирам.

Затем, через несколько часов после взятия Кабула, госдепартамент США объявил, что он установит дипломатические отношения с Талибаном и пошлет в Кабул своего официального представителя, — эти слова тоже были быстро взяты назад. Пресс-секретарь госдепартамента Глин Дэвис сказал, что США «не имеют возражений» против установленных талибами законов ислама. Он сказал, что Талибан обращен скорее против современности, нежели против Запада. На стороне Талибана выступили и американские конгрессмены. «Происходящее означает, что одной из фракций удалось создать правительство в Афганистане», — сказал сенатор Хэнк Браун, сторонник проекта *Unocal*.[240] Смущенные американские дипломаты позднее говорили мне, что поспешное заявление было сделано без консультаций с американским посольством в Исламабаде.

Но причиненный ущерб был огромен. Ошибки *Unocal* и путаница в госдепартаменте еще больше убедили Иран, Россию, среднеазиатские страны, Северный Альянс и большинство пакистанцев и афганцев в том, что США и *Unocal* совместно поддерживают Талибан и желают полной победы талибов — несмотря на уверения США и *Unocal* о том, что в Афганистане у них нет фаворитов. Некоторые пакистанские министры, спеша показать, что США поддерживают Талибан и позицию Пакистана, по секрету признавались пакистанским журналистам, что за талибами стоят США.

Земля полнилась слухами и разговорами. Даже традиционно нейтральные информационные агентства делились своими подозрениями. «Кажется очевидным, что Талибан способствует американской политике изоляции Ирана, выстраивая крепкий барьер суннизма на иранских границах и создавая потенциальную возможность для безопасной прокладки торговых путей и трубопроводов, разрушающих монополию Ирана на торговых путях к югу от Средней Азии», — писало агентство *Reuters*.[241]

Bridas еще предстояло многое преодолеть, чтобы продолжать участвовать в гонке. Ее месторождения в Туркмении были блокированы. У нее не было ни договора с Туркменистаном о закупке газа, ни договора с Пакистаном о ее продаже. Несмотря на это, *Bridas* по-прежнему содержала представительства в Ашхабаде и Кабуле, хотя Ниязов и пытался выставить их вон. *«Bridas* больше нет, мы отдали афганскую трубу *Unocal*. Наше правительство больше не работает с *Bridas»,* — говорил мне в Ашхабаде Мурад Назджанов, министр нефтяной и газовой промышленности Туркмении.[242]

У *Bridas* было одно преимущество в глазах талибов. *Bridas* сказала им, что не нуждается в займах международных финансовых организаций, которые потребовали бы международного признания правительства в Кабуле. Вместо этого *Bridas* создала консорциум *TAP Pipelines,* 50 процентов которого принадлежали саудовской компании *Ningarcho,* близко связанной с начальником саудовской разведки эмиром Турки. По словам *Bridas,* она могла бы получить от саудовцев 50 процентов средств, необходимых для постройки афганской части трубопровода, а остальное — от создаваемого ею международного консорциума для строительства менее рискованных туркменского и пакистанского участков. «Мы полностью отделяем наши проблемы с правительством Туркмении от трубопровода через Афганистан. Мы создадим два консорциума: один для строительства афганской трубы и другой — для строительства туркменского и пакистанского концов трубы», — говорил *один из* руководителей *Bridas*. [243]Таким образом, *Bridas* предлагала начать работу немедленно, без предварительных условий. Ей требовалось лишь некоторое соглашение между афганскими фракциями, но даже и это оказалось недостижимым.

С другой стороны, позиция *Unocal* была тесно связана с американской политикой в Афганистане — что означало невозможность начала строительства газопровода или обсуждения условий договора с талибами до тех пор, пока в

Кабуле нет признанного другими странами правительства и Всемирный банк и другие не могут открыть кредиты на проект. «С самого начала мы ясно заявили всем сторонам, что для успеха проекта, необходимо известное согласие между фракциями в Афганистане и создание действующего правительства, признанного кредитными организациями», — сказал Джон Имле.[244] Реальное влияние *Unocal* на талибов было связано с тем, что ее проект содержал возможность американского признания, которое Талибан отчаянно хотел получить.

И *Bridas*, и *Unocal* «ухаживали» за теми странами региона, которые имели влияние на талибов, в особенности за Саудовской Аравией. На переговорах с талибами *Bridas* упирала на свою крепкую связь с эмиром Турки. «Саудовцы много лет вкладывали деньги в афганский джихад, и они действительно думали, что трубопровод поможет установлению мира», — говорил Бульгерони. Чтобы не остаться позади, *Unocal* завела свои связи в Саудовской Аравии. Президент *Delta* Oil Бадр аль-Айбан был близок к саудовской королевской семье, в особенности к наследному принцу Абдулле ибн Абд аль-Азизу, а брат Бадра, Мосаед аль-Айбан, состоял при дворе короля Фахда. Так конкуренция между *Unocal* и *Bridas* отражала соперничество внутри саудовской королевской семьи.

США и *Unocal* перетянули на свою сторону и Пакистан. После ухода правительства Бхутто в 1996 году новоизбранный премьер Наваз Шариф, его министр нефти Чаудри Нисар Али Хан, армия и разведка полностью поддерживали *Unocal.* Пакистан хотел, чтобы США прямо поддержали Талибан, и побуждал *Unocal* начать строительство немедленно, чтобы дать талибам официальный статус. В принципе, США и *Unocal* были согласны с выводами и целями пакистанской разведки: победа Талибана в Афганистане сильно облегчит работу *Unocal* и ускорит американское признание.

Пакистан не только хотел добиться признания талибов Соединенными Штатами — он отчаянно нуждался в новых источниках газа. Газ составлял 37 процентов потребляемой Пакистаном энергии, а запасы крупнейшего месторождения Суи в Белуджистане подходили к концу. При доказанных запасах газа 22 ткф его годовое потребление в Пакистане составляло 0,7 ткф и увеличивалось еще на 0,7 ткф ежегодно. К 2010 году Пакистан ожидал дефицита газа в размере 0,8 ткф в год. Другие альтернативы — газопровод из Ирана или из Катара — не двигались с места из-за отсутствия финансирования. Пакистан сильно нуждался и в надежных источниках дешевой нефти. В 1996 году он импортировал нефти на два миллиарда долларов, что составляло 20 процентов от всего пакистанского импорта. Внутреннее производство нефти сократилось с 70 000 баррелей в день в начале 1990-х до 58 000 баррелей в день в 1997 году. Предлагаемый *Unocal* нефтепровод мог не только удовлетворить потребности Пакистана, но и превратить его в важный перевалочный пункт для экспорта среднеазиатской нефти на рынки Азии.

Президент Ниязов тоже стремился к немедленному началу строительства и побуждал Пакистан заставить талибов принять условия, предложенные *Unocal*. «Ухаживания» Ниязова за США начали приносить плоды. В январе 1997 года Туркмения подписала договора с американским нефтяным гигантом *Mobil* и с британской *Monument Oil o* нефтяной разведке на больших пространствах на западе Туркмении. Это был первый нефтяной контракт Туркменистана с крупной американской компанией, так как *Unocal* еще не сделала никаких прямых вложений в этой стране.

В ноябре 1996 года *Bridas* заявила, что подписала договоры о строительстве трубопровода с Талибаном и с генералом Дустомом, согласие же Бурхануддина Раббани было получено ранее. *Unocal* и Пакистан запаниковали. 9 декабря 1996 года министр иностранных дел Пакистана Наджмуддин Шейх посетил Муллу Омара в Кандагаре с целью убедить его принять предложения *Unocal*, но Омар уклонился от твердых обещаний. В классическом афганском стиле Талибан ловко использовал свои карты, оставаясь уклончивым, не давая никаких обязательств и побуждая обоих партнеров повышать ставки. Талибан хотел не только получать ренту от эксплуатации трубопровода, которая могла достигать ста миллионов долларов в год, но и привлечь нефтяные компании к строительству дорог, водопроводов, линий связи и электропередачи.

В частном порядке некоторые лидеры: талибов говорили, что предпочли бы *Bridas*, которая не выдвигала им никаких требований, тогда как *Unocal* убеждала их улучшить свой имидж в области прав человека и начать переговоры с Северным Альянсом, что было основной линией американской политики. Кроме того, *Unocal* противостояло мощное феминистское движение в Америке, которое требовало, чтобы США и *Unocal* прекратили переговоры с Талибаном. ООН также была настроена критически. «Все внешнее участие в делах Афганистана сейчас связано с битвой вокруг нефте- и газопроводов. Есть опасения, что эти компании и другие страны региона просто наняли Талибан для достижения своих собственных целей», — сказала мне Ясуси Акаси, заместитель Генерального секретаря ООН по гуманитарным вопросам.[245]

Обе компании настаивали, что их трубопровод должен принести мир. Но ни один западный банк не согласился бы финансировать трубопровод в стране, которая воюет сама с собой. «Те, кто играют в политику вокруг трубопроводов, должны напомнить себе, что мир может привести к трубопроводу, но трубопровод не может привести к миру», — говорил Роберт Эбель.[246] Большая Игра приобрела новое измерение.

Глава 13. Роман с Талибаном — 2
Битва за трубу, США и талибы в 1997–1999 годах

Симпатичные секретарши в коротких юбочках, населявшие штаб-квартиру *Bridas* в Буэнос-Айресе, переодеты в длинные платья и блузки с длинным рукавом — так, что ни рук, ни ног почти не видно. В Буэнос-Айресе ждут делегацию Талибана. Когда они приехали в феврале 1997 году, их ожидал королевский прием. Им показывали достопримечательности, летали с ними на самолете по всей стране, демонстрируя буровые установки и газопроводы *Bridas*, и, наконец, отвезли на крайнюю южную точку континента, покрытую снегом и льдом.

А в то же самое время другая делегация Талибана испытывала культурный шок иного рода. Она находилась в Вашингтоне, где встречалась с сотрудниками госдепартамента и *Unocal* и добивалась признания их правительства Соединенными Штатами. По возвращении обе делегации встретились в Саудовской Аравии, где посетили Мекку и встретились с начальником саудовской разведки эмиром Турки. Талибы сказали, что еще не решили, предложение какой из компаний они склонны принять. Они быстро научились всем приемам Большой Игры.[247]

Обе компании изо всех сил старались склонить Талибан на свою сторону. Позиции *Bridas* укрепились после того, как арбитраж Международной Торговой Палаты своим определением предписал Туркменистану не препятствовать *Bridas* экспортировать нефть с месторождения Кеймир. Но президент Ниязов его проигнорировал, отказываясь идти на компромисс с *Bridas*. В марте 1997 года *Bridas* открыла представительство в Кабуле, и Бульгерони приехал на встречу с лидерами талибов.

Bridas приступила к обсуждению контракта с талибами. В течение долгих летних недель трое руководителей *Bridas* обсуждали 150-страничный документ с двенадцатью муллами, среди которых не было ни одного профессионала — не считая одного дипломированного инженера, ни дня не работавшего по специальности. Талибы не располагали специалистами по нефти и газу и мало кто из них прилично говорил по-английски, поэтому контракт был переведен на дари. «Мы обсуждаем каждое предложение, чтобы никто не обвинил нас в намерении надуть Талибан. Мы представим тот же самый контракт на одобрение всех оппозиционных групп, чтобы он превратился во всеафганский документ», — сказал мне один из руководящих сотрудников *Bridas*.[248] *Unocal* отказалась говорить о контракте до тех пор, пока в Кабуле не появится признанное правительство.

Между тем *Unocal* подарила 900 тысяч долларов Центру афганских исследований Университета Омахи, штат Небраска, во главе которого стоял

Томас Гутьерре, ветеран афганистики. Центр создал программу подготовки кадров и гуманитарной помощи для афганцев, открыл школу в Кандагаре во главе с Джеральдом Бордманом. Последний в 80-е годы был начальником пешаварского офиса Агентства США по международному развитию (*USAID)*, помогавшего моджахедам. Школа начала готовить около 400 афганских учителей, электриков, плотников и трубоукладчиков, которые должны были участвовать в прокладке трубопровода *Unocal*. *Unocal* передала талибам и другие подарки, в частности факс и генератор, которые и послужили причиной разразившегося в том же году скандала.

Все, что *Unocal* давала талибам, еще больше убедило Северный Альянс, Иран и Россию в том, что *Unocal* финансирует Талибан. *Unocal* горячо отвергала эти обвинения. Позднее представители *Unocal* сообщили мне, сколько средств было потрачено на проект. «По нашим оценкам, затраты на проект *CentGas* составили 15–20 миллионов долларов. Сюда вошла гуманитарная помощь, помощь при землетрясении, подготовка рабочих и некоторое новое оборудование, например, факс и генератор», — сказал мне в 1999 году президент *Unocal* Джон Имле.[249]

Роль компании *Delta* также усиливала подозрения. Сначала *Unocal* побуждала *Delta*, с ее саудовскими корнями и связями среди талибов, привлечь и другие афганские фракции к сотрудничеству. Вместо того, чтобы поручить это кому-нибудь из уважаемых саудовских арабов, *Delta* наняла для работы с афганцами американца Чарльза Сантоса. Сантос время от времени участвовал в попытках посредничества в Афганистане, предпринимавшихся ООН начиная с 1988 года. Однако два сменивших друг друга представителя ООН осуждали его за чрезмерную близость к американскому правительству и склонность действовать в своих личных интересах. Сантос был политическим советником специального представителя ООН Махмуда Местири, который руководил провалившейся попыткой посредничества в 1995 году, когда талибы стояли у ворот Кабула. Когда *Delta* взяла его на работу, Сантосу уже никто не доверял, и все афганские лидеры испытывали к нему глубокую антипатию. Позднее, когда Сантос не достиг никаких результатов, несмотря на многократные поездки в страну, *Unocal* признала свое решение ошибкой.

По мере того как из-за неспособности *Delta* склонить афганцев на свою сторону напряжение в отношениях между *Unocal* и *Delta* росло, *Unocal* создала собственную команду экспертов по Афганистану. Она наняла Роберта Оукли, бывшего посла США в Пакистане и позднее — специального посланника США в Сомали. Оукли играл ведущую роль в организации американской помощи моджахедам в 80-е годы, но это не принесло ему любви афганцев после того, как США ушли из Афганистана. Многие в Афганистане и Пакистане считали его высокомерным и тяжелым в общении — во время его пребывания в Исламабаде его прозвали «вице-королем». Оукли посетил Москву и Исламабад, чтобы получить поддержку проекта, и помог *Unocal* нанять других специалистов.

Среди них были Гутьерре, Бордман, Залмай Хализад (американец афганского происхождения, работавший в *Rand Corporation*), и специалист по Средней Азии Марта Брилл Олкотт.

Американские компании: часто берут на работу бывших американских правительственных чиновников или научных работников. Все американские нефтяные компании — участники Большой игры — поступали так же, чтобы лоббировать свои интересы в Вашингтоне, и работавшие у них бывшие чиновники занимали в администрации Рейгана и Буша намного более крупные посты, чем люди, нанятые *Unocal*. Но в регионе этого не понимали и смотрели на *Unocal* с большим подозрением, считали эту компанию политическим инструментом американского правительства и рассуждали о возрождении существовавшего в 80-е годы сообщества ЦРУшников-афганистов.

Огромные проблемы для *Unocal* создал президент Ниязов, все так же далекий от действительности. Отказываясь учитывать проблемы, порождаемые непрерывной войной в Афганистане, он требовал от *Unocal* начать работы немедленно. Когда испуганные сотрудники туркменского МИДа попытались объяснить ему, что строительство не может начаться посреди непрекращающейся гражданской войны, он криком заставил их замолчать, Ниязов рассерженно говорил мне: «Мы хотим этот трубопровод. Мы связываем все наши крупнейшие проекты с миром и стабильностью в Афганистане».[250] Поэтому туркменские чиновники просто боялись рассказывать своему боссу плохие новости из Афганистана, отчего Ниязов окончательно утратил представление о реальности.

Несмотря на эти проблемы, *Unocal* двигалась вперед. В мае 1997 года на региональной встрече в верхах в Ашхабаде Пакистан, Туркменистан и *Unocal* подписали соглашение, обязывающее компанию обеспечить финансирование и согласовать финансовые условия проекта к декабрю 1997 года и приступить к строительству в начале 1998 года. Пакистанская разведка *ISI* сообщила США и Туркменистану о том, что талибы вот-вот возьмут Мазари-Шариф, важный укрепленный пункт Северного Альянса. Однако через две недели талибы были выбиты из Мазари-Шарифа, потеряв сотни людей, и по всему Афганистану снова вспыхнули бои. США снова были повергнуты в смущение своей зависимостью от *ISI*.

На первой встрече рабочей группы по проекту *CentGas* в Исламабаде вице-президент *Unocal* Марти Миллер выразил серьезные сомнения в том, что *Unocal* успеет к декабрю 1997 года. «Нет уверенности в том, что проект сдвинется с места. Это зависит от ситуации в Афганистане и от правительства, с которым мы могли бы работать. Это может случиться в конце этого года, на следующий год, через три года или это может оказаться пустышкой — если война будет продолжаться», — говорил Миллер на пресс-конференции 5 июня 1997 года. Пакистан и Туркменистан были вынуждены подписать новый контракт с *Unocal*,

откладывающий срок начала работ до декабря 1998 года. Но для большинства наблюдателей даже эта дата выглядела чересчур оптимистической.

К тому времени Вашингтон и Пакистан все более и более скептически относились к способности талибов объединить Афганистан. В результате этого США стали рассматривать и другие возможности помочь Туркмении экспортировать свой газ. Внезапно изменив прежнюю политику, в июле 1997 года США заявили, что не будут препятствовать газопроводу Туркменистан-Турция, пересекающему Иран. Вашингтон утверждал, что это решение не означает поворот на 180 градусов в режиме санкций против Ирана. Но по мере того как европейские и азиатские нефтяные компании, расталкивая друг друга, пытались проникнуть на иранский рынок, американские компании усмотрели в этом открывшуюся возможность и усилили давление на администрацию Клинтона с тем, чтобы ослабить санкции против Ирана.[251]

Возможность перевозить каспийскую нефть и газ через Иран сделала непредсказуемый афганский трубопровод еще менее жизнеспособным. Решение Вашингтона оказалось ударом по *Unocal* и напоминанием для Исламабада; американская помощь — вещь ненадежная, сегодня она есть, завтра ее нет, и времени для насильственного объединения Афганистана у талибов остается совсем мало. Кроме того, Иран и австралийская *BHP Petroleum* объявили о своей поддержке проекта газопровода из южного Ирана до Карачи, и *далее* в Индию, длиной в 1600 миль, стоимостью 2,7 миллиарда долларов и пропускной способностью 2 миллиарда кубических футов газа в день. Очевидным преимуществом этого конкурирующего с *Unocal* проекта было то, что полоса будущего газопровода не была разорена гражданской войной.

16 октября 1997 года премьер-министр Пакистана Наваз Шариф приехал на один день в Ашхабад, чтобы обсудить с Ниязовым проект *Unocal*. В результате *Unocal*, Пакистан и Туркменистан подписали предварительное соглашение о цене импортируемого туркменского газа, согласно которому Талибан получал 15 центов за 1000 куб. футов в качестве платы за транзит.[252] Решение Ниязова и Шарифа было совершенно неправдоподобным, они напрочь забыли о продолжающейся войне. Талибы были в бешенстве, так как решение было принято за их спиной, а они претендовали на большую плазу за транзит.

Unocal объявила 25 октября о расширении консорциума *CentGas*, в него вошли нефтяные компании из Японии, Южной Кореи и Пакистана.[253] Но попытка *Unocal* привлечь русских провалилась. Хотя 10 процентов в консорциуме были зарезервированы за «Газпромом», русский газовый гигант отказался подписать соглашение. Москва критиковала поддержку Талибана Соединенными Штатами и их попытку ослабить влияние России в Средней Азии.[254] Генеральный директор «Газпрома» Рэм Вяхирев заявил, что Россия не позволит Туркменистану или Казахстану экспортировать свою нефть и газ в обход России. «Упустить такой рынок… было бы, по меньшей мере, преступлением перед Россией», — сказал Вяхирев.[255]

Американские официальные лица уже вполне откровенно заняли антироссийскую позицию. «Политика США — способствовать быстрому развитию энергетики Каспия… Мы делаем это в особенности затем, чтобы способствовать независимости богатых нефтью стран, чтобы разрушить монополию России на путях транспортировки нефти из этого региона и, откровенно говоря, чтобы укрепить энергетическую безопасность Запада, диверсифицируя поставки», — говорила Шейла Хеслин, эксперт по энергетике Совета национальной безопасности.[256]

Bridas оставалась в игре, обзаведясь на этот раз могущественным партнером, против которого даже Вашингтон не смог бы возразить. В сентябре 1997 года *Bridas* продала 60-процентную долю своих латиноамериканских предприятий американскому нефтяному гиганту Amoco в надежде на то, что Amoco повлияет на Ниязова и поможет выручить активы *Bridas* в Туркменистане. *Bridas* пригласила делегацию Талибана во главе с муллой Ахмад Джаном, бывшим торговцем коврами, ставшим министром промышленности, вторично посетить Буэнос-Айрес в сентябре. Пакистанские власти отказались разрешить талибам вылет из Пешавара до тех пор, пока они не согласились посетить *Unocal*. Другая делегация талибов во главе с одноглазым муллой Мохаммадом Гаусом прибыла в Хьюстон на встречу с *Unocal* в ноябре 1997 года. Их поселили в пятизвездочном отеле, водили в зоопарк, показывали супермаркеты и космический центр НАСА. На обеде у Марти Миллера они восхищались его большим, удобным домом и плавательным бассейном. Талибы встречались с чиновниками госдепартамента и снова ставили вопрос об их признании со стороны США.[257]

После зимнего затишья весной 1998 года в Афганистане вновь начались бои, и проекты обеих компаний стали казаться еще менее осуществимыми. В марте в Ашхабаде Марти Миллер сказал, что проект откладывается на неопределенное время, так как, пока идет война, финансировать его невозможно. Ниязов был готов взорваться от нетерпения, а *Unocal* просила еще об одной отсрочке, после декабря 1998 года, чтобы найти источники финансирования. У *Unocal* возникли проблемы и в Америке. На ежегодном собрании акционеров некоторые акционеры выступили против проекта из-за плохого обращения талибов с афганскими женщинами. Группы американских феминисток начали поднимать общественное мнение против Талибана и *Unocal*.

В течение 1998 года давление феминисток на *Unocal* усилилось. В сентябре 1998 года группа «зеленых» потребовала у прокурора штата Калифорния ликвидировать компанию за ее преступления против человечества и окружающей среды, а также из-за связей *Unocal с* талибами. *Unocal* назвала обвинения «смехотворными». Сначала *Unocal* пробовала отразить атаки феминисток, а затем притворилась, что не слышит их обвинений. Но у *Unocal* не было шансов, компания имела дело не с иностранцами, а с американскими женщинами, которые пользовались поддержкой у администрации Клинтона.

«Мы не согласны с некоторыми американскими феминистскими группами в вопросе о том, как *Unocal* должна была бы себя здесь вести… Мы — гости в суверенных странах, имеющих свои политические, общественные и религиозные убеждения. Никакая компания, и наша в том числе, не может решить эти проблемы в одиночку. Уход из Афганистана, идет ли речь о трубопроводе или о наших гуманитарных проектах, не поможет решить эту проблему», — говорил Джон Имле.[258]

Бомбардировка американцами лагерей бин Ладена в августе 1998 года вынудила *Unocal* вывести свой персонал из Пакистана и Кандагара. Наконец, в декабре 1998 года *Unocal* заявила о своем выходе из созданного ее усилиями консорциума *CentGas*. Падение мировых цен на нефть, сильно ударившее по нефтяной отрасли, нанесло мощный удар и по *Unocal*. *Unocal* отказалась от участия в турецком трубопроводном проекте, закрыла свои представительства в Пакистане, Туркменистане, Узбекистане и Казахстане и объявила о 40-процентном сокращении запланированных на 1999 год капитальных вложений из-за низких цен на нефть. Единственной хорошей новостью в эти тяжелые дни была победа над *Bridas*. 5 октября 1998 года окружной суд штата Техас отказал *Bridas* в ее 15-миллиардном иске к *Unocal* — на том основании, что отношения сторон регулируются законами Туркменистана и Афганистана, а не Техаса.

Теперь, когда США были озабочены поимкой бин Ладена, могло показаться, что один раунд Большой игры закончен. Было понятно, что ни одна американская компания не сможет построить афганский трубопровод, — из-за позиции Талибана в женском вопросе, из-за бин Ладена и из-за непрекращающихся боевых действий. *Unocal* могла понять это и значительно раньше, но этого не произошло, пока талибы и Пакистан постоянно сулили скорую победу. *Bridas* оставалась в игре, но старалась не привлекать к себе внимания на протяжении нескольких трудных месяцев. Хотя проект почти умер, Пакистан упорно пытался поддержать в нем жизнь. В апреле 1999 года на встрече в Исламабаде Пакистан, Туркменистан и Талибан попытались оживить проект и заявили, что подыщут нового спонсора для консорциума, но уже никто не хотел связываться с Афганистаном и талибами, и иностранные инвесторы держались подальше от Пакистана.

Стратегия США была «клубком недоразумений», по словам Пола Старобина, и «высокомерной, запутанной, наивной и опасной», по словам Марты Брилл Олкотт. Писатель Роберт Каплан назвал этот регион «анархическим пограничьем».[259] Тем не менее, США, прочно связавшие себя с трубопроводом Баку-Джейхан, невзирая на крах нефтяных цен и нежелание нефтяных компаний инвестировать, упорно верили в возможность построения трубопроводов без ясной стратегии или урегулирования региональных конфликтов.

Передав моджахедам оружие и снаряжение на миллиарды долларов, *американцы* начали отходить от афганских дел после завершения вывода

советских войск в 1989 году. Отход превратился в бегство в 1992 году после падения Кабула. Вашингтон предоставил своим союзникам в регионе, Пакистану и Саудовской Аравии, свободу самим разбираться с последовавшей гражданской войной в Афганистане. Для простых афганцев уход США со сцены был огромным предательством, а отказ Вашингтона организовать давление извне и заставить главарей враждующих групп договориться — предательством вдвойне. Другие афганцы были возмущены тем, что США разрешили Пакистану хозяйничать в Афганистане. Американское «стратегическое отсутствие» позволило всем странам региона, включая получившие независимость государства Средней Азии, подкармливать «своих» полевых командиров, усиливая и затягивая тем самым гражданскую войну. Поток американской военной помощи моджахедам не превратился в поток международной гуманитарной помощи, который мог бы склонить главарей банд помириться и восстановить страну.

После окончания холодной войны политика Вашингтона в отношении Афганистана, Пакистана, Ирана и Средней Азии страдала от отсутствия стратегии. США решали вопросы по мере их поступления, беспорядочно и по кусочкам, вместо того, чтобы опираться на внятную региональную стратегию. Можно выделить несколько этапов американской политики в отношении Талибана, порожденных внутренними политическими проблемами США или попытками найти быстрое решение вместо политической стратегии.

В 1994–1996 годах США оказывали политическую поддержку Талибану через своих союзников — Пакистан и Саудовскую Аравию, поскольку Талибан представлялся Америке антииранским, антишиитским и прозападным движением. США закрывали глаза на фундаменталистскую программу талибов, угнетение женщин и озабоченность, которую они вызывали в Средней Азии, поскольку общая картина их не интересовала. В 1996–1997 годах США еще более настойчиво поддерживали талибов, так как они стояли за проект *Unocal*, хотя Америка не имела стратегического плана доступа к источникам энергии в Средней Азии и думала, что трубопроводы можно построить до прекращения гражданской войны в регионе.

Поворот на 180 градусов в американской политике с 1997 года по настоящее время[260] сначала был вызван исключительно кампанией американских феминисток против Талибана. Как это обычно бывало с Клинтоном, соображения внутренней политики перевесили внешние задачи и пожелания союзников. Клинтон открыл для себя афганскую проблему только тогда, когда американские женщины постучались к нему в дверь. Президент и миссис Клинтон сильно зависели от голосов женщин на выборах 1996 года и от их поддержки в истории с Моникой Левински. Они не могли позволить себе вызвать недовольство у либерально настроенных женщин Америки. Больше того, как только в дело вмешались либерально настроенные звезды Голливуда — именно они были главными фигурами при финансировании предвыборной

кампании Клинтона, а Альберт Гор сам рассчитывал на их поддержку для своего собственного избрания, — Америка уже не могла позволить себе мягкого отношения к талибам.

В 1998–1999 годах поддержка талибам и бин Ладена, их отказ поддержать проект *Unocal* и пойти на компромисс со своими противниками и новым правительством умеренных в Иране стали новыми причинами сурового отношения США к Талибану. В 1999 году «поймать бин Ладена» стало основной целью американской политики, а новый исламский радикализм, расцветавший в Афганистане, оставался без внимания — хотя именно он мог произвести сколько угодно новых бин Ладенов. Несмотря на это, США впервые оказались в лагере мира и полностью поддержали попытки прекратить войну, предпринимаемые ООН.

Американская политика изобиловала ложными предпосылками. Когда я разговаривал с дипломатами из посольства США в Исламабаде сразу после появления Талибана в 1994 году, они были полны энтузиазма. Талибы рассказывали американским дипломатам, непрерывной чередой направлявшимся в Кандагар, о своей нелюбви к Ирану, о желании покончить с выращиванием опиумного мака и производством героина, о том, что они против всех иностранцев в Афганистане, включая арабов, а также о том, что они не хотят брать власть и управлять страной. Некоторые американские дипломаты представляли талибов глубоко религиозными и добродетельными людьми, похожими на новых христиан из «Библейского пояса» в Америке. Американские дипломаты считали, что талибы решат главные задачи американской политики в Афганистане — «убрать наркотики и бандитов», по словам одного из дипломатов. Надежда была более чем наивном, учитывая социальную базу талибов и то, что сами талибы не знали, кого они представляют и хотят ли они взять государственную власть.

Когда талибы в 1995 году захватили Герат и выкинули сотни девушек из школ, США не сказали ни слова против этого. На самом деле США и пакистанская разведка *ISI* считали, что падение Герата поможет *Unocal* и затянет петлю вокруг Ирана. Желание Вашингтона использовать талибов для блокады Ирана было столь же близоруким, так как настраивало Иран против Пакистана, суннитов против шиитов и пуштунов против непуштунов. «Каковы бы ни были достоинства политики изоляции Ирана в борьбе против терроризма, она не дает США ничего сделать в Афганистане», — писал Барнетт Рубин.[261] Иран, который и так все время боялся заговоров ЦРУ, из кожи вон лез, чтобы продемонстрировать поддержку талибов со стороны ЦРУ, и усиленно вооружал Северный Альянс. «Политика США вынуждает нас объединиться с Россией и Северным Альянсом против Пакистана, Саудовской Аравии и Талибана», — сказал один иранский дипломат.[262]

Некоторые американские дипломаты, озабоченные отсутствием генеральной линии в политике Вашингтона, признавали, что у США нет

никакой связной политики, кроме как следовать пожеланиям Пакистана и Саудовской Аравии. В конфиденциальном меморандуме госдепартамента, написанном непосредственно перед захватом Кабула в 1996 году, часть которого мне довелось прочесть, было сказано, что в случае экспансии талибов Россия, Индия и Иран будут поддерживать Северный Альянс и война будет продолжаться, что США будут разрываться между поддержкой своего старого союзника Пакистана и нежеланием оттолкнуть Индию и Россию, с которыми США пытаются наладить отношения. В такой ситуации, предполагали в госдепартаменте, США не могут надеяться на ведение внятной политики в Афганистане. Впрочем, в год выборов они в ней особо и не нуждались.

Была и еще одна проблема. Мало кто в Вашингтоне интересовался Афганистаном. Робин Рейфел, помощник госсекретаря по южноазиатским делам и главный человек, отвечавший за политику в отношении Афганистана, в частном порядке признавала, что ее инициативы не вызывали особого интереса у руководства. Государственный секретарь Уоррен Кристофер не упомянул об Афганистане ни единого раза за все время пребывания в этой должности. Предпринятая Рейфел попытка обсудить идею эмбарго на поставки оружия в Афганистан на Совете Безопасности ООН не получила поддержки Белого Дома. В мае 1996 года ей удалось поставить вопрос о положении в Афганистане в повестку дня Совета Безопасности ООН — впервые за шесть лет. В июне сенатор Хэнк Браун, при поддержке Рейфел, провел сенатские слушания по Афганистану и организовал трехдневное совещание в Вашингтоне между лидерами афганских фракций и американскими законодателями, которое *Unocal* помогла профинансировать.[263]

Рейфел признавала опасность, исходящую из Афганистана. В мае 1996 года она говорила в Сенате Соединенных Штатов о том, что «Афганистан превратился в рассадник наркотиков, преступности и терроризма, который может разрушить Пакистан, соседние государства Средней Азии и оказать воздействие на Европу и Россию».[264] Она сказала, что тренировочные базы экстремистов в Афганистане занимаются экспортом терроризма. Но настойчивость Рейфел выродилась в дипломатическое латание дыр, так как она не была подкреплена серьезным интересом США к региону.

Когда талибы в сентябре 1996 года захватили Кабул, ЦРУ, воодушевленное аналитиками из *ISI*, решило, что завоевание всей страны талибами возможно и проект *Unocal* может дать плоды. США хранили молчание в отношении репрессий талибов против женщин в Кабуле и усиления боевых действий, а в ноябре Рейфел призвала все страны вступить в диалог с талибами и не оставлять их в изоляции. «Талибан контролирует более двух третей территории страны, они афганцы, они местные, они показали свою устойчивость. Истинный источник их успеха — готовность многих афганцев, в особенности пуштунов, получить немного мира и безопасности вместо непрекращающейся войны и хаоса, даже ценой суровых ограничений в общественной жизни, — говорила

Рейфел. — Изоляция Талибана была бы не в интересах Афганистана и не в наших интересах».[265]

Некоторые озабоченные американские комментаторы обращали внимание на непоследовательность политики США в то время. «США хотя и выступают против нарушений прав человека, но не выработали никакой ясной политики в отношении этой страны и не заняли недвусмысленной позиции против вмешательства своих друзей и давних союзников — Саудовской Аравии и Пакистана, чья помощь помогла талибам захватить Кабул».[266]

США и *Unocal* хотели верить в то, что Талибан победит, и соглашались с пакистанцами, что так оно и будет. Самые наивные из американских политиков надеялись построить отношения с талибами по образцу отношений с Саудовской Аравией в 20-е годы. «Вероятно, Талибан будет развиваться по саудовскому образцу. Там будет Aramco, трубопроводы, эмир, никакого парламента и сплошной шариат. Мы это переживем», — говорил один американский дипломат.[267] Вполне понятно, что Северный Альянс, Иран и Россия считали проект *Unocal* орудием в руках США/ЦРУ и главной причиной американской поддержки талибов. Связи *Unocal* с американским правительством стали предметом постоянных разговоров. Американский комментатор Ричард Маккензи писал, что *Unocal* регулярно получает информацию от ЦРУ и *ISI*.[268]

Unocal не подтверждала, но и не опровергала факт поддержки со стороны госдепартамента, которую получила бы любая американская компания за границей, но начисто отвергала свою связь с ЦРУ. «Так как *Unocal* была единственным американским участником консорциума *CentGas*, то поддержка маршрута госдепартаментом вылилась в поддержку *CentGas* и *Unocal*. В то же время правительству Соединенных Штатов хорошо известно, что позиция *Unocal* — это политический нейтралитет», — говорил мне президент *Unocal* Джон Имле.[269] Причина неудачи *Unocal* была в том, что ему не удалось построить отношения с афганскими фракциями, не зависевшими *ни* от американского, ни от пакистанского правительств.

Существовала и более крупная проблема. До вашингтонской, речи Строуба Талбота в июле 1997 года у США отсутствовал стратегический план обеспечения доступа к источникам энергии в Средней Азии. Перед американскими компаниями стояла задача, разрешить которую они не могли, — а та, которую они могли решить, перед ними не ставилась, так как строить трубопровод через Россию и Иран им было запрещено. Когда Вашингтон, наконец, внятно объявил о политике «транспортного коридора» от Каспия до Турции (в обход России и Ирана), то нефтяные компании не были готовы подписаться на участие в нем из-за высоких издержек и нестабильности в регионе. Основной вопрос, который США отказались на себя взять, — установление мира в регионе. До тех пор, пока не закончатся все военные конфликты в Центральной Азии и на Каспии (Афганистан, Таджикистан,

Грузия, Чечня, Нагорный Карабах, курдский вопрос) и пока не будет достигнут консенсус с Ираном и Россией, строить трубопроводы будет не только небезопасно, но и коммерчески *невыгодно,* так как Иран и Россия смогут блокировать их на каждом шагу.

Интерес Ирана и России заключался в том, чтобы поддерживать нестабильность в регионе, вооружая Северный Альянс, и не давать США осуществить их план строительства трубопровода. Даже сейчас США не дают ясного ответа на вопрос, хотят ли они спасти нищие страны Средней Азии, позволив им экспортировать энергию любым доступным им путем, или продолжат блокировать трубопроводы через Иран и Россию.

Вопрос, стоявший перед США и *Unocal* в Афганистане, был прост. Стоило ли полагаться на Пакистан и Саудовскую Аравию и дождаться, пока талибы объединят страну силой, по старому доброму обычаю? Или США следовало заняться миротворчеством, собрать все афганские народности и фракции вместе и создать единое правительство, которое могло бы надолго обеспечить стабильность? Хотя в общем: случае Вашингтон поддерживал идею *коалиционного* многонационального правительства в Кабуле, на практике он долгое время верил в Талибан, и, даже перестав верить, он не хотел призвать к порядку Пакистан и Саудовскую Аравию.

Хотя ЦРУ и не платило за оружие и снаряжение *для* талибов из своего бюджета, а *Unocal* не оказывала талибам военной помощи, США поддерживали Талибан через своих традиционных союзников — Пакистан и Саудовскую Аравию, соглашаясь с тем, что они дают оружие и деньги талибам. «США не возражали против поддержки Талибана из-за наших связей с Пакистаном и саудовским правительством, которые были за него. Но мы так больше не делаем и сказали им категорически, что нам нужно мирное соглашение», — говорил мне в 1998 году высокопоставленный американский дипломат, работавший в Афганистане.[270]

Вашингтон не вел тайную политику — он не вел никакой. Тайная политика подразумевает планирование, финансирование и принятие решений, но ничего подобного в отношении Афганистана в вашингтонских верхах не происходило.

Углубляющийся экономический и политический кризис в Пакистане также был одной из причин того, что отношение Вашингтона к талибам в конце 1997 года изменилось. Американские официальные лица стали вслух опасаться того, что наркотики, терроризм и угроза исламского фундаментализма, исходящая от талибов, сломают их старого и слабеющего союзника — Пакистан. США предостерегали Пакистан от растущей опасности, но приходили в отчаяние, видя отказ *ISI* надавить на талибов и заставить их смягчить свою политику и свое отношение к женщинам.

Первое публичное выражение перемена позиции США получила во время визита госсекретаря Мадлен Олбрайт в Исламабад в ноябре 1997 года. На пороге пакистанского МИДа она назвала Талибан «недостойным» за его

политику в отношении женщин. Внутри здания она предостерегла Пакистан, что он может оказаться в одиночестве в Центральной Азии, что, в свою очередь, ослабит рычаги США в регионе. Но режим Шарифа продолжал противоречить сам себе, желая стать проводником для энергоносителей из Средней Азии, желая мира в Афганистане, но пытаясь добиться его через победу Талибана. Пакистан не мог одновременно получить победу талибов, доступ в Среднюю Азию, дружбу с Ираном и конец бин-ладеновского терроризма. Это была обреченная на поражение, внутренне противоречивая и полная самообмана политика, в которой Пакистан даже не мог признаться.

Сдвиг в политике США произошел также из-за перемен в Вашингтоне. В начале жесткий и невезучий Уоррен Кристофер уступил пост госсекретаря Мадлен Олбрайт. Ее собственное детство, проведенное в Центральной Европе, было залогом того, что права человека займут почетное место в ее деятельности. Новая команда американских дипломатов стала работать на афганском направлении как в Вашингтоне, так и в Исламабаде. Новый помощник госсекретаря по южноазиатским делам, Карл Индерфурт, работал в Афганистане журналистом и был намного ближе к Олбрайт, чем Рейфел — к Кристоферу.

После того как Олбрайт приватно покритиковала Пакистан и публично — Талибан, Билл Ричардсон, представитель США в ООН, побывал в апреле 1998 года с визитом в Исламабаде и Кабуле. Но поскольку Пакистан не оказал реального давления на талибов, а лишь посоветовал им принять Ричардсона с подобающими церемониями, поездка превратилась в упражнение по связям с общественностью. Договоренности, достигнутые Ричардсоном и талибами, Мулла Омар разорвал через несколько часов. Единственным положительным итогом поездки было то, что отныне США стали считать Тегеран партнером на будущих мирных переговорах по Афганистану, а американо-иранские противоречия смягчились.

Так же, как и в случае с инициативой Рейфел в 1996 году, американцы пробовали воду в афганском болоте, но не хотели брать на себя реальную ответственность. США не желали принимать чью-либо сторону или связываться с повседневными задачами миротворчества. Пакистанцы поняли эту слабость и попытались парировать американское давление. Министр иностранных дел Пакистана Гохар Айюб нанес удар по американцам пред самым приездом Ричардсона. «Американцы думают посадить там [в Кабуле] своих марионеток. В Пакистане есть люди, которые только ходят по приемам, но с ними каши не сваришь, у них нет поддержки в Афганистане», — сказал Айюб во время визита в Токио.[271]

Напряженность между США и Пакистаном существенно возросла после нападения бин Ладена на американские посольства в Африке в августе 1998 года. Тот факт, что *ISI* свела бин Ладена с талибами в 1996 года и поддерживала с *ним* связь, а теперь отказалась помочь американцам поймать его, сильно затруднил их отношения, Американцы стали намного жестче. «Существует

явная и опасная связь между политической жизнью Пакистана и хаосом в Афганистане. С появлением Талибана есть все больше причин опасаться того, что воинствующий экстремизм, обскурантизм и сектантство заразят и соседние страны. Если „талибанизация“ будет распространяться дальше, Пакистан потеряет от этого больше всех», — сказал в январе 1999 года заместитель госсекретаря США Строуб Талбот.[272]

Но американцы не были готовы публично критиковать Саудовскую Аравию за ее поддержку талибов, хотя в частном порядке они убеждали Саудовскую Аравию использовать ее влияние на Талибан и для выдачи бин Ладена. Даже американские конгрессмены стали задаваться вопросами о противоречивости политики США. «Я хочу ответа на вопрос, не привела ли тайная политика нашей администрации к победе Талибана и не она ли позволила этой жестокой партии удержаться у власти, — сказала конгрессмен Дана Рорабахер в апреле 1999 года. — США поддерживают очень тесные отношения с Саудовской Аравией и Пакистаном, но, к несчастью, не мы руководим ими, а они определяют нашу политику».[273]

У Пакистана появилась проблема: американцы до такой степени демонизировали бин Ладена, что для многих мусульман, особенно в Пакистане, он стал героем. США снова сосредоточились на одном — поимке бин Ладена, упустив из виду общую проблему терроризма в Афганистане и установления мира. У Вашингтона существовала политика в отношении бин Ладена, но не в отношении Афганистана. От поддержки Талибана США ударились в другую крайность — полное отвержение талибов.

Соединенные Штаты отказались от поддержки талибов в основном из-за давления, оказываемого феминистами внутри США. Афганские женщины-активисты, например, Зиба Шориш-Шемли, побудили феминистское большинство развернуть кампанию по сбору средств в поддержку афганских женщин, чтобы заставить Клинтона занять более жесткую позицию в отношении Талибана. В ней приняли участие около трехсот женских, профсоюзных и правозащитных организаций. Кампания стала особенно популярной после того, как Мэйвис Лено, жена комика Джея Лено, пожертвовала 100 000 долларов. «США несут долю ответственности за те условия, в которых находятся афганские женщины. Многие годы наша страна снабжала моджахедов оружием для войны против Советов», — заявила миссис Лено на слушаниях в Конгрессе в марте 1998 года.[274]

С помощью Лено организация *Feminist Majority* организовала в честь афганских женщин большой прием с участием звезд сразу после церемонии вручения премии Оскар в 1999 году. «Война Талибана против женщин стала последней *cause celebre*[275] в Голливуде. Тибет больше не в моде. Теперь в моде Афганистан», — писала *Washington Post*.[276] Лено была знаменитостью в американской «культуре знаменитостей», поэтому ее мнение приобрело популярность. Хиллари Клинтон, стараясь приобрести поддержку феминистов в

видах своей будущей политической карьеры, несколько раз выступила против талибов. «Когда так называемая религиозная полиция избивает женщин за то, что они не полностью закрывают свое тело или слишком шумно передвигаются, само по себе избиение не есть цель. Цель — сломить дух этих женщин», — говорила госпожа Клинтон в одной из речей в 1999 году.[277] Казалось, политика США описала полный круг, от безусловного принятия Талибана до его безусловного отвержения.

Глава 14. Хозяин или жертва
Афганская война для Пакистана

В последние дни июня 1998 года в пакистанском МИДе и министерстве финансов стоял переполох. Бюрократы метались между двумя министерствами и секретариатом премьер-министра с портфелями, набитыми бумагами, требовавшими подписей разных министров, Через несколько дней, 30 июня, заканчивался 1997/98 финансовый год и начинался новый. Все министерства старались потратить выделенные им на текущий год ассигнования и выбить у министерства финансов больше денег на будущий год. За несколько недель до этого (28 мая) Пакистан, вслед за Индией, испытал шесть ядерных зарядов, после чего Запад ввел карательные санкции против обеих стран, породив крупный валютный кризис в Пакистане и усугубив глубокую рецессию, продолжавшуюся с 1996 года.

Несмотря на это, 28 июня страдающее от отсутствия наличности министерство финансов утвердило выплату 300 миллионов рупии (6 миллионов долларов) на зарплату для администрации Талибана в Кабуле. Ассигновка позволяла МИДу тратить 50 миллионов рупий ежемесячно в течение следующих шести месяцев на зарплату правителям Афганистана. МИД должен был замаскировать эти деньги в своем бюджете и бюджетах других ведомств, чтобы они не фигурировали в бюджетном отчете за 1998/99 финансовый год и не попались на глаза странам-донорам, требовавшим сокращения государственных расходов ради выхода экономики из кризиса.

В 1997/98 финансовом году Пакистан оказал Талибану помощь в размере около 30 миллионов долларов.[278] Сюда вошли 600 000 тонн пшеницы, дизельного топлива, бензина и керосина, частично оплаченного Саудовской Аравией, вооружение и боеприпасы, авиабомбы, техническое обслуживание и запчасти для оставшегося от советских времен вооружения, например, танков и тяжелой артиллерии, ремонт и обслуживание ВВС талибов и их аэродромов, дорожное строительство, поставки электричества в Кандагар и зарплата. Пакистан также помогал Талибану самому закупать оружие и боеприпасы на Украине и в Восточной Европе. Деньги, выделенные на зарплату, редко доходили по назначению и тоже шли на военные нужды. Многие месяцы чиновники Талибана в Кабуле не получали зарплату вовремя. Официально Пакистан отрицал, что он поддерживает талибов.

Такой объем помощи был наследием прошлого. На протяжении 80-х годов через руки пакистанской разведки *ISI* прошли миллиарды долларов, направленные Западом и арабскими странами на поддержку моджахедам. При одобрении и технической поддержке ЦРУ часть этих средств была направлена

на колоссальное расширение самой *ISI*. *ISI* поставила сотни армейских офицеров следить не только за Афганистаном, но и за Индией, за всей внешней разведкой, а также и за внутренней политикой самого Пакистана, его экономикой, средствами массовой информации и всеми аспектами общественной и культурной жизни страны.

ЦРУ снабдило *ISI* последними техническими новинками, например, оборудованием, позволяющим прослушивать любые телефонные разговоры внутри страны. *ISI* стала глазами и ушами военного режима президента Зия-уль-Хака и к 1989 году превратилась в самую могущественную политическую силу в Пакистане, множество раз настаивая на своем в противовес гражданскому правительству и парламенту в вопросах, которые она считала ключевыми для национальной безопасности. Прежде всего, это относилось к Индии и Афганистану.

На протяжении 1990-х годов *ISI* пыталась сохранить свое исключительное влияние на афганскую политику Пакистана. Однако окончание холодной войны лишило разведку источников финансирования, а жестокий экономический кризис в Пакистане привел к еще более жестокому сокращению ее тайного бюджета. Кроме того, из своих скудеющих ресурсов *ISI* приходилось финансировать еще одну войну на истощение — за умы и сердца народа Кашмира, который восстал против Индии в 1989 году.

Во время второго срока пребывания Беназир Бхутто на посту премьера (1993–1996) министр внутренних дел, отставной генерал Назирулла Бабар, поддерживал Талибан. Он хотел освободить афганскую политику от влияния *ISI*. И Бхутто, и Бабар с большим подозрением относились к возможностям и могуществу разведки. И то, и другое было использовано спецслужбой против Бхутто во время ее первого премьерского срока, что и привело к ее отстранению от власти в 1990 году. Кроме того, сначала *ISI* сомневалась в потенциале талибов и предпочитала поддерживать Гольбуддина Хекматьяра, а не тратить скудные средства на движение афганских студентов. Бабар начал поддерживать Талибан через невоенные структуры. Ои создал Сектор торговли и развития Афганистана в МВД, официальной задачей которого было координировать усилия по прокладке торговых путей в Среднюю Азию, — хотя по существу он занимался обеспечением деятельности талибов, беря деньги не из секретных фондов, а из бюджетов правительственных ведомств.

Бабар приказал пакистанской телефонной компании создать телефонную сеть для талибов, которая стала частью пакистанской телефонной сети. Из любой точки Пакистана можно было позвонить в Кандагар, набрав 081, - тот же префикс был у Кветты. Инженеры Департамента общественных работ и Управления водо- и энергоснабжения чинили дороги и обеспечивали снабжение Кандагара электричеством. Полувоенный Корпус пограничной охраны, подчиненный лично Бабару, помог талибам наладить мобильную связь для командного состава. *Pakistan International Airlines (PIA)* и Управление

гражданской авиации направили техников, чтобы исправить международный аэропорт в Кандагаре, а также истребители и вертолеты, захваченные талибами. Пакистанское радио оказывало техническую поддержку радио Афганистана, переименованному в «Радио Шариат».

После захвата Талибаном Герата в 1995 году пакистанская помощь усилилась. В январе 1996 года генеральный директор Сектора торговли и развития Афганистана совершил поездку из Кветты в Туркменистан в сопровождении сотрудников Управления гражданской авиации, *Pakistan Telecom, PIA,* пакистанских железных дорог, «Радио Пакистан» и Национального банка Пакистана. Пакистанские министерства и государственные компании строили дальнейшие планы помощи талибам — за счет средств, предназначенных для развития экономики Пакистана.[279]

Несмотря на помощь талибам и попытки контролировать их действия, они не были ничьими марионетками и сопротивлялись любым попыткам Исламабада навязать им свою волю. На протяжении всей истории Афганистана чужакам не удавалось манипулировать афганцами — британцы и Советы дорого заплатили за эту истину. Пакистан, казалось, не извлек из истории никаких уроков и продолжал жить в недавнем прошлом, когда деньги саудовцев и ЦРУ позволяли Пакистану руководить джихадом. Больше того, талибы были накрепко связаны с пакистанским пограничьем, населенным пуштунами. Экономические, общественные и политические связи образовались за два десятилетия войны и беженской жизни в Пакистане. Талибы родились в пакистанских лагерях беженцев, они учились в пакистанских *медресе и* обучались военному делу у моджахедов, базировавшихся в Пакистане. Члены их семей имели пакистанские удостоверения личности.

Прочные связи талибов с пакистанскими государственными учреждениями, политическими партиями, исламскими группами, сетью *медресе*, наркомафией, бизнесменами и перевозчиками пришлись очень кстати в то время, когда пакистанская государственность была неупорядоченной и фрагментированной. Это оказалось удобным для талибов, не зависящих от какого-то одного пакистанского лобби, вроде *ISI.* В 1980-х годах, когда моджахеды были связаны только с *ISI* и *Джамаат-и-Ислами*, у них не было связей с другими политическими и экономическими группами влияния. В отличие от этого Талибан имел доступ к большему числу групп влияния в Пакистане, чем большинство пакистанцев.

Такое влияние позволяло Талибану использовать одну группу против другой и еще более усиливать свое влияние в Пакистане. По временам они бросали вызов *ISI*, обращаясь за помощью к правительственным ведомствам или к транспортной мафии. В другой раз они бросали вызов федеральному правительству, зовя на помощь правительства Белуджистана и Северо-Западной Пограничной Провинции (СЗПП). По мере расширения движения Талибан

вопрос, кто кем управляет, становился все менее ясным. Вместо того чтобы быть хозяином талибов, Пакистан оказался их жертвой.

Изначальные представления Пакистана о безопасности своих границ сформировались под влиянием претензий Афганистана на часть территорий СЗПП и Белуджистана, из-за которых в 50–60-х годах случались стычки. Афганистан настаивал на том, чтобы пуштуны, живущие в местах расселения своих племен в Пакистане, могли бы избрать независимость либо присоединение к Пакистану или Афганистану. Афганистан защищал идею «Великого Пуштунистана», которую поддерживали левые пуштуны в Пакистане. Это было причиной двух разрывов дипломатических отношений между двумя странами — в 1955 и в 1962 годах. Режим Зия-уль-Хака считал поддержку джихада лучшим средством навсегда покончить с этими территориальными притязаниями, приведя к власти в Кабуле послушное пропакистанское правительство пуштунов-моджахедов.

Военные стратеги считали, что это обеспечит Пакистану «стратегическую глубину» в его противостоянии с главным врагом — Индией. Меридиональная протяженность Пакистана, недостаток пространства и малая глубина тыла не давали ему возможности выдержать долгую войну с Индией. В 1990-х годах к этому добавилась возможность базирования кашмирских боевиков в дружественном Афганистане, где их тренировали, вооружали и снабжали.

В 1992–1993 годах США под давлением Индии были близки к тому, чтобы объявить Пакистан государством, поддерживающим терроризм, — из-за кашмирских боевиков, нападавших на индийскую часть Кашмира с пакистанской территории. Пакистан пытался решить эту проблему, переместив большую часть баз кашмирских боевиков в восточный Афганистан и заплатив сначала Шуре (Совету) в Джелалабаде, а позднее талибам за их покровительство. Правительство также передало поддержку кашмирских боевиков в частные руки, возложив ответственность за их финансирование и подготовку на исламские партии. Поскольку бин Ладен тоже поддерживал одну из баз для кашмирских боевиков в районе Хоста, его присоединение к Талибану в 1996 году всячески приветствовалось.

Постепенно кашмирский вопрос стал основным мотивом в пакистанской политике в отношении Афганистана и в их поддержке талибов. Талибан ловко использовал это и отказывался подчиняться пакистанским требованиям, зная, что пока он держит у себя базы кашмирских и пакистанских боевиков, Исламабад ни в чем не сможет ему отказать. «Мы поддерживаем джихад в Кашмире, — сказал Мулла Омар в 1998 году. — То, что многие афганцы сражаются против индийских оккупационных войск в Кашмире — это правда. Но они поехали туда по собственной воле».[280]

С точки зрения многих, концепция «стратегической глубины» была логически несостоятельной, поскольку игнорировала ту очевидную истину, что политическая стабильность внутри страны, экономическое развитие,

распространение грамотности и установление добрых отношений с соседями могут дать большую безопасность, чем мифическая «стратегическая глубина» в горах Афганистана. «Достижение стратегической глубины было главной целью политики Пакистана в Афганистане со времен генерала Зия-уль-Хака. С точки зрения военной науки это имеет смысл, только если речь идет о труднодоступном месте, где армия может укрыться после поражения, — писал пакистанский ученый Икбал Ахмад. — В итоге вся страна запуталась в стальной паутине из ложных предпосылок, магических догм, позерства и междоусобной борьбы. Победа Талибана не только не улучшит стратегическое положение Пакистана, но заведет его еще глубже в политический и стратегический тупик». [281]

Военные рассчитывали на то, что Талибан признает «линию Дюранда» — спорную границу между двумя странами, проведенную англичанами и не признававшуюся ни одним афганским режимом. Военные также рассчитывали на то, что Талибан победит пуштунский национализм в СЗПП и станет точкой приложения сил пакистанских исламских радикалов, ослабив исламистов внутри самого Пакистана. В действительности все оказалось наоборот. Талибан отказался признать «линию Дюранда» или снять претензии Афганистана на часть Северо-Западной Пограничной Провинции. Талибан способствовал распространению пуштунского национализма, хотя и с исламской окраской, среди пакистанских пуштунов.

Хуже того, Талибан предоставил убежище и вооружал наиболее воинствующие группы суннитских экстремистов из Пакистана, которые убивали пакистанских шиитов, требовали провозгласить Пакистан суннитским государством и выступали за свержение правящего слоя путем исламской революции. «Хотя Пакистан и казался победителем, его успехи могут дорого обойтись ему. Триумф Талибана фактически уничтожил границу между Пакистаном и Афганистаном. По обе стороны ее пуштунские племена дрейфуют в сторону фундаментализма, и все более вовлекаются в наркоторговлю. Они становятся все более автономными, на пакистанской земле возникают маленькие фундаменталистские эмираты. Поглощение Афганистана *de facto* усилит центробежные тенденции внутри Пакистана», — предсказывал в 1997 году Оливье Руа.[282] Результатом афганских событий стала «талибанизация» Пакистана. Не Талибан обеспечивал Пакистану стратегический тыл, а наоборот, Пакистан обеспечивал стратегический тыл Талибану.

Пакистан оказался жертвой не только своих представлений о стратегии, но и своих разведывательных ведомств. *ISI* удавалось управлять джихадом на микроуровне, лишь потому, что в условиях военного режима и щедрого внешнего финансирования всякая внутренняя оппозиция могла быть подавлена. Зия-уль-Хак и *ISI* имели возможность делать то, что не могла делать никакая другая разведка, даже ЦРУ, — самостоятельно формулировать афганскую политику и проводить ее в жизнь. *ISI* могла сосредоточить все свои силы для

достижения одной цели. У разведки не было могущественных политических соперников, появившихся во времена Талибана, когда *ISI* пришлось вступить в борьбу со многими влиятельными силами, каждая из которых поддерживала талибов, исходя из собственных интересов.

Занимаясь разработкой афганской политики и одновременно приводя ее в исполнение, *ISI* не оставляла места ни для критического переосмысления, учета мнений несогласных, ни для гибкости и воображения, чтобы приспособиться к постоянно меняющейся геополитической ситуации.

Теряя возможность контроля за талибами, *ISI* оказалась жертвой собственной негибкости и упрямства. Сотрудники разведки, работавшие в Афганистане, были пуштунами, и многие из них склонялись на сторону исламских фундаменталистов. Работая с Хекматьяром, а позднее и с талибами, пуштунские офицеры разработали собственную программу, направленную на расширение власти пуштунов и распространение радикального ислама в Афганистане за счет национальных меньшинств и умеренных исламистов.

По словам отставного сотрудника ЦРУ, «эти офицеры стали большими талибами, нежели сами талибы». Вследствие этого их доклады о Северном Альянсе и о ситуации вокруг трубопровода были искажены из-за их упрямства, догматизма и исламских идеологических клише, мешавших видеть объективные факты. Но к тому времени *ISI* была настолько могущественной, что ни один глава правительства не рисковал ставить под сомнение выводы разведки и ни один начальник штаба не осмеливался взяться за чистку ее рядов.

Когда Талибан только зародился, *ISI* оценивала его шансы невысоко. Тогда *ISI* находилась в обороне из-за неудачной попытки Хекматьяра захватить Кабул и из-за недостатка средств. Отступление *ISI* дало правительству Бхутто возможность организовать поддержку Талибана собственными силами. На протяжении 1995 года *ISI* продолжала обсуждать вопрос о поддержке талибов.[283] Основной спор возник между пропуштунским и происламским оперативным составом, выступавшим за увеличение поддержки Талибана, и теми, кто отвечал за стратегическое планирование и желал свести пакистанское участие к минимуму, чтобы не ухудшать отношения со Средней Азией и Ираном. К лету 1995 года пуштунское лобби в армии и *ISI* решили поддержать Талибан, особенно после обращения президента Афганистана Бурхануддина Раббани за помощью к соперникам Пакистана — России, Ирану и Индии.[284]

Но теперь *ISI* противостояли другие группы влияния, имевшие свои связи с талибами: от радикальных священнослужителей до наркобаронов. Ожесточенное соперничество между *ISI*, правительством и этими группами влияния еще больше раскоординировало процесс принятия решений по афганским вопросам. Пакистанский МИД был настолько ослаблен, что оказался совершенно несостоятельным в афганских делах и не мог парировать выдвигавшиеся всеми соседями — Россией, Ираном, среднеазиатскими государствами — обвинения в дестабилизации региона. Попытки изменить

критическое отношение к Исламабаду в ходе тайных поездок нескольких руководителей *ISI* в Москву, Тегеран, Ташкент и Ашхабад закончились неудачей.

Подвергаясь все возрастающей критике из-за рубежа, вновь избранное правительство Наваза Шарифа и *ISI* еще более укрепились в намерении поддерживать Талибан. В мае 1997 года во время попыток талибов захватить Мазари-Шариф, *ISI* решила, что если Пакистан признает талибов, то это вынудит враждебных соседей иметь с ними дело, а для этого им потребуется помощь Исламабада. Эта весьма рискованная игра провалилась, когда Пакистан поспешил с признанием талибов, выбитых после этого из Мазари-Шарифа.[285]

Пакистан отреагировал на это нападками на тех, кто критиковал его, в том числе и на ООН, которая к тому времени открыто критиковала всякую внешнюю поддержку любых афганских фракций. Пакистан обвинил Генерального секретаря ООН Кофи Аннана в пристрастности. «ООН постепенно утратила свою роль в Афганистане и не пользуется доверием как нейтральный посредник», — сказал в январе 1998 года Ахмад Камаль, представитель Пакистана в ООН. Позднее на совещании послов в Пакистане Камаль говорил, что вовсе не Пакистан находится в изоляции в связи с Афганистаном, а все остальные страны изолировали себя от Пакистана и будут вынуждены согласиться с точкой зрения Пакистана в отношении талибов.[286]

Пока Пакистан защищал политику Талибана, невзирая на повсеместную критику за рубежом, правительство совершенно не учитывало тех потерь, которые из-за этого несет страна. Наиболее ярким проявлением ущерба была афганская контрабанда. Этот бизнес, распространившийся на Среднюю Азию, Иран и страны Персидского залива, был пагубен для всех стран, но в особенности для Пакистана, чья промышленность разорялась из-за притока импортных потребительских товаров. То, что скрывалось за эвфемизмом «афганская транзитная торговля» (АТТ), стало крупнейшей системой контрабанды в мире, объединяющей талибов, пакистанских контрабандистов, перевозчиков, наркобаронов, бюрократов, политиков, полицейских и армейских офицеров. Эта торговля стала основным источником дохода Талибана, хотя она и подрывала экономику соседних стран.

Пограничный пункт между Чаманом в провинции Белуджистан и Спинбулдаком на афганской стороне — лучшее место, где можно наблюдать за потоком контрабанды. В хороший день через него проходят примерно 300 грузовиков. Водители, пакистанские таможенники и талибы встречаются, как старые друзья, и пьют бесконечный чай, пока грузовики ждут своей очереди. Кажется, здесь все знакомы друг с другом, а от историй, рассказанных водителями, волосы у Всемирной Торговой Организации встали бы дыбом. Множество грузовиков *Mercedes* и *Bedford* — краденые, а их номера фальшивые. Они везут товары без документов. Водители могут проехать через шесть границ с фальшивыми номерными знаками, без водительских прав и паспортов. Грузы самые разные — от японских видеокамер до английского

белья и чая с бергамотом, от китайского шелка до американских комплектующих для компьютеров, от афганского героина до пакистанской муки и сахара, от автоматов Калашникова из Восточной Европы до нефтепродуктов из Ирана. И никаких пошлин или налогов с продаж.

Этот Дикий Запад свободной торговли расцвел на почве гражданской войны в Афганистане, наркоторговли и разложения и распада государственных институтов во всех странах вдоль их афганской границы. Это совпало с дефицитом потребительских товаров в регионе. Пакистанская и афганская наркомафия и транспортная мафия объединились, чтобы удовлетворить этот спрос. «Все это происходит совершенно бесконтрольно, — говорил мне еще в 1995 году чиновник пакистанского Центрального управления доходов. — Перевозчики платят талибам за то, что те открывают им дороги для контрабанды, и эта мафия теперь решает, какое правительство будет в Афганистане и в Пакистане. Доходы Пакистана в этом году упадут на 30 процентов из-за таможенных пошлин, недополученных вследствие АТТ».[287]

Торговля всегда имела ключевое значение для сердцевины исламского мира. Великий Шелковый путь, соединявший Китай с Европой в Средние века, проходил через Среднюю Азию и Афганистан, и те же самые кочевники, что водили по нему караваны, сегодня превратились в водителей грузовиков. Шелковый путь повлиял на Европу почти так же сильно, как арабские завоевания, ибо караваны доставляли не только предметы роскоши, но и идеи, религии, новые виды оружия и научные открытия. Караван мог состоять из пяти-шести тысяч верблюдов, «по количеству перевозимого груза он был равен очень большому торговому судну. Караван двигался, как армия, со своим командующим, штабом суровым уставом, обязательными привалами и предосторожностями против кочевников-грабителей», — писал французский историк Фернан Бродель.[288] Кажется, за 2000 лет мало что изменилось. Сегодняшние контрабандисты обладают похожей военной организацией, хотя верблюдов заменили грузовики.

В 1950 году, в соответствии с международными договорами, Пакистан разрешил не имеющему выхода к морю Афганистану беспошлинно ввозить товары через порт Карачи по договору об АТТ. Перевозчики везли опечатанные контейнеры из Карачи, пересекали границу, продавали часть товара в Кабуле, затем возвращались и продавали остальное на пакистанском рынке. Это был Цветущий бизнес малого масштаба, так как Пакистан и сам имел доступ к дешевым импортным потребительским товарам, особенно к японской электронике. АТТ расширилась в 1980-х годах, обслуживая контролируемые коммунистами афганские города. Падение Кабула в 1992 году совпало с появлением новых рынков в Средней Азии и ростом потребности в топливе, продовольствии и строительных материалов для возвращающихся афганских беженцев — это сулило транспортной мафии большие выгоды.

Но перевозчики были удручены продолжавшейся гражданской войной и необходимостью платить бандитам несколько десятков раз на протяжении всего маршрута. Хотя пешаварская мафия продолжала действовать между Пакистаном, северным Афганистаном и Узбекистаном, несмотря на продолжавшиеся бои вокруг Кабула, мафия Кветты не могла справиться с жадными главарями кандагарских банд, поставивших на дороге из Пакистана десятки цепей, за проезд через которые надо было платить. Транспортная мафия Кветты стремилась открыть безопасный путь в Иран и Туркменистан, и ту же политику проводило правительство Бхутто.

Лидеры Талибана были прочно связаны с мафией Кветты, которая первой стала оказывать финансовую помощь их движению. Сначала мафия Кветты платила талибам помесячно, но по мере продвижения талибов к западу они стали требовать больше денег. В апреле 1995 года очевидцы в Кветте говорили мне, что Талибан собрал 6 миллионов рупий (130 000 долларов) с перевозчиков в Чамане только за один день и вдвое большую сумму — на следующий день в Кветте, так как они готовились к первой атаке на Герат. Эти «пожертвования» взимались отдельно от единой пошлины, взимаемой теперь талибами за проезд из Пакистана в Афганистан и сделавшейся их основным официальным источником дохода.

После того как дороги стали свободны и безопасны, объем и сфера распространения контрабанды изрядно возросли. Караваны грузовиков двигались из Кветты в Кандагар, затем — на юг в Иран, на запад в Туркменистан и в другие страны Средней Азии, даже в Россию. Вскоре транспортная мафия Кветты стала убеждать Талибан захватить Герат и получить, таким образом, полный контроль над дорогой в Туркменистан.[289] Несмотря на то, что *ISI* сперва не советовала талибам нападать на Герат, у мафии Кветты оказалось больше влияния на талибов. В 1996 году перевозчики побудили талибов расчистить дорогу на север, захватив Кабул. После захвата столицы Талибан брал в среднем по 6000 рупий (150 долларов) за проезд грузовика от Пешавара до Кабула, а раньше это обходилось водителям в 30 000–50 000 рупий. Транспортная мафия дала Талибану долю в своем бизнесе, предлагая его лидерам купить себе грузовики или помогая сделать это их родственникам. А после того как наркомафия согласилась платить *закят* (налог) на перевозку героина, транзитная торговля приобрела решающее значение для казны талибов.

Пакистан же понес от этой торговли наибольшие потери. Центральное управление доходов (ЦУД) оценивало потери Пакистана от неполученных пошлин в 3,5 миллиардов рупий (80 миллионов долларов) в 1992/93 финансовом году, 11 миллиардов рупий в 1993/94 году, 20 миллиардов рупий в 1994/95 году и 30 миллиардов рупий (600 миллионов долларов) в 1997/98 году — невиданный рост год от года отражает усиление влияния Талибана.[290] Огромная паутина коррупции оплела Пакистан благодаря АТТ. Все пакистанские ведомства,

причастные к ней, брали взятки: таможня, таможенная разведка, ЦУД, пограничная полиция и руководящие чиновники в зоне племен. Доходные места на таможне покупались претендентами, которые давали взятки таможенному начальству, чтобы получить должность. Эти взятки, считавшиеся инвестициями, окупались по мере того, как вновь назначенные чиновники брали взятки с участников АТТ.

Паутина включала политиков и министров провинциальных правительств в Белуджистане и СЗПП. Главные министры и губернаторы провинций выдавали подорожные для грузовиков и лицензии на экспорт пшеницы и сахара в Афганистан. Высшие армейские чины в 1995, а потом и в 1996 годах жаловались мне на то, что конкуренция между министрами и губернаторами при выдаче подорожных стала основным источником коррупции, парализующим весь административный механизм, затрудняющим и часто противоречащим политике *ISI* в Афганистане и дающим Талибану осуществлять повсеместный «контроль» за пакистанскими политиками.

По мере того как мафия расширяла свою деятельность, она раздела догола и Афганистан. Миллионы акров леса в Афганистане были вырублены и отправлены на пакистанский рынок, никаких компенсирующих лесопосадок, конечно, не производилось. Заброшенные фабрики растаскивались, машины и цистерны разрушались, даже электрические и телефонные столбы были проданы в Лахор на металлолом. Мафия организовала местных угонщиков автомобилей в Карачи и других городах, автомобили переправлялись в Афганистан и затем продавались афганским или пакистанским клиентам. Шестьдесят пять тысяч автомобилей было угнано только в Карачи за 1992–1998 годы, большая часть из них оказалась в Афганистане только затем, чтобы вновь вернуться в Пакистан с новыми номерными знаками.[291]

Транспортная мафия также перевозила электронику из Дубая, Шарджи и других портов Персидского залива, экспортируя туда героин, спрятанный в афганских сухофруктах или сухой древесине. Для этого использовались самолеты *Ariana*, афганской национальной авиакомпании, контролируемой теперь талибами. Рейсы из Кандагара, Кабула и Джелалабада направлялись в сторону Персидского Залива, приобщая талибов к веку реактивной авиации и придавая контрабанде вдоль Великого Шелкового пути оттенок современной коммерции.

АТТ придала новый стимул и так достаточно мощной теневой экономике Пакистана. Согласно одному исследованию, подпольная экономика Пакистана выросла с 15 миллиардов рупий в 1973 году до 1115 миллиардов рупий в 1996 году, а ее доля в ВВП возросла с 20 до 51 процента.[292] За тот же самый период уклонение от налогов — включая уклонение от уплаты таможенных пошлин — выросло с 1,5 миллиардов рупий до 152 миллиардов рупий и продолжает расти со скоростью 88 миллиардов рупий в год. Контрабандная торговля принесла теневой экономике около 100 миллиардов рупий в 1993 году и более 300

миллиардов рупий в 1998 году. Это составляет примерно 30 процентов от всего импорта страны (10 миллиардов долларов) и равно всем запланированным доходам государственного бюджета на 1998/99 финансовый год (300 миллиардов рупий). Кроме того, афгано-пакистанская наркоторговля составляет, оценочно, 500 миллиардов рупий в год.

В Северо-Западной Пограничной Провинции (СЗПП) рынки контрабанды, или *бара*, переполнены импортными потребительскими товарами, что приносит большие убытки пакистанской промышленности. Например, в 1994 году Пакистан, сам производивший кондиционеры, импортировал их на сумму всего 30 миллионов рупий. Афганистан, в котором почти не было электричества, импортировал путем АТТ кондиционеров на 1 миллиард рупий, и все они оказались на пакистанских барахолках, подкосив местное производство. Если японские телевизоры или посудомоечные машины продаются по той же цене, что и сделанные в Пакистане, покупатели, естественно, выберут японские продукты. На барахолке в Хайятабаде, недалеко от Пешавара, для привлечения покупателей были открыты фирменные магазины, например, *Marks and Spencer*, *Mothercare*, *Sony*, в которых беспошлинно продавались фирменные товары. «АТТ разрушила всю экономику провинции, люди отказались от мысли зарабатывать честно и считают контрабанду своим естественным правом», — сказал в декабре 1998 года Махтаб Ахмад Хан, главный министр СЗПП.[293]

Такое же угнетение хозяйства и распространение коррупции происходило и в Иране. Контрабанда горючего и других товаров из Ирана в Афганистан и Пакистан привела к потере бюджетных доходов, подорвала местную промышленность и развратила самых высокопоставленных руководителей. Иранские чиновники говорили мне неофициально, что *буния*, или государственные промышленные корпорации, и Корпус стражей исламской революции (КСИР) получают выгоду от контрабанды нефтепродуктов, продажа которых в Афганистан дает 2000–3000 процентов прибыли сравнительно с ценами в Иране. Боевые действия в Афганистане пожирали неимоверное количество топлива, и вскоре владельцы АЗС в Белуджистане стали заказывать у мафии дешевое иранское горючее, минуя пакистанские компании (и таможенные пошлины).

Пакистан сделал несколько неуверенных попыток ограничить АТТ, запретив импорт некоторых товаров, например, бытовой электроники, но правительство всякий раз отступало, поскольку Талибан отказывался подчиняться запретам, а мафия давила на министров. В Исламабаде не существовало влиятельных сил, обладающих волей показать ущерб, наносимый пакистанской экономике, или готовых принудить Талибан подчиниться. *ISI* не хотела угрожать талибам отказом в поддержке до тех пор, пока они не подчинятся. Изумленные внешние и внутренние инвесторы смотрели на то, как правительство разрушает экономику собственной страны в угоду Талибану, поскольку Исламабад фактически отказывался от своих доходов в пользу

талибов. Эта форма неофициальной помощи талибам сделала многих причастных к ней пакистанцев сверхбогачами. Они-то и были самой могущественной силой, выступавшей за продолжение поддержки Талибана Пакистаном.

Происходящее в Афганистане подливало масла в огонь нестабильности в Пакистане. В восьмидесятых годах выброс от советского вторжения в Афганистан создал «культуру героина и Калашникова», подрывавшую политическую и экономическую жизнь Пакистана. «За десять лет активного участия в афганской войне пакистанское общество изменилось настолько, что перед любым правительством стоит серьезная проблема управляемости. Пакистанское общество сегодня более раздроблено, насыщено сложным оружием, оно стало более грубым из-за растущего насилия, оно затоплено наркотиками», — писал американский историк Пол Кеннеди.[294]

В конце 1990-х последствия были намного более глубокими, они разрушали все государственные институты. Пакистанская экономика была подорвана АТТ, его внешняя политика привела к изоляции от запада и от ближайших соседей, правопорядок был разрушен исламскими боевиками, утверждавшими свои законы, и антишиитскими исламскими радикалами, убившими сотни пакистанских шиитов в 1996–1999 годах и находившими убежище у талибов. Межобщинные столкновения сегодня ведут к расколу между суннитским большинством и шиитским меньшинством и подрывают отношения между Пакистаном и Ираном.[295] В то же время более 80 000 пакистанских исламских боевиков проходили боевую подготовку и сражались вместе с талибами начиная с 1994 года. Они образуют ядро исламских боевиков, всегда готовых совершить в Пакистане исламскую революцию в стиле Талибан.[296]

Племенные группы подражателей Талибана распространились по всему пуштунскому поясу в СЗПП и Белуджистане. Еще в 1995 году маулана Суфи Мохаммад во главе движения *Танзим Нифаз Шариат-и-Мохаммеди* поднял восстание в округе Баджаур, требуя установления законов шариата. До того как бунт был подавлен армейскими частями, к нему присоединились сотни талибов из Афганистана и Пакистана. После этого лидеры *Танзим* нашли убежище в Афганистане у талибов. В декабре 1998 года *Техрик-и-Тулеба*, или «Движение талибов», совершило публичную казнь в округе Оракзай в присутствии более 2000 зрителей, в нарушение всех норм закона. Они пообещали навести талибский порядок по всей зоне пуштунских племен, и запретили телевидение, музыку и видео, подражая талибам.[297] Другие пуштунские проталибские группы появились в Кветте, где они жгли кинотеатры, убивали владельцев видеосалонов, разбивали спутниковые антенны и прогоняли женщин с улиц.

Несмотря на это, после захвата талибами Мазари-Шарифа Пакистан объявил это победой и потребовал, чтобы весь мир признал движение, контролирующее 80 процентов территории Афганистана. Пакистанские военные и политические руководители настойчиво считали успехи талибов успехами

Пакистана, а свою политику — верной и не нуждающейся в изменениях. Пакистан считал, что влияние Ирана в Афганистане кончилось, что России, а также государствам Средней Азии придется иметь дело с Талибаном через Исламабад, а Западу не останется ничего, кроме как признать ту интерпретацию ислама, которую дает Талибан.

Хотя общественность все более тревожила талибанизация Пакистана, руководство страны не обращало внимание на нарастающий хаос. Для внешнего наблюдателя Пакистан все больше становился похож на распадающееся или распавшееся государство, подобное Афганистану, Судану или Сомали. Распавшееся государство не обязательно означает умирающее государство, хотя и такое возможно. В распавшемся государстве постоянные неудачи политики, проводимой в жизнь обанкротившейся политической элитой, никогда не считаются достаточным основанием для ее пересмотра. Пакистанская элита не обнаруживает ни малейшей склонности изменить свою политику в Афганистане. Генерал Зия-уль-Хак, как Великий Могол, мечтал «воссоздать пространство суннизма между неверным „Индостаном“, „еретическим“ [шиитским] Ираном и „христианской“ Россией».[298] Он верил, что послание моджахедов Афганистана распространится на Среднюю Азию, возродит ислам и приведет к образованию исламского блока государств во главе с Пакистаном. Но Зия-уль-Хак никогда не думал о том, во что превратится сам Пакистан после его ухода.

Глава 15. Шииты и сунниты
Иран и Саудовская Аравия

Весной 1999 года в Тегеране запахло обновлением и переменами. Все 20 лет после исламской революции женщины Тегерана были обязаны закутываться в *хиджаб* — накидку из черной ткани без рисунка. И вдруг появились *хиджабы* с узором, похожим на шкуру леопарда, или отороченные мехом. Некоторые женщины стали носить плащи-дождевики, а другие просто набрасывали *хиджаб,* как накидку, из-под которой были видны мини-юбки, обтягивающие джинсы, черные шелковые чулки и туфли на высоких каблуках. Женская скромность из предписанного способа поведения стала частным делом. Послабления в части *хиджаба* было лишь одним из признаков того, как преобразилось иранское общество после избрания в мае 1997 года нового президента — Сеида Мохаммада Хатами. Он получил более 70 процентов голосов избирателей и одержал сокрушительную победу над более консервативным соперником. За Хатами голосовала молодежь, которая была сыта по горло 25-процентной безработицей и высокой инфляцией и надеялась, что Хатами приведет за собой экономическое развитие и сделает общество более открытым.

Победа Хатами вызвала быстрое потепление в отношениях Ирана с внешним миром. Иран открылся в сторону Запада, призывал своего старого врага — США — к «диалогу цивилизаций» и постарался улучшить отношения с арабским миром. Афганистан был главной темой, способной помочь растопить лед между Ираном, США и арабским миром. Во время своего визита в Кабул в апреле 1998 года американский посланник Билл Ричардсон уже дал понять, что США считают Иран партнером в диалоге, который может помочь разрешить кризис в Афганистане. Иран также вступил в переговоры со своим старым врагом — Саудовской Аравией.

«Позитивный климат между Ираном и Саудовской Аравией обнадеживает, и обе стороны готовы сотрудничать ради урегулирования конфликта в Афганистане», — сказал в мае 1998 года новый министр иностранных дел Ирана Камаль Харрази.[299] Приятный и хорошо говорящий по-английски дипломат, в течение 11 лет представлявший Иран в ООН, мягкий, хорошо воспитанный, он был характерным представителем этой доброжелательной революции.

Новые руководители Ирана были глубоко враждебны Талибану, но достаточно прагматичны, чтобы понять, что мир в Афганистане есть необходимое условие экономического развития и политической стабильности в Иране. Хатами был далек от того, чтобы хотеть войны с Талибаном, но всего через шесть месяцев после того, как талибы убили девятерых иранских

дипломатов в Мазари-Шарифе, Иран сосредоточил на границе четверть миллиона солдат и угрожал вторжением. По мере возрастания напряженности между Ираном и талибами новые отношения первого с Саудовской Аравией приобрели еще большее значение.

Афганистан был лишь одной из зон конфликта между персами и арабами. Оба народа попеременно завоевывали и правили друг другом в ходе спора между суннитами Аравии и шиитами Персии. В 1501 году шах Исмаил из династии Сефевидов превратил Иран в первое и единственное шиитское государство в исламском мире. И персы, и арабы властвовали над Афганистаном и Средней Азией, но правление персов было более длительным и оставило устойчивый след в культуре и языке.

В двадцатом веке долгая война между революционным Ираном и Ираком (1981–1988), стоившая около 1,5 миллионов жизней, лишь углубила это соперничество. Арабские страны поддерживали Ирак Саддама Хуссейна. Эта война началась в одно и то же время с войной в Афганистане, в которой вековое соперничество также нашло продолжение — в контексте холодной войны и попыток США изолировать Иран с помощью арабских стран.

По-видимому, и Иран, и Саудовская Аравия находились в Афганистане на одной стороне. Они были крайне возмущены советским вторжением, поддерживали моджахедов и выступали за международную изоляцию кабульского режима и Советского Союза. Но они поддерживали разные фракции моджахедов, и Иран так и не разорвал дипломатические отношения с режимом в Кабуле. Саудовская поддержка моджахедов следовала американской и пакистанской стратегии — давать оружие и деньги в основном самым радикальным группам суннитов-пуштунов и игнорировать афганских шиитов. Саудовцы также отдельно финансировали афганских сторонников ваххабизма.

На каждый доллар, данный моджахедам Соединенными Штатами, Саудовская Аравия тоже давала доллар. Саудовская помощь моджахедам в 1980–1990 годы составила почти 4 миллиарда долларов. И это не включая неофициальную помощь от исламских благотворительных организаций, благотворительных фондов, частных фондов членов королевской семьи и мечетей.[300] Средства переводились также напрямую пакистанской разведке *ISI*, например, в 1989 году саудовцы дали более 26 миллионов долларов на подкуп вождей моджахедов во время переговоров о формировании временного правительства в изгнании в Исламабаде.[301] Моджахеды в знак благодарности назначили премьер-министром одного из афганских ваххабитов.

В марте 1990 года саудовцы дали дополнительно 100 миллионов долларов партии *Хизб-е-Ислами*, возглавляемой Хекматьяром, которая поддержала неудавшуюся попытку военного переворота и свержения президента Наджибуллы, предпринятую Хекматьяром и генералом Шахнавазом Танаем в Кабуле.[302] После 1992 года Саудовская Аравия продолжала снабжать правительство моджахедов в Кабуле деньгами и горючим. Горючее, которое

переправлялось через Пакистан, стало основным источником коррупции и рэкета со стороны сменявшихся пакистанских правительств и *ISI*.

Из-за отчуждения между Ираном и США группы афганских моджахедов, базировавшиеся в Иране, не получали иностранной военной помощи. Два миллиона беженцев, осевших в Иране, были лишены международной гуманитарной помощи, которую получали три миллиона беженцев в Пакистане. Поддержка моджахедов Ираном наталкивалась на бюджетные ограничения, связанные с ирано-иракской войной. На протяжении 80-х годов США фактически лишили Иран доступа к внешнему миру в части, связанной с Афганистаном. Это обстоятельство еще больше настроило иранцев против Америки и обусловило непреклонную позицию Ирана в Афганистане после окончания холодной войны и ухода американцев с афганской сцены.

Первоначально вся помощь, которую Иран оказывал моджахедам, попадала к афганским шиитам, в особенности хазарейцам. В то время Корпус стражей исламской революции помогал шиитским боевикам повсюду — от Ливана до Пакистана. В 1992 году, под воздействием и при помощи Ирана, молодое поколение радикальных хазарейцев решило свергнуть традиционных лидеров Хазараджата, которые возглавили сопротивление советскому вторжению в 1979 году. Впоследствии восемь афганских шиитских партий получили официальный статус в Тегеране, но Ирану никогда не удавалось снабдить их в достатке деньгами и оружием. В результате хазарейцы оказались на обочине афганского конфликта и больше воевали между собой, чем против Советов. Раздробленность хазарейцев усугублялась близорукой и догматической политикой Ирана, для которого верность хазарейцев Тегерану была важнее, чем их внутреннее единство.

К 1988 году, когда вывод советских войск был неизбежен, Иран пришел к необходимости укрепить позиции хазарейцев. Он помог восьми группировкам хазарейцев объединиться в партию *Хизб-е-Вахдат*. Иран начал настаивать на включении *Вахдат* в международные переговоры о формировании нового правительства моджахедов — в прежнем преобладали пешаварские партии. Несмотря на то, что хазарейцы были малым меньшинством и не могли надеяться получить власть в Афганистане, Иран потребовал для них сначала 50 процентов, а затем 25 процентов мест в любом будущем правительстве моджахедов.

По мере нарастания вражды между Ираном и Саудовской Аравией, которая перебрасывала в Афганистан арабов и распространяла там ваххабизм и антишиитские настроения, Пакистан старался сохранить между ними равновесие. Близкий союзник обеих стран, Пакистан указывал на необходимость держаться вместе и противостоять кабульскому режиму. Соперничество между Саудовской Аравией и Ираном усилилось после вывода советских войск, когда Иран сблизился с режимом в Кабуле. Иран расценивал кабульский режим как единственную силу, способную противостоять захвату

Афганистана пуштунами-суннитами. Иран перевооружил *Вахдат*, и к моменту падения Кабула в 1992 году *Вахдат* контролировала не только Хазараджат, но и значительную часть западного Кабула.

В это время саудовцы оказались в крайне неприятном положении из-за раскола между своими главными протеже — неоваххабитами — Гольбуддином Хекматьяром и Абдур Расул Сайафом. Хекматьяр не признал вновь созданного правительства моджахедов в Кабуле и вместе с хазарейцами начал обстреливать город. Этот раскол был продолжением намного большего по масштабам внешнеполитического поражения, понесенного Саудовской Аравией в результате вторжения Ирака в Кувейт в 1990 году. На протяжении двадцати лет саудовцы финансировали сотни неоваххабитских партий в мусульманском мире, чтобы приобрести влияние среди исламских движений в этих странах и распространить ваххабизм.

Но когда Эр-Рияд попросил эти исламские группы, в свою очередь, поддержать Саудовскую Аравию и антииракскую коалицию, возглавляемую США, то большинство, включая Хекматьяра и большую часть афганских партий, поддержало Сад дама Хуссейна. Многие годы усилий и миллиарды долларов ушли впустую, так как Саудовской Аравии не удалось построить внешнюю политику, исходящую из собственных национальных интересов. Роковая слабость Саудовской Аравии заключалась в том, что правящая прозападная элита основывала свою легитимность на консервативном фундаментализме, выразители которого не принадлежали к этой элите и были категорическими противниками Запада. Элита продвигала радикальный ваххабизм, хотя это подрывало ее власть внутри страны и вне ее. По иронии судьбы, лишь умеренные афганские партии, которыми Саудовская Аравия пренебрегала, в трудную минуту оказали помощь королевству.[303]

Усиление войны в Афганистане в 1992–1995 годах привело к возрастанию соперничества между Ираном и Саудовской Аравией. Саудовцы и пакистанцы много раз пытались посадить все партии за один стол. Вместе с тем они прилагали все усилия, чтобы отстранить Иран и хазарейцев от участия в соглашении. Иран и хазарейцы не были допущены ни к Пешаварскому соглашению 1992 года, определявшему порядок раздела власти в Кабуле, ни к недолговечным исламабадскому и джелалабадскому соглашениям, заключенным впоследствии. Отторжение Ирана Пакистаном и Саудовской Аравией, похожее на отношение к нему США, вызвало еще большую горечь Тегерана.

Вместе с тем иранцы стали более прагматичными, поддерживая не только афганских шиитов, но и все ираноязычные этнические группы, сопротивляющиеся пуштунскому господству. Иранцы имели природную связь с таджиками — они происходили от одной древней расы и говорили на одном языке, — но иранцы были взбешены после жестокого нападения Ахмад Шаха Масуда на хазарейцев в Кабуле в 1993 году. Несмотря на это, Иран понял, что если он не поддержит непуштунские народы, сунниты-пуштуны будут

господствовать в Афганистане. В 1993 году Иран впервые начал оказывать существенную военную помощь президенту Бурхануддину Раббани в Кабуле и узбекскому полевому командиру Рашиду Дустому и призвал все этнические группы присоединиться к Раббани.

Новая стратегия Ирана привела к усилению конфликта интересов с Пакистаном. Исламабад был полон решимости привести своих протеже в Кабул, при этом пакистанцы и саудовцы равно не собирались допускать хазарейцев к участию в разделе власти. Политика баланса интересов между Саудовской Аравией и Ираном, проводившаяся Исламабадом в 80-е годы, была отброшена. Пакистан открыто встал на сторону саудовцев.

После краха Советского Союза открытие Средней Азии внешнему миру дало Ирану новый стимул для выхода из международной изоляции. Иран быстро продвинулся в Среднюю Азию после прорыва, совершенного благодаря поездке министра иностранных дел Али Акбаша Велаяти в ноябре 1991 года, когда он подписал договор о строительстве железной дороги из Туркмении в Иран. Но и здесь США постарались остановить Иран, когда госсекретарь Джеймс Бейкер заявил в 1992 году, что США сделают все, чтобы не допустить иранского влияния в Средней Азии.[304] Неокоммунистические правители Средней Азии с подозрением относились к Ирану, опасаясь распространения исламского фундаментализма.

Но Иран устоял перед этим искушением и вместе с тем ковал прочные связи с Россией. Лед был разбит визитом советского министра иностранных дел Эдуарда Шеварднадзе в Тегеран в 1989 году, где он встретился с аятоллой Хомейни. Разрешение установить более тесные связи с Россией, данное аятоллой перед смертью, придало новой России легитимность в глазах иранцев. Кроме того, в 1989–1993 годах Россия поставила Ирану оружия на 10 миллиардов долларов для восстановления его боевого арсенала. Иран улучшил свое положение в регионе, установив связи с неисламскими постсоветскими государствами — Грузией, Украиной и Арменией. Тегеран отказался поддержать Азербайджан в войне с Арменией, хотя 20 процентов его собственного населения были азербайджанцами, и помог России и ООН прекратить гражданскую войну в Таджикистане.[305] И наконец, Иран и государства Средней Азии разделяли глубокое недоверие к афгано-пуштунскому фундаментализму и к той поддержке, которую он получал от Пакистана и Саудовской Аравии. В силу этого союз между Ираном, Россией и государствами Средней Азии в поддержку непуштунских этнических групп существовал намного раньше, чем появился Талибан.

Напротив, Саудовская Аравия почти не пыталась улучшить межгосударственные отношения с Россией или с республиками Средней Азии. Только через четыре года саудовцы открыли посольства во всех столицах Средней Азии. Вместо этого Саудовская Аравия посылала миллионы экземпляров Корана, давала деньги на *хадж* для мусульман из Средней Азии и

предоставляла стипендии муллам для учебы в Саудовской Аравии, — где они впитывали в себя ваххабизм. Эти меры лишь смущали среднеазиатских правителей. Через несколько лет правители Узбекистана, Казахстана и Киргизии назовут ваххабизм самой большой угрозой для политической стабильности в своих странах.[306]

Саудовская Аравия расценивала Талибан как важный актив в условиях падения своего влияния в Афганистане. Первые контакты между саудовцами и талибами состоялись во время поездок эмиров на охоту. Маулана Фазлур Рахман, глава пакистанской *Джамиат-и-Улема Ислам,* зимой 1994–1995 годов впервые организовал охоту на дроф для эмиров из Саудовской Аравии и стран Залива. Арабские охотники прилетали в Кандагар на гигантских транспортных самолетах, груженных десятками роскошных джипов, многие из которых по окончании охоты были оставлены хозяевам-талибам наряду с пожертвованиями. Начальник саудовской разведки эмир Турки стал регулярно бывать в Кандагаре. После визита Турки в Исламабад и Кандагар в июле 1996 года саудовцы дали деньги, машины и горючее для успешного наступления талибов на Кабул. Тем временем две саудовские компании, *Delta* и *Ningarcho,* участвовали в проекте постройки трансафганского газопровода, усиленно лоббируя в Эр-Рияде идею поддержки талибов для их полной победы.

Но ваххабитское духовенство (*улемы*) королевства сыграло наибольшую роль в том, чтобы убедить правящую семью поддержать Талибан. *Улемы* выступают главным советчиком саудовского монарха в Совете Ассамблеи Высшего Духовенства и в четырех других государственных органах. Они последовательно поддерживали экспорт ваххабизма в исламский мир, а королевская семья была весьма чувствительна к мнению духовенства.[307] Король Фахд был вынужден созвать совещание 350 наиболее влиятельных духовных лиц, чтобы убедить их выпустить *фетву,* позволяющую американским войскам базироваться в королевстве во время войны с Ираком в 1990 году.[308] Саудовская разведка тесно сотрудничала с духовенством; то же самое делали и многочисленные благотворительные фонды, финансируемые государством, которые давали деньги моджахедам в 80-е годы и теперь начали давать их талибам. Кроме того, духовенство располагало сетью мечетей по всему королевству, в которых во время пятничных проповедей и создавалась поддержка талибов снизу.[309]

По словам саудовского аналитика Науафа Обайда, основными игроками из числа духовенства, лоббировавшими поддержку талибов Саудовской Аравией, были шейх Абд аль-Азиз бин Баз, Великий муфтий и председатель Совета высшего духовенства, и шейх Мухаммад бин Джубер, министр юстиции и один из главных членов Совета духовенства.[310] В обмен на это Талибан демонстрировал свое почтение к королевской семье и к *улемам* и скопировал некоторые обычаи ваххабитов, например, учредил религиозную полицию. В апреле 1997 года один из лидеров талибов мулла Раббани встретился с королем

Фахдом в Эр-Рияде и безудержно восхвалял Саудовскую Аравию. «Поскольку Саудовская Аравия является центром мусульманского мира, мы бы хотели получать от нее помощь. Король Фахд был счастлив при известии о добрых делах, совершенных Талибаном, и об установлении шариата в нашей стране», — сказал мулла Раббани.[311] Встретившись с королем пятью месяцами позже, лидеры талибов сказали, что саудовцы пообещали помогать им и дальше. «Король Фахд был слишком добр. Саудовцы пообещали нам все, что они могли дать», — сказал мулла Мохаммад Станакзай.[312]

Поддерживая талибов, Эр-Рияд с большой неохотой отнесся к требованию США добиться от Талибана высылки Усамы бин Ладена. Лишь после того, как в Кандагаре Мулла Омар нанес личное оскорбление эмиру Турки, саудовцы ограничили свои дипломатические связи с Талибаном. Важно, что это решение было принято из-за личного оскорбления, а не из-за полной перемены внешней политики. Похоже было, что саудовцы извлекли недостаточно уроков из своих попыток экспортировать ваххабизм.

Первоначальная поддержка талибов Саудовской Аравией убедила Иран в том, что США также оказывают им поддержку в контексте своих усилий по окружению Ирана врагами и его изоляции. По мнению Тегерана, новой целью политики США было строительство, прокладка новых нефте- и газопроводов из Средней Азии, минуя Иран. После захвата Кабула талибами это давно сложившееся официальное мнение отразилось в газетах. «Захват талибами Кабула был спланирован Вашингтоном, финансировался Эр-Риядом, а снабжение было обеспечено Исламабадом», — писала газета *«Джомхури Ислами»*.[313]

Несмотря на это, главным для Тегерана был внутренний раскол в отношении Афганистана. «Ястребы» все еще пытались поддерживать шиитов по всему миру, а умеренные склонялись к большей сдержанности в поддержке противников Талибана и к меньшей конфронтации с талибами. Иран страдал от той же болезни, что и Пакистан: множество ведомств и групп влияния пытались протолкнуть свои собственные взгляды на политику в Афганистане. Военные, Стражи исламской революции, разведывательные ведомства, шиитское духовенство и могущественные *буния*, или фонды, руководимые духовенством, контролирующие большую часть госсектора экономики и финансирующие внешнеполитические авантюры из своих бюджетов, не подлежащих контролю, — вот лишь некоторые из соперничавших групп влияния.

Министерство иностранных дел в лице заместителя министра по делам Афганистана Алаеддина Боруджерди должно было сохранять равновесие между всеми этими лоббистами. Боруджерди, руководивший афганской политикой более десяти лет, был ловким дипломатом. Он пережил режим президента Акбара Али Рафсанджани и занимал тот же пост при президенте Хатами, пока не был вынужден подать в отставку после убийства иранских дипломатов в Мазари-Шарифе. Он мог быть и «голубем», и «ястребом», в зависимости от

того, с кем он в данный момент говорил, и его задачей было удерживать конфликт Ирана с Пакистаном и Саудовской Аравией в пределах разумного. Напротив, в Саудовской Аравии министр иностранных дел эмир Сауд аль-Фейсал передоверил афганскую политику своему младшему брату эмиру Турки, начальнику разведки.[314]

Коллапс государства в Афганистане уменьшил безопасность Ирана, вызвав массовый приток наркотиков и оружия. Призрак этнического конфликта угрожал перетечь в Иран вместе с экономическим бременем содержания миллионов афганских беженцев, которых простые иранцы сильно не любили. В Иране насчитывалось более трех миллионов наркоманов, употребляющих героин, — столько же, сколько в Пакистане, хотя население Ирана (60 миллионов человек) вполовину меньше, чем в Пакистане. Контрабанда топлива, продовольствия и других товаров из Ирана в Афганистан вела к потере доходов и периодическим проблемам в экономике — в то самое время, когда Иран недополучил большое количество доходов из-за падения цен на нефть и одновременно пытался восстановить свою экономику.

Еще большее беспокойство у Ирана вызывала тайная поддержка талибами иранских антиправительственных групп, начавшаяся в 1996 года. Талибан предоставил в Кандагаре убежище для движения *Ахль-и-Сунна Валь Джамаат*, которое вербовало боевиков из числа иранских суннитов в провинциях Систан и Хорасан. Его представители — иранские туркмены, афганцы и белуджи — заявляли, что их цель — свержение шиитского режима в Тегеране и установление суннитского режима в стиле Талибана. Эта идея была довольно безумной, поскольку 90 процентов населения Ирана исповедовали шиизм, хотя она и получила поддержку небольших групп инсургентов. Эта группа получала от талибов оружие и поддержку, и иранцы были уверены, что Пакистан тоже поддерживает их.

Иранская военная помощь Северному Альянсу усилилась после падения Кабула в 1996 году, и вновь — после падения Мазари-Шарифа в 1998 году. Но Иран не имел непосредственной границы с территорией, контролируемой Альянсом, и был вынужден снабжать Масуда по воздуху или по железной дороге, на что требовалось разрешение от Туркмении, Узбекистана и Киргизии. В 1998 году иранская разведка перебросила несколько самолетов с оружием на базу Ахмад Шаха Масуда в таджикском Кулябе. После этого Масуд стал частым гостем в Тегеране. Опасность, которой подвергалась иранская линия снабжения, стала очевидна после того, как киргизская служба безопасности в октябре 1998 года задержала поезд, в 16-ти вагонах которого обнаружилось 700 тонн оружия и боеприпасов. Поезд направлялся из Ирана в Таджикистан, а оружие было замаскировано под гуманитарную помощь.[315]

Поддержка Ираном Северного Альянса приводила талибов в бешенство. В июне 1997 года Талибан закрывает иранское посольство в Кабуле, обвинив Иран в разрушении мира и стабильности в Афганистане.[316] Заявление Талибана

после неудачной попытки взятия Мазари-Шарифа было недвусмысленным. «Иранские самолеты, грубо нарушая все принятые международные нормы, вторглись в воздушное пространство нашей страны, чтобы доставлять снабжение в аэропорты, контролируемые оппозицией. Тяжелые последствия такого поведения остаются на совести Ирана — врага ислама. Афганистан может дать пристанище на своей территории оппонентам иранского правительства и создать тем самым проблемы для Ирана», — говорилось в заявлении.[317]

Но убийство иранских дипломатов в Мазари-Шарифе в 1998 году едва не привело к войне между Ираном и Талибаном. Идея вторжения в Афганистан пользовалась широкой народной поддержкой, которая была использована сторонниками жесткой линии в Тегеране, желавшими дестабилизировать правительство президента Хатами. Даже сдержанный Камаль Харрази, министр иностранных дел, заговорил самым жестким языком. «Талибы — пуштуны, и они не вправе устранять все другие этнические группы с политической арены, не вызывая вспышки сопротивления. В таких условиях мир в стране невозможен. *Я* предостерегаю талибов и тех, кто их поддерживает, что мы не потерпим нестабильности и заговоров у наших границ. Мы достигли договоренности с Пакистаном о том, что афганская проблема не будет решаться военным путем. Но именно это происходит сейчас, и мы не можем с этим согласиться», — заявил Харрази 14 августа 1998 года.[318]

Иран считал, что Пакистан предал его несколько раз. В 1996 году в то самое время, когда президент Бурхануддин Раббани, по совету Ирана, пытался расширить базу своего правительства и включить в него пуштунов и другие народы, Талибан захватил Кабул. В июне 1997 года премьер-министр Наваз Шариф посетил Тегеран. Вместе с президентом Хатами он призвал к прекращению огня в Афганистане и заявил, что военного решения быть не может. Но Иран считал, что у Пакистана нет намерения следовать соглашению. «Пакистан утратил доверие иранского народа. Мы больше не верим ему. Мы не можем допустить, чтобы Пакистан создавал проблемы для нашей национальной безопасности», — писала *«Джомхури Ислами»*.[319]

Затем, летом 1998 года, Пакистан уговорил Иран участвовать в совместной дипломатической миссии мира. Иранские и пакистанские дипломаты среднего звена впервые вместе посетили Кандагар и Мазари-Шариф 4 июля 1998 года для переговоров с враждующими сторонами. Всего через несколько недель талибы атаковали Мазари-Шариф и казнили иранских дипломатов, что положило конец этой мирной инициативе. Иранцы были убеждены в том, что Пакистан сознательно ввел их в заблуждение своей якобы мирной инициативой в то самое время, когда *ISI* готовила нападение на Мазари-Шариф. Кроме того, Иран утверждал, что Пакистан дал гарантии безопасности для дипломатов в Мазари-Шарифе. Когда они были убиты, Иран пришел в бешенство и обвинил Талибан и Пакистан. По словам иранских официальных лиц, мулла Дост Мохаммад,

который якобы возглавлял нападение на иранское консульство, сначала собрал дипломатов в подвале и поговорил по рации с Кандагаром, и только после этого расстрелял их.[320]

Талибан отвечал, что иранцы были не дипломатами, а агентами разведки, снабжавшими противников Талибана оружием, и это было похоже на правду. Тем не менее в ходе последующих дипломатических схваток всякое доверие между Ираном и Пакистаном испарилось.[321] Иранцы были возмущены также тем, что действия талибов угрожали растущему сближению между Ираном и США. Как заявила в июне 1998 года государственный секретарь США Мадлен Олбрайт, критически важная роль, которую Иран играет в регионе, «делает вопрос американо-иранских отношений крайне важной темой для государственного секретаря».[322]

Иранцы были ободрены тем, что США впервые восприняли их всерьез. Американо-иранское сотрудничество «несомненно может стать свидетельством того, что США лучше понимают реальности в нашем регионе и ту роль, которую Иран способен играть в установлении мира и безопасности, — сказал мне Камаль Харрази. — Мы долгое время пытаемся дать им [США] понять, что Иран — это ключевой игрок в регионе».[323] Еще одной причиной ирано-американского сближения было изменившееся отношение США к Талибану. Теперь обе страны имели одинаковые взгляды и критически относились к политике талибов в отношении равенства полов, наркотиков, к их обычаю давать приют террористам и к угрозе региону со стороны исламского фундаментализма в духе Талибана. По иронии судьбы, не шиитский, а суннитский фундаментализм талибов оказался новой угрозой для США.

Талибан оказался проблемой даже для Саудовской Аравии, что помогло сближению Тегерана и Эр-Рияда. Тот факт, что Талибан предоставил убежище бин Ладену, показало всем экстремизм талибов и создало угрозу для безопасности Саудовской Аравии. Знаменательно, что ирано-саудовское сближение не прекратилось даже тогда, когда Иран угрожал напасть на Афганистан в 1998 году. В мае 1999 года президент Хатами стал первым почти за три десятилетия иранским лидером, посетившим Саудовскую Аравию.

Талибан, поддерживающий недовольных в Саудовской Аравии, представляет большую угрозу для безопасности королевства. В прошлом саудовцы с уважением относились к фундаментализму талибов, не особенно задумываясь о том, каким должно быть государственное устройство Афганистана и какие политические компромиссы это повлечет за собой, но теперь они больше не могли позволить себе такого легкомысленного отношения. Поскольку саудовская внешняя политика покоилась в основном на личных отношениях покровительства, а не на государственных институтах, сложно было представить, как могла бы возникнуть новая политика в отношении Афганистана, основанная на саудовских национальных интересах, а не на ваххабизме, и направленная на установление стабильности в регионе.

Если президент Хатами будет продвигать вперед свою программу реформ, то иранский режим будет все больше желать и стремиться к мирному урегулированию в Афганистане, — чтобы не тратить средства на поддержку противников Талибана, предотвратить распространение наркотиков, оружия и национальной розни через границу и еще более сблизиться с США. По иронии судьбы, экстремизм талибов помог сближению Ирана с Саудовской Аравией и ослабил отношения Пакистана с каждой из этих стран. Главные потери от возвращения Ирана в круг цивилизованных стран понес Пакистан. Но чтобы покончить со своей изоляцией от Запада, Иран должен показать себя ответственным и уравновешенным членом международного сообщества. Первым и главным испытанием для него будет его помощь в установлении мира в Афганистане.

Заключение. Будущее Афганистана

Афганистан превратился в один из «забытых конфликтов современного мира — один из тех, которые Запад, избирательный и непостоянный в своем внимании, предпочел игнорировать, чтобы сосредоточиться на Югославии», — сказал в 1995 году бывший Генеральный секретарь ООН Бутрос Бутрос-Гали. [324] Мир отвернулся от Афганистана, и тогда гражданская война, этническое размежевание и национальные конфликты обернулись разрушением государственности. Страна перестала существовать как государство, а когда распадается государство, то перестает существовать и гражданское общество. Выросли поколения детей, не помнящих родства и не знающих никакого смысла и способа существования, кроме войны. Взрослые, страдая от насилия, знали только войну и власть бандитских главарей. «Мы имеем дело с разрушенным государством, которое выглядит как гноящаяся рана. Мы даже не знаем, как начать ее чистить», — сказал представитель ООН Лахдар Брахими.[325]

Все население Афганистана было вынуждено покинуть свои дома, причем не единожды, а много раз. Кабул был разрушен настолько, что его можно назвать Дрезденом конца двадцатого века. То, что было перекрестком Азии на древнем Шелковом пути, превратилось в развалины, тянущиеся на много миль. Отсутствует всякая инфраструктура жизнеобеспечения, даже самая элементарная. В 1998 году в докладе МККК говорилось, что в 98 000 афганских семей во главе стоит вдова, а в 63 000 — инвалид, а 45 000 человек лечились от ран только в этом году. Число убитых, даже приблизительное, неизвестно. Единственными работающими фабриками были те, где благотворительные организации делали искусственные конечности, костыли и инвалидные коляски. [326]

Афганистан оказался расколот во многих измерениях: по этническому и по религиозному признаку, на горожан и сельских жителей, на образованных и необразованных, на тех, у кого есть оружие, и тех, у кого оно отнято. Экономика стала черной дырой, сосущей соки из соседей и обессиливающей их через контрабанду, торговлю наркотиками и оружием. «Пройдет десять-пятнадцать лет, прежде чем появится действующая центральная власть, способная выполнять минимум административных функций, необходимых для развития страны. И это, на мой взгляд, скорее оптимистическая оценка», — сказал шведский сотрудник благотворительной организации Андерс Фанге.[327]

Сложные отношения власти и авторитета, складывавшиеся веками, были полностью разрушены. Ни одна фракция и ни один лидер в отдельности не имеют достаточной легитимности, чтобы объединить страну. Не национальная, племенная или родовая, а территориальная или региональная самоидентификация стала определяющей. Афганцы больше не называют себя

просто афганцами или даже пуштунами или таджиками, а называют кандагарцами, панджшерцами, гератцами, кабульцами или джаузджани. Линии раскола проходят и по вертикали, и по горизонтали, они разделяют нации, обособляя города или долины. Пуштунская племенная структура была разрушена с утратой общей племенной собственности и пастбищ, а также вследствие войны и множества беженцев. Непуштуны связывают свою жизнь с отдельным полевым командиром и с той долиной, где они родились.

Племенные вожди, прежде помогавшие разрешать конфликты, погибли или ушли в изгнание. Старая образованная правящая элита бежала после советского вторжения, и на ее месте не возникло никакой другой элиты, способной договориться о мире. Нет политического класса, способного на сделки и компромиссы. Есть множество лидеров, каждый из которых представляет малую часть народа, но ни одного Лидера с большой буквы. При таком сценарии, в котором войне не видно конца, главным становится вопрос о том, распадется ли Афганистан, испуская по всему региону волны этнического распада и нестабильности.

Основную вину за продолжение войны несут внешние силы, которые продолжают поддерживать своих ставленников в расширяющейся спирали вмешательства и насилия. Бывший Советский Союз положил начало процессу своим жестоким вторжением, но и сам тяжело пострадал. «Мы принесли Афганистан с собой — в наших душах, наших сердцах, в нашей памяти, в наших привычках, везде и во всем, — сказал Александр Лебедь, бывший майор Советской Армии в Афганистане, сейчас[328] кандидат в президенты. — Эта вялая политическая авантюра, попытка экспорта революции, еще не доказавшей свою состоятельность, стала началом конца».[329]

Афганские моджахеды способствовали кончине Советского Союза, советской империи и даже самого коммунизма. Хотя афганцы заслуживают признательности за это, Запад едва признал их вклад в окончание холодной войны. Вывод советских войск из Афганистана знаменовал конец горбачевского эксперимента с перестройкой и гласностью — идеи возможного изменения советского строя изнутри. Это полезный урок для тех, кто сегодня вмешивается в афганские дела: любая страна, идущая на интервенцию, сама может развалиться на части, не из-за мощи афганцев, а под действием внутренних сил, выходящих на поверхность в слабоорганизованном обществе.

Уйдя из Афганистана слишком рано, через несколько лет США получили убитых дипломатов, взорванные посольства, бомбы в Нью-Йорке и дешевый героин на своих улицах, так как Афганистан стал прибежищем международного терроризма и наркомафии. Сегодня афганцы с горечью думают о США, за которые они сражались во время холодной войны и которые бросили их в беде. В 80-е годы США были готовы «воевать до последнего афганца», чтобы достичь паритета с Советским Союзом, но после того, как Советского Союза не стало, Вашингтон оказался не готов установить мир или накормить голодный народ.

Региональные державы воспользовались политическим вакуумом, образовавшимся с уходом США, чтобы, увидев новые возможности влияния, броситься в схватку.

Когда сегодня США выбирают то одну, то другую тему и выстраивают всю свою политику вокруг нее, будь то трубопроводы, отношение к женщинам или терроризм, они лишь показывают, что мало чему научились. Недолговечный проект *Unocal* мог послужить хорошим уроком для американских политиков, но этого не произошло, и вновь американские дипломаты мечутся по Средней Азии, убеждая нефтяные компании и правительства принять участие в строительстве основного экспортного трубопровода Баку-Джейхан. Но и этот проект, скорее всего, будет отложен на неопределенный срок. Начало строительства, запланированное на 2000 год, перенесено сначала на 2003 год, а недавно и на 2005 год.[330]

Из проекта *Unocal* можно извлечь несколько уроков. Невозможно построить крупный трубопровод из Средней Азии до тех пор, пока США и международное сообщество не исполнятся решимости достичь мира в регионе — в Афганистане, Таджикистане, Нагорном Карабахе, Чечне, Грузии и среди курдов. Никто не сможет построить трубопровод без достаточной меры стратегического консенсуса. Иран и Россия не могут вечно находиться в изоляции от того, что происходит в регионе. Они будут оказывать сопротивление и саботировать все проекты, в которых они не участвуют. Трубопровод не может быть построен, если межэтнический конфликт рвет его на части. Национальный вопрос в современном мире звучит, как военная труба. Чтобы решить национальные проблемы, не разрушая государства, нужна упорная и последовательная дипломатия, а не раздача взяток полевым командирам за хорошее поведение.

Нефтяные компании не могут построить трубопровод там, где идет гражданская война, происходят быстрые политические перемены, где нет стабильности и земля отравлена исламским фудаментализмом, оружием и наркотиками. Прежняя Большая игра была основана на гипотетических угрозах, и дело никогда не доходило до прямого применения силы. Россия и Великобритания обозначили границы и заключили договоры, создав Афганистан в качестве буфера между ними. Новая Большая игра должна поставить целью мир и стабильность в регионе, а не возрастание напряженности и антагонизма. США — единственная держава, которая может заставить все соседние государства прекратить вмешательство в Афганистане. Они должны сделать это с намного большей решимостью, чем до сих пор.

Пакистан, ослабленный после прекращения стратегического партнерства с США по окончании холодной войны и пребывающий в глубоком экономическом кризисе, все еще полон решимости расширить зону своего влияния, пытаясь назначить следующее правительство в Кабуле. Озабоченность Пакистана собственной безопасностью оказывала решающее влияние на его внутреннюю и

внешнюю политику начиная с 1947 года, когда он впервые противостоял всемеро превосходящей его Индии. Но военно-бюрократическая и разведывательная элита, решающая судьбу Пакистана с 50-х годов, никогда не позволяла гражданскому обществу нормально функционировать. Только эта элита могла определять природу угрозы национальной безопасности Пакистана и способы борьбы с ней — но не выборное правительство, парламент, объединения граждан или просто здравый смысл.

Начиная с 1988 года, четыре избранных правительства были отстранены от власти, десять правительств сменили друг друга, а внутренняя стабильность по-прежнему остается далекой мечтой.[331] Несмотря на глубочайший кризис национальной идентичности и политической легитимности, ошибки в управлении экономикой и поляризацию в обществе, элита показывает худший пример мании имперского величия среди всех стран третьего мира во второй половине XX века. Пакистан сегодня ведет две войны чужими руками: в Афганистане и в Кашмире, и хотя Пакистан сам страдает от их последствий — исламского фундаментализма, наркотиков, оружия и социального разложения, — нет и речи о переоценке и пересмотре ведущейся политики. Сегодня Пакистан созрел для исламской революции в стиле Талибан, которая наверняка покончит со стабильностью на Среднем Востоке, в Южной и Центральной Азии.

Пакистанские политики так и не пришли к пониманию того, что любое стабильное правительство в Кабуле будет зависеть от Пакистана в вопросах восстановления страны, продовольствия, топлива и доступа к внешнему миру. Экономика Пакистана выиграет, предоставляя рабочих, технических специалистов и материалы для восстановления Афганистана. Беженцы вернутся домой, облегчив финансовое бремя своего содержания, и Пакистан сможет частично восстановить контроль над своими наполовину развалившимися государственными институтами и границами.

Если политика Пакистана в Афганистане была наступательной, то вмешательство Ирана носило в основном ограниченный и оборонительный характер, имея цель воспрепятствовать полному торжеству талибов. Но Иран внес значительный вклад в расчленение страны, делая ставку на шиитов, на тех, кто говорит по-персидски, и поддерживая внутренний раскол даже среди тех этнических групп, которым он помогал. Противоречия между хазарейцами и узбеками, которым Иран оказывал наибольшую поддержку, показывают, насколько разрушительной иранская политика «разделяй и властвуй» оказалась для Северного Альянса. Политика Ирана отражала интенсивную борьбу за власть среди иранской элиты, еще более усилившуюся за последние два года.

Кроме того, полное взаимное недоверие и непонимание между Ираном и Пакистаном затормозило мирный процесс и оказалось пагубным для афганцев. Между двумя странами нет общих позиций в обсуждении афганской проблемы, и, что еще более опасно, каждая из них ведет чужими руками войну суннитов

против шиитов (и наоборот) на территории другой и на афганской территории, увеличивая вероятность взрыва межобщинной войны в регионе. С приходом Талибана межобщинная рознь и религиозные и этнические чистки появились в Афганистане впервые за всю его историю.

Государства Средней Азии — новые игроки на сцене, но они быстро приступили к защите от того, что, по их мнению, угрожает их национальным интересам. Их не устраивает преобладание пуштунов в Афганистане и их ужасает тот вид ислама, которому привержен Талибан. Пока их соплеменники в Афганистане участвуют в каком-либо коалиционном правительстве в Кабуле, среднеазиатские государства не перестанут оказывать им помощь для борьбы с талибами. Это ставит под удар планы Пакистана получить доступ к трубопроводам и путям сообщения в Средней Азии через Афганистан. Если Талибан завоюет Афганистан полностью, то среднеазиатские государства смирятся с ним как с реальностью, но едва ли они доверят свой энергетический экспорт контролируемому талибами Афганистану и Пакистану.

Саудовская Аравия, похоже, так и не смогла прийти к внешней политике, которая бы отвечала ее национальным интересам, а не просто служила для задабривания ваххабитского лобби внутри страны. Только после того, как Мулла Омар нанес личное оскорбление династии Саудидов, саудовцы перестали поддерживать Талибан. Экспорт ваххабизма теперь ударил бумерангом по Саудовской Аравии, все более уменьшая авторитет королевской семьи. Критика коррупции правящего режима и плохого управления со стороны Усамы бин Ладена находит отклик среди населения. И если Афганистан не встанет на путь мира, то десятки новых бин Ладенов будут готовы занять его место со своих баз в Афганистане.

Мусульмане во всем мире весьма озадачены саудовской поддержкой Талибана, поскольку интерпретация ислама талибами основана на отрицании и разрушении. В восприятии Запада ислам все более приравнивается к терроризму в стиле талибов и бин Ладена. Многие западные комментаторы не выделяют Талибан, но осуждают весь ислам за нетерпимость и несовременность. Талибан, как и многие другие группы исламских фундаменталистов, выбрасывает из ислама все, кроме теологии: исламскую философию, науку, искусство, эстетику и мистику. Таким образом, все разнообразие, все богатство ислама и основная идея Корана — построение честного и справедливого гражданского общества, где правители несут ответственность за своих граждан, — предается забвению.

Дух ранней арабо-мусульманской цивилизации заключался в разнообразии слагающих ее культур, религий и этносов. Поразительные и многочисленные неудачи в государственном строительстве в современном мусульманском мире вызваны тем, что этот первоначальный путь, его намерение и одухотворенность были отброшены и заменены либо грубой диктатурой, либо узко понимаемой теологией. «Возможно, уделом ислама было привлекать и использовать примитивные народы, окружавшие или пересекавшие его территорию, но затем

оказываться жертвой их жестокой силы. В конце концов порядок восстанавливается и раны затягиваются. Успешный воин-дикарь покоряется всемогущей городской жизни ислама», — писал Фернан Бродель.[332]

Могут ли талибы последовать этому обычаю мусульман и изменить свою политику, усвоить этническое разнообразие и культурное богатство Афганистана, чтобы стать его законными правителями? В их нынешнем состоянии — едва ли. Талибан пребывает в состоянии между племенным обществом, которое он пытается игнорировать, и государственной структурой, которую он отказывается создать. Хотя талибы и лишили власти всех непуштунов, им не удалось удовлетворить требования пуштунов, и последние уже возвращаются к своему племенному делению. Прежде такого никогда не было. «Несмотря на очевидное преобладание пуштунов, процесс становления государства подразумевал участие всех этнических групп и заметное место непуштунов как среди бюрократии, так и в войске», — пишет афганский ученый Ашраф Гани.[333] Талибы противостоят всему ходу афганской истории, так как они не понимают его.

В то же время Талибан отказывается описать афганское государство, которое он хочет создать и которым собирается управлять, потому что сам не знает, чего он хочет. Отсутствие центральной власти, государственных институтов, методов администрирования и механизмов, позволяющих народу в известной степени участвовать в управлении (Лойя Джирга, или исламская Шура, или парламент) не дают возможности многим афганцам принять Талибан, а внешнему миру — признать правительство талибов. Не может существовать эффективное правительство до тех пор, пока нет общего и приемлемого для всех определения государства, которое будет залечивать раны войны. Но кандагарская группа вокруг Муллы Омара не нуждается ни в посторонних людях, ни в их советах. Разногласия внутри Талибана множатся, и не исключено, что умеренные талибы устроят переворот, чтобы свергнуть Муллу Омара и кандагарское духовенство.

Никакая фракция не чувствовала себя в ответе за гражданское население, но Талибан не способен даже на минимальную социальную деятельность из-за своей уверенности в том, что главное — ислам, а остальное приложится. Это ставит тяжелые вопросы перед ООН и благотворительными организациями — ведь гуманитарная помощь продлевает гражданскую войну, благодаря иностранцам население не умирает с голоду, что освобождает полевых командиров от всякой заботы о народе и позволяет им направлять все средства на войну. Эта дилемма имеет общий характер для ООН и неправительственных организаций — то же самое происходит в других разложившихся государствах, например, в Судане и Сомали, и является главной проблемой в будущей деятельности международного гуманитарного сообщества.

Кажется, что единственная эффективная неправительственная организация в Афганистане — та, что занимается контрабандой и торговлей наркотиками.

Поэтому все усилия по восстановлению чего-либо, предпринимаемые Талибаном, полностью направлены на повышение эффективности контрабанды и торговли наркотиками — ремонт дорог, строительство бензоколонок и приглашение американских бизнесменов для устройства сотовой связи, которая качественно ускорит перемещение наркотиков и нелегальную торговлю. Никто из полевых командиров не строит школ, больниц, систем водоснабжения или чего-либо еще, связанного с нуждами населения.

В своем нынешнем виде талибы не могут рассчитывать на то, чтобы править Афганистаном и одновременно получить признание мирового сообщества. Даже если они завоюют север, то это не принесет покоя, но лишь приведет к продолжению партизанской войны непуштунских племен, на этот раз — с территории Средней Азии и Ирана, что вызовет дальнейший рост нестабильности в регионе. Но в пуштунских районах Афганистана единственной альтернативой Талибану был бы еще больший беспорядок и хаос. «Большинство афганцев, живущих южнее Кабула, вероятнее всего согласятся с тем, что правление талибов, хотя и не столь популярное, как в самом его начале, все же лучше для народа, его безопасности и благосостояния, чем то, что было до них, и нет никакой реальной альтернативы талибам, кроме анархии».[334] Талибы не могут быть устранены, но наиболее вероятный сценарий — это раскол талибов на несколько фракций и образование обособленных уделов в Кабуле, Кандагаре и, возможно, Герате.

Северный Альянс не сумел завоевать или наладить управление южными районами, населенными пуштунами. До сих пор Масуд был неспособен побудить достаточное число пуштунов отвергнуть Талибан и придать себе общенациональный статус. Единственный шанс выжить для оппозиции — привлечь на свою сторону часть пуштунов, что, несомненно, затянет войну, но также ослабит Талибан и создаст возможности для переговоров. Северному Альянсу не удалось создать минимальную государственную структуру или систему представительства, включающую хотя бы всех непуштунов. Разногласия внутри оппозиции и борьба за власть в руководстве разрушили их образ в глазах многих афганцев, которые могут быть недовольны талибами, но равно не испытывают доверия к Альянсу.

Угроза раскола страны существует постоянно, и возможная граница была начертана еще в 1996 году — пуштунский юг, управляемый талибами, и непуштунский север, отделенный Гиндукушем, с Кабулом посередине. После опустошительной резни, погромов и этнических чисток во многих районах вероятность раскола весьма велика. К счастью, среди полевых командиров нет Слободана Милошевича или Саддама Хуссейна, готовых гарантировать себе власть в своем удельном княжестве ценой раздела страны. Несмотря на то, что соседние государства постоянно вмешиваются в дела Афганистана, никто из них не заинтересован в его расколе — поскольку это откроет ящик Пандоры и приведет к распространению межнациональной войны, потокам беженцев,

наркотиков и оружия, которые заполонят их слабые государства. Формальный распад или даже раздел Афганистана пока еще возможен, но до сих пор никто из игроков не желает этого, что дает надежду на успех мирного процесса.

Миротворчество под эгидой ООН не принесло до сих пор никаких плодов, но не по причине бездействия. Просто причина в том, что, пока внешние силы продолжают снабжать полевых командиров деньгами и оружием, едва ли гражданская война утихнет сама собой. Возможное решение — это процесс, который должен начаться вне Афганистана. Все страны региона должны согласиться на полный запрет поставок оружия в Афганистан, честно его соблюдать и позволить ООН эффективно его контролировать. Все страны региона должны будут согласиться ограничить сферы своего влияния в Афганистане, а не побуждать своих ставленников править всей страной. Необходим ирано-пакистанский диалог, в ходе которого Пакистан согласится ограничить свое влияние в пуштунской зоне, а Иран — на севере и в центре страны, с гарантиями для шиитского меньшинства.

Одним словом, каждое из соседних государств должно признать не только интересы собственной безопасности, но и интересы своих соседей. Внешнее влияние не может быть совершенно устранено из Афганистана, но оно должно быть ограничено и удержано на приемлемом уровне путем взаимных соглашений. Никто из соседей не должен быть вправе покушаться на признанные интересы безопасности другой страны. Достижение таких соглашений крайне тяжело, поскольку требует участия не только дипломатов, но также военных и разведчиков с каждой стороны. ООН и международное сообщество должны дать гарантии того, что эти соглашения не поведут к дальнейшей дезинтеграции Афганистана или к вмешательству в процесс создания афганского правительства.

Внутреннее урегулирование в Афганистане уже не может быть достигнуто путем создания того, что уклончиво называют «правительством на широкой основе». Невозможно представить, что Мулла Омар и Масуд согласятся сидеть за одним столом в Кабуле и совместно управлять страной. Вместо этого необходимо прекращение огня, для начала — слабое центральное правительство, демилитаризация Кабула и высокая степень автономии регионов, контролируемых разными фракциями. Все фракции должны согласиться с тем, что в долгосрочной перспективе центральное правительство будет укрепляться, но в ближайшем будущем их автономия сохранится. Таким образом они сохранят свои военные формирования, но будут содействовать созданию централизованной полицейской силы в Кабуле.

Каждая из фракций независимо от других будет получать иностранную помощь, но все будут вместе работать над восстановлением разрушенной инфраструктуры через центральное правительство. Это приведет к большему взаимопониманию и доверию между ними. Все фракции должны договориться о запуске процесса легитимизации в том или ином виде через какие-то выборные

органы в регионах, который мог бы привести к созданию центральной Джирги или Шуры в Кабуле.

Не стоит недооценивать трудностей на пути к такому соглашению, ведь сейчас у воюющих сторон нет желания вести переговоры. Зарубежные доноры, Всемирный банк или крупные частные благотворители могли бы пообещать крупную сумму помощи для восстановления страны при условии, что будет достигнуто минимальное согласие. По сути это было бы взяткой для полевых командиров и стимулом для давления на них со стороны афганского народа с тем, чтобы принудить их к согласию. Любой серьезный мирный процесс в Афганистане потребует намного большего участия со стороны международного сообщества, чем то, что наблюдалось до сих пор.

Мир в Афганистане принесет огромные выгоды всему региону. Пакистан получит экономический выигрыш от восстановления Афганистана и сможет начать разбираться с последствиями афганской войны на своей собственной земле — распространением оружия, наркотиков, терроризмом, межобщинной враждой, теневой экономикой. Дипломатическая изоляция Пакистана в регионе закончится, и он сможет присоединиться к центральноазиатской сети сообщений, дав ей кратчайший выход к морю. Иран вновь займет достойное положение в мировом сообществе и вернет себе роль крупнейшего торгового партнера между Центральной Азией, Южной Азией и Средним Востоком. Турция получит путь к тюркоязычным народам Афганистана, исторически связанным с нею.

Китай почувствует себя в большей безопасности и сможет более эффективно осуществлять программы экономического развития своей отсталой мусульманской провинции Синьцзян. Россия сможет построить новые отношения со странами Центральной и Южной Азии, основанные на экономических реальностях, а не на ложных великодержавных амбициях, оставив в покое призраки афганской войны. Трансафганские нефте- и газопроводы соединят весь регион и ускорят приток иностранной помощи в Афганистан. США смогут разработать более реалистическую политику для Центральной Азии, получить безопасный доступ к источникам энергии и справиться с угрозой терроризма.

Но если афганская война по-прежнему останется без внимания, то можно ожидать самого худшего. Пакистан столкнется с исламской революцией в стиле Талибан, что приведет к еще большей нестабильности в регионе. Иран останется парией в международном сообществе, а его восточные границы будут испытывать постоянную угрозу. Государства Средней Азии не смогут экспортировать свои энергоресурсы и минеральные богатства по кратчайшему пути и, по мере развала их экономики, столкнутся с ростом исламского фундаментализма и нестабильностью. Россия продолжит преследовать свои великодержавные цели в Средней Азии, невзирая на экономический и социальный кризис. Ставки очень высоки.

Приложения

Приложение 1. Образцы указов Талибана в отношении женщин и других культурных проблем, изданных после захвата Кабула в 1996 году[337]

Указ Верховного руководства Амар Биль Маруф Ва Нахи Ан Аль-Мункар (религиозной полиции)

Женщины, вам не должно покидать ваши жилища. Если вы выходите из дому, то не следует уподобляться женщинам, которые, наряжаясь в модные одежды и умащивая себя притираниями, предстояли перед мужчинами, до прихода ислама.

Ислам, спасительная вера, указывает особое достоинство женщины. Ислам дает женщинам ценные указания. Женщины не должны привлекать к себе внимание бездельников, глядящих на них недобрым глазом. Женщина должна быть учителем и координатором семьи. Муж, брат и отец обязаны доставлять семье то, что нужно для жизни (еду, одежду и т. п.). Если женщина выходит из дому для учебы, по общественным или благотворительным делам, она должна быть одета согласно предписаниям Шариата. Если женщина выходит на улицу в модной, богато украшенной, обтягивающей или соблазнительной одежде, на ней проклятие Шариата и не попадет она на небо.

Все старейшины и все мусульмане несут ответственность за это. Мы требуем, чтобы все главы семейств жестко контролировали свои семьи и избегали этих социальных проблем. Иначе их женщины будут задержаны, допрошены и сурово наказаны, как и главы их семейств, силами Религиозной полиции.

Религиозная полиция имеет своим долгом и обязанностью бороться с этой социальной проблемой и будет прилагать к этому усилия до полного ее искоренения.

Кабул, ноябрь 1996 года

Правила работы государственных больниц и частных клиник, основанные на принципах шариата

1. Пациенты-женщины должны идти к докторам-женщинам. Если нужен доктор-мужчина, женщину должен сопровождать ее близкий родственник.

2. Во время осмотра и женщина-пациент, и мужчина-врач должны быть одеты в *хиджаб*.

3. Доктор-мужчина не должен видеть других частей тела женщины, кроме затронутых болезнью, или прикасаться к ним.

4. Комнаты ожидания для женщин-пациентов должны быть надежно укрыты.

5. Человеком, управляющим очередью женщин-пациентов, может быть только женщина.

6. Во время ночного дежурства врач-мужчина не имеет права заходить в женскую палату, если его не зовет пациент.

7. Докторам — женщинам и мужчинам — нельзя сидеть и разговаривать вместе. Если необходимо поговорить по делам, им следует надеть *хиджаб*.

8. Доктора-женщины должны носить простую одежду, им запрещается носить модную одежду и употреблять косметику.

9. Женщины — доктора и медсестры — не должны входить в палаты к пациентам-мужчинам.

10. Работники больниц обязаны ходить в мечеть и молиться.

11. Религиозная полиция имеет право прийти с проверкой в любое время, и никто не должен препятствовать этому.

Всякий, кто нарушит этот приказ, будет наказан по законам ислама.

Министерство здравоохранения, от имени Амир-уль-Муминиин Муллы Мохаммада Омара.

Кабул, 1996 год

Верховное руководство Амар Биль Маруф

1. Во избежание соблазна и открытия женского лица. Водителям запрещается подвозить женщин, одетых в иранскую *бурка*. Нарушители будут посажены в тюрьму. Если такие женщины будут замечены на улице, то их дома будут отслеживаться, а их мужья — наказываться. Если женщины одеты в привлекательную и соблазнительную одежду и их не сопровождает близкий родственник, водитель не должен подвозить их.

2. Музыка воспрещается. Для передачи по всем государственным средствам информации. В магазинах, гостиницах, автомобилях и рикшах кассеты и музыка запрещаются. Через пять дней будет проверка. Если в магазине будет найдена кассета с музыкой, то владелец будет арестован, а магазин закрыт. Если пять человек поручатся магазин будет открыт преступник отпущен потом. Если кассету найдут в машине, машина и водитель будут арестованы. Если пять человек поручатся машину отпустят и преступника отпустят потом.

3. Стрижка и бритье бороды воспрещается. Через полтора месяца всякий, замеченный с бритой или стриженной бородой, будет арестован и посажен в тюрьму до тех пор, пока его борода не отрастет.

4. Содержание голубей и птиц для развлечения запрещается. Через десять дней эта привычка должна быть прекращена. По истечение десяти дней будет проверка, и голуби и другие ручные птицы будут убиты.

5. Пускать воздушных змеев запрещается. Лавки воздушных змеев в городе должны быть закрыты.

6. Идолопоклонство запрещается. В машинах, лавках, гостиницах, комнатах и во всех местах запрещается держать изображения и портреты. Найденные портреты и картины будут порваны.

7. Денежные игры запрещаются. Совместно с полицией безопасности главные центры будут обнаружены, а игроки посажены в тюрьму на один месяц.

8. Искоренение наркомании. Наркоманы подлежат аресту и допросу, чтобы узнать, кто и где продает зелье. Лавка будет закрыта, а хозяин и покупатели арестованы и наказаны.

9. Прически на американский или английский лад запрещаются. Люди с длинными волосами будут арестованы и доставлены в управление Религиозной полиции, чтобы побрить голову. Они должны заплатить цирюльнику.

10. Запрещается взимать процент по займам, комиссию за размен мелкими деньгами и комиссию за денежные переводы. Все менялы должны быть извещены о том, что эти три вида запрещаются. Нарушители будут заключены в тюрьму на долгий срок.

11. Запрещается молодым барышням стирать белье у городских арыков. Нарушительницы будут задержаны и с подобающим исламским обращениям доставлены домой, а их мужья — сурово наказаны.

12. Запрещаются музыка и танцы во время бракосочетаний. В случае нарушения глава семьи будет арестован и наказан.

13. Игра на барабане запрещается. Запрет будет объявлен во всеуслышанье. Если кто-нибудь занимается этим, то старейшины могут распорядится.

14. Шитье женской одежды и снятие мерки с женского тела запрещается. Если в лавке будут найдены женщины или журналы мод, портной будет арестован.

15. Колдовство запрещается. Все колдовские книги должны быть сожжены, а колдуны посажены в тюрьму до тех пор, пока не раскаются.

16. Все обязаны молиться, приказ молиться всем, кто на базаре. Во всех округах молитва должна совершаться в положенное время. Всякие поездки запрещаются, все должны пойти в мечеть. Если кто увидит молодых людей в лавках — их следует немедленно арестовать.

Кабул, декабрь 1996 года

Приложение 2. Структура Талибана

Глава Талибана — Мулла Мохаммад Омар, известный также как Амир-уль-Муминиин, или Вождь правоверных. Временный правящий совет из десяти членов (Верховная Шура), является наиболее влиятельным правящим органом и находится в Кандагаре. Ему подчинены еще два комитета. Во-первых, временное правительство, или Кабульская Шура. Во-вторых, военный совет (Военная Шура).

Верховная Шура, члены-основатели Талибана, Кандагар, 1994–1997 годы

Мулла Мохаммад Раббани Ахунд	Председатель Верховной Шуры, заместитель главы Талибана
Мулла Мохаммад Гаус Ахунд	И.о. министра иностранных дел до июня 1997 года
Мулла Мохаммад Хасан Ахунд	Начальник штаба
Мулла Мохаммад Фазиль Ахунд	Командующий армией
Мулла Абдур Разак	Начальник Таможенного управления
Мулла Сайед Гийасуддин Ага	И.о. министра информации
Мулла Хайрулла Хайрхва	И.о. министра внутренних дел
Маулави Абдул Саттар Санани	И.о. Верховного судьи Афганистана
Маулави Эхсанулла Эхсан	Управляющий Госбанком
Мулла Абдул Джалил	И.о. министра иностранных дел с июня 1997 года
Структура военного командования: Военная Шура	
Верховный главнокомандующий	Мулла Мохаммад Омар
Начальник генерального штаба	Мулла Мохаммад Хасан
Начальник штаба армии	Мулла Рахматулла Ахунд
Командующий армейским корпусом	Мулла Мохаммад Фазиль
Командиры дивизий	Мулла Джума Хан

	Мулла Мохаммад Юнус
	Мулла Мохаммад Голь
	Мулла Мохаммад Азиз Хан
4-я танковая группа	Мулла Мохаммад Захер
Временное правительство: Кабульская Шура	
Мулла Ахмед Вакиль Мотавакиль	МИД
Мулла Мохаммад Аббас Ахунд	Здравоохранение
Мулла Абдур Разак	МВД
Мулла Убайдулла Ахунд	Строительство
Мулла Тахир Анвари	Финансы
Мулла Кодратулла	Информация и культура
Мулла Абдул Латиф Мансур	Сельское хозяйство
Мулла Мохаммад Иса	Водоснабжение и энергетика
Маулана Ахмадулла Мути	Связь
Мулла Нуруддин Тораби	Юстиция
Маулави Хамдулла Нумани	Высшее образование
Маулави Ахмад Джан	Горное дело и промышленность
Маулави Джалалуддин Хакани	Пограничные вопросы
Маулана Абдур Разак	Торговля
Кари Дин Мохаммад	Планирование

Происхождение видных членов движения Талибан

Имя	**Должность**	**Происхождение/ Возраст**	**Племя/ Партия**	**Примечания**
Мулла Хайрулла Хайрхва	МВД	Кандагар	Пуштун-дуррани, поползай. Моджахед, бывший Харакат	Выпускник медресе Хаккания
Эхсанулла Эхсан	Управляющий Госбанком	Кандагар, Панджван	Пуштун-дуррани.	Убит в Мазари-

				Шарифе в 1997 году Бывший губернатор Хоста
Маулави Абдул Саттар Санани	Председатель Верховного Суда в Кандагаре	Кандагар, 80	Пуштун-дуррани, исхакзай	Выпускник медресе в Кандагаре
Мохаммад Аббас	Здравоохранение; контакты с ООН	Урузган, 40	Пуштун-гильзай, хотак. Моджахед, бывший Хизб-и-Ислами (Халес)	Учился в медресе Забуль, затем — Хаккания. Торговец в Кандагаре. Мэр Кандагара, затем генеральный прокурор. Командующий группой войск в Баглане
Убайдулла	Оборона	Кандагар	Пуштун-гильзай, хотак. Моджахед, бывший Харакат	Окончил медресе в Кветте. Взят в плен в Мазари-Шарифе. Связной между Талибаном и пакистанской разведкой *ISI*
Дадулла Мохаммадулла Ахунд	Строительство Финансы	Кандагар	Пуштун-дуррани, алкозай. Моджахед, бывший Харакат	Окончил медресе в Кветте
Амир Хан Мутаки	Информация и культура	Логар	Пуштун, кочи.	Окончил *медресе*

			Моджахед, основатель движения, бывший Харакат	Хаккания, старый друг Омара. После Мазари-Шарифа — командующий в Баглане
Абдул Латиф Мансур	Сельское хозяйство	Пактия	Пуштун-гильзай	Окончил *медресе* Хаккания
Мохаммад Иса	Водоснабжение и электричество	Кандагар	Пуштун-гильзай, хотак. Моджахед, бывший Харакат	
Алладад Ахунд	Связь	Кандагар	Пуштун-гильзай, хотак. Моджахед бывший Хизб-и-Ислами (Халес)	Руководил собственным *медресе* в СЗПП
Нуруддин Тораби	Юстиция	Урузган	Пуштун-гильзай, хотак	Одноглазый
Хамидулла Нумани	Высшее образование	Забуль	Пуштун-дуррани, дафтани	Не имеет диплома
Ахмад Джан	Шахты и промышленность	Пактия, 40	Пуштун-гильзай, дзадран	Окончил Хаккания. Торговал коврами в Саудовской Аравии. Торговый представитель Талибана в Пешаваре. Вел переговоры с

				нефтяными компаниями
Джалалуддин Хакани	Пограничные вопросы	Пактия, 55	Пуштун-гильзай, дзадран. Моджахед, бывший Хизб-и-Ислами (Халес)	Руководил исламской оппозицией Дауду в 1974 году. Эмигрировал в Пакистан. Учился в Пактии и 6 лет в Хаккании. Один из ведущих полевых командиров моджахедов. В 1991 году взял город Хост. В 1995 примкнул к талибам
Садек Ахунд	Торговля	Кандагар	Пуштун-гильзай, хотак. Моджахед, бывший Харакат	Без образования. Захвачен в Мазари-Шарифе в 1997 году
Кари Дин Мохаммад	Планирование	Бадахшан	Таджик. Моджахед, бывший Джамаат-и-Ислами	Самый влиятельный из таджиков в правительстве
Маулави Каламуддин	Глава религиозной полиции	Логар, Бараки Барак, 38	Пуштун-гильзай, моманд. Моджахед, бывший Харакат	Учился в Логаре и в Хаккания. Секретарь у Наби Мохаммада в правительстве Раббани.

				Примкнул к талибам в провинции Забуль
Маулави Джалилулла Маулвизад	Генеральный прокурор	Герат, 68	Хаваджа	Окончил деобандийское *медресе* в Индии. Советник во временном правительстве моджахедов в 1988 году. Министр образования у Раббани
Мохаммад Хасан	Губернатор Кандагара	Урузган, 45	Пуштун-дуррани, ачакзай. Моджахед, бывший Харакат. Основатель движения	Окончил *медресе* в Кветте. Воевал против русских в Урузгане. Одноногий, нет кончика пальца
Вакиль Ахмад	Секретарь Омара	Кандагар	Пуштун, какар. Основатель движения	Главный помощник Омара, пресс-секретарь талибов
Шер Мохаммад Станакзай	Заместитель МИД	Логар	Пуштун-гильзай, станакзай	Бывший офицер полиции, учился в Индии
Арифулла Ариф	Заместитель министра финансов	Пактия, Замруд	Пуштун-гильзай, сулейманхель. Харакат	Окончил 6 классов школы, затем 14 лет в Хаккания. Работал для

джихада в
Пакистане

Приложение 3. Хронология движения Талибан

1992	
Апрель	Афганистан и Кабул во власти моджахедов. Президент Наджибулла скрывается в дипломатическом городке ООН в Кабуле.
1993	
	Тяжелые бои между президентом Раббани и Гольбуддином Хекматьяром. Убито 10 тысяч мирных жителей.
1994	
Январь	Дустом и Хекматьяр атакуют Кабул. В результате междоусобицы Кабул превращен в руины.
Февраль	Махмуд Местири назначен главой спецмиссии ООН в Афганистане (СМООНА). Пакистанское посольство в Кабуле закрыто.
Октябрь	Министр внутренних дел Пакистана Назирулла Бабар в сопровождении шести послов западных стран едет в Герат на встречу с Исмаил Ханом.
28 октября	Премьер-министр Беназир Бхутто встречается с Исмаил Ханом и Дустомом в Ашхабаде.
4 ноября	Пакистанский конвой из 30 машин, направляющийся в Среднюю Азию, задержан боевиками под Кандагаром. 20 убитых. Появление Талибана.
5 ноября	Талибы овладевают Кандагаром и освобождают конвой. 50 убитых после четырехдневного боя.
25 ноября	Талибан берет под контроль две южные провинции, Лашкаргах и Гильменд[338].
1995	
1 января	3 тысячи пакистанских талибов отправляются из Пешавара в Афганистан.
2 февраля	Талибан занимает провинцию Вардак и оказывается в 25 милях от Кабула.
11 февраля	Талибан овладевает провинцией Логар. 9 провинций из 30 захвачены талибами. Президент Раббани посылает делегацию для переговоров с Талибаном.
14 февраля	Талибан берет Чарасьяб, Хекматьяр бежит без боя.
18	Талибан выдвигает три условия своего участия во временном

февраля	правительстве: создание нейтральных частей из состава талибов, участвуют только «добрые мусульмане», и все 30 провинций должны быть представлены.
7 марта	Талибы продвигаются в Нимроз, Фарах, пытаются овладеть Гератом. Талибы входят в Кабул по мере того, как хазарейцы оставляют свои позиции.
11 марта	Масуд нападает на талибов под Кабулом. Талибы отброшены в Чарасьяб.
13 марта	Вождь хазарейцев Абдул Али Мазари пленен талибами и гибнет при катастрофе вертолета, везущего его Кандагар. Талибан берет Фарах.
4 апреля	Талибан захватывает часть авиабазы Шинданд под Гератом.
29 апреля	Правительственные войска отбрасывают талибов на 80 миль от Шинданда.
12 мая	Талибан выбит из Фараха.
31 мая	Глава саудовской разведки эмир Турки посещает Кабул и Кандагар.
10 июля	Заместитель руководителя саудовской разведки объезжает афганские города с миссией мира, встречается с талибами.
2 сентября	Талибан вновь берет Фарах, тяжелые бои в окрестностях Шинданда.
3 сентября	Талибан берет Шинданд. Кабул обновляет состав командования, Исмаил Хан понижен в чине, в Герат по воздуху перебрасываются войска.
5 сентября	Герат взят талибами. Исмаил Хан бежит в Иран, не приняв боя.
6 сентября	Пакистанское посольство в Кабуле разграблено и сожжено дотла. Иран предостерегает талибов от нарушения границы с Ираном.
10 октября	Талибан перебрасывает 400 танков из Кандагара в Кабул, готовясь к штурму города.
11 октября	Талибан начинает наступление. Чарасьяб захвачен.
11 ноября	Талибан обстреливает Кабул ракетами. Тридцать шесть убитых, 52 раненых в самый страшный день бомбардировки.
26 ноября	Самый страшный ракетный обстрел Кабула талибами за всю историю войны. Тридцать девять мирных жителей убиты, 140 ранены. Правительственные войска отбрасывают талибов от Кабула.
1996	
3 марта	Раббани начинает поездку в Иран, Туркменистан и Узбекистан.
20 марта	Шура Талибана встречается с тысячей улемов и вождей и обсуждает политические вопросы.

4 апреля	Совещание окончено. Призывы к джихаду против Раббани. Омар провозглашен Вождем правоверных.
19 апреля	Высокопоставленные американские дипломаты встречаются с афганскими руководителями в Кабуле и Кандагаре.
23 мая	Глава спецмиссии ООН Махмуд Местири уходит в отставку по состоянию здоровья.
26 июня	Хекматьяр присоединяется к Раббани и становится премьер-министром. Талибан обстреливает Кабул, 52 человека убиты.
11 июля	Немецкий дипломат Норберт Холл назначен специальным представителем ООН по Афганистану.
4 сентября	Афганские женщины в Кабуле протестуют против эксцессов Талибана.
10 сентября	Талибан занимает два уезда в провинции Нангархар. Хаджи Кадир бежит в Пакистан, тяжелые бои под Джелалабадом.
11 сентября	Джелалабад взят талибами.
25 сентября	Суробай и Асадабад взяты талибами.
26 сентября	За одну ночь талибы проходят от города Суробай до Кабула. Бои вокруг города. Падение Кабула.
27 сентября	Наджибулла повешен талибами. Масуд отходит на север. Мулла Омар провозглашает амнистию и назначает совет из шести членов для управления Кабулом в главе с муллой Мохаммадом Раббани. Иран, Россия, Индия и государства Средней Азии осуждают Талибан. Пакистан направляет делегацию в Кабул.
1 октября	Талибан велит Масуду, отступившему в Панджшерское ущелье, сдаваться или погибнуть. Масуд взрывает дороги перед наступающими талибами. Талибы доходят до туннеля Саланг и сталкиваются с войсками Дустома.
4 октября	Лидеры СНГ в Алматы предостерегают талибов от вторжения в Среднюю Азию.
8 октября	Тяжелые бои в Панджшере. Пакистан приступает к челночной дипломатии.
10 октября	Дустом, Масуд и Халили на встрече в Хинджане создают Высший совет обороны Афганистана. Масуд атакует Баграм силами 50 человек и контратакует на шоссе, ведущем к Салангу.
12 октября	Масуд берет Джабаль-ус-Сирадж.
13	Масуд возвращает себе Чарикар. Бои в 10 милях от Кабула, сотни

октября	жертв.
18 октября	Баграм взят Масудом, талибы бегут. Танки Дустома приходят на помощь Масуду.
24 октября	Мулла Омар говорит: «Мы будем сражаться до конца и прольем за Кабул всю нашу кровь до последней капли». Масуд требует демилитаризации Кабула. В тяжелых боях против Дустома талибы овладевают провинцией Бадгис.
31 октября	Войска Исмаил Хана перебрасываются из Ирана в Меймене, чтобы воевать с Талибаном на западе.
1997	
1 января	Баграм и Чарикар вновь захвачены талибами, тяжелое поражение Масуда.
23 января	Талибаном захвачен Гульбахар у входа в туннель Саланг.
2 февраля	Хазарейцы укрепляют оборону Бамиана, талибы наступают в долине Горбанда. Визит делегации Талибана в США.
12 марта	Покушение на муллу Абдур Разака, губернатора Герата.
19 мая	Генерал Малек Пахлаван восстает против Дустома, занимает Фарьяб и заявляет о присоединении к Талибану.
20 мая	Провинции Бадгис, Фарьяб, Сари-Пуль в руках Малека. Тяжелые бои. Малек передает более 700 пленных и Исмаил Хана в руки талибов.
24 мая	Талибы врываются в Мазари-Шариф, вводят шариат и закрывают женские школы.
26 мая	Пакистан признает правительство талибов. Переговоры между Талибаном и Малеком в Мазари-Шарифе прерваны. Начало боевых действий.
28 мая	Талибы выбиты из Мазари-Шарифа после 18-часового боя. 300 талибов убиты, тысячи захвачены в плен. Масуд на юге переходит в контрнаступление.
2 июня	Талибы закрывают иранское посольство в Кабуле. Тысячи пакистанских студентов присоединяются к талибам. Оппозиция создает новый союз в Мазари-Шарифе.
12 июня	3 тысячи талибов разоружены в Баглане. Масуд берет Джабаль-ус-Сирадж. Встреча Раббани с Малеком в Мазари-Шарифе. Оппозиция создает Объединенный исламский национальный фронт спасения Афганистана.
19 июля	Масуд берет Баграм и Чарикар. Талибы бегут, бросая тяжелое вооружение.
21 июля	Малек на переговорах в Иране.

28 июля	ООН поручает Лахдару Брахими подготовить отчет о положении в Афганистане. Тяжелые бои в окрестностях Кабула продолжаются.
7 августа	МККК сообщает, что за три месяц боев было ранено 6800 человек. Care International прекращает программу помощи женщинам в Кабуле.
12 августа	Встреча оппозиции в Мазари-Шарифе. Раббани вновь назначен президентом.
15 августа	Лахдар Брахими прибывает в Исламабад.
19 августа	Брахими приезжает в Кандагар. Талибы предупреждают иностранных журналистов, что тех из них, кто не будет писать честно, вышвырнут вон.
4 сентября	Мулла Раббани встречается в Джидде с королем Фахдом и говорит, что саудовцы окажут помощь талибам в налаживании образования и здравоохранения. Талибан обвиняет Иран, Россию и Францию в том, что они помогают Масуду.
8 сентября	Талибан вновь захватывает аэропорт в Мазари-Шарифе после атаки талибов из Кундуза. Узбеки расколоты между Дустомом и Малеком.
9 сентября	Малек оставляет Мазари-Шариф. Хизб-и-Вахдат сжигает дома, грабежи не прекращаются, учреждения ООН покидают город. Талибы выбиты из аэропорта.
12 сентября	Дустом возвращается в Мазари-Шариф из Турции. Талибы убивают 70 жителей-хазарейцев в Казиль-Абаде. После трехдневных грабежей порядок в Мазари-Шарифе восстановлен, талибы отброшены, войска подчиняются Дустому.
18 сентября	Вновь тяжелые бои неподалеку от Мазари-Шарифа. Талибан заявляет, что король Фахд окажет ему политическую и финансовую поддержку.
23 сентября	Сильная бомбардировка Бамиана талибами. Бои в десяти милях от Мазари-Шарифа.
28 сентября	Эмма Бонино арестована в Кабуле талибами и удерживается ими в течение трех часов вместе с 19-ю другими делегатами Европейского Союза.
30 сентября	Трое сотрудников ООН высланы из Кандагара талибами.
1 октября	Брахими завершает свою поездку, посетив 13 стран. Тяжелые бои вокруг Мазари-Шарифа продолжаются.
8 октября	Дустом отбрасывает талибов в Кундуз. Кабул отклоняет соглашение о транзитной торговле с Пакистаном.
21 октября	Дустом занимает Шибирган, Малек бежит в Иран.

16 ноября	Дустом обнаруживает тела 2000 убитых талибов в 30 братских могилах под Шибирганом и предлагает вернуть их талибам. Обмен военнопленными.
18 ноября	Госсекретарь Мадлен Олбрайт в Пакистане называет отношение талибов к правам человека «омерзительным».
26 ноября	Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан издает отчет, осуждающий иностранное вмешательство в Афганистане.
17 декабря	Совет Безопасности ООН осуждает поставки оружия враждующим сторонам в Афганистане и призывает к прекращению огня.
1998	
6 января	Президент Раббани посещает Иран, Пакистан и Таджикистан в поисках поддержки идеи региональной конференции по Афганистану под эгидой ООН. Талибан обвиняется в убийстве 600 мирных узбеков в провинции Фарьяб. Положение в Бамиане, осажденном талибами, ухудшается, запасы продовольствия иссякают.
7 января	Кофи Аннан призывает талибов пропустить продовольствие в Бамиан.
13 января	Самолет с талибами терпит аварию под Кветтой, 80 солдат погибают. Перестрелка под Кандагаром между талибами и местными жителями, сопротивляющимися мобилизации.
27 января	Двести пятьдесят пленных с обеих сторон освобождены по случаю праздника Ид.
4 февраля	Землетрясение на северо-востоке Афганистана. Четыре тысячи погибших и 15 000 без крова. Снег затрудняет спасательные операции.
20 февраля	Еще одно землетрясение.
8 марта	Международный женский день отмечается во всем мире в честь афганских женщин.
14 марта	Тяжелые бои в Мазари-Шарифе между узбеками и хазарейцами.
22 марта	Брахими возобновляет посредничество между талибами и оппозицией.
1 апреля	Талибан назначает делегацию для переговоров с оппозицией в рамках совещания улемов.
17 апреля	Американский посол Билл Ричардсон посещает Кабул и Мазари-Шариф.
26 апреля	Совещание улемов собирается в Исламабаде под опекой ООН.
4 мая	Совещание улемов сорвано.
17 мая	Самолеты Талибана бомбят Талукан, 31 человек убит, 100 ранено. Тяжелые бои под Кабулом и на севере.

30 мая	Еще одно крупное землетрясение на северо-востоке Афганистана, 5 тысяч погибших.
18 июня	Начальник саудовской разведки эмир Турки в Кандагаре.
30 июня	Талибан требует от неправительственных гуманитарных организаций переехать в разрушенное здание политехнического колледжа. Те отказываются.
3 июля	На встрече в Алматы лидеры стран Средней Азии призывают к прекращению войны в Афганистане.
9 июля	Самолет ООН обстрелян ракетами в аэропорту Кабула. Омар издает указ о запрете телевидения, высылке всех христиан и наказании бывших коммунистов. Бывший министр обороны в правительстве коммунистов убит в Кветте.
12 июля	Талибы захватывают Меймене, берут в плен 800 узбеков и захватывают 100 танков.
18 июля	ЕС прекращает всякую помощь Кабулу из-за неприемлемых ограничений.
20 июля	Гуманитарные организации покидают Кабул. ЕС закрывает свое представительство.
21 июля	Двое афганских сотрудников похищены и убиты в Джелалабаде.
31 июля	Лидеры Талибана приезжают в медресе Дар-уль-Улум Хаккания, город Ахора Хатак, Пакистан, и объявляют набор добровольцев. Пятьсот пакистанцев едут в Афганистан, чтобы сражаться.
1 августа	Шибирган взят талибами. Дустом со своим войском бежит в Хайратан на узбекской границе.
7 августа	Взрывы бомб возле американских посольств в Кении и Танзании, ответственность возложена на Усаму бин Ладена.
8 августа	Талибы овладевают Мазари-Шарифом, убивают 11 иранских дипломатов и одного журналиста. Тысячи хазарейцев убиты, множество бежит из Мазари-Шарифа.
10 августа	Талукан взят талибами.
11 августа	Россия предостерегает Пакистан от помощи талибам. Тревога в Средней Азии.
12 августа	Пули-Хумри и Хайратан взяты талибами.
18 августа	Аятолла Али Хаменеи обвиняет США и Пакистан в использовании талибов против Ирана. Рост напряженности между Ираном и Талибаном. Мулла Омар говорит, что Талибан защитит бин Ладена.
20	США выпускают 75 крылатых ракет по лагерям бин Ладена под

августа	Хостом и Джелалабадом. 21 человек убит, 30 ранено.
21 августа	Талибан осуждает американское нападение и клянется защищать бин Ладена. Офицер войск ООН убит в Кабуле. Все иностранцы покидают Афганистан, а также Пешавар и Кветту.
26 августа	Верховный суд Нью-Йорка в закрытом решении обвиняет бин Ладена в терроризме.
1 сентября	Иран начинает маневры на границе с Афганистаном, участвуют 70 тысяч военнослужащих.
6 сентября	Опасность войны растет. Иран заявляет, что международное право позволяет ему защищать своих граждан. США призывают к сдержанности. Талибан вновь требует признания со стороны ООН.
10 сентября	Талибан заявляет, что тела девяти иранских дипломатов в Мазари-Шарифе найдены.
13 сентября	После тяжелых боев Бамиан в руках талибов. Омар призывает войска к сдержанности.
20 сентября	Сильный ракетный обстрел Кабула Масудом. 66 убитых и 215 раненых.
22 сентября	Саудовская Аравия высылает посла Талибана и высказывает гнев по причине отказа талибов выдать бин Ладена после визита эмира Турки в Кандагар.
27 сентября	Талибан сосредотачивает 30 000 солдат на иранской границе для отражения возможного нападения Ирана.
2 октября	Иранские самолеты вторгаются в воздушное пространство Афганистана в районе Герата. Иранская армия начинает маневры с участием 200 000 человек.
14 октября	Лахдар Брахими ведет переговоры с Муллой Омаром в Кандагаре (первая встреча Омара с иностранным дипломатом). Талибан соглашается освободить всех иранских пленных.
21 октября	Феминистский фонд Majority Foundation, объединяющий 129 женских организаций, призывает к увеличению экономического и социального давления на Талибан. Мэйвис Лено, жена Джоя Лено, жертвует 100 тысяч долларов на кампанию против политики талибов в отношении женщин.
23 октября	Масуд предпринимает успешное наступление на северо-востоке и вторгается в провинцию Кундуз. Талибы арестовывают 60 сторонников генерала Таная во время попытки мятежа в Джелалабаде.
25 октября	Талибан отказывается от использования противопехотных мин. Имамсахиб на границе с Таджикистаном взят Масудом.
7 ноября	ООН заявляет, что Талибан виновен в убийстве 4000 человек в

	Мазари-Шарифе. Омар обвиняет ООН в пристрастности и говорит, что Талибан потерял 3500 человек. Омар вновь отвергает идею коалиционного правительства.
13 ноября	Мохаммад Акбари, глава одной из фракций партии Хизб-и-Вахдат, сдается талибам в Бамиане.
23 ноября	Глава ЮНЕСКО Фредерико Майор призывает мир остановить попрание прав человека талибами.
1 декабря	Талибы стреляют в студентов у здания Джелалабадского университета, 4 убитых, 6 раненых.
9 декабря	Генеральная Ассамблея ООН принимает жесткую резолюцию по Афганистану.
29 декабря	ЮНИСЕФ заявляет, что в Афганистане больше нет образования.
1999	
10 января	Талибан отвергает новую Партию мира и национального единства, созданную в Пешаваре, и заявляет о возможности только военного решения. Масуд продолжает наступление на севере.
12 января	Семья видного полевого командира моджахедов Абдул Хака расстреляна в Пешаваре.
19 января	Талибы отрубают конечности у шести грабителей с большой дороги и развешивают их на деревьях в Кабуле.
21 января	Совет Безопасности ООН вновь призывает к прекращению огня после доклада Лахдара Брахими.
31 января	Первая китайская делегация прибывает в Кабул для встречи с талибами.
2 февраля	Иранские официальные лица встречаются с талибами в Дубае. Заместитель госсекретаря США Строуб Талбот встречается с талибами в Исламабаде. Он передает им письмо с требованием выдать бин Ладена.
9 февраля	Талибы отвергают американское послание и говорят, что не выдадут бин Ладена, но наложат ограничения на его деятельность.
11 февраля	Землетрясение в Майданшахре[339], провинция Логар. 50 убитых, 200 раненых.
13 февраля	Бин Ладен уходит в подполье. Талибы говорят, что не знают о его местонахождении. Масуд на переговорах в Тегеране.
15 февраля	10 лет со дня ухода советских войск из Афганистана.
21 февраля	Представитель ООН Лахдар Брахими прибывает в Исламабад после встречи с королем Фахдом в Эр-Рияде.

28 февраля	Северный Альянс заявляет, что он создаст руководящий совет и парламент из 150 депутатов.
3 марта	Министр иностранных дел Туркменистана Шихмурадов впервые встречается с Муллой Омаром в Кандагаре.
4 марта	Хиллари Клинтон критикует политику Талибана в отношении женщин.
11 марта	В Ашхабаде при посредничестве ООН начались переговоры между Талибаном и оппозицией.
14 марта	Переговоры завершаются на оптимистической ноте. Обе стороны готовы отпустить нескольких пленных. Структура правительства должна быть определена в ходе дальнейших переговоров.
24 марта	Лахдар Брахими встречается с Муллой Омаром в Кандагаре.
30 марта	Новый раунд переговоров застопорился, обе стороны критикуют друг друга.
7 апреля	Российский министр обороны Игорь Сергеев встречается с Масудом в Душанбе. Россия заявляет о намерениях построить новую военную базу в Таджикистане.
10 апреля	Мулла Омар отказывается от всяких переговоров с оппозицией. Тяжелые бои в Бамиане и его окрестностях.
15 апреля	Президент Клинтон критикует нарушения прав человека талибами. Талибан ругает Клинтона.
21 апреля	Бамиан отбит войсками Хизб-и-Вахдат, талибы отступают, десятки убитых и пленных.
28 апреля	Талибан обстреливает Бамиан, пытаясь отбить его. Тридцать мирных жителей убиты.
29 апреля	Талибан, Пакистан и Туркменистан договариваются возобновить проект газопровода через Афганистан и найти для него новых спонсоров. В Вашингтоне Хиллари Клинтон критикует политику Талибана в отношении женщин.
5 мая	В Ташкенте Иран и Узбекистан публикуют совместное заявление о том, что не допустят захвата Афганистана Талибаном.
9 мая	В результате наступления с севера и с юга Бамиан снова в руках талибов.
12 мая	Делегация Талибана подписывает договор с Туркменистаном о закупках газа и электроэнергии.
14 мая	США впервые предостерегают Пакистан от поддержки Талибана и говорят, что желали бы возвращения бывшего короля Захер Шаха.
20 мая	Вспышка боевых действий. Масуд выпускает 20 ракет по Кабулу. Талибан бомбит Баграм, бои на севере.

22 мая	Талибы подавляют восстание в Герате. Публичная казнь восьми и убийство 120-ти человек. Талибан обвиняет Иран в раздаче оружия восставшим.
28 мая	«Международная амнистия» обвиняет Талибан в убийстве гражданских лиц во время взятия Бамиана. Мулла Омар проводит совещание нескольких тысяч командиров и мулл в Кандагаре, где обсуждается будущее движения.
2 июня	Министр иностранных дел Узбекистана Азиз Камилов впервые наносит визит Мулле Омару в Кандагаре. Талибан настаивает на своем признании законным правительством Афганистана как условии участия в конференции группы «Шесть плюс два» в Ташкенте.
8 июня	ФБР ставит бин Ладена на первое место в списке 10-ти самых опасных преступников. Угроза американского нападения на бин Ладена растет.
26 июня	Бывший король Захер Шах проводит консультации в Риме, но Талибан не соглашается на его участие в переговорах. США закрывают на три дня семь посольств в Африке из-за угрозы со стороны бин Ладена.
6 июля	США применяют торговые и экономические санкции против Талибана и замораживают его активы в США. Талибан готовится к массированному летнему наступлению, тысячи пакистанцев и сотни арабов присоединяются к нему.
15 июля	Бывший сенатор Абдул Ахад Карзай, ведущий афганский националист, убит в Кветте после встречи с Захер Шахом. США и ООН осуждают это убийство.
16 июля	Министры иностранных дел России, Таджикистана и Узбекистана на встрече в Ташкенте обязуются сотрудничать в борьбе с исламским экстремизмом в Средней Азии.
19 июля	Переговоры «Шесть плюс два» начинаются в Ташкенте. Президент Ислам Каримов призывает к прекращению огня и проведению специальной сессии ООН по Афганистану.
20 июля	Переговоры в Ташкенте завершаются безрезультатно.
23 июля	Масуд в Ташкенте встречается с президентом Каримовым.
27 июля	Самолеты ООН прекращают полеты в Кабул после того, как ракеты Масуда попадают в аэропорт. Наступление талибов неизбежно.
28 июля	Талибан начинает наступление на трех фронтах и наступает на Баграм. 130 убитых с обеих сторон в первый день боев.
1 августа	Баграм в руках талибов, но тяжелые бои продолжаются. Масуд пытается отбить его.
2 августа	Чарикар взят талибами, Масуд отступает в Панджшер. 200 000 жителей бегут из долины Шомали. Новый гуманитарный кризис.

3 августа	Талибы наступают на севере со стороны Кундуза. Имамсахиб и Шерхан (Кызылкала) взяты, пути снабжения Масуда из Таджикистана перерезаны. Более 3000 убитых с начала боев.
5 августа	Масуд контратакует, Чарикар отбит, талибы отброшены на прежние позиции под Кабулом. 400 талибов убито, 500 взято в плен.
8 августа	Масуд восстанавливает положение на севере.
10 августа	Вашингтон замораживает активы авиакомпании Ariana, принадлежащей талибам, из-за ее связей с бин Ладеном.
13 августа	Баграм в руках талибов.
15 августа	ООН призывает Талибан не увеличивать количество беженцев и остановить бои, поскольку Талибан проводит политику выжженной земли в долине Шомали. Тысячи людей арестованы в Кабуле.
17 августа	Попытка посредничества Пакистана отвергнута Северным Альянсом.
24 августа	Мощный взрыв в Кандагаре возле дома Муллы Омара, убито 40 человек, включая двух его сводных братьев и шестерых арабов.
5 сентября	Тяжелые бои, обе стороны пытаются наступать на севере и в районе Кабула.
10 сентября	Программа ООН по международному контролю над наркотиками (ЮНДКП) заявляет, что производство опиума-сырца в Афганистане в 1999 году удвоилось и достигло 4600 тонн. 99 процентов опиума выращивается районах, контролируемых Талибаном.
20 сентября	Россия заявляет, что афганцы, пакистанцы и арабы из Афганистана воюют в Дагестане и Чечне.
25 сентября	Талибан наступает на Талукан, столицу Северного Альянса. Тяжелые бои.
27 сентября	ООН критикует поддержку афганских фракций извне. Имамсахиб взят талибами.
29 сентября	Войска Северного Альянса сбивают талибский истребитель Су-22 над Талуканом, бои усиливаются.
4 октября	Глава пакистанской ISI посещает Кандагар и просит выслать пакистанских террористов из Афганистана. Мулла Омар соглашается на сотрудничество.
12 октября	Военный переворот в Пакистане, премьер-министр Наваз Шариф свергнут.
15	Совет Безопасности ООН налагает ограниченные санкции на Талибан.

октября	
2000	
16 января	Сепаратистская Чеченская республика признана Талибаном, Чечня открывает посольство в Кабуле.
18 января	Франциск Вендрелл назначен новым специальным представителем Генерального секретаря ООН по Афганистану.
6 февраля	Несколько афганцев — гражданских лиц — захватывают самолет, совершающий внутренний рейс из Кабула, и заставляют его лететь в Лондон, где через 4 дня угон благополучно завершается.
Март	Организация Исламская Конференция проводит безуспешные переговоры между Талибаном и Северным Альянсом.
27 марта	Бывший губернатор Герата Исмаил Хан бежит из тюрьмы талибов в Кандагаре и добирается до Ирана. Талибан начинает непродолжительное наступление против Масуда.
Апрель	Афганистан в когтях сильной засухи. Талибан обращается за помощью к международным организациям.
1 июля	Талибан начинает летнее наступление севернее Кабула, но отброшен назад с тяжелыми потерями.
10 июля	Талибы приказывают всем иностранным организациям, оказывающим гуманитарную помощь, уволить работающих у них женщин-афганок. Взрыв бомбы в посольстве Пакистана в Кабуле.
28 июля	Талибан атакует Масуда на севере.
1 августа	Исламское Движение Узбекистана (ИДУ) организует несколько набегов на территорию Средней Азии с баз, расположенных на севере Афганистана. Мулла Омар запрещает выращивание мака.
5 сентября	После тяжелых боев талибами захвачен Талукан, провинция Тахар, Масуд отступает в Бадахшан. 150 000 человек бегут в Таджикистан. Руководители стран Средней Азии и России выступают с осуждением талибов.
2001	
8 января	После захвата Чагчарага талибы убивают 210 мирных жителей.
19 января	Совет Безопасности ООН принимает Резолюцию № 1333, вводящую санкции только против Талибана и запрещающую поставки оружия талибам.
26 февраля	Мулла Омар приказывает уничтожить две древние статуи Будды в Бамиане.
1 марта	ООН заявляет, что Талибан действительно осуществил запрет на выращивание мака и что в 2001 году в Афганистане ожидается нулевой сбор опиума-сырца.

10 марта	Две статуи Будды взорваны динамитом.
4 апреля	Ахмад Шах Масуд совершает турне по европейским столицам.
16 апреля	Мулла Мохаммад Раббани, заместитель главы Талибана, умирает от рака в Пакистане.
22 мая	Талибан приказывает всем индусам носить желтые нашивки для опознания.
1 июня	Начинается летнее наступление талибов.
31 июня	Совет Безопасности ООН принимает Резолюцию № 1363, которая устанавливает контроль за соблюдением санкций против Талибана.
5 августа	Талибан арестовывает 8 иностранцев и 16 афганцев, сотрудников христианской благотворительной организации, обвинив их в распространении христианства.
9 сентября	На севере Афганистана Ахмад Шах Масуд убит двумя арабами-самоубийцами, выдававшими себя за журналистов. Масуда заменяет генерал Мохаммад Фахим.
11 сентября	Террористическая атака на Нью-Йорк и Вашингтон побуждают США провести военную операцию против Талибана и Усамы бин Ладена.
7 октября	Начало бомбардировок Афганистана.
9 ноября	Северный Альянс захватывает Мазари-Шариф.
12 ноября	Падение Герата.
13 ноября	Падение Кабула. Талибы отступают к Кандагару.
25 ноября	Захвачен Кундуз, сотни талибов сдаются в плен.
26 ноября	Американские войска прибывают в Кандагарский аэропорт.
27 ноября	Начало Боннской конференции под эгидой ООН.
28 ноября	Мятеж в Мазари-Шарифе, поднятый пленными талибами и бойцами Аль-Каиды. 600 убитых.
2 декабря	Заключены Боннские соглашения. Сформировано временное правительство.
7 декабря	Бегство Муллы Омара из Кандагара. Падение Кандагара.
15 декабря	Осада и бомбардировка горного массива Тора Бора на востоке Афганистана.

22 декабря	Временное правительство приведено к присяге в Кабуле. Хамид Карзай назначен главой правительства.
30 декабря	Временное правительство соглашается на размещение Международных сил содействия безопасности численностью 4500 человек.
31 декабря	При американской бомбардировке вблизи Гардеза погибает 100 мирных жителей.
2002	
2 января	Первые отряды Международных сил содействия безопасности из 15 стран во главе с Великобританией прибывают в Кабул.
5 января	Мулла Омар бежит на мотоцикле из городка Багран в провинции Гильменд, расположенного к северу от Кандагара, после провала его переговоров с кабульским правительством.
8 января	Три министра Талибана сдаются американским войскам.
10 января	США перевозят первых 20 пленных талибов и членов Аль-Каиды в бухту Гуантанамо на Кубе.
21 января	Начинается Токийская конференция, итогом которой становится обещание выделить 4,5 миллиардов долларов США на восстановление Афганистана.
29 января	Хамид Карзай встречается с президентом Джорджем Бушем в Вашингтоне.
8 февраля	Хамид Карзай наносит первый визит в Пакистан.
14 февраля	Доктор Абдур Рахман, министр авиации и туризма, убит в кабульском аэропорту.
7 февраля	На севере Афганистана вспыхивают стычки между таджикскими и узбекскими полевыми командирами.
4 февраля	Визит Карзая в Иран.
марта	Карзай предлагает создать в Афганистане Комиссию национального примирения.

Приложение 4. Новая Большая игра

1. Предлагаемые газопроводы из Туркменистана — 1996 год

	Компания	Маршрут	Подробности
1	Enron, Gamma Guris, Wing Merril BOTAS	Туркменистан-Азербайджан-Турция	Под Каспийским морем. Стоимость — 1,6 миллиарда долларов США
2	Unocal, Delta Oil, «Туркменросгаз»	Туркменистан-Афганистан-Пакистан	937 миль. Стоимость — 2,5 миллиарда долларов США
3	Bridas-TAP	Туркменистан-Афганистан-Пакистан	750 миль. Стоимость — 2,5 миллиарда долларов США
4	Royal Dutch Shell Gaz de France Snamprogetti Туркменистан	Туркменистан-Иран-Турция	1875 миль. Стоимость — 2 миллиарда долларов США
5	Mitsubishi, Exxon, Китай, Туркменистан	Туркменистан-Казахстан-Китай-Япония	5000 миль. Стоимость — 22 миллиарда долларов США
6	Китай, Иран, Туркменистан	Казахстан-Туркменистан-Иран-Персидский залив	1500 миль. Стоимость — 2,5 миллиарда долларов США
7	Иран, Туркменистан	Иран-Туркменистан	120 миль. Начал функционировать в декабре 1997 года

Состояние в 1999 году

1. Контракт о строительстве трубопровода Туркменистан-Турция подписан в 1999 гаду консорциумом из компаний Bechtel Group и US General Electric. Стоимость проекта — 2,5 млрд. долларов США.
2. Под вопросом
3. Под вопросом
4. Отложен
5. Отложен
6. Отложен

Источник — Ахмад Рашид

2. Добыча природного газа

Год	Миллиарды куб. метров/год	Триллионы куб. футов/год
1989	89,6	3,20
1990	55,7	2,00
1994	20,6	0,73
1995	22,0	0,78
1996	26,0	0,91
1997	17,0	0,60
1998	13,6	0,48

Источник — правительство Туркменистана

3. Хронология соперничества Unocal и Bridas за трубопровод через Афганистан

1992	
13 января	Bridas получает право на эксплуатацию Яшларского месторождения в восточном Туркменистане, раздел прибыли в пропорции 50 на 50.
1993	
Февраль	Bridas получает права на разработку нефтяного и газового месторождения Кеймир в западном Туркменистане. Раздел прибыли — 75–25 в пользу Bridas.
Март	Президент Ниязов наносит визит в США. Он нанимает бывшего советника по национальной безопасности Александра Хейга для того, чтобы тот возглавил кампанию по расширению американских инвестиций в Туркменистан и помог смягчить позицию США по вопросу о трубопроводе через Иран.
1994	
Сентябрь	Bridas запрещено экспортировать нефть из Кеймирского месторождения.
Ноябрь	Туркменистан создает рабочую группу для изучения возможных маршрутов газопроводов. Группа включает Хейга и представителей Bridas. Талибан захватывает Кандагар.
1995	

Январь	После повторных переговоров по месторождению Кеймир, доля прибыли Bridas сокращается до 65 %. Экспорт нефти разрешен.
16 марта	Президент Ниязов и премьер-министр Пакистана Беназир Бхутто подписывают меморандум, разрешающий Bridas подготовить предварительное технико-экономическое обоснование предполагаемого газопровода.
Апрель	Туркменистан и Иран подписывают соглашение о строительстве 180-мильного газопровода через Иран в Турцию. США создают рабочую группу, в которую входят представители Совета национальной безопасности, госдепартамента и ЦРУ, для выработки нефтяной и газовой стратегии США в Каспийском регионе.
	США сообщают Туркмении, что они будут возражать против финансирования иранских маршрутов и призывают ее повернуться к Западу.
	Туркменские официальные лица посещают Хьюстон, Техас, и впервые встречаются с представителями Unocal.
Июнь	Делегация Unocal в Ашхабаде и Исламабаде обсуждает возможное присоединение Unocal к проекту. Bridas предоставляет туркменскому правительству технико-экономическое обоснование.
Август	Bridas находит новые месторождения нефти и газа в Яшларе. Первая встреча представителей Bridas с талибами в Кандагаре. Руководители Bridas едут в Кабул, Герат и Мазари-Шариф.
21 октября	Президент Ниязов подписывает в Нью-Йорке договор на строительство трансафганского трубопровода с Unocal и Delta.
Декабрь	Туркменистан повторно запрещает Bridas экспортировать кеймирскую нефть.
1996	
Февраль	Bridas подписывает соглашение с правительством Афганистана о строительстве трубопровода. Bridas подает в суд в Хьюстоне на Unocal и Delta за то, что они препятствуют ее бизнесу в Туркменистане.
Март	Американский посол Том Симмонс понуждает премьер-министра Бхутто предоставить Unocal исключительные права. Бхутто требует письменного извинения за грубость Симмонса.
Апрель	Bridas подает в арбитраж на Туркменистан за нарушение контракта. Помощник госсекретаря США Робин Рейфел посещает Кабул и Кандагар.
Май	Иран открывает новую 120-мильную железнодорожную ветку между Ираном и Туркменистаном. Туркменистан, Узбекистан, Пакистан и

	Афганистан подписывают соглашение, дающее Туркменистану право выбрать консорциум для строительства трубопровода.
Август	Русская компания «Газпром» подписывает соглашение с Unocal/Delta и туркменским «Туркменросгазом» о строительстве трубопровода. Помощник госсекретаря США Робин Рейфел посещает Афганистан и Среднюю Азию. Она указывает на заинтересованность США в трубопроводе, предлагаемом Unocal.
Сентябрь	Unocal представляет Ниязову предложения по строительству. Unocal предлагает оказывать гуманитарную помощь и выплатить бонусы афганским полевым командирам, если они согласятся образовать совет по контролю за строительством.
27 сентября	Кабул в руках талибов. США заявляют, что вскоре они восстановят дипломатические отношения с Афганистаном.
1 октября	Unocal одобряет взятие Кабула талибами и говорит, что это облегчит осуществление проекта. Позднее Unocal скажет, что была неправильно понята.
26 октября	Президент Ниязов подписывает с Unocal/Delta договор, дающий им исключительные права на создание консорциума для трансафганского трубопровода.
	Роберт Оукли, бывший посол США в Пакистане, руководит первым заседанием комитета советников Unocal по Афганистану.
Ноябрь	Bridas подписывает соглашение с Талибаном и с Рашидом Дустомом о постройке трубопровода.
9 декабря	Министр иностранных дел Пакистана Наджмуддин Шейх в Кандагаре ведет с талибами переговоры о трубопроводе.
29 декабря	Иран, Турция и Туркменистан договариваются о том, что Турция будет покупать туркменский газ через Иран.
1997	
20 января	Туркменистан подписывает соглашение с Mobil и Monument Oil о разведке нефти и газа.
Январь	Арбитраж Международной торговой палаты выносит промежуточное решение о том, что Bridas имеет право экспортировать кеймирскую нефть. Туркменистан отказывается выполнять это решение.
	Заместитель генерального секретаря ООН Ясуси Акаси критикует афганских вождей и нефтяные компании в связи с проектом трубопровода.
Февраль	Делегация Талибана в Вашингтоне добивается признания США и встречается с Unocal. Вторая делегация Талибана встречается с Bridas в Аргентине. На обратном пути талибы встречаются в Джидде с главой саудовской разведки эмиром Турки.

Март	Unocal намеревается открыть представительство в Кандагаре и центры подготовки афганских специалистов. Bridas открывает представительство в Кабуле. Карлос Бульгерони посещает Кабул и Кандагар.
8 апреля	Талибан объявляет, что контракт достанется той компании, которая первой начнет работу. Президент Unocal Джон Имле говорит, что озадачен заявлением талибов. Unocal намеревается открыть новую азиатскую штаб-квартиру в Куала-Лумпуре.
14 мая	Встреча на высшем уровне. Пакистан, Туркменистан и Unocal подписывают соглашение о строительстве нефте- и газопровода с условием начать работы в течение года.
24 мая	Талибан овладевает Мазари-Шарифом, но через 4 дня теряет его и несет тяжелые потери.
4 июня	Первая встреча рабочей группы представителей Пакистана, Туркменистана, Unocal и Delta в Исламабаде.
8 июня	Марти Миллер из Unocal говорит, что строительство может занять долгие годы, если не будет мира.
9 июня	Карлос Бульгерони встречается с лидерами Талибана в Кабуле и заявляет, что Bridas «заинтересована в начале работы независимо от того, как будет складываться ситуация с безопасностью». Обещает афганцам помочь со строительством дорог и восстановлением промышленности. Bridas обсуждает контракт с Талибаном.
22 июля	Создается новая ассоциация для развития американо-туркменских экономических связей. Unocal избрана первым председателем.
23 июля	Пакистан, Туркменистан и Unocal подписывают новый контракт, увеличивающий срок начала строительства еще на один год до декабря 1998 года. Марти Миллер едет в Кандагар и Мазари-Шариф, чтобы добиться поддержки со стороны афганских фракций.
27 июля	Крупный сдвиг в американской внешней политике. США говорят, что не будут возражать против газопровода Туркмения-Иран-Турция. Позднее США скажут, что это поможет их друзьям, но не является предложением дружбы Ирану.
14 августа	Президент Shell Алан Парсли встречается с Ниязовым и обещает свою поддержку проекту Туркменистан-Турция.
28 августа	Талибан говорит, что Bridas предложила лучшие условия, чем Unocal, и договор с Bridas вскоре будет подписан. Unocal говорит, что остается в игре.
1 сентября	Туркменистан объявляет тендер среди нефтяных компаний на разработку новых месторождений вдоль побережья Каспия. В

	Мюнхене 57-летнему Ниязову делают операцию на сердце. Растущие опасения по поводу его здоровья и передачи власти.
5 сентября	Bridas продает Amoco 60 процентов акций своей латиноамериканской компании. Они договариваются создать единую компанию.
12 сентября	Делегация Талибана в составе пяти человек едет в Аргентину на переговоры с Bridas. На обратном пути делегация задержана пакистанскими властями в Пешаваре на пять дней.
15 сентября	Пакистан заключает с Unocal 30-летнее соглашение о ценах на газ. Пакистан будет платить 2,05 доллара за тысячу куб. футов с поставкой в Мултане при 15-процентной комиссии Талибана. Талибан отказывается.
16 октября	Премьер-министр Наваз Шариф едет на один день в Ашхабад, чтобы обсудить с Ниязовым проект трубопровода.
22 октября	Делегация Талибана посещает Ашхабад и соглашается создать трехстороннюю комиссию с участием Пакистана и Туркменистана для изучения проекта Unocal.
25 октября	В Ашхабаде учреждается Central Asia Gas Pipeline Limited или CentGas. Unocal получает 46,5 процентов, Delta Oil-15 %, Туркменистан — 7 %, японская Itochu Oil — 6,5 %, Indonesia Petroleum (Inpex) — 6,5 %, Crescent Group — 3,5 %, Hyundai Engineering and Construction Co. - 5 %. «Газпром» должен присоединиться позднее. Марти Миллер говорит, что цена на газ не фиксирована и CentGas не подпишет договор с Талибаном. Талибан говорит, что не решил, к какому из консорциумов примкнуть.
28 ноября	Делегация Талибана едет в США на встречу с Unocal в Шугарланд. Затем талибы встретятся с представителями Госдепартамента.
Декабрь	Unocal выделяет Университету Небраски 900 000 долларов США для обучения персонала в Афганистане.
29 декабря	Туркменистан и Иран открывают 120-мильный газопровод между двумя странами с пропускной способностью 0,3 триллиона куб. футов в год.
1998	
6 января	Международный Арбитражный суд в Париже выносит решение в пользу Bridas по делу о выплате задолженности туркменского правительства за продукты нефтепереработки, поставленные на Кеймирский НПЗ. Bridas выигрывает 47 миллионов долларов и 3 миллиона судебных издержек.
3 февраля	«Газпром» выходит из консорциума, его 10-процентная доля перераспределяется. Unocal получает 54 процента.
3 марта	Делегация руководителей австралийской компании BHP встречаются

	с Навазом Шарифом и склоняют его к строительству газопровода Иран-Пакистан.
11 марта	В Ашхабаде Марти Миллер из Unocal говорит, что проект откладывается на неопределенное время, поскольку до тех пор, пока идет война, его невозможно профинансировать. Ни начало работ, ни урегулирование финансовых вопросов в этом году невозможно. Туркмены настаивают на скором начале работ.
30 марта	Unocal просит Пакистан о продлении сроков заключения договора о финансировании до октября 1998 года. Компания не успевает к сроку из-за продолжающейся войны.
Июнь	На годовом собрании Unocal некоторые акционеры возражают против планов строительства трубопровода в Афганистане из-за нарушений прав человека Талибаном. Руководство Unocal говорит, что с 1995 года потратило на проект 10–15 миллионов и намерен пожертвовать 1 миллион афганским благотворительным организациям.
21 августа	Unocal приостанавливает проект и эвакуирует персонал из Кандагара и Исламабада после ракетного удара США по лагерям бин Ладена в Афганистане.
10 сентября	Группа активистов зеленого движения требует от генерального прокурора штата Калифорния запретить Unocal за преступления против человечества и окружающей среды, а также из-за связей с Талибаном. Unocal называет обвинения «смехотворными».
5 октября	Окружной суд Форт-Бенд, Техас, отклоняет иск Bridas на сумму 15 миллиардов против Unocal за то, что та мешала Bridas добывать газ в Туркмении. Иск отклонен на том основании, что дело должно разбираться не по законам Техаса, а по законам Туркменистана и Афганистана.
23 ноября	Unocal сокращает свои издержки и выходит из проекта стоимостью 2,9 миллиардов долларов по строительству газопровода Туркменистан-Турция.
4 декабря	Unocal выходит из афганского газопроводного консорциума, ссылаясь на низкие цены на нефть, беспокойство относительно Усамы бин Ладена и давление со стороны американских феминисток. Unocal закрывает представительства в Туркмении, Узбекистане и Казахстане.
22 декабря	Unocal объявляет о 40-процентном сокращении плана капиталовложений на 1999 год из-за низких цен на нефть.
1999	
24 января	Министр иностранных дел Туркменистана Шихмурадов посещает Пакистан и заявляет, что проект газопровода жив.
Февраль	Карлос Бульгерони посещает Туркменистан, Казахстан и Россию для

	переговоров с их руководителями.
3 марта	Министр иностранных дел Туркменистана Шихмурадов в Кандагаре впервые встречается с Муллой Омаром и обсуждает проект газопровода.
Март	North Apsheron Operating Company в Азербайджане, руководимая BP, закрыта из-за низких цен на нефть. Партнеры BP — Unocal и Delta — выходят из проекта.
29 апреля	Пакистан, Туркменистан и Талибан подписывают в Исламабаде соглашение о возобновлении проекта газопровода.
12 мая	Делегация Талибана подписывает договор с Туркменистаном о закупках газа и электроэнергии.

Приложение 5. Словарь афганских терминов

Амир-уль-Муминиин — «вождь правоверных», почетнейший мусульманский титул. Титул халифа, главы всех мусульман.

Байтул Мал — мусульманский благотворительный фонд, формирующийся из налогов.

Бара — рынок контрабандистов в Пакистане.

Басмачи — мусульманское ополчение, сопротивлявшееся в 1920-х годах установлению Советской власти в Средней Азии.

Бурка — черное покрывало, окутывающее с головы до пят, которые носили женщины-афганки при талибах.

Дари — афганский диалект персидского языка.

Джирга — совет старейшин племени или совет всего племени, на котором обсуждаются политические и правовые вопросы.

Джихад — стремление или борьба за то, чтобы стать истинным мусульманином. Также означает священную войну ради защиты или распространения ислама.

Закят— мусульманский налог в пользу бедных, равный 2,5 процента имущества каждого мусульманина.

Истакбарат — разведывательная служба Саудовской Аравии.

Кази— мусульманский судья, осуществляющий суд согласно законам шариата.

Кяфиры — немусульмане или неверные.

Лашкар — традиционное племенное ополчение.

Лойя Джирга — великий совет, по традиции — встреча вождей племен, *улемов* и других представителей для избрания нового короля афганцев, а также ведущий законодательный орган.

Малек — уважаемый член племени, в прошлом — титул вождя племени или клана.

Маулави — опытный, уважаемый мулла.

Маулана — выдающийся богослов, знающий все о вопросах веры.

Медресе — мусульманское учебное заведение, где преподают религиозные предметы.

Мехрам — мужчина, кровный родственник, которому следует сопровождать женщину во время путешествия, согласно строгим мусульманским законам.

Моджахед — воин Аллаха, участник джихада *(см.* Джихад).

Мулла — мусульманский священнослужитель, руководитель мечети.

Мунафакин — лицемерные мусульмане.

Нан — традиционный афганский бездрожжевой хлеб, основной продукт питания афганцев.

Пир — почетный титул, присваиваемый главе суфийского ордена.

Пуштунвали — племенной кодекс поведения у пуштунов, часто противоречащий законам шариата.

Рамазан — месяц празднеств по мусульманскому календарю.

Регистан — пустынная местность.

Сарай — перевалочный пункт для караванов на древнем Шелковом пути.

Сардар — военачальник, генерал, сейчас — часть имени.

Суфизм — мистическое направление ислама.

Талиб — ученик, студент. Дословно — «требующий» *(араб.)*.

Тор — опиум высокого качества.

Улемы — мусульманские законоведы, мусульманское духовенство; употребляется во множественном числе.

Умма — сообщество всех мусульман, мусульманский мир.

Фетва — заключение по вопросам мусульманского права, издаваемое уважаемым богословом (муфтием).

Халал — ритуальный способ умертвления животного — перерезая горло и выпуская кровь. В общем смысле — все дозволенное, допустимое для мусульманина, в отличие от *харам* (запретное).

Хан — прежде — вождь пуштунского племени, теперь — обычное имя.

Шальвар камиз — национальная одежда афганцев: мешковатые штаны и длинные рубахи.

Шариат — система мусульманского права.

Шура — мусульманский совет. В общем смысле — любой совет.

Приложение 6. Библиография

Akiner, Shireen, *Islamic Peoples of the Soviet Union,* Kegan Paul International, London 1983.

All worth, Edward, *The Modern Uzbeks from the 14th Century to the Present,* Hoover Institute Press 1990.

Arney, George, *Afghanistan,* Mandarin, London 1990.

Arnold, Antony, *The Fateful Pebble, Afghanistan's Role in the Fall of the Soviet Empire*, Presidio Press, California 1993.

Babur, *Babur-Nama*, translated by Nette Beveridge, Sang-e-Meel Publications, Lahore 1979. Рус. пер.: Бабур. Бабур-наме. Ташкент, 1992.

Battuta, Ibn, *Travels in Asia and Africa 1325–1354,* Routledge and Kegan Paul, London 1984. Рус. пер.: Ибн Баттута. Путешествия Ибн Баттуты (Арабский мир и Центральная Азия). Ташкент, 1996.

Bennigsen, Alexandre and Wimbush, Enders, *Muslim National Communism in the Soviet Union, a Revolutionary Struggle for a Post-Colonial World*, University of Chicago Press, Chicago 1979.

Bennigsen, Alexandre and Wimbush, Enders, *Muslims of the Soviet Empire,* C. Hurst and Co., London 1985.

Bennigsen, Alexandre and Wimbush, Enders, *Mystics and Commissars, Sufism in the Soviet Union*, University of California Press, Berkeley 1985.

Braudel, Ferdinand, *A History of Civilizations,* Penguin Books, London 1993. Рус. пер.: Бродель Ф. Динамика капитализма. М., 1985.

Byron, Robert, *The Road to Oxiana*, McMillan, London 1937.

Chase, Robert and Kennedy, Paul and Hill, Emily, *The Pivotal States. A New Framework for US Policy in the Developing World*, W. Norton and Co. 1999.

Cordovez, Diego and Harrison, Selig, *Out of Afghanistan, The Inside Story of the Soviet Withdrawal,* Oxford University Press 1995.

Dupree, Louis, *Afghanistan,* Princeton University Press 1980.

Dupree, Nancy Hatch [Dupree, 1970a], *A Historical Guide to Afghanistan,* Afghan Tourist Organization, Kabul 1970.

Dupree, Nancy Hatch [Dupree, 1970b], *A Historical Guide to Kabul,* Afghan Tourist Organization, Kabul 1970.

Ellestone, Harold, *The Generals against the Kremlin. Alexander Lebed: Power and Illusion*, Little Brown and Co., London 1998.

Ghani, Abdul, *A Brief Political History of Afghanistan,* Najaf Publishers, Lahore 1989.

Goodwin, Jan, *Caught in the Crossfire,* E.P. Dutton, New York 1987.

Grousset, Rene, *The Empire of the Steppes, a History of Central Asia,* Rutgers University 1970.

Hopkirk, Peter, *The Great Game,* John Murray, London 1970.

Hopkirk, Peter, *Setting the East Ablaze*, John Murray, London 1984.

Hunter, Shireen, *Central Asia since Independence,* Praeger 1996.

Huntington, Samuel P., *The Clash of Civilizations and the Remaking of the New World Order,* Simon and Shuster, New York 1996. Рус. пер.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

Ignatieff, Michael, *The warrior's Honor, Ethnic Wars and the Modern Conscience,* Vintage, New York 1999.

Kaplan, Robert, *The Ends of the Earth, a Journey to the Frontiers of Anarchy,* Vintage Books 1997.

Khan, Riaz, *Untying the Afghan Knot, Negotiating Soviet Withdrawal,* Duke University Press 1991.

Khilji, Jalaluddin, *Muslim Celebrities of Central Asia*, University of Peshawar 1989.

Magnus, Ralph and Naby, Eden, *Afghanistan, Mullah, Marx and Mujahid,* Harper Collins, India 1998.

Maley, William (ed.), *Fundamentalism Reborn? Afghanistan and the Taliban,* C. Hurst, London 1998.

Marsden, Peter, *The Taliban: War, Religion and the New Order in Afghanistan,* Zed Books, London 1998.

McCoy, Alfred and Block, Alan, *War on Drugs, Studies in the Failure of US Narcotics Policy,* Westview Press 1992.

Metcalf, Barbara, *Islamic Revival in British India 1860–1900,* Royal Book Company, Islamabad 1982.

Mousavi, Sayed Askar, *The Hazaras of Afghanistan, an Historical, Cultural, Economic and Political Study,* Curzon Press, London 1998.

Naumkin, Vitaly, *State, Religion and Society in Central Asia*, Ithaca Press, Reading 1993.

Newby, Eric, *A Short Walk in the Hindu Kush*, Picador 1974.

Noelle, Christine, *State and Tribe in Nineteenth-Century Afghanistan*, Curzon Press, London 1997.

Obaid, Nawaf, *Improving US Intelligence Analysis on the Saudi Arabian Decision Making Process,* Harvard University 1998.

Olcott, Martha Brill, *Central Asia's New States*, US Institute of Peace 1996.

Olsen, Asta, *Islam and Politics in Afghanistan,* Curzon Press, London 1995.

Pettifer, James, *The Turkish Labyrinth — Ataturk and the New Islam,* Penguin Books, London 1997.

Polo, Marco, *The Travels of Marco Polo*, Dell Publishing, New York, 1961. Рус. пер.: Поло М. Книга о разнообразии мира. СПб., 1999.

Rawlinson, Henry, *England and Russia in the East,* 1875, Reprinted by: Indus Publications, Karachi 1989.

Roy, Olivier, *Afghanistan, from Holy War to Civil War,* Princeton University 1995.

Roy, Olivier, *The Failure of Political Islam,* I.B.Tauris, Cambridge, London 1994.

Roy, Olivier, *Islam and Resistance in Afghanistan,* Cambridge University Press 1986.

Royal Geographical Society, *The Country of Turkomans,* Royal Geographical Society, London 1977.

Rubin, Barnett, «Afghanistan the forgotten crisis», *Refugee Survey Quarterly,* Vol. 15, No. 2, UNHCR 1996.

Rubin, Barnett, *The Fragmentation of Afghanistan, State Formation and Collapse in the International System,* Yale University Press, New Haven 1995.

Rubin, Barnett, *The Search for Peace in Afghanistan, from Buffer State to Failed State,* Yale University Press, New Haven 1995.

Rubin, Barnett and Snyder, Jack, *Post-Soviet Political Order, Conflict and State Building,* Routledge, London 1998.

Seward, Desmond, *The Monks of War, the Military Religious Orders,* Penguin, London 1972.

Shafqat, Saeed, *Civil Military Relations in Pakistan. From Z.A. Bhutto to Benazir Bhutto,* Westview Press 1998.

Sikorski, Radek, *Dust of the Saints,* Chatto and Windus, London 1989.

Tapper, Richard, *The Conflict of Tribe and State in Afghanistan,* Croom Helm, London 1983.

Verrier, Anthony, *Francis Younghusband and the Great Game,* Jonathan Cape, London 1991.

Rashid, Ahmed, *The Resurgence of Central Asia, Islam or Nationalism?* Zed Books, London 1994.

Средства массовой информации

Пакистан: *Dawn, Frontier Post,* the *Nation,* the *News, Herald.*

США: *International Herald Tribune, New York Times, Washington Post, Los Angeles Times.*

Другие: *Agence France Press (AFP), Associated Press (AP), Reuters, Interfax, Far Eastern Economic Review* (*FEER*), the *Economist,* the *Guardian,* the *Independent, Le Monde.*

notes

Примечания

1

Искаженное «микрорайон». — Прим. пер.

2

2001 года. — Прим. пер.

3

Так у автора — Прим. пер

Huntington, 1996; Хантингтон, 2003.

Verrier, 1991.

6

Polo, 1961; Поло, 1999.

Babur, 1979; Бабур, 1992.

Noelle, 1997.

9

ХАД — аббревиатура Службы государственной информации — службы госбезопасности, впоследствии переименованной в министерство государственной безопасности. — Прим. пер.

Rubin, 1996.

11

Американская помощь сперва составляла 30 млн. долларов в 1980 году, затем 80 млн. в 1983-м, 250 млн. в 1985-м, 470 млн. в 1986-м, но 630 млн. в 1987–1989 годах. Она продолжала поступать до взятия Кабула моджахедами в 1992 году. В 1986–1989 годах общая помощь моджахедам превышала 1 миллиард долларов ежегодно. См. Rubin, 1996.

12

Interservices Intelligence, Межведомственная разведка. — Прим. пер.

13

Я взял несколько интервью у муллы Хасана в Кандагаре в 1995, 1996 и 1997 годах.

Dupree, 1970a.

15

Я взял несколько интервью у муллы Гауса в 1996–1997 голах.

16

Дословно — просящий, требующий (араб.) — Прим. пер.

17

Yousufzai, Rahimullah. «Taliban head says Rabbani sabotaging UN peace efforts», News, 2 February 1995.

18

Эта биография Муллы Омара создавалась в течение пяти лет на основе бесед с несколькими десятками руководителей Талибана. Я признателен Рахимулле Юсуфзаю, единственному журналисту, взявшему интервью у Омара, за его статьи,

19

Goldenberg, Susan. «Place where the Taliban began and certainty ends», Guardian, 13 October 1998.

20

Burns, John and Levine, Steve. «How Afghans' stern rulers took hold», New York Times, 11 December 1996.

21

Dawn, 4 November 1994.

22

Это были послы США, Великобритании, Испании, Италии, Китая и Южной Кореи. В делегацию вошли сотрудники ООН.

23

Интервью с пакистанскими высокопоставленными чиновниками и грузоперевозчиками, Кветта, март 1995 года.

24

Davis, Anthony. «How the Taliban became a military force», in Maley, 1998. Статья Дэвиса содержит наиболее подробный рассказ о военной стороне захвата Спинбулдака и Кандагара талибами.

25

Интервью с офицерами пакистанской разведки, Кандагар, апрель 1995.

26

Muslim, 17 November 1994

Nation, 18 February 1995.

28

Dawn, 18 March 1995.

29

Seward, 1972, Главные духовно-рыцарские ордена — тамплиеры, госпитальеры и Тевтонский орден — были основаны в XII веке.

30

Интервью с солдатами Талибана, Кандагар, март 1995 года.

Sikorski, 1989.

32

Алишер Навои (1441–1501) был визирем не у Шахруха (1376–1447, правил с 1405), а у султана Хуссейна Байкари (1438–1506, правил с 1469). — Прим. пер.

33

Byron, 1937.

34

Р. Байрон так описывает свое первое впечатление от этих минаретов: «Никакая фотография, никакое описание не смогут передать их цвет — виноградный с лазоревым, или причудливые изгибы, придающие им лучистую глубину. Их основания, восемь граней которых поддерживаются мраморными плитами с барочной куфической резьбой, являют собой смешение желтого, оливкового, зеленого и красновато-коричневого в нагромождении цветов, арабесок и надписей, тонких, как роспись на фарфоре» (Byron, 1937).

Dupree, 1970a.

36

Интервью с Исмаил Ханом, сентябрь 1993.

37

Интервью с муллой Вакиль Ахмадом, Кандагар, май 1995.

Dupree, 1970a.

39

Интервью с Махмудом Местири в Исламабаде, 2 февраля 1996 года. См. также: Rashid, Ahmed, «Masud ready to launch offensive says Mestiri», Nation, 4 February 1996.

40

AFP, «Ulema declare Jehad against Rabbani», *Nation*, 4 April 1996.

41

Интервью с Вакилем, Кандагар, март 1996 года.

42

Интервью с пакистанскими дипломатами и разведчиками, Исламабад, февраль 1996 года.

43

AFP, «Taliban ready to negotiate», Nation, 3 April 1996.

44

Интервью с американскими и пакистанскими дипломатами, Исламабад, февраль 1995 года. См. также: Rashid, Ahmed, «Afghanistan: Proxy war is hack», in World Today, The Royal Institute of International Affairs, March 1996.

45

AFP, Kabul, «Senator Hank Brown meets Masud in Kabul», Nation, 8 April 1996. Более подробно роль США в становлении Талибана обсуждается в главе 13.

46

AFP, Bagram, «Raphel says US interest in Afghanistan increasing», Nation, 20 April 1996.

47

Интервью с Робин Рейфел, Исламабад, 18 апреля 1996 года.

48

AFP, Washington, «US wants peace, stable Afghanistan», Nation, 11 May 1996. Рейфел огласила американскую политику в своем выступлении в сенатском комитете но иностранным делам.

49

Интервью с Раббани, Кабул, август 1996 года.

50

AFP, «Holl flays Taliban for rocket attacks», Nation, 31 July 1996.

51

Интервью с нескольким к пакистанскими и афганскими собеседниками. См. также Rubin, 1996.

Davis, Anthony, «How the Taliban became a military force», in Maiey, 1998.

53

Этот рассказ основан на нескольких интервью с сотрудниками ООН и самим Масудом в 1996–1997 годах. Есть также сведения о том, что Наджибулла надеялся договориться с талибами, так как он был их соплеменником, и что он добровольно покинул дипломатический городок.

54

Khan, Beroz, «Taliban commander admits ordering Najib’s killing», News, 16 February 1998. Мулла Разак признал в одном из интервью, что именно он приказал казнить Наджибуллу. «Мы приказали нашим солдатам убить Наджиба там и тогда. Это было нужно, потому что он нес ответственность за убийство тысяч афганцев», — сказал Разак. Мулла Омар назначил Раза ка командующим войсками, захватившими Кабул в 1996 году. Он был взят в плен войсками Дустома в мае 1997 года в Мазари-Шарифе, позднее освобожден.

55

Burns, John, «With sugared tea and caustic rules, an Afghan leader explains himself», New York Times, 24 November 1996.

Yousufzai, Rahimulfah, «The leader that nobody knows», News, 30 March 1997.

57

Пакистанские дипломаты сообщили мне, что Пакистан заплатил Дустому около 10 миллионов долларов за то, чтобы он заключил союз с Талибаном. Иран заплатил ему примерно столько же, чтобы он продолжал воевать с Талибаном.

Levine, Steve, «Enemies of Enemies», Newsweek, 21 October 1996.

59

Дустом вызвал Малека из Бадгиса в Мазари-Шариф, но тот не поехал, говоря, что Дустом убьет его. «Это было началом мятежа против Дустома», — сказал мне один пакистанский генерал 19 мая 1997 года.

60

Министр иностранных дел Пакистана Гохар Айюб сделал 25 мая 1997 года заявление, расширившее это признание. 8 нем говорилось, что кризис в Афганистане разрешен, так как талибы создали правительство, пользующееся широкой общественной поддержкой. «Мы чувствуем, что повое правительство удовлетворяет всем критериям для признания его de jure. Оно действительно контролирует большую часть территории Афганистана и представляет все народности этой страны», — сказал Айюб. Через несколько часов после этого заявления талибы были выбиты из Мазари-Шарифа.

61

Талибан захватил Исмаил Хана и 700 его бойцов после того, как он был приглашен на обед к Малеку. Последний позволил талибам арестовать его. Предать гостя — страшный позор для афганца. См, Rashid, Ahmed, «550 Pakistani students captured by Afghan opposition», Nation, 14 July 1997.

62

По сведениям сотрудников ООН и Международного Комитета Красного Креста в Кабуле, на июль 1997 года Малек имел 1000 пленных талибов в Меймене, 1000 в Шибиргане и 800 в Мазари-Шарифе. Масуд в Панджшере имел 600–700 пленных талибов, Исмаилиты генерала Наднри к северу от Саланга взяли 100 талибов, а Хизб-и-Вахдат — еще 100. По сведениям ООН, у Малека в плену было 200 пакистанцев в Мазари-Шарифе и еще 225 в Меймене, у Масуда — 100 в Панджшере и около 50 у Халили.

63

Интервью с Хакани, Кабул, 12 июля 1997 года.

64

Интервью с Аббасом, Кабул, 15 июля 1997 года.

65

Интервью с узбекским дипломатом в Исламабаде, 5 июля 1997. См, также Rashid, Ahmed, «Highly explosive. Renewed fighting alarms Central Asia neighbours», Far Eastern Economic Review, 12 June 1997.

66

Интервью с Хакани, Кабул, 12 июля 1997 г. См. также Rashid, Ahmed, «Afghan factions face serious internal divisions», Nation. 16 июля 1997 года.

67

Другое название города — Хульм. — Прим. пер.

68

Peters, Gretchen, «Massacres prompt fears of ethnic escalation». AP, 15 February 1998.

Yousufzai, Rahimullah, «Dostum unearths mass graves», News, 16 November 1997.

70

AFP, «Taliban massacre site discovered in Afghanistan», 16 December 1997.

71

Peters, Gretchen, «Massacres prompt fears of ethnic escalation», AP, 15 February 1998.

72

Преес-конфереция Норберта Холла, Исламабад, 18 октября 1997.

73

Сообщения информационных агентств. См. также Rashid, Ahmed, «Taliban hold Bonino in hospital ward», Daily Telegraph, 30 September 1997. Среди задержанных была Кристина Аманпур из CNN.

74

Вожди Талибана намекали на эта чувства еще в июле во время моих бесед с ними в Кабуле. В Пакистане маулана Фазлур Рахман и маулана Самуил Хак, руководители фракций Джамиат-и-Улема Ислам (ДУИ), поддерживающие Талибан, говорили, что ООН — гнездо шпионов и врагов ислама и что они просили Муллу Омара вышвырнуть вон все учреждения ООН.

75

Шесть соседей — это Пакистан, Иран, Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан и Китай.

76

AFP, «UN Chief slams outside forces for fuelling Afghan conflict», 9 November 1997.

77

Доклад Генерального секретаря ООН, «Положение в Афганистане и его последствия для международного мира и безопасности», 14 ноября 1997 года.

78

Mousavi, 1998. Это единственная современная работа о хазарейцах, по-прежнему мало известных за пределами Афганистана.

79

Эмир Абдур Рахман, Железный эмир. — Прим. пер.

80

Доктор Рахи дала мне тетрадь со своим и стихами на дари во время моей поездки в Хазараджат в декабре 1997 года. Я признателен сотрудникам ООН за перевод.

81

Интервью с Лахдаром Брахими, 8 апреля 1997 года.

Crossete, Barbara, «UN’s impatience grows over Afghan restrictions on Aid workers», New York Times, 14 July 1998.

83

AFP, «Taliban rejects warnings of aid pull-out», 16 July 1998.

84

Интервью с пакистанскими чиновниками и иностранными дипломатами в Исламабаде в марте 1998 года. См. также Rashid, Ahmed, «Massive arms supplies reach all Afghan factions», Nation, 13 March 1998.

Winchester, Michael, «Ethnic cleansing in Afghanistan», Asiaweek, 6 November 1998.

86

Интервью с теми, кто выжил и бежал в Пакистан, проведенные сотрудниками Управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ). Закрытый отчет УВКБ для Генерального секретаря ООН.

87

Хапад (чистое), в отличие от харам (запретное), — все что дозволено правоверному мусульманину. Подробнее см. Словарь афганских терминов — Прим. пер.

88

Human Rights Watch Report, «Afghanistan, the massacre in Mazar-e-Sharif», November 1998.

89

Там же.

90

Там же.

91

Интервью с пакистанскими дипломатами и разведчикам и, а также иранскими и туркменскими дипломатами, Ашхабад и Исламабад, август 1998.

92

Сведения от сотрудника международной организации, опрашивавшего заключенных в кандагарской тюрьме.

93

Reuters, «Taliban blame Clinton scam Гог attacks», 21 August 1998.

94

Сведения, полученные из Бамиана.

95

2000 год. — Прим. пер.

96

Доклад Совета Безопасности ООН, 8 декабря 1998 года.

Bonstani, Nora, «Busy are the peacemakers», Washington Post, 10 January 1998.

98

Отчет о заседании Совета Безопасности ООН, 9 декабря 1998 года.

99

Главный город провинции Пактия. — Прим. пер.

100

Четыре школы исламского правоведения, образовавшиеся в XIX веке, суть ханафиты, маликиты, шафииты и ханбалиты, Ханафиты основываются на обычной практике, и им легче всего следовать.

101

Учебный план этих медресе включает изучение Корана наизусть, толкование Корана, исламское право, жизнь и изречения Пророка Мухаммада, распространение слона божьего, исламскую философию, арабский язык и математику.

Magnus, Naby, 1998. Я благодарен авторам за подробную историю ислама в Афганистане.

103

Battuta, 1984; Ибн Баттута, 1996. См. также Rashid, Ahmed, «The Revival of Sufism», FEER, 17 December 1992.

Roy, 1995.

105

Roy, 1995.

Roy, 1995.

107

Huntington, 1996; Хантингтон, 2003.

Metcalf, 1982.

Metcalf, 1982.

110

Olsen, 1995. Это лучшая книга об отношениях между афганским государством исламом.

Shafqat, 1998.

112

Доклад разведки для премьер-министра Наваза Шарифа, 1992 год.

113

ДУИ год за годом получала очень немного депутатских мандатов в Национальное Собрание и Провинциальное Собрание Белуджистана. В Белуджистане она получила 10 мест на выборах 1998 г., три в 1993 г. и семь — в 1997 г. при помощи голосов талибов. В Национальном Собрании она имела 4 места в 1988 г., и по два — в 1990, 1993 и 1997 гг.

Это были мулла Хаирхва, министр внутренних дел, Аббас (здравоохранение), Моттаки (информация), Ахмад Джан (промышленность). Хакани (пограничные вопросы), Каламуддин (религиозная полиция), Мансур (сельское хозяйство) и Ариф (заместитель министра финансов). Подробнее см. Приложение 2.

115

Интервью с мауланой Самуил Хаком, февраль 1999 года.

116

«Binori madrassa», Herald, December 1997.

117

После того, как администрация Клинтона включила их в список террористических организаций, они поменяли имя на Харакат-уль-Муджахиддин.

118

Sikorski, 1989. Это наиболее подробный отчет о совещании полевых командиров.

119

Magnus, Naby, 1998. Я признателен авторам за полезную классификацию руководства моджахедов.

120

Язык межнационального общения. — Прим. пер.

121

В Афганистане 31 провинция (вилайат), которые управляются губернаторами (вали). Провинции делятся на уезды (улусвали) и волости (алакдари). Кабул делится на районы (карт) и кварталы (пахия).

122

При всякой возможности, приезжая в Кабул, я спрашивал у министров, как они видят себе будущее правительство Талибана. Ни разу их мнения не совпали, и было очевидно, что они почти не думали над этим.

123

Al-Majalla, 23 октября 1996 года. Интервью арабскому журналу.

124

Интервью с автором, Кандагар, март 1997 года.

125

«Four killed in revolt against Taliban», Nation, 10 January 1998.

126

Интервью с работниками гуманитарных организаций, которые встречались старейшинами. Исламабад, февраль 1998 года.

127

Интервью с бывшим заключенным кандагарской тюрьмы.

128

AFP, «Taliban arrest dozens of alleged coup plotters», 23 October 1998.

Rubin, 1995.

Braudel, 1993; Бродель, 1995.

131

Интервью с Маулвизада, Кабул, июнь 1997.

132

Так у автора. — Прим, пер.

133

Индексы развития стран, Программа развития ООН (ПРООН), 1995.

134

Заявление Управления ООН по координации гуманитарной помощи (УКГП), октябрь 1996 года.

135

Заявление ЮНИСЕФ, 11 декабря 1998 года.

Rubin, 1995.

137

«In The Firing Line: War and Children’s Rights», «Международная амнистия», 1999.

Fange, Anders, «Difficulties and Opportunities; Challenges of Aid in Afghanistan», Paper for Stockholm Conference on Afghanistan, 24 February 1999.

139

Wali, Sima, «Statement on Afghanistan» to the US Congressional Human Rights Caucus, 30 October 1997. Вали возглавляет организацию Refugee Women in Development.

140

Интервью с Маулвизада, Кабул, июнь 1997.

141

ЮНИСЕФ опубликовал официальное коммюнике 10 ноября 1995 года, а Фонд спасения детей — 8 марта 1996 года.

142

Интервью, Кабул, июнь 1996 года.

143

Dupree, Nancy Hatch, «Afghan women under the Taliban», in Maley, 1998. Это лучший очерк истории женского вопроса при талибах.

144

Power, Carta, «City of Secrets», Newsweek, i3 July 1998. Прекрасное и трагическое произведение, очень вкусно написанное, оказало большое влияние на американских феминистов.

145

Заявление Управления ООН по координации гуманитарной помощи, 31 октября 1996 года.

146

AFP, «One survives Taliban death sentence for sodomy», 28 February 1998.

147

Burns, John, «With sugared tea and caustic rules, an Afghan leader explains himself», New York Times, 24 November 1996.

148

AP, «Taliban restrict music», 18 December 1996.

149

Reuters, «Iranian leader accuses Taliban of defaming Islam», 4 October 1996.

150

Я признателен сотрудникам Программы ООН но международному контролю над наркотиками (ЮНДКП) в Исламабаде за интервью и помощь в описании процесса выращивания опиума.

151

Несколько интервью, Кандагар, май 1997 года. См. также. Rashid, Ahmed, «Drug the infidels», FEER, May 1997.

152

См. выше.

Lifschultz, Lawrence, «Pakistan, the Empire of Heroin», in McCoy, Block, 1992.

Rubin, 1995.

155

Lifschiiltz, там же.

Rashid, Ahmed, «Dangerous Liasons», FEER, 16 April 1998.

157

нтервью с сотрудниками ЮНДКП и DEA, март 1998 года.

158

Интервью с иранскими чиновниками, Тегеран, март 1998 года. Rashid, Ahmed,

159

Observatoire Geopoiitique de Drogues, Paris, «Report on Turkmenistan», March 1999,

160

Интервью с президентом Акаевым, Давос, Швейцария, 29 января 1999 года.

161

Интервью с послом, Исламабад, май 1998.

162

Доклад ЮНДКП, 25 октября 1998 года.

163

Интервью с Пино Аряакки, Давос, январь 1999 года.

164

Интервью с Арифом, Кабул, май 1997 года.

165

Интервью с Джаном, Кабул, май 1997 года.

166

Представительство ООН по разминированию в Афганистане. В течение нескольких лет ООН и другие международные организации говорили, что в Афганистане установлено более десяти миллионов мин. В 1997 году они признали, что эта цифра преувеличена и при нынешних темпах работы разминирование продолжалось бы 5 тысяч лет. Сейчас Всемирный банк заказал более тщательное исследование, но считается, что еще несколько тысяч квадратных миль начинено минами. Только 19 процентов этих площадей, в основном в крупных городах, были очищены в 1992–1999 годах

167

Интервью с Честари, Исламабад, июнь 1997 года.

168

Несколько интервью с министрами Зия-уль-Хака.

169

Roy, 1995.

170

Roy, 1995.

171

Huntington, 1996; Хантингтон, 2003.

172

Личные интервью с друзьями бин Ладена в Саудовской Аравии и в Лондоне, 1992–1993 и 1999 годы.

173

AFP, «Laden planned a global Islamic revolution in 1995», 27 August 1998.

174

Al-Ahram, «Interview with Masud», by Yahya Ghanim, 19 August 1997.

175

Giacomo, Carol, «US lists Saudi businessman as extremist sponsor», Washington Post, 14 August 1996.

176

AFP, «Bin Laden training young Islamists, alleges Egypt», 18 February 1997.

177

Hiro, Dilip, «Islamic militants, once encouraged by the US, now threaten it», Nation, New York, 15 February 1999.

178

«Interview with Bin Laden», Time, 11 January 1999.

179

«Inside the hunt for Osama», Time. 21 December 1998.

180

«Making a symbol of terror», Newsweek, 1 March 1999. Эта статья, опираясь на американские источники, подвергает сомнению причастность бин Ладена ко всем этим терактам.

181

Интервью с алжирскими и египетскими дипломатами в Исламабаде в 1992–1993 годах.

182

Global Intelligence Update, «Bangladesh Movement highlights new Pan-Islamic identity», 27 January 1999.

183

Global Intelligence Update, «Possible Bin Laden group attempts transit through Malaysia», 13 January 1999.

184

Reid, Tim, «Yemeni kidnappings were revenge for Iraq bombing», Daily Telegraph, 3 January 1999. ФБР заявило, что йеменские боевики использовали ноутбуки и средства связи, находясь в постоянном контакте с бин Ладеном.

185

AFP, «Bin Laden may be targeting Bangladesh», 19 February 1999.

186

AFP, «Suspected Bin Laden supporters held in Mauritania», 5 March 1999.

187

AFP, «Osama bankrolled Egypt’s Jihad», 15 February 1999.

188

AFP, «Kashmir militant group issues Islamic dress order», 21 February 1999, Пакистанские дипломаты были весьма озабочены активностью ваххабитов в Кашмире. Интервью с дипломатами, Исламабад, март 1999.

189

«Interview with Bin Laden», Time, 11 January 1999.

190

Интервью с высокопоставленными американскими дипломатами, Исламабад, январь 1999 года. См. также Mcgirk, Tim «Guest of Honour», Time, 31 August 1998.

191

«Interview with Bin Laden», Time, 11 January 1999.

192

Интервью с высокопоставленными американскими дипломатами, Исламабад, январь 1999.

193

Интервью автора с президентом Ниязовым, Ашхабад, декабрь 1991 года.

194

Так у автора. — Прим. пер.

195

US Energy Department, «The Caspian Sea Region», October 1997.

Rashid, Ahmed, «The new Great Game — the Battle for Centraf Asia’s Oil», FEER, 10 April 1997.

Rashid, 1994.

Verrier, 1991.

199

Rubin, Barnett, «Russian hegemony and state breakdown in the periphery: causes and consequences of the civil war in Tajikistan», in Rubin, Synder, 1998.

200

Rubin, там же.

Allworth, 1990.

202

В 1989 году безработица в Туркмении составляла 18,8 процента, детская смертность — 54 на тысячу, а в некоторых пустынных районах достигала 111 на тысячу, что в десять раз больше, чем в Западной Европе, широко применялся детский труд, 62 процента населения страдали от желтухи (или гепатита) из-за недостатков в системе здравоохранения. В каждой четвертой больнице отсутствовало электричество или проточная вода. См. Rashid, 1994.

203

Интервью с Кулиевым, Ашхабад, декабрь 1991 года.

В течение первых трех лет (1998–2000) 58 процентов газа пойдет Ирану в счет возмещения стоимости строительства газопровода (190 млн. долларов). Экспорт из Корпедже, составивший 2 млрд. куб. метров в год к концу 1998 года, должен вырасти до 8 млрд. куб. метров в год в 2000 году.

205

Этот консорциум возглавила PSG International, совместное предприятие Bechtel Enterprises и General Electric Capital Structured Finance.

206

Японская корпорация Mitsubishi и американская Exxon готовят технико-экономическое обоснование.

Pettifer, 1997.

Petroleum Finance Company, «The Baku-Ceyhan Pipeline», Washington, May 1998.

209

Tenghiz-Chevroil — самое крупное американское капиталовложение на территории бывшего Советского Союза. В нем участвуют Chevron, Mobil и Area в составе LukArco. Доля американских компаний — 72 процента. Соглашение о разделе продукции было подписано в 1993 году.

210

AIOC управляется BP-Amoco и включает американские компании Amerada Hess, Exxon, Pennzoil и Unocal, их доля в совокупности составляет 40 процентов. Другие участники: Statoil, Itochu, Delia-Hess, Ramco, Socar, TPAO.

211

Стоимость производства барреля каспийской нефти — 5 долларов против 1,5 дол ларов в Саудовской Аравин, Транспортировка добавляет еще 5 долларов.

212

Американские еврейские организации, такие как Бнай Брит и Американский Еврейский Конгресс, занимают резко антииранскую позицию.

213

Интервью в Тегеране, 26 апреля 1998 года.

214

Австралийская компания BHP и Royal Dutch Shell были готовы (по отдельности) построить такой газопровод, В 1998 году BHP представило технико-экономическое обоснование правительствам Ирана и Пакистана. Газ предполагалось брать с иранского месторождения Южный Парс в Персидском заливе.

215

Оба консорциума, добывающие сегодня нефть на Каспии, контролируются американскими компаниями. Месторождения Тенгиз на западе Казахстана (70 процентов у Chevron/Mobil) и AIOC на Каспии (40 процентов у Amoco/Unocal/Pennzoil/Exxon) теоретически могут давать 1,4 млн. баррелей в день к 2010 году. Другие предприятия, например, Карачаганак в Казахстане (20 процентов у Texaco) и туркменские месторождения с участием Mobil, тоже будут нуждаться в экспортных трассах.

216

Интервью с Лахдаром Брахими, Лахор, 8 апреля 1998.

Kinzer, Stephen, «Caspian Competitors in race for power on sea of oil», New York Times, 24 January 1999.

218

В 2000 году. — Прим, пер.

Csongos, Frank, «Official outlines US policy», RFE/RL Newsservice, 18 March 1999.

220

Я брал интервью у Карлоса Бульгерони в Исламабаде в июне 1997 года в течение нескольких дней и 30 января 1999 года в Давосе, Швейцария, В обоих случаях мы говорили достаточно долго, под запись и без нее. Я полагаю, больше не было ситуации, когда он подробно говорил с журналистом об афганском трубопроводе. Все цитаты Бульгерони взяты из этих двух интервью.

221

Интервью с Суреда, Исламабад, 27 февраля 1997 года.

222

Интервью с Зардари, Исламабад, 1 мая 1995 года.

223

Катар предлагал построить газопровод «одну Персидского залива до Белуджистана. Предложение ВНР — наземный газопровод из Южного Ирана в Белуджистан.

224

Интервью с пакистанскими дипломатами, Исламабад, июль 1996 года.

225

Интервью с руководителями Bridas, Исламабад, 27 февраля 1997 года.

226

Комментарий Киссинджера был передан мне руководителями Bridas в Исламабаде в феврале 1997 года. Тогда же я взял интервью у Оласирегуля.

227

Интервью с Тюдор, Исламабад, 27 февраля 1997 года.

228

Интервью с де ла Роса, Ашхабад, 22 января 1997 года.

229

Москва стала более сговорчивой лишь после того, как Chevron предоставила России 24 процента в консорциуме по строительству трубопровода стоимостью 1,5 миллиарда долларов для переброски нефти из Тенгиза в Новороссийск на Черном море. Позднее Mobil приобрела 25 процентов от доли Chevron в Тенгизе.

230

Нефтяные компания, работающий на Каспии, наняли бывшего советника по национальной безопасности Збигнева Бжезинского, бывшего заместителя министра обороны Ричарда Армитеджа, бывшего председателя Комитета начальников штабов Джона Сунуну, бывшего лидера большинства в Сенате Говарда Бейкера и бывших государственных секретарей Лоуренса Иглбергера и Генри Киссинджера.

231

Рабочая группа включала представителей Госдепартамента, министерства энергетики, торговли, ЦРУ и Совета национальной безопасности.

232

Интервью с дипломатом, Ашхабад, январь 1997 года.

233

Hunter, 1996.

234

Интервью с Олкотт, Ашхабад, 27 мая 1997 года.

235

Talbott, Strobe, «Deepening US engagement with the States of Central Asia and the Caucasus: a Roadmap for the Future», Речь, произнесенная в Вашингтоне 21 июля 1997 года.

236

Дело номер 94144 в окружном суде (District Court) Форт-Бенд, штат Техас (Fort-Bend County, Texas). Истец: Bridas Corporation. Ответчики: Unocal Corporation, Марти Миллер, Delta Oil Company Ltd (Bridas Corporation, plaintiff v. Unocal Corporation, Marty Miller, and Delta Oil Company Ltd, defendants.)

237

Письмо Джона Имле Карлосу Бульгерони от 11 октября 1995 года представлено суду компанией Bridas. В нем говорится, что «для Unocal имеет значение только позиция, занятая правительством в отношении возможного трубопровода 'Гуркме-нистан-Пакнстан, и что правительство не входило ни в какие соглашения, которые создавали бы препятствия для любого из проектов, бывших предметом обсуждения между Unocal и Туркменистаном».

238

Интервью с Джоном Имле. Давос, Швейцария, 31 января 1999 года. Я послал Имле 30 вопросов: на одни он ответил письменно, на другие — устно.

239

Я задавал вопросы помощнику [премьер-министра — Прим. пер.] и членам кабинета несколько раз в январе-феврале 1997 года. Я также задал Беназир Бхутто вопрос об этом инциденте. Она подтвердила его, но я не буду ее цитировать.

240

Dobbs, Michael, «Kabul’s fail to end the anarchy», Washington Post, 29 September 1996, Сенатор Браун, как председатель подкомитета по Ближнему Востоку и Южной Азии сенатского комитета по иностранным делам, пригласил всех афганских главарей в Вашингтон на трехдневный круглый стол 25–27 нюня 1996 года. Пакистанские дипломаты в Вашингтоне говорили мне, что авиабилеты для некоторых афганских участников оплачивались Unocal. Браун был одним из немногих американских законодателен, проявлявших в то время интерес к Афганистану, отчасти из-за своей поддержки проекта Unocal.

241

Reuters, «US sending envoy to Taliban», Washington, 1 October 1996.

242

Интервью с Назджановым, Ашхабад, 22 января 1997 года.

243

Интервью с менеджерами Bridas, Исламабад, июнь 1997 года. Bridas вела переговоры с Mobil, Amoco, Coastal в США, чтобы с их помощью нейтрализовать связи Unocal в правительстве США. Bridas вела также переговоры с британскими, французскими и малазийскими компаниями о присоединении к своему консорциуму. Она также обсуждала этот вопрос с одной из российский компаний, дабы смягчить противодействие своему проекту со стороны России.

244

Интервью с Имле, Давос, Швейцария, 29 января 1999 года.

245

Интервью с Акаси, Ашхабад, 22 января 1997 года.

Ebel, Robert, «Energy Choices in the Near Abroad. The Haves and Havenots face the future», Centre for Strategic and International Studies, Washington, April 1997.

247

У обеих компаний было свое лобби среди талибов. «Мы еще не решили, кого выбрать, но мы предпочитаем Bridas. Они внушают нам доверие, потому что они нейтральны», — говорил мне 27 февраля 1997 году мулла Мохаммад Садек, побывавший в Буэнос-Айресе.

248

Интервью с менеджерами Bridas, Исламабад, нюнь 1997 года.

249

Интервью с Имле, Давос, Швейцария, 31 января 1999 года.

250

Интервью с президентом Ниязовым, Ашхабад, 22 января 1997 года. Туркменистан проводил у себя Международный форум помощи Афганистану, организованный ООН, пытаясь таким образом сделать свою роль в афганском вопросе более значимой.

251

В проекте трубопровода Туркменистан-Турция участвовали три европейские компании: итальянская Snamprogetii, Gas de France и Royal Dutch Shell.

По этому контракту Туркменистан получал один доллар за газ, Unocal — 65–85 центов за перекачку, а Талибан — 15 центов в качестве роялти. Это могло бы дать талибам 105 миллионов долларов ежегодно, но они отказались от сделки.

253

Новый консорциум CentGas был создан 25 октября 1997 года. В него вошли Unocal (46,5 %), Delta Oil (15 %), Туркменистан (7 %), японская Itochu (6,5 %), Indonesia Petroleum (6,5 %), пакистанская Crescent Group (3,5 %), южнокорейская Hyundai Engineering and Construction Co. (5 %). 10 % было зарезервировано за «Газпромом».

254

После отказа «Газпрома» доли в CentGas были перераспределены так: Unocal (54,11 %), Delta Oil (15 %), Туркменистан (7 %), японская C1ECO Trans Asia Gas Ltd (7,22 %), Indonesia Petroleum (7,22 %), пакистанская Crescent Group (3,89 %), южно-корейская Hyundai Ltd (5,56 %).

255

Reuters, 9 August 1997. Цитируется по публикации в газете Dawn.

256

Выступление Шейлы Хеслин на слушаниях в Сенате по вопросу о незаконном сборе пожертвований 17 сентября 1997 года.

Lees, Caroline, «Oil barons court Taliban in Texas», Sunday Telegraph, 14 December 1997.

258

Интервью с Имле, Давос, Швейцария, 29 января 1999 года.

259

Starobin, Paul, «The New Great Game», National Journal, 12 March 1999. Цитата Каплана взята из его книги Kaplan, 1997.

2001. — Прим, пер.

261

Rubin, Barnett, «US Policy in Afghanistan», Muslim Politics Report, Council of Foreign Relation, New York, January 1997.

262

Интервью с иранским дипломатом, Исламабад, январь 1997 года.

263

Хотя официально Пакистан поддержал запрет иа поставки оружия, пакистанская разведка частным образом предупредила ЦРУ о том, что подобная мера осложнит снабжение талибов и задержит их победу, а значит и реализацию проекта Unocal. США все-таки поддержали эмбарго, но администрация Клинтона не настаивала на нем. Пакистанские дипломаты говорили мне, что Unocal оплатила билеты для афганцев, участвовавших в слушаниях у Хэнка Брауна.

264

Выступление Робин Рейфел на заседании подкомитета по Ближнему Востоку и Южной Азии 11 мая 1996 года.

265

Речь Робин Рейфел на закрытом заседании ООН по Афганистану 18 ноября 1996 года, полученная автором.

Rubin, Barnett, «US Policy in Afghanistan», Muslim Politics Report, Council of Foreign Relation, New York, January 1997.

267

Интервью с американским дипломатом, Исламабад, 20 января 1997 года. Aramco — консорциум американских нефтяных компаний, контролировавший добычу нефти в Саудовской Аравин до тех пор, пока саудовское правительство не национализировало его.

268

«Хотя ЦРУ не вело самостоятельных операций в Афганистане, сотрудники Unocal получали подробную информацию от аналитиков американской разведки. Unocal и Delta наняли в качестве консультантов всех доступных нм участников американских операций в Афганистане в годы джихада.» (McKenzie, Richard, «The United States and the Taliban», in Maley, 1998).

269

Интервью с Имле, Давос, Швейцария, 29 января 1999 года.

270

Интервью с американскими официальными лицами, Исламабад, 27 января 1998

271

AFP, «US wants puppet government in Afghanistan», 11 March 1998. Айюб ссылается на неудавшуюся попытку американцев связаться с нейтральными пуштунами, которые могли бы смягчить твердолобых талибов.

272

Выступление Строба Талботта в Стэнфордском университете, Калифорния, 23 января 1999 года, US Information Service.

273

Rohrabacher, Dana, «US Policy towards Afghanistan», выступление Даны Рорабахер на заседании сенатского подкомитета но южноазиатским делам 14 апреля 1999 года, Вашингтон.

274

Выступление Мэйвис Лено на заседании комитета Сената по иностранным делам но вопросу полового апартеида в Афганистане 2 марта 1998 года.

275

Главной темой (фр.). — Прим. пер.

Waxman, Sharon, «A cause unveiled — Molly wood women have made the plight of Afghan women their own», Washington Post, 30 March 1999.

277

AP, «Mrs. Clinton takes on Afghan Government», 28 April 1999.

278

Интервью с членами правительства и чиновниками в нюне 1998 гола. Основная часть сведений, приводимых ниже, собрана много из военных и гражданских источников в 1995–1999 годах. См. Rashid, Ahmed, «Pakistan and the Taliban», in Maley, 1998.

Babar, Marianna, «The Battle for economic gains in Afghanistan», News, 15 January 1996.

Yousufzai, Rahimullah, «We have no intention of exporting jihad», News, 19 August 1998.

Ahmad, Eqbal, «What after strategic depth?», Dawn, 23 August 1998.

Roy, Olivier, Middle East Report, Winter 1997.

283

Эта оценка, о которой я неоднократно писал и ранее, появилась в результате десятков интервью с военными, разведчиками, дипломатами и чиновниками, причастными к афганским делам.

284

Командующий сухопутными войсками генерал Абдул Вахид и глава военной разведки генерал-лейтенант Али Кули Хан — оба пуштуны, так же как и сотрудники разведки, работающие с талибами.

285

Rashid, Ahmed, «Isolated in Asia, Pakistan’s Afghan policy fails to reflect regional realities», FEER, 5 March 1998.

Rashid, Ahmed, «Pakistan undermines UN in peace process», Nation, 23 January 1998.

287

Интервью с пакистанским чиновником, Кветта, апрель 1995 года. См. также: Rashid, Ahmed, «Nothing to declare», FEER, 10 May 1995.

Braudel, 1993; Бродель, 1985.

289

Исмаил Хан, глава боевиков, контролирующих Герат, брал огромные таможенные пошлины. Сбор с одного грузовика возрос с 5000 до 10 000 рупий.

290

Интервью с сотрудниками Центрального управления доходов в 1996–1998 годах. В 1993 году доллар стоил 40, а в 1999 – 50 рупий.

рэкете участвуют полиция, таможенники и чиновники, — все получают от мафии свою долю. Когда у моего племянника в Лахоре в 1997 году украли машину, то в полицейском участке ему сказали, что машина находится в Афганистане. Если заплатить полиции наличными «премию за розыск», то ее вернут, а если нет — продадут.

Pakistan Institute of Development Economics, «Study on informal economy», December 1998.

293

Business Recorder, «Afghan transit trade destroyed local industry, says NWFP Chief Minister», 15 December 1998.

Chase, Kennedy, Hill, 1999.

Лашкар-и-Джангви и Сипах-и-Сахаба, ответвления ДУИ, которые требуют изгнания шиитов из Пакистана, послали тысячи добровольцев воевать на стороне талибов, а в обмен на это Талибан предоставил их вождям убежище в Кабуле.

Rashid, Ahmed, «Afghan conflict eroding stability in Pakistan», Nation, 21 January, 1998.

297

Yousufzai, Rahimullah, «Pakistani Taliban at work», News, 18 December 1998. См. также AFP, «Murder convict executed Taliban style in Pakistan», 14 December 1998.

Roy, Olivier, «Domestic and Regional Implications of the Taliban regime in Afghanistan», conference paper delivered at St. Antony’s College, Oxford University, 24 April 1999.

299

Интервью с Харрази, Тегеран, 30 апреля 1998 года. См. также Rashid, Ahmed, «Iran trying to improve ties with old enemies», Nation, 5 May 1998.

300

«В период между 1984-м и 1986-м годами саудовцы выделили для движения сопротивления 525 млн. долларов США; в 1989 году они согласились восполнить 61 % от 715 млн. долларов, или 436 млн. долларов, с тем, чтобы оставшуюся часть суммы дали США. В 1993 году они предоставили афганскому правительству 193 млн. долларов. Общая сумма средств, которые они выделили в ходе войны, превышала 3 млрд. долларов, а возможно, была и больше. Для сравнения: США потратили на эти цели 3,3 млрд. долларов.» (Huntigton, 1996; Хантингтон, 2003).

301

Интервью с пакистанскими разведчиками, 1989 год. Также приводится в Rubin, 1995.

302

Интервью с членами кабинета в 1990 года. См. также Rubin, 1995.

303

Саудовцы обратились к моджахедам с просьбой прислать военный контингент во время войны с Ираком, чтобы показать исламскую солидарность и противодействовать пропаганде Ирака, утверждавшего, что саудовцы всецело зависят от Запада. Отказались все, кроме умеренного Национального исламского фронта Афганистана во главе с пиром Гелани. Саудовцы всегда поддерживали его.

Hunter, Shireen T. «The Islamic Factor in Iran’s Relations with Central Asia», February 1999. Рукопись. Я признателен Хантер за многие использованные здесь мысли.

305

Rashid, 1994. В этой книге я подробно рассказываю о начальном периоде отношений независимой Средней Азии с Ираном, Турцией, Пакистаном и Саудовской Аравией.

Так как никто из лидеров Средней Азии не допустил расцвета демократической оппозиции, то оппозиция приняла форму подпольного исламского фундаментализма, который эти лидеры для удобства назвали ваххабизмом. Но далеко не все исламские оппозиционеры учились в Саудовской Аравии и были ваххабитами в строгом смысле. Этот вопрос обсуждается в моей книге (Rashid, 1994).

307

Другие органы — это Высший Совет Кадиев, Институт научных исследований, Ведомство Контроля за делами Веры и Комитет искоренения порока и насаждения добродетели. Последний орган был скопирован талибами.

308

Результатом этого была фетва, изданная одним из самых уважаемых мусульманских законоучителей, Абд аль-Азиз бин Базом. Она гласит: «Хотя с консервативной религиозной точки зрения американцы суть неверные, так как они не мусульмане, но они заслуживают поддержки, так как они пришли сюда для защиты ислама». Я признателен автору рукописи о Саудовской Аравии: Obaid, 1998.

309

Из нескольких саудовских источников мне известно, что после того, как талибы взяли Кабул, в саудовских мечетях в пятницу после молитвы для них регулярно собирались пожертвования — так же, как и для боснийских мусульман.

Obaid, 1998. Рукопись.

311

AFP, «Taliban claim Saudi support», 21 April 1997.

312

AFP, «Taliban battling for northern city», 17 September 1997.

313

AFP, «Taliban battling for northern city», 17 September 1997.

314

Я беседовал с эмиром Саудом в Джидде в 1986 году и с эмиром Турки в Исламабаде в 1989 году. Оба они весьма умны и красноречивы, но мало информированы о подробностях происходящего в Афганистане. Как и ЦРУ, саудовская разведка в значительной степени полагалась на информацию и аналитику ISI.

315

AFP, «Convoy earring weapons stopped», 12 October 1998.

316

AFP, «Taliban shut down Iran embassy in Kabul», 2 June 1997.

317

AFP, «Taliban warn of retaliation against Iran», 22 September 1997.

318

AFP, «Iran says Taliban threat to the region», 14 August 1998.

319

AFP, «Iran presses Nawaz over Afghan policy», 15 June 1997.

Иран утверждал это, основываясь на показаниях иранского дипломата, который избежал казни, притворившись мертвым. Раненый, он добрался до Тегерана и рассказал об этом журналистам. По иронии судьбы мулла Дост Мохаммад был арестован после возвращения в Кандагар. Его жена пожаловалась Мулле Омару на то, что ее муж привез с собой двух наложниц-хазареек, которых она не желала видеть в своем доме.

321

Интервью с высокопоставленными иранскими дипломатами в сентябре 1998 года в Исламабаде и в январе 1999 года в Давосе.

Albright, Madleine, Speech to the Asia Society, New York, 17 June 1998.

323

Интервью с Харрази, Тегеран, 30 апреля 1998 года.

Ignatieff, 1999.

325

Интервью с Брахими, Исламабад, 14 мая 1998 года.

326

AFP, «Afghan casualty figures show no sign of easing», News, 13 October 1998.

327

Fange, Anders, «Difficulties and Opportunities; Challenges of Aid in Afghanistan»,

1996 год. — Прим. пер.

Ellestone, 1998.

330

AFP, «Oil pipeline not ready for main production», 20 May 1999.

331

Законно избранные правительства, потерявшие власть: кабинет Мохаммад Хана Джунеджо в мае 1988 года, Беназир Бхутто в августе 1990, Наваза Шарифа в апреле 1993, Беназир Бхутто в ноябре 1996.

Braudel, 1993; Бродель, 1985.

333

Частное сообщение, 6 марта 1999.

Fange, Anders, «Difficulties and Opportunities; Challenges of Aid in Afghanistan», Paper for Stockholm Conference on Afghanistan, 24 February 1999.

335

Интервью с Пино Аряакки, Давос, январь 1999 года.

Yousufzai, Rahimullah, «Dostum unearths mass graves», News, 16 November 1997.

337

Этот перевод с дари был передан западным организациям для исполнения; правописание оригинала сохранено. — Прим. автора.

338

Лашкаргах — не провинция, а главный город провинции Гильменд. — Прим. пер.

339

Майданшахр — административный центр соседней провинции Вардак. — Прим. пер.